

**ÉCOLE DES HAUTES ÉTUDES EN SCIENCES SOCIALES
(PARIS)**

THESE

PRÉSENTÉE POUR L'OBTENTION DU

DOCTORAT DE TROISIÈME CYCLE

PAR

Jacques FONTANILLE

Agrégé de Lettres Modernes

CONSCIENCES ET PAROLES ROMANESQUES

**SÉMIOTIQUE LITTÉRAIRE: LA DIMENSION COGNITIVE
DANS LA SEMAINE SAINTE D'ARAGON**

**Sous la Direction de Monsieur A.-J. GREIMAS
Directeur d'Études à l'ÉCOLE des HAUTES ÉTUDES en SCIENCES SOCIALES**

**ВЫСШАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПАРИЖ)**

ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ ДОКТОРСКОЙ СТЕПЕНИ (ТРЕТИЙ ЦИКЛ)

ЖАК ФОНТАНИЙ
ОРИЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

**СМЫСЛЫ И СЛОВА В РОМАНАХ
ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕМИОТИКА: ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ «СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ» АРАГОНА**

ПОД РУКОВОДСТВОМ ГОСПОДИНА АЛЬГИДРАСА ЖЮЛЬЕНА ГРЕЙМАСА
ДИРЕКТОРА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Деятельность романиста - это не только производство высказываний, но также интерпретативное когнитивное действие, определяющее собственный выбор автора как исторического субъекта, стремящегося «узнать, что будет», моделируя Историческую конструкцию».

Жак Фонтаний

Жак Фонтаний, заслуженный профессор семиотики, почетный член Университетского института Франции в Париже, посвятил свое исследование проблемам романного жанра, на примере **Страстной Недели** Луи Арагона. Последователь Парижской семиотической школы, Жак Фонтаний посвящает диссертацию на соискание степени доктора семиотической теории когнитивного высказывания. Автор исследует связи различных изотопий, организующие пространство литературного произведения, уровни, соединительные структуры и разрывы нарративных систем, а также механизмы воздействия на сознание воспринимающего читателя. Много внимания уделено изучению особенностей литературного стиля Луи Арагона и собственным его воззрениям на литературное творчество. Рассмотрена важность временных и пространственных структур, определяющих вектора передвижения познания и условия их восприятия читателем, на актантных, ролевых и изобразительных уровнях. Важность исторического выбора когнитивного субъекта рассматривается как основополагающее условие передачи автором литературного знания.

Перевод с французского на русский язык:
Оксана Махнева, д-р искусствоведения

СМЫСЛЫ И СЛОВА В РОМАНАХ

«Романы всегда будут существовать, потому что жизнь человеческая всегда меняется, и она потребует от людей будущего объяснения этих изменений, ведь это является настоящей необходимостью человека : в постоянно меняющемся мире понять и определить закономерности происходящего... Необычность романа состоит в том, что ради понимания происходящего, создается самоконструирующийся сюжет. Автор романа освобождается через свое воображение и это позволяет ему отобразить реальность в полной ее наготе. Воображение или «лживость» романов не что иное как тень, без которой нам не увидеть света. ..

Нам никогда не обойтись без романа, потому что правда всегда будет пугать нас и потому, что романтическая ложь остается единственным средством превратить ужас невежественных в увлеченность миром романтиста.

Роман это ключ от запрещенных комнат нашего дома.»

Арагон «Именно здесь все началось...»

(изд. *Folio* Базельские Колокола, стр.13)

ВВЕДЕНИЕ

I- ТЕМА

I.I- Познание и лингвистика.

Если мы выбираем трактовку текста с учетом его когнитивного измерения и если мы претендуем описать его с применением концептов и методов литературной семиотики, мы должны ответить на предварительный вопрос: можно ли одновременно использовать структурную и генеративную лингвистику и интересоваться (знанием) смыслом, значением? Кто сегодня интересуется «смыслом»? Редко это лингвист, в особенности тот, кто именует себя соссюрианцем; лингвистика 20 века отвергла ментализм и психологизм предшествующих теорий, последний приверженец которых представлен **ГИЛЬОМИЗМОМ**.

Эти теории, изысканность и привлекательность которых очевидна, мы сегодня упрекаем в намерении обрести опору в психологических концепциях, оправданных философской теорией замысла и сюжета. Мы также и последовательно упрекаем их в лишении лингвистического анализа любой возможности к построению собственного объекта и обретению минимума необходимой эпистемологической автономности для собственных научных изысканий. В теоретическом исследовании, посвященном когнитивному измерению, к которому мы планируем часто обращаться, А.Ж. Греймас и Ж.Куртес подчеркивают:

«После Фердинанда де Соссюра еврейская лингвистика склоняется к разрыву научных отношений с философией и ее пресуппозициями с целью обеспечить собственную автономию и свой статус научной дисциплины» (а)

(а) В «Когнитивном измерении нарративных дискурсов», опубликованном на английском языке в специальном номере журнала Новая Литературная История (Виргинский Университет), посвященному «Мышлению в литературе, искусстве и критике». Мы используем оригинальный французский текст, которым мы располагаем.

(Группа социо-семиологических исследований , 10, улица Месье Лепрэнс, Париж, 6

с.4 (номера страниц соответствуют номерам в оригинальном тексте на французском языке)

«Познание» будет, таким образом, передано психологам, философам и логикам. Каким же образом интерес к познавательному измерению романа соотносится с наследием Соссюра?

В первую очередь, лингвистика и генеральная семиотика представляют в том, что касается оппозиций и ливергенций, фигурирующих в их предположениях и теориях, по крайней мере одну общую черту : вместо установки акцента на описательные системы объекта -языка, парадигм, они заинтересованы скорее в процессе и правилах его формирования — синтагмах.

Следовательно, любой генеративный подход стремится избавиться от производительных процессов. Некоторые генеративисты делают решительные шаги, выдвигая гипотезу, что универсальные генеративные модели могут быть интерпретированы как модели психологические. Некоторые же остаются настороженными по-отношению к данной гипотезе, в особенности в области нарративной и дискурсивной семиотики. Однако, достаточно видеть, сколько психологов, интересующихся семантической памятью (а), придают значение генеративной семиотической теории, чтобы понять, что «знание» больше не может являться табуированным сюжетом в лингвистике. И даже в научной области, находящейся в позиции решительно автономной, необходимо приводить семиотические исследования данной области, чтобы избежать любой преждевременной междисциплинарной интерференции.

Кроме того, изначально семиотика опирается на логические модели либо на семантическом уровне (называемом более справедливо и обоснованно «логико-семантическим») либо на уровне синтаксическом, в формализации трансформаций. Но она никогда не представляется зависимой от логики дисциплиной, на уровне логического приложения. Однако, так-как логика прежде всего является искусством «умения» (б), нарративная и дискурсивная семиотика , всегда озабоченная своей эпистемологической автономией, должна развивать свой собственный взгляд на вопрос.

(а) см.журнал Языки 40, Семантика и психология: в особенности статью Кинча и Ван Дейка «Как мы запоминаем и описываем истории».

(б) Определение Маленького Роберта: «Наука, имеющая целью изучение, особенно формальное, норм истины.» Или, согласно Ж. Пьяже: «Формальный анализ знаний».

1-2. Теоретическая ситуация «Знать»

Основная сложность : это понять, к какому уровню семиотической теории относится данное размышление; эта сложность, по нашему мнению, разрешена не полностью. Ни одно из современных предложений не отличается от прочих; в большинстве, они должны быть доработаны для достижения научной гармонии. Итак, А.-Ж. Греймас помещает свой анализ в рамки теории высказывания (а), и показывает, что один из смыслов высказывания это манипуляция знанием; согласно Греймасу, высказывание это ключ когнитивного измерения, когда высказывание контролирует «механизмы передачи и получения знания».

Для Ж.Кл.Коке, вопрос когнитивного измерения возникает из анализа системы модальностей. Рассмотренные, как упорядоченная семантическая парадигма, эти модальности могут принять диспозицию, когда знание доминирует над силой и волей: эта диспозиция определяет когнитивное измерение рассказа (б).

Эти две дополнительные точки зрения открывают широкое поле для исследований: речь идет о понимании, как эта манипуляция знанием, предполагаемая высказыванием, перерабатывается в некоторые позиции знания в недрах парадигмы модальностей, в конкретные условия заявления.

Решение, состоящее в том, что заявитель ответственен за все, что происходит в его тексте, является тавтологией; сказать, что когнитивное измерение возникает потому, что автор решил распределить знание среди актантов текста, это ничего не решить (с). Это распространение может быть семиотически описано только через понятия обращения объекта-знания между сюжетами.

(а) «...Мы сохраним только компонент высказывания, на самом деле, очень ограниченный аспект: высказывание как манипуляция знанием, то есть произведение знания, механизмы его передачи и получения.» (процитированная статья)

(б) Ж. Кл. Коке. Семинар , 1976-77.

(с) «Введение и возрождение знания во фразе становятся актантами коммуникации (отправитель /получающий), даже если это очень часто обозначает медиатизацию актантами повествования...», «...каждый сюжет действия в конкретном рассказе, использует особенную когнитивную программу, благодаря которой, согласно воле автора (...), этот сюжет одарен знанием или лишен знания.» (цитируемая статья).

с.6

Это распределение знания предполагает общую для всех субъектов знания актантную структуру, как для автора высказывания, так и для актантов; с другой стороны, как учесть циркуляцию знания между субъектом высказывания и субъектом высказанного, и между этими субъектами в их собственных областях? Следовательно, когнитивное измерение текста должно представлять как актантная иерархизированная структура, при посредстве которой мы должны суметь показать, как выразитель текста передает этот объект-знание в обращение между когнитивными субъектами разного уровня, в том числе им самим и высказывающим.

Теперь мы понимаем, почему мы желаем развить два теоретических предложения, о которых мы говорили, между ними существует пробел, которым мы воспользуемся ради уменьшения области предположений, интегрируя их одно в другое, если это возможно.

2- ТЕКСТ

Читатель спросит себя, зачем интересоваться когнитивным измерением и затем задаст себе вопрос о выборе текста. **Святая Неделя** — вдохновляющий и богатый роман, шедевр многоплановый, разнообразный, длинный, сложный для трактовки даже при интуитивном прочтении. Этот выбор кажется противоречащим элементарному правилу Декарта: двигаться нужно от простого к сложному. Однако семиотические исследования ограничены, в большинстве, краткими текстами: сказки, новеллы Мопассана, произведения, интуитивное прочтение которых кажется простым и объять их мыслью, в целом, несложно. Но, что касается нас, мы не претендуем на полное объяснение этого романа. Мы ограничимся сущностным аспектом. С другой стороны, и это станет нашим основным оправданием, содержание этого романа полностью соответствует исследованию когнитивного измерения; с одной стороны потому, что он показывает период истории, когда возникает и интегрируется в философию осведомленность; с другой стороны потому, что Арагон во всех произведениях сам захвачен этим понятием осведомленности, исторического выбора, связанного с когнитивным измерением.

2-1. Эпистема начала XIX века (а).

В эпистеме начала XIX века, познание и осознания составляют фундаментальный предмет для размышлений о том, что великие историко-политические события окончания прерывающегося столетия и этой эпохи вдохновляют философов. Самым известным представителем этой эпистемы

является Гегель, и мы хотели бы вкратце напомнить о том, как его Феноменология Духа воплощает одновременно содержание Святой Недели и субъект наших размышлений. Для него знание неравно связано с существованием сознания, и поиск знаний становится историей сознания. Это поиск мучительный, состоящий из ошибок и их преодоления, «дорога сомнения и, собственно говоря, отчаяния» (б), несколько этапов которой мы можем определить:

(а) Начало Ста Дней (прибытие Бонапарта в Париж): 1815.

(б) См. Следующую страницу (примечание а).

с.7

а- Сознание Другого, или знание Другого также названо «общим сознанием». На данном этапе, субъект и объект знания разделены и можно надеяться только на неполное или ложное понимание.

б- Самосознание возникает, когда знание оборачивается к самому себе в первом понимании: «Я знаю то, что я знаю». На этом этапе рефлексивное сознание фиксируется на своем абсолюте и определяет гегелевский субъект.

с- Несчастное сознание это самосознание которое, обернувшись к себе, видит собственную ничтожность и несчастное сознание возникает из одновременного осознания своей положительности и негативности. Согласно Гегелю:

«Несчастье сознания это противоречие, душа диалектики, и противоречие это, собственно говоря, беда сознания.» (б)
Это фаза беспокойства и нестабильности.

d- Универсальное сознание- это преодоление несчастного сознания благодаря переходу от беспокойной субъективности к отчуждающей, но успокаивающей объективности: отрицая собственную сингулярность, сознание избавляется от своего несчастья и обращается к универсальности: «Самосознание, ожидающее собственного апогея в позиции сознания несчастного, создает только боль духа, борющегося за объективность но ее не достигающего.» (с)

е-Разум- это последняя стадия этого путешествия, ведущего к уму, стадия, на которой сознание приобретает уверенность в правоте, где оно примиряется с собой в окончательном осознании: после становления универсальности, сознание становится окончательной истиной.

Сознание имеет историю, но ум, который Гегель противопоставляет органическому миру, сам есть история: только разум имеет прошлое и способен проецироваться в будущее; следовательно, истинное знание, определяющее

Субъект, доступно индивидуальному сознанию только при условии, что последнее, в процессе универсализации, становится сознанием духа собственного времени.

(а) Феноменология, I, с.69.

(б) «Генезис и структура Феноменологии Духа Гегеля», Жан Ипполит, изд. Обьер-Монтень, с.188.

(с) Феноменология, II, с.203.

(d) Не имея философского образования, мы опирались на сочинение Г-на Жана Ипполита, «Генезис и структура Феноменологии Духа», опубликованной издательством Обьер-Монтень.

с.8

Не желая вдаваться в подробности гегелевской интерпретации Страстной Недели, мы заметим, что ромен использует все аватары центральной роли «несчастливого сознания»; это несчастье - это несчастье целого поколения, брошенного в авантюру, которая ни к чему не приводит и которая первоначально возвращается к самому себе в тревожном, а иногда и разочарованном размышлении. Познавательное путешествие Теодора Жерико и большинства его товарищей после этого первого осознания представляет собой медленный марш к объективности, который состоит, прежде всего, в открытии других как «похожих»: в этот момент универсальное сознание становится возможным, потому что каждый можно объективировать собственное Я, сравнивая его с Другим, воспринимаемым через сходства, а не только через различия.

2.2- Арагон, романист «осознания».

Но эти представления об осознании и исторической осведомленности также волнуют Арагона. Все его работы, и особенно роман, который мы выбрали, выявляют особое внимание к движениям исторического сознания у людей, вовлеченных в исторические события. Его преклонение перед Стендалем хорошо известно: он, как и Стендаль, считает, что уровень и способы познания отдельными людьми исторических событий так же важны, как и сами эти события. Как убежденный марксист, он строит свой роман на историческом сознании. В других текстах, таких как Путешественники на Империаде и Орельен, он показывает потери, являющиеся результатом отказа от всякого осознания. Если мы избегаем осознания, мы воздерживаемся от любого политического и исторического выбора; работа Арагона распределяется между героями, неспособными к этому выбору и которые уничтожают себя из-за отсутствия возможности самореализации, которые остаются на стадии несчастного сознания, и другими, которые принимают выбор, осуществляются в истории и проявляют себя через развитие одного социального класса, а не другого.

Во всех его романах происходит эволюция, заметная и в Святой Неделе, проявленная позже, в Бланш, или забвении: от истории и ее предметов, от исторического осознания своих индивидуальных и коллективных субъектов Арагон постепенно переходит к вопрошанию субъектов, говорящих в романе;

но это всего лишь вопрос другой направленности, потому что история всегда присутствует как один из важнейших объектов знания и речи. В этом смысле Страстная Неделя представляет собой своего рода баланс, так как «рассказ» составляет большую часть повествовательного содержания, а «сознание» представлено внутренним пространством истории, благодаря очень большому количеству речей, в основном в форме монологов персонажей романа.

Мы понимаем, почему этот роман особенно хорошо подходит для описания когнитивного измерения. Последнее не просто дублирует последовательность событий; прагматическое измерение исторических фактов остается, но отодвигается на задний план упорядоченной последовательностью когнитивных событий, которые гораздо более богаты ролями. Другими словами, изотопия знания доминирует над всеми остальными; она- самая глубинная, поскольку именно она ведет единственные успешные программы; главный герой отказывается от исторической деятельности: поэтому изотопия власти виртуализируется; но он развивает свои когнитивные программы до конца, пытаясь понять, что происходит и что происходит с ним: изотопия реализована.

с.9

3-МЕТОД

Тем не менее, этот роман длинный, насыщенный, и это требует определений и применения строгого метода. Было бы действительно соблазнительно, столкнувшись с такой массой текста (а), прибегнуть к обнадеживающему синтезу или импрессионистскому исследованию. Мы намерены соблюдать два принципа: с одной стороны, всегда начинать с текста и описания его предпосылок; с другой стороны, применять генеративный метод в общем и детальном подходе.

Генеративный метод прежде всего ищущий: он основан на постулируемой невозможности освоения целого, при условии его динамичности. Таким образом, описание относится к ограниченным фрагментам и последовательностям, в которых разрабатываются первые гипотезы. Эти гипотезы затем проецируются на более продолжительные тексты, на весь роман или более крупные фрагменты романа. Таким образом, у нас есть два типа объемов для исследований: короткие эпизоды романа и сам роман, который составляет не самый большой из всех возможных текстов, а только самый большой из избранных нами для нашего анализа. От разработки гипотез до их проверки и применения этот подход придает презентации особый вид: все начинается с изучения текста, и, начиная с первых гипотез, развивается серия ответвлений, с новыми исследованиями текста, новыми гипотезами, иерархически подчиненными, и т. д. Поэтому презентация намеренно незмкнута; и, поскольку она неизбежно ограничена в материальном плане исследуемого контекста, она предлагает, по крайней мере, столько возможностей для исследования, сколько использует материалов.

Генеративный метод также является явным: проверка гипотез

сопровождается, когда это возможно, формализацией результатов. В форме суммирующих или просто формальных моделей мы попытались учесть, с одной стороны, согласованность научного написания или прочтения текста, с другой стороны, процедуры создания этого исследования. Но мы должны признать, что этот аспект метода остается в зачаточном состоянии и представлен скорее как набор предложений, чем как конституированное научное знание.

(a) 724 страницы в двухтомном издании *Livre de Poche*, которое мы выбрали, потому что оно более коммерчески доступно, чем оригинальное издание Gallimard.

с.10

Внимание, уделяемое тексту, проистекает непосредственно из применяемого метода: оно прослеживается в работе постоянно, каждая теоретическая концепция дает возможность вернуться к деталям работы. Поэтому, в процессе прочтения глав работы, прогрессивно вырисовывается изучаемый роман, как сложный знак, постепенно дешифруемый и структурируемый. Мы попытались примирить теоретические интересы семиотика и литературные интересы читателя романа. Читатель рассудит.

ПРОЛОГ И ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

1 Введение

2 Некоторые основные концепции и предварительные гипотезы.

3 Текст Святой Недели и поставленные им вопросы.

4 Заключение.

1 ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к трактовке избранной темы, мы хотели бы обратиться к первой гипотезе о начале романа. Скорее, чем о теоретических концепциях, мы бы хотели поговорить о репрезентативной модели. Чтобы облегчить прочтение данной работы, этот пролог будет посвящен построению, начиная с первых страниц романа, модели начальной презентации системы когнитивного измерения, виду описательной «метафорической» модели, которая могла бы учитывать как существующие концепции, так и концепции, подлежащие определению.

Эта описательная модель обретет форму, как это часто происходит в языковых науках, пространственной иерархизированной модели представления, многоуровневой, многоплановой, многоступенчатой, в которой мы сможем расположить основные концепции в такой манере, что их определения станут не такими важными, как их реперная позиция в презентативном пространстве. Такая описательная модель проще для объяснительных манипуляций, чем определения самих концепций.

2. НЕКОТОРЫЕ ИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ГИПОТЕЗ.

Вот несколько определений, могущих позволить нашему читателю рассмотреть вопрос в свете последних изысканий.

2.1. Познавательный.

В семиотическом смысле «когнитивный» обозначает нечто, что можно разглядеть при помощи модальности /знания/. Напомним в этой связи, что:

а/ Модальность /знание/ принадлежит к компетенции трансформирующего субъекта, в том же смысле что /желать/, /быть должным/ и мочь.

Все эти модальности составляют на синтаксическом уровне бытие субъекта. В этом смысле они рассматриваются как модальные объекты, к которым субъект может быть присоединен или отделен от них.

б/В парадигме модальностей /знать/ может обеспечить некоторые закономерности (а):

желать.....волитивное измерение.....философские закономерности
знать.....когнитивное измерение.....эпистемологические программы
мочь.....прагматичное измерение..... деятельные или политические
закономерности

с/В нарративном синтаксисе, когнитивное измерение может представлять как фактор усложнения нарратива. Когда пробел /купюра/ возникает между событиями и знанием о событии, в рассказе реализуется когнитивное измерение. Всегда есть знание, присутствующее в рассказе и декларируемое автором, но оно не проявляется в самой фразе, но через фразу; когнитивное измерение локализуется, когда /знание/ актанта заявленного или актанта заявления (рассказчика или диктора) не совпадает со знанием автора. (б)

2.2. Когнитивное и прагматичное.

Из определения, предшествующего гипотезе, мы можем вывести два аспекта повествования. Когнитивное измерение виртуально дублирует любой рассказ. Даже если оно не проявлено, не актуализировано в высказанном, оно существует виртуально в своей имманентности, предполагаемое ситуацией циркуляции знания в высказывании. Но оно не довольствуется дублированием событий прагматического измерения. Оно оборачивается вокруг них и может быть актуализировано простым противоречием между событиями. Нам говорят, что Жан выходит из дома с велосипедом; в предшествующей фразе нам объясняют, что Жан, повредивший ногу при падении, лишен возможности двигаться: два противоположных утверждения, противоречие вызывает к жизни когнитивные изыскания, которые могут быть произведены прямо автором, или передоверены действующему лицу, например, Полю, который спрашивает себя, как Жан мог использовать велосипед; чаще когнитивное исследование касается как автора, так и актанта: это композиция, чаще всего используемая в полицейских романах. Это станет одной из наших тем- описание многих взаимодействий между познавательным и прагматичным. Сейчас мы сохраняем идею, что некоторые демантические и синтаксические диспозиции прагматического измерения могут обновить когнитивное измерение.

(а)Ж.Кл.Коке. Семинар Высшей школы социальных наук «Дискурс и его субъект». 1977.

(б)А.Ж.Греймас и Ж.Куртес, в процитированной статье(1976).

2.3.Познавательное и высказывающее.

Мы только что напомнили о структурном взаимоотношении между актом высказывания и модальностью /знать/. Тот, кто рассказывает, становится для слушающего тем, кто знает. Объект, циркулирующий в этом случае между двумя субъектами, это вербальное сообщение; но тот факт, что он вербальный и лингвистический, не относится только к уровню образного проявления; в действительности, объект, циркулирующий на уровне синтаксиса, действительно является объектом - /знать/.

Это относится к любому высказыванию: в общении через высказывания между двумя субъектами, это, в том числе, когнитивное измерение. Наша основная гипотеза состоит в том, что любое высказывание предполагает, что высказывающийся субъект присоединен, до передачи своего высказывания, к тому знанию, которое он передает. Наоборот, любое знание создает высказывание или виртуальное сообщение; иначе говоря, когда говорящий является знающим, любое знание виртуально является высказыванием. Более формально, отношения между познавательным и высказывающим могут быть представлены:

а-Высказанное- это следствие действия.

б-Действие, предполагаемое провозглашением- это высказывание.

с-Действие-знание созданное высказыванием предполагает особенную когнитивную компетенцию, знание, отличное от простого умения высказываться, знание, которое можно было бы рассматривать как чрезмерную модификацию умения «высказываться»: я могу заявлять только о том, в чем уверен (что знаю); итак, «мочь-сказать» предполагает надмодификацию: знание заявляющего.

с.15

Как любая компетенция, /знать/ может привести к действию, в этом случае по типу высказывания, или к нему не привести, так как существуют компетенции (бытие субъекта) актуализированные, но не проявленные через действие. Это мы наблюдаем во внутреннем дискурсе романа модерн. Некто «думает», некто имеет «идеи», «впечатления», «чувства», но не говорит об этом. Эта совокупность идей, впечатлений, и чувств создает «знание», могущее быть проявленным вербально в когнитивном измерении. В некоторых случаях это воспроизводится: через прямой или перенесенный дискурс. Это также может не воспроизводиться: тогда это внутренний дискурс, внутренний монолог; в данном случае это автор, который выражает свои идеи, впечатления и эмоции, иначе говоря: это знание, обращенное к воспринимающему текст.

Внутренний дискурс познающего субъекта может быть определен, как:

а-знание без реализованного высказывания.

б-высказывающая программа, принятая познающим субъектом, в

которой этот субъект реализуется, то есть модализируется через /знание/ или /красноречие/, но в которой он не реализуется.

с-часть «компетенции к высказыванию» когнитивного субъекта, компетенция, присвоенная выразителю текста, который ее выражает лингвистически.

Внутренний дискурс в романе — это только частный случай более развернутого вопроса соотношений между познающим и воспринимающим. Мы обрисовываем как основную гипотезу то, что это соотношение синтаксического порядка и что, в передвижениях субъекта, когнитивные действия всегда могут быть интерпретированы как виртуально создающие часть квалификационного «экзамена» субъектов высказывания; ради последовательности этой гипотезы необходимо, естественно, учитывать, что эти субъекты высказывания могут быть:

с.16

а-виртуальными: когда полученное знание не проявляется.

б-актуализированными: случай внутреннего дискурса.

с-реализованными: в этом случае познающий субъект высказывает и передает знание через вербальный дискурс.

2.4 Познающий, воспринимающий и прагматический.

После представления предварительных гипотез, рассмотрим мельком возможность иерархизированного и пространственного представления когнитивно-высказывательной системы, такой, какую мы находим в текстах. Чтобы эта гипотеза о представлении стала бы более универсальной, нужно, чтобы она могла бы применяться ко всем социальным ситуациям, в которых проявлены одновременно действие, знание и речевая выразительность; оттолкнемся от конкретной, не текстовой ситуации: радио-интервью. Господин X совершил нечто, что заслуживает беседы, преступление это или подвиг, неважно; М. И. засвидетельствовал деяние М.Х. ;можно сказать, что он компетентен, и он рассказывает о том, что М.Х.совершил. М.Зет, журналист, выслушивает рассказ; он также компетентен в своей области. Он может либо цитировать это свидетельство, либо прямо рассказывать о событии. Все это может быть описано как: «М.Зет., журналист, узнал и рассказывает о том, что М.И.,свидетель, узнал и рассказал о том, что совершил М.Х.»

Используя связи, предложенные выше, ситуация может быть описана так:

а-познавательное действие М.И.,свидетеля, строится на прагматичном действии М.Х.

б-Познавательное действие М.Зет.,журналиста, строится на познавательном действии М.И.,свидетеля.

с-Познавательное действие слушателя (воспринимающего, фиксированного высказыванием журналиста) строится на познавательном действии М.Зет.,журналиста.

с.17

Отсюда проистекает возможность представления познавательной-высказывающей системы на некоторых уровнях (n) : первый уровень соответствует прагматичному измерению , и все остальные уровни соответствуют познавательному измерению. Это различные когнитивно-высказывательные уровни, которые виртуально не определены и последний из которых соответствует отношению заявитель/воспринимающий, такому, каким оно определено ситуацией воспроизведения глобального дискурса (здесь-радиопередачей). Строго говоря, это рекурсивная структура, на уровне, когда ступени, находящиеся между прагматичным действием и последним действием восприятия могут размножаться бесконечно: можно получить свидетельство первого, второго, третьего, (n) уровня; в этом смысле, в нашем радио-примере журналист, слушающий свидетеля,(n) , будет всегда находиться на уровне (n+1).

Здесь мы не претендуем на представление, через эту описательную модель, когнитивного измерения; мы получаем только средство представить в средствах конкретного языка, познавательную-высказывающую систему (а). Однако, эта модель основана на некоторых теоретических гипотезах, относящихся к конструированию действия, знания и речевого выражения: эта модель не нейтральна и ее последующее использование станет средством подчеркивания ее предварительных базовых гипотез.

(а)Важно четко различать два типа высказываний, или скорее два типа семиотического существования момента дискурса. Для Святой Недели, мы найдем различие между:

а-Высказывание, абстрактный момент, логически подразумеваемый текстом романа и предполагаемый субъектом-писателем Арагоном. Изучение этого способа существования порождено прагматикой-в американском смысле-; именно на его месте устанавливается субъект «ноу-хау» романа.

б-Высказывание «заявленное», то есть вписанное в высказывание романа, либо лингвистически заявленное в нем; для Святой Недели, этот способ существования в нашем описании примет форму стратификации когнитивно-высказывающих уровней, смоделированной структуры, которая позволит уловить не само высказывание, но один из аспектов высказанного как продукт высказывания.

с.18

3-ТЕКСТ СВЯТОЙ НЕДЕЛИ И ЕГО ВОПРОСЫ

3.1. - Текст

Мы предпочли не выбирать текст, на основе которого модель будет доказана. Мы станем рассматривать начало романа, первую главу первой части. Здесь, на этом этапе, когда ни одно высказывание еще не предполагается, когда ни один из моментов дискурса еще не построен, мы можем спросить себя: «Кто говорит?». В начале, действительно, кто-то говорит и мы не знаем, кто. Поиск слоев высказывания и предполагаемых ступеней понимания будет особенно нужным для обеспечения читабельности текста. Потому-что автор «исчезает» и создает впечатление своего полного отсутствия. Действительно, где он?

Вот несколько извлечений, изученных и процитированных здесь:

«Только свеча на столе освещала комнату младшего лейтенанта, и на стенах и потолке вырисовывались силуэты игроков. Окна едва светлели. Комната второго лейтенанта...то есть в казарме Пантемон, где еще два месяца назад обитали стражники, отправленные затем в провинцию, ни младшие лейтенанты, ни лейтенанты не имели кроватей, и даже мушкетеры, которые, как и охранники, имели в армии чин лейтенантов, все Парижане, по крайней мере, как Теодор, например, спали дома, хотя провинциалы спали в отеле. Но с момента тревоги они стеснялись как могли, и каждый был офицером, не смотря на действительные степени. (...)»

Следует описание полного смещения военных чинов. Затем, несколько описательных моментов личности Теодора, «чудесного всадника». Затем: «Десять дней тревоги..Десять дней, когда жили на головах друг у друга, старые солдаты с молодыми, как добрые друзья. Конечно, Теодор спал у двери, потому что у него была кровать, тогда как мушкетеры, наверху, должны были бросать матрасы на землю. Десять дней...

Десять дней тревоги- эти десять дней они не снимали сапог. Я не говорю в деревне, но в районе Гренель: они спали, они не спали. Это начинало вам действовать на нервы.

с.19

Раньше были посты оханы в Тюильри, но после 14, Национальная Гвардия изменилась. Этот беспорядок беспокоит.(...)»

Любое развитие и объяснения такого эмоционального порядка, «беспорядок волнует»- продолжается через описание новостей в журналах, настроений людей, официальных статей, рассказанных, прокомментированных товарищами Теодора. Все это передается через разнообразные истории, слетни, беседы и разнообразные реакции.

Вплетенное в это развитие, обрисовывается также пробуждение солдат, меняющиеся привычки, пробуждающиеся тела, свет, играющий на всей этой сцене. Этот ансамбль передает быстрое возвращение к жизни и сознательной мысли группы людей, участвующих в значительных событиях и живущих в одном месте. Хорошее начало для романа, центральной темой которого является пробуждение политического сознания человека, Теодора Жерико, и целого поколения.(а)

3.2.-Составляющие лингвистической изобразительности

Изобразительные элементы неоднородны и не позволяют определить дискурсивные типы и типы фраз. Например, в этом отрывке, распределение местоимений является особенно обескураживающим:

«Десять дней тревоги- эти десять дней они не снимали сапог. Я не говорю в деревне, но в районе Гренель: они спали, они не спали. Это начинало вам действовать на нервы» (а).

С одной стороны, мы встречаем здесь все разнообразие местоимений,

использованных в начале романа, от «они» к «я», от «я» к «они», от «они» к «вы», что не облегчает определения уровня высказывания, от чьего лица оно ведется.

С одной стороны, задним числом мы понимаем в конце главы, что анафоризация постоянно отсылает к одним и тем же действующим лицам: «конники» или «младшие лейтенанты».

(а) Все процитированные тексты принадлежат главе Утро Вербного Воскресенья, от 23 страницы до 28; чаще всего цитируются страницы 23,24 и 25.

с.20

Следовательно, можно сказать, что читабельность текста усложняется через последовательности местоимений, отсылающих дискурс к третьему лицу.

Однако, анафоризация проецирует постоянные действующие лица.

В том, что касается в более общем смысле распределения типов высказываний,

определенных Беневистом как «исторический рассказ» и «дискурс», это распределение также проблематично. Сначала нам кажется, что мы следуем последовательному нарративу, с третьим лицом и глагольными временами прошедшим несовершенным и индикативным. Затем, следующая фраза:

«то есть, в казарме Пантемон, где теперь еще два месяца назад жили охранники» (а)

обязывает нас пересмотреть первое впечатление. Мы видим здесь, в одном и том же высказывании, расположенные рядом, форму дискурса (глагол в настоящем времени) и форму повествования (глагол в форме прошедшего несовершенного времени). Более точно, если бы это повествование было однородным, у нас было бы что-то вроде: «...казарма Пантемон где, еще два месяца назад, жили стражники». «Теперь» (имеется во французском оригинале, прим.перев.) дейктическое и принимает смысл лишь в высказывании.

«Имеется» в этом высказывании создает отсылку к моменту внутреннего дискурса в высказывании, предусмотренному актантом высказывания. «Жили» («имелось») соответствует отсылке к третьему лицу в высказывании.

Точно так же, в отрывке, процитированном в связи с распределением местоимений, текст от «...они не снимали своих сапог...» до «...я не говорю...» показывает внедрение дискурса во внутреннее пространство повествования, без полного понимания читателем общей картины.

Определив неоднородность лингвистического проявления, мы спрашиваем себя, каким образом все эти речи актантов различных уровней, каким образом все эти действия и эти субъекты, что сталкиваются в сценах с определенным количеством актеров, могут совпадать на дискурсивном уровне текста. И, в особенности, необходимо отметить, что читабельность, даже прерываемая, всегда возможна; и это означает, что читатель постепенно, продвигаясь в своем декодировании высказанного, неявно строит последовательную презентацию ступеней высказывания.

(а) Глава 1, Утро Вербного Воскресенья, стр.23

с.21

Именно эту презентацию мы хотим описать и ее универсализировать, через нашу симулятивную модель когнитивного восприятия. Чтобы показать, что данная неоднородность читабельна, предлагаются два решения.

3.3. -Иерархия когнитивно-высказывающего.

3.4. -Ролевое разделение когнитивных действий.

Когнитивно-высказывающая иерархия.

После внимательного интуитивного прочтения, этот текст предстает как сообщество рассказов и комментариев о положении младших лейтенантов, в том месте, где их наблюдает рассказчик (в комнате) и одновременно в политическом контексте; иначе говоря, персонажи комнаты и рассказчик видят и комментируют то, что происходит в комнате и одновременно в Париже в течение десяти дней.

Мы имеем, таким образом, когнитивное измерение, которое, с одной стороны, соотносится с политической ситуацией и, с другой стороны, с пробуждением солдат; затем когнитивное измерение, построенное на двух уровнях когнитивного восприятия: уровень персонажей, действующих лиц, принадлежащий прагматическому слою и уровень рассказчика. Конструкция может быть представлена нижеследующей схемой. Это, конечно, смоделированная ситуация, предусматривающая текст в целом, текст в семиотической реальности, когнитивное действие и речь автора романа. Структура представляет передачу автором действующим лицам свою «силу знания» и «красноречие».

В этой схеме последний дискурс, воспринятый читателем, может состоять либо целиком из высказываний, предполагаемых рассказчиком, либо из смешений между этими высказываниями и высказываниями первого уровня. Кроме того, дистанция между «первичным» и «вторичным» знанием на втором уровне позволяет выявить два типа текста: а-текст, когда автор рассказывает непосредственно о действиях на прагматическом уровне и комментирует их.

с.22

Прагматическое измерение		Прагматические <u>действия</u>СУБЪЕКТ: младший лейтенант, политические и военные события
		<u>Когнитивные действия</u> по ситуацииСУБЪЕКТ: некоторые из

			младших лейтенантом, особенно Жерико
	Первый уровень	Актуализация <u>знания</u>	
		<u>Действия по восприятию</u> направленные на знаниеСУБЪЕКТ:означенные выше
		Произведение <u>внутреннего дискурса(вербализация)</u>	
Когнитивное измерение	Второй уровень	<u>Когнитивные действия</u> (симулированные) о приведенном выше дискурсе Приобретение <u>вторичного знания</u>СУБЪЕКТ:автор
		<u>Когнитивные действия</u> о ситуации <u>первичного знания</u>СУБЪЕКТ: автор
		<u>Факты по восприятию</u> направленные на познание Создание <u>дискурса</u>СУБЪЕКТ: автор

с.23

В этом случае, читатель прямо информируется о событиях прагматического уровня.

б-Текст, в котором автор сообщает только о внутренних и вербализированных дискурсах и комментирует их. Текст ограничивается знаниями конкретного действующего лица о событиях; в этом случае, читатель замкнут в поле представлений этого актанта.

Мы находим эти два типа текста в начале романа. Однако Арагон, как и Стендаль, имеет пристрастие к этому второму типу, который литературная критика называет «субъективным реализмом».

Отметим, что повторения той структуры, о которой говорилось выше, не будет: существует только одна область когнитивного восприятия для каждого из фундаментальных уровней. Если бы и существовала рекуррентность, то только на первом уровне когнитивного измерения, относящемся к действующим лицам истории.

3.4.-Ролевое разделение когнитивных действий.

Предшествующее объясняет только одновременное выражение многих типов высказывания; остается учесть одновременное проявление двух типов

прагматических программ : с одной стороны политическую ситуацию, с другой то, что происходит в комнате. Это дискурсивное одновременное проявление становится возможным благодаря дискурсивному сцеплению, актантному и пространственному.

На первом когнитивном уровне, на уровне действующих лиц истории, которые рассказывают о ней от своего лица, виртуальное изложение действующего лица предполагает наличие пространственно-временной отсылки. Иначе говоря, следуя гипотезе, по которой любое знание создает компетентный субъект для главного высказывания, мы можем сделать вывод, что дискурс, а точнее определяющая его пространственно-временная референция, являются примером и референцией (деиксисом) «когнитивно-высказывающим». Можно заключить, что любое когнитивное действие разворачивается в пространственно-временных рамках, которые именуются «деиксисом высказывания».

В начале этого романа, автор использует два типа изотопий, содержащих данную референцию, чтобы спровоцировать познавательные акты.

с.24

а-Он нейтрализует пространственную изотопию этой референции (деиксиса) и развивает аспектуальную изотопию, чтобы показать все прагматические программы, относящиеся к военной и политической ситуации десяти предшествующих дней.

б-Он нейтрализует аспектуальную изотопию той же референции и развивает пространственную изотопию, чтобы запустить все программы общественного «пробуждения». Мы также отмечаем, что определительные понятия, интуитивно воспринимаемые сознанием, представляют собой, соответственно, пространственную лексему «комната» и временную ситнагму «десять последних дней».

Это разделение познавательных действий на две изотопии референции первого уровня показано явно в анафоре первой фразы:

«Комната младшего лейтенанта была освещена только свечой на столе(...)

Комната младшего лейтенанта...то есть в казарме Пантемон, где еще два месяца назад...»(а)

Первое появление фразы «комната младшего лейтенанта» соответствует знанию, находящемуся на образной изотопии пространства; второе появление соответствует знанию на изотопии между действующими лицами, точнее, «ретроспективной» имеется (il y a). (б)

Таким образом, мы найдем в этом распределении двух изотопий дейксиса другой способ для высказывающего распространять свои знания о событиях, первая составляющая этого способа- вспомним это -во внутреннем распределении смоделированной структуры. Следующая схема должна будет позволить формализовать это второе решение распределения знаний в утверждении.

(а) Глава 1, Утро Вербного воскресенья, с.23.

(б) это наименование мы здесь предпочли наиболее широко применяемому : «предшествованию» , по-причине целесообразности. Сочетание «предшествующее/последующее» позволяет описать позиционные отношения действий и событий. Сочетание «ретроспективный/поисковый» основано на когнитивно-высказывающем примере : это два типа познавательных действий акторов, и поэтому нам удобнее их использовать.

с.25

Окончательные наименования являются одновременно произвольными и приблизительными (например, определение ВЗГЛЯД может подразумевать слуховые впечатления. В этом случае, они служат единственно для определения некоторых определенных диспозиций знания.

4. ТЕОРИЯ (семиотическая) КОГНИТИВНОГО-ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ТЕОРИЯ (литературная) ТЕКСТА АРАГОНА.

Модель представления, заявленная здесь, является универсальной; она может быть применена к любому тексту, к любому дискурсу. Если мы стремимся к ее сочетанию с собственной литературной теорией Арагона, то не потому, что мы сомневаемся в этой универсальности; нам показалось полезным

показать, через сравнение с интуитивным и субъективным постижением текстового генезиса, что наша когнитивно-выразительная система может породить новую литературную концепцию.

4.1. Писательство.

Прежде всего, Арагон в Началах определяет свое место автора романов как место вечного «читателя событий» и наблюдателя за персонажами, описанными им в начале романа:

«Никогда я не описывал историю, о развитии которой я знаю, я всегда писал как читатель, познающий ландшафт или персонажей, характер, биографию и судьбу которых он открывает для себя» (а)

(а) Подчеркнуто нами.

с.26

«Мои романы с первой фразы, несмотря на случайное впечатление обмена с событиями, я пишу в состоянии непорочного читателя (б). Все это происходило, как если-бы я открыл книгу другого человека, ничего не зная о содержании (б), изучая текст, как любой другой читатель, имея в своем распоряжении только один метод узнать содержание-мое чтение. Поймите меня верно, это не ради красивого словца, это не метафора и не сравнение, я никогда не писал мои романы, я их читал.» (с)

Нас не заботит искренность Арагона, или соответствие его намерений написанным им произведениям; нам достаточно того, что эти тексты представляют собой превосходную иллюстрацию этой смоделированной схемы когнитивного высказывания. Точнее, то, что Арагон смог определить, соответствуя своему званию литературного критика, как процесс генезиса, мы формализуем и называем генеративной моделью. Разумеется, эти два подхода не могут обладать одинаковым теоретическим статусом.

Что касается процитированных выше фрагментов, подчеркнутые фразы прекрасно показывают, что автор находится в пространстве структуры когнитивного восприятия на втором уровне и осуществляет на внутренних уровнях акт постижения: в начале он не обладает знанием, он «невинный читатель», и он производит дискурсивный текст, основанный на рассказах, не сочиненный им «с нуля».

4.2.-Прочтение

Затем, в Началах, Арагон предлагает вниманию читателя анализ, который может показаться обманчивым или провоцирующим, но который сущностно дополняет восприятие прочитанного, он комментирует:

«Для меня писание — это значит доверить тайны бумаге(...). Издалека я увидел Замасуа (d), который поспешно складывал мои тетради в тень под деревом.

(a) Начала, изд-ва Skira, с.14.

(б) подчеркнуто нами

(c) Начала, с.47.

(d)Друг.

с.27

Что я почувствовал при виде этого, нельзя сравнить ни с чем из того, что я чувствовал в течение моей длинной жизни, смесь стыда и холода, содрогание всей кожи, сухое горло, высохшие губы.» (а)

Затем мысль уточняется:

«...потому-что роман-это секрет. Какой читатель, в конечном счете, имеет право читать этот текст , со своим вульгарным взглядом?» (б)

Читатели, мы подозреваемся в странном удовольствии; но здесь нас обвиняют еще яснее :

«Роман-это оргия (...)с одним, двумя, тремя или более участниками, можно просто смотреть, как это делают все читатели романа.» (с)

Находим здесь три наших уровня:

а-Прагматический уровень: оргия-роман.

б-Уровень познания первый: один из участников оргии-наблюдатель; один из прагматических субъектов в синтетических отношениях с когнитивным субъектом первого уровня.

с-Уровень познания второй: писатель, как и читатель, являются последними зрителями- не участниками- романа-оргии; это собственный уровень высказывающего и воспринимающего.

Тематическая роль «зрителя» соответствует особенной композиции актантной структуры. Из следующей формулы преобразующего действия :

Ft (S3- -----> (S1 U O S2)

где S3 это преобразующий субъект, S1 отъединенный субъект и S2 соединенный субъект, мы видим, что «зрительство» соответствует синкретизму между субъектом трансформирующим и соединенным субъектом. Мы рассмотрим шире этот вопрос в главе, посвященной «точкам зрения» (d) Мы можем сказать, что романист представляется некоей персоной, которую «рассматривают» без ее желания; чтение подобно «вскрытию» высказывания, непредусмотренному при написании.

- (a) Начала, с.34
(б) Там же, с.146
(с) Там же, с.72
(d) Вторая часть, Когнитивное измерение романа, Глава D.
-

с.28

Чтобы закончить с этой позицией, нужно отметить, что теория прочтения и написания, по Арагону, не представлена ни как фантазия ни как метафора; Арагон настаивает на ее реальности. Эта теория, таким образом, не может обладать таким же статусом, как теория когнитивной выразительности, которая представляет собой симуляцию, проецируемую в высказывание автором. Другими словами, мы не можем говорить о смещении генезиса, который представляет собой реальный процесс, принадлежащий примеру высказывания как такового, и генерации текста в форме высказанной структуры сообщения. Мы, однако, заключаем, что сущностное преобразование модели семиотической генерации в литературную теорию- это перспективная гипотеза, заслуживающая рассмотрения.

5.-ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот пролог нам позволяет установить первые вехи для структурного описания познавательного слоя в романе. Мы располагаем пространством проявления процесса моделирования, предусмотренного автором и выраженного в текстовых референциях к знанию и слову.

В первую очередь, данную модель, построенную на фрагменте текста, необходимо распространить на весь роман. Однако, чтобы подчеркнуть действительную универсальность модели, нужно также распространить ее на другие тексты. Не нужно забывать, что мы изначально предлагаем данную модель для разрешения некоторых особенностей этого особенного текста- Святой Недели; кроме того, фрагмент текста, ставший нашей теоретической основой, это самое начало романа, то есть, согласно тезису русского семиотика, становится «функцией кодирования» для остального текста (а). Модель, таким образом, была испробована на отрывке, где «заявление» романа проявляет свои специфические коды, через противопоставление установленным культурным кодам; тем более необходимо подтвердить его универсальность.

- (a) Юрий Лотман. Структура художественного текста. Изд.Галлимар.
-

с.29

Мы также рассмотрим несколько возможных использований этой когнитивно-выражающей структуры. Во-первых, когнитивное измерение действительно существует для нас: оно обладает структурным существованием, представленным этой моделью и оно концептуально. Модель делает возможной формализацию уровней и различных познавательных субъектов в романе. Затрагивая, по касательной, несколько тем нашего исследования, это

формализация прикоснется к понятию «осознанного», «выбора», «точки зрения». Наконец, этот иерархизированный ансамбль когнитивно-высказывающей модели позволит различать варианты и неварианты: абстрактная структура невариантна, как и все ее элементы, которые через получаемые ими вложения и генерируемые ими синкретизмы, продуцирует инвариантность: возможно, таким образом, начать описание дискурсивных проявлений через концепции имманентности, что мы испробовали выше в отношении внутреннего дискурса. С небольшой амбициозностью, попытаемся расширить эту структуру до модели генерации смыслов во всем тексте.

Наконец, этот пролог позволяет нам ограничивать затрагиваемые области когнитивным измерением, вне самого /знания/. Из проблем, представленных выразительным моментом и процессами получения высказывания, вырисовываются две новые области исследования. Представляя вопрос «кто говорит?», «Посредством чьего сознания нам представлена история?», мы таким образом, выставляем вопрос о читабельности текста; так как когнитивное измерение вращается вокруг прагматического, гарант достаточной читабельности зависит от понимания этого соотношения. Необходимо, задолго до любого описания /знания/, провести исследование основного нарративного уровня, описать организацию «рассказов» и изотопий; это будет объектом первой части, которая призвана обеспечить минимальную и предварительную читабельность текста романа.

Также, в данном прологе, путь идей Арагона о литературном творчестве и его последствиях на собственном примере автора, «освещает» прочтение текста.

с.30

Пока это только вопрос «познания романа», такое прочтение не может учитываться. Но, в рамках смоделированной когнитивно-высказывающей модели, мы увидели, что прочтение может быть рассмотрено как последний уровень структуры, где осуществляется познавательное действие, базирующееся на дискурсе, произведенном рассказчиком на втором уровне. Так же, как другие действующие лица, воспринимающие и познающие, воспринимающий высказывание читатель создает объект выборочного распределения знания; иначе говоря, существование нашей смоделированной структуры, интегрирующей момент прочтения, позволяет обосновать и описать манипуляцию автора над читателем.

**ПЕРВАЯ ЧАСТЬ: НАРРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ,
ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ
И
ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ**

ГЛАВА А: Основная преамбула

ГЛАВА В: Аспектуализация и иерархия

ГЛАВА С: Иерархия повествований в отношении
коллективное/индивидуальное.

ГЛАВА D: Организация изотопий

I/ Введение. Формулировка гипотез

II/Религиозная изотопия: мультинарративная изотопия

III/ Многоизотопные повествования

ГЛАВА E: Исследование нарративной модели Святой Недели.

ГЛАВА А: ОСНОВНАЯ ПРЕАМБУЛАI-ВВЕДЕНИЕ

Святая Неделя представляет собой, при первом прочтении, сборник запутанных рассказов. На изобразительном уровне данная сложность включает в себя множество факторов: множество различных действующих лиц создают множество индивидуальных сценариев и некоторые коллективные сценарии; действующее лицо производит множество фабул, некоторые из них связаны с современностью, другие с прошедшим, другие с будущим. Чтобы определить трудность в количественном отношении, напомним, что в романе упоминается больше восьмидесяти собственных имен персонажей, некоторые персонажи даже обозначены собственными именами, связанными с их тематическими ролями (а).

Однако эта сложность поддается прочтению и несет свой смысл «открытия». Следовательно, помимо множественного и несопоставимого, существует структура, которая должна быть обнаружена в способах организации повествовательного содержания. Действительно, рассмотрим основные повествования, привлекающие при первом прочтении. Мы их приводим и этот список не является исчерпывающим:

а-Индивидуальный рассказ под формой описания повседневного маршрута Теодора Жерико .

б- множество других переплетенных рассказов.

с-историческое повествование о бегстве и разгромах с «коллективным» сценарием, о приверженцах монархии.

(а) Также для Бертье: каждое из атрибуированных ему имен отсылает к различным аспектам персонажа, то есть к тематическим ролям: «Бертье» - это имя родовое; «Сандро»- прозвище, данное любовницей, соответствующее «влюбленному»; «принц Невшателя» обозначает императорского сановника на вершине карьеры; «принц Награма» - сановник Людовика XVIII; «маршал Бертье» обозначает военного начальника.

c-литургический рассказ : следует ритуалам Святой Недели.

d-евангелический рассказ: Страсти Христовы.

f-климатический рассказ: переход от зимы к весне в марте 1815.

Такой список не представляет собой интереса для семиотического проекта, поскольку перечисление ни в каком смысле не является смысловой структурой; но перечисление позволяет определить некоторые возможные отношения в некоторых областях:

-рассказы индивидуальные способны лишь изображать «в единственном числе» события более глубинного коллективного «рассказа».

-рассказы исторические, литургические и евангелические, как и климатические, разворачиваются в тех же временных рамках, с частыми интерференциями, и интуитивно являются изотопными вариациями того же «глубинного» рассказа.

Можно надеяться найти, благодаря подробному исследованию текста, организационные принципы нарративного уровня, увидеть основную нарративную модель.

2-ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА.

Рассмотрим сначала фрагмент, на основе которого мы строим структуру описательных принципов нарративного уровня:

2.1-Текст

«Макдональд...решил прогуляться по этому городу, который он знал плохо...., Бог его знает, что делалось: деревня, не больше, а все фасады; с садами позади и полями, огородами, тревожным ночным отдыхом в незастроенной земле, маленьким городком, пересекаемым таинственными водами, чей лабиринт был плохо изучен, без плана, который внезапно погрузился под дом, улицы, исчезли, чтобы появиться где-то еще, или это были другие ?Колеблющиеся воды с мельниц, кожевенных заводов, красительных фабрик.

Рядом с базиликой с ее двойной башней, напоминающей пальцы, поднятые для благословения, дом Почетного Легиона, где, как говорили, поддерживалось в секрете влияние императора, стояли эти строгие здания, эти высокие стены с парком позади, был еще промышленный очаг, фабрика печатных тканей г-на Жюваля, препятствующая прохождению водяных потоков. Все эти скрытые ручейки, окрашенные, засоренные, частично прикрытые тенью и выходящие из под неё, напоминали Жаку-Этену извилистые отражения скрытых мыслей этого Сен-Дени, полных угроз и воспоминаний, мертвых королей и народных профанаций. Что ему как-то рассказывали о сопротивлении при приходе русских? Кровь окрасила эти водяные ручейки, а затем растворилась в водных

резервуарах заводов, и была не отличима больше от пены в прачечных кожевенных фабрик.» (а)

с.35

2.2-Предварительные ремарки

Это упоминание Сен-Дени сделано с точки зрения Макдональда, достаточно обеспокоенного беспорядками в городе и убежденного во враждебности города к монархистам. Этот фрагмент внутреннего доскурса: «Какая грязная атмосфера в этом городе:», который ему доверен, показывает, как «беспокойство» прививается к /не-знанию/. Мы нейтрализуем этот аспект текста, и сохраним когнитивное измерение для последующего развития. Нас интересует нарративная организация, такая, какой ее принял автор. Здесь познавательный акт Макдональда состоит в том, чтобы перейти от поиска позиции /тайного/ к позиции /истине/.

Кроме того, описание основано на отношении содержащий/содержание, которая повсюду функционирует в тексте:

«Беспорядок (...) в фасадах» / «сады, поля, огороды».

«Ночной беспокойный отдых на незастроенных территориях.»

«Маленький город, пересеченный таинственными водами...»

«...дом Почетного Легиона, где (...) поддерживаются...»

В целом (мы выбрали только несколько примеров), «содержащие» могут быть приписаны к «городу» под его многими наименованиями : «деревня, город, Сен-Дени», или к его составляющим, играющим роль «содержащих».

Для содержаний (контентов) такого единства нет: мы находим две класса.

(а) Глава V, Сен-Дени, с.205

с.36

«Дома, сады, заводы, вода» vs «угрозы., воспоминания, мертвые короли...». Это разделение на две изотопии деиксиса когнитивного восприятия.

2.3.-Двойное измерение описания.

Нужно различать, в отношении высказывания и акта познания то, что происходит и то, что позраумеается в Сен-Дени, в том пространстве, которое можно определить как настоящее /здесь/, но в котором существуют многочисленные аллюзии к прошедшему. Макдональд определяется двумя терминами: «ретроспекция» и «взгляд», один относится к пространственной изотопии, другой к изотопии действующих лиц.

а/ Пространственная изотопия: «взгляд»

Пространство строит через текст некоторые из противопоставлений, которые

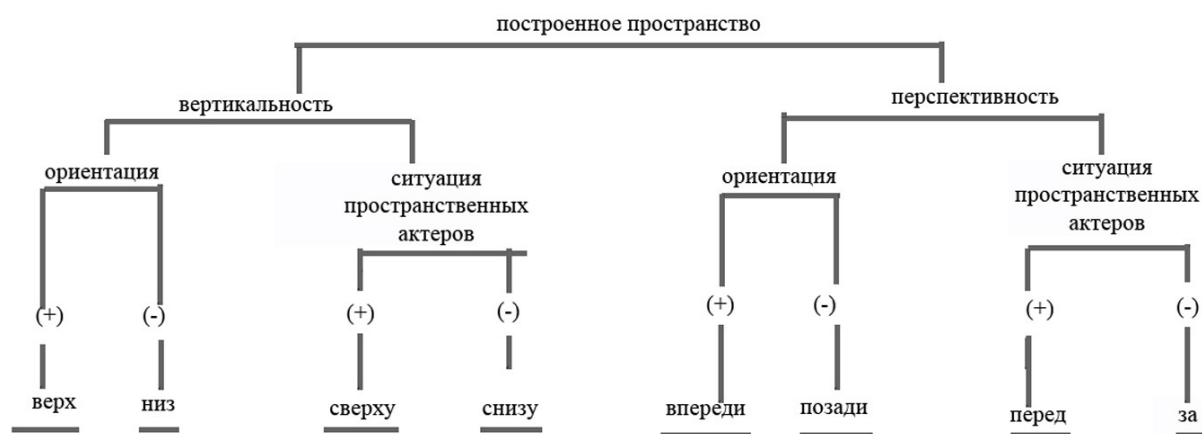
мы различаем в пространственной геометрии:

-высота: высоко vs низко.

-ширина или длина: правое vs левое

-удаленность: впереди vs позади.

Этих интуитивных определений, конечно, недостаточно: мы определяем три семантические оси: вертикальность, протяженность и перспектива, которые одновременно определяются как общие семы в противопоставлениях и по отношению к точке зрения познающего субъекта, даже если он неявный. В тексте актуализованы только вертикальность и перспектива, в отношении терминов, без «представляющего» значения:

с.37

Дома, официальные постройки занимают позицию «над+под» (вверху/внизу). Заводы, кожевенная фабрика и другие производственные здания занимают позицию «вверху+позади». Это пространственное распределение Макдональда, для которого заводы принадлежат одновременно к области видимого и невидимого. Воды, их лабиринты и ручейки, влекущие остатки экономической (или исторической) активности — на позиции «внизу+позади», пространственная композиция, проявляющая тайную познающую позицию. Изобразительная семантическая система пространства — это организующая форма экономической изотопии.

б/Изотопия действующих лиц : «память»

По-отношению к «теперь» текстуального изречения, проявляется только «взгляд назад», восстанвливающий-без особенной организации-фрагменты истории Сен-Дени. Эта вторая изотопия деиксиса служит для определения исторической изотопии.

2.4.-Отношения между «экономической» и «исторической» изотопиями.

а-Они, в первую очередь, входят в отношения через систему соответствий,

которую мы выводим из предыдущего пункта:

Экономика =	Пространствен ность =	Позади =	Производитель ность =	Окрашенная вода
история	аспектуализац ия	раньше	сопротивление	кровь

Помимо артикуляции на деиксис того же когнитивно-познавательного момента, эти две изотопии соединены «красным цветом» и «ручейками», двух семантических содержаниях, представленных через «отходы экономики» и через кровь, пролитую для защиты города. Общая сема «красное» - это соединитель, приобретающий тем больше значения, когда мы знаем, что он отсылает также к революционным программам и к Почетному Легиону.

б-Сложные нарративные программы

На синтаксическом уровне эти две изотопии соотносятся с нарративными программами текста. Со стороны экономики - с изобразительными лексемами «мельницы, кожевенные заводы, красильные фабрики», явственно проявляются программы экономического производства.

с.38

Эта область развивается явственно, со своими последствиями: производство окрашенных тканей, со основателем, Жувалем, и следовательно, программой и ролевыми следствиями, проявленными через «окрашенную воду».

Со стороны истории нам неизвестна программа «теперь» когнитивного субъекта; она создает объект «сомнения»: «Бог знает, что здесь случилось», где сомнения являются «тайными». Именно «взгляд в историю» создает практически полную программу текста. В том, что касается предположений, существует:

а-следствие, неявно изображенное лексемой «кровь». Это следствие могло бы быть сформулировано так: «Протестующие потеряли жизнь».

б-выступление, которое предполагается следствием; но эта программа убийства не является основной. Базовая программа — это «сопротивление захватчику».

с-компетенция, навык, в проявленном состоянии соответствует смелости (мочь действовать). Ибо этот навык особенно проявлен, как «обнаруживаемый секрет»:

«...дом Почетного Легиона, где (...) в тайне поддерживалось влияние Императора...» (...)

В том же «секретном» смысле, в отношениях к «настоящему времени»

истории, красный цвет проливается в воду таинственных лабиринтов.

с/ Обновление программы верности Императору.

Это обновление возможно через:

-аспектуальную игру: ретро-взгляд позволяет увидеть элементы программы, не принадлежащей настоящему времени. На уровне высказывания, аспектуализация характеризуются /не-окончателъностью/: компетенция всегда реализуется полностью, условия актуализации программы объединены; итерация программ применения (протесты, резня,...) всегда возможна.

с.39

-игра с изотопиями сводится к процветанию одной аспектуальной изотопии, история и ее программы могут быть реализованы, только если они могут быть определены в пространстве деиксиса /референции/ сюжета. Игра соединителей ведется так: дом Почетного Легиона, красные воды, устанавливают программы применения, соответствующие дискурсивной вселенной (определенной когнитивно-высказывательным деиксисом) субъекта Макдональдса.

3-ИТОГ / ГИПОТЕЗЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗОТОПИЙ.

Этот краткий фрагмент, рассмотренный с другими целями и с другой точки зрения, представит другие синификативные процедуры.

Удовольствуемся тем, чтобы найти два основных принципа организации нарративного уровня в Святой Неделе. В гипотетическом смысле, представим, что нарративная структура романа подчиняется двум вариативностям, позволяющим объяснить функционирование:

а/Вариация аспектуальная и синтаксическая позволяет в рассматриваемом тексте противопоставить настоящее прошлому; позволяет построить более генеральные программы чем те программы временных рамок, которым следует роман. Эта вариация организует, таким образом, иерархию историй. В описании Сен-Дени мы также видим нарративный гиперонимический уровень, охватывающий все программы применения и их аспекты в более генеральном синтаксисе.

б/Фигуративная изотопная вариация позволяет увидеть две программы и две их различные изотопии, увидеть отношение, благодаря паре «кровь vs краска», истории и экономики, через исключительно текстуальную процедуру, которая ничем не связана с марксизмом.

Именно игра этих двух вариаций обеспечивает читабельность романа, что мы проверим на ансамбле всего романа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЕРАРХИЯ ИСТОРИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ

ГЛАВА В

ИЕРАРХИЯ РАССКАЗОВ И АСПЕКТУАЛИЗАЦИЙ

1-ВВЕДЕНИЕ

Здесь идет речь о первом типе отношений между «рассказами», образующем гипотаксис нарративного уровня. В Святой Неделе эта организация не является просто фактом текстуальной природы, непременно присутствующим во всем высказывании. Она представляет собой еще и нечто другое: писатель использует его (гипотаксис) постоянно на всем протяжении текста: больше, чем любой другой прием.

Текст актуализируется в /неподвижности/, /долговечности/ и /терминативности/: эти аспекты касаются самого процесса; аспектуализация является также феноменом дискурса, она организует «теперь» и создается /перед/ или /после/. Из-за уже рассмотренных нами обоснований, мы предпочитаем термины /ретроспективности/ и /разведки/ (а). Сочетание этих двух систем опреляет темпоральность рассказа и послужит основным фундаментом нашего анализа.

2-ТЕКСТЫ

Мы выбрали тексты, показывающие, насколько эта аспектуализация необходима в романе, чтобы сделать читабельным текст; тексты относятся к Бертье.

Текст А

«Кроме суверена и неизбежного Блацаса, здесь был принц де Ваграм, его старый товарищ 18 брюмера, яростно грызущий ногти. Бертье еще поправился и постарел. Но сам он видел себя шестидесяти двух или шестидесяти трех летним...и обязанности, трое малолетних детей, молодая жена и престарелая любовница, дом на улице Новых Капуцинов, Шамбор и земля в Груабуа...

(а) Эта терминология была также использована Вайнрихом в Темпусе.

с.42

Видя это его выражение тоски и пот на лбу, Макдональд внезапно почувствовал себя молодым, легким, ко всему готовым.» (а)

Текст В: Этот текст представляет собой ретроспективу (б) любовей Бертье и Джузеппы; автор развивает здесь идею, что любви всегда поддерживают, невзирая на внешние драмы (волю Наполеона, брак с молодой принцессой, постоянные военные кампании). Согласно выражению, доверенному Макдональду:

«Это был один из немногих, хранящих верность Империи в течение долгого времени...» или «Наполеон не должен был отдалять его от Джузеппы, даже поженив его на двадцати четырех летней девушке, когда самому (Бертье) было пятьдесят четыре.»

Текст С:

«...нужно было поставить перед домом вдовы часовых, тех, кто были у нас под рукой, то есть Бертье, кусающий ногти и время от времени бросающий взгляд на драгоценный ящичек на комод вдовы...Бертье отчаялся играть часового: он снова скучал по Макдональду. ..Что до Бертье, быстрой речи Макдональда в Аббевилле о его встрече в Сен-Дени, и «маленькой неприятности со здоровьем», заставившей Мадам Висконти вернуться в столицу, этого всего было достаточно, чтобы лишить его сна. Он никогда не должен был уезжать...никогда...Увидит ли он теперь Груабуа, свой дом на улице Капуцинов? Если бы только он мог взять с собой портрет Джузеппы, сделанный Жераром: Джузеппа ...пока это не важно.» (с)

Текст D:

«...Но постмотрите на этого Бертье; вот он кусает ногти...это все, что он может делать, когда он не спит со своей итальянкой....Бурриен...Мы не могли его обмануть: в глубине сердца Бертье всегда живет несчастная любовь к Наполеону. И за этим столом, сейчас, он не только ногти грызет: он разрывается между честью быть с королем и желанием бежать и помочь Императору.» (d) Далее, рассказ описывает терзания Бертье, готового вернуться в Париж, чтобы не бросать Джузеппу и снова доказать верность Наполеону. Следует долгое описание его любви к Джузеппе, связывающей их телесной тяги, «ироничных наблюдателей» и скандалов, жертвами которых становились они...Затем рассказчик продолжает:

(а) Глава II, Четыре вида на Париж, с.104.

(б) Глава V, Сен-Дени, с.209 и последующие.

(с)Глава XI, В дороге, с.74.

(d) Глава XIII, Семена будущего, с.158.

с.43

«...будущее Бертье, его ближайшее будущее, это оно, прежде всего, заставляет нас пересмотреть все , хотя имя его вписано в Словарь Предателей, вместе с

теми, кто питался одновременно от Империи и от монархии, художников, добавляющих лилии на картины о Революции, писателей, заменяющих в Одах герцога Дю Барри на Стриженого... Два месяца или чуть больше. Чтобы понять Бертье, нам нужно осветить его личность, не замечая тех двух месяцев.» (а)

Бертье рассмотрен с точки зрения «исследования» в его «золотой тюрьме» в Германии, у отца своей жены, в Бамберге. Он беспокоится все сильнее и сильнее, внутренне отсутствует в жизни, особенно для своей жены, которая сильно тревожится. В конце двух месяцев, когда он намеревался уехать-и заставить уехать семью- во Францию- бесполезно-, и во время парада русских, готовых захватить его страну, мы находим его мертвым в крыле его замка : головокружение-говорят одни, самоубийство-утверждает автор:

«Когда тело маршала с разбитой головой принесли и положили на мостовую возле дома, все, естественно, предположили что головокружение послужило причиной...Всю свою оставшуюся жизнь Мадемуазель Гальен слышала эти вздохи и этот голос, говорящий Мое бедное отечество!...»(б)

Все признаки показывают что маршал, потрясенный видом полков, идущих разрушать его отечество, поднялся на крышу своего дома и бросился в пустоту, измученный отчаянием и болью, зрелищем в нем куда дольше двух месяцев.

3-ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ НАРРАТИВАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ БЕРТЬЕ:

3.1— Беспокойство

Если мы спросим себя, после прочтения романа, существует ли полная и последовательная нарративная программа, сюжетом которой являлся бы Бертье, мы должны отметить проявление доминирующей лексемы: «беспокойство». Можно ли сказать, что беспокойство- это путь с трансформациями? Мы сегодня видим здесь страсть, то есть «состояние».

(а) Глава XIII, Семена будущего, с.182.

(б)Глава XIII, Там же, с.200.

с.44

Верно, что лексема анафоризована (воплощена) через программу «грызение ногтей». Но это программа «повседневности», проявление же это не само по себе «беспокойство», но размышление об этом беспокойстве. Однако, этот лейтмотив беспокойства и покусанные ногти должны быть связаны с программами, «субъектом» которых они являются. Текст нам предлагает несколько вариантов ответа: его имущество, дома, земля, его близкие, любовница, жена. Столько брошенных им благ, моментально, бесповоротно. Речь уже не идет о разгадке, но о программе консервации. В предыдущей ситуации, он был просто соединен со своими «ценностями»; так как эта связь разрушается, он развивает /волю/ к консервации, которая связана с виртуализацией идеи права, синтаксический статус которого под вопросом из-за

актуализации полемизирующей структуры.

3.2.-Две антагонистские программы.

Если интерпретация беспокойства точно определена на уровне обычных трансформаций, она менее определена в том, что касается изобразительных инвестиций, соответствующих абстрактным структурам. Мы видим, что беспокойство предполагает знание о синтаксическом напряжении между «терять» (рассоединение) и «сохранять» (соединение), когда ни один из двух не является определяющим.

В тексте не звучит уверенности в главенстве тезиса, направленного на сохранение благ. Бертье кусает ногти по двум причинам : первая, мы напоминаем, состоит в его страхе больше никогда не увидеть свою любовницу; вторая, во время ужина в Лилле, охарактеризована как «несчастливая любовь к Императору». Как в хомской грамматике, фраза на поверхности способна отослать к двум глубинным структурам, изобразительное выражение может отослать к двум глубинным программам:

Кусать ногти (беспокойство)	
Сохранение приобретенного имущества	Верность Императору

Этот дуализм выказывает. Одновременно, противоречие, поскольку анти-субъект, отнимающий у него блага, является в то же время коллективным субъектом, к которому нужно присоединиться, чтобы сохранить верность Императору.

с.45

Две программы, лежащие в основе беспокойства Бертье, являются, таким образом, антагонистскими: маршал, как действующее лицо романа-место конфликта между субъектом и анти-субъектом (с точки зрения сохранения благ), между анти-субъектом и субъектом (с бонапартистской точки зрения). Кажется справедливым рассмотреть повторяющуюся программы «грызение ногтей» одновременно как проявление фактора беспокойства и как проявление рефлексивного знания о противоречивой природе желаний, создающих это беспокойство.

Никакое из этих объяснений не смогло бы возникнуть, если бы рассказ был ограничен временными рамками святой недели. Также аспектуализация текста необходима, чтобы определить синтаксическую роль государственных заявлений или обычных изобразительных проявлений, то есть, собственно, их иерархически доминирующий смысл. Различные программы проявления охватываются более развернутыми программами, в которых рассказчик обязан прибегать к аспектуализации своего текста и дискурсивных высказываний.

4-АСПЕКТУАЛИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

4. I-Программа «любви Бертъе»

«воображаемое действие»	«длительное действие»	«терминативность»
(момент встречи) не проявлен	(остаться возле Джузеппы: проявлено)	(единственная возможность: смерть одного из них: проявлено)

Эта программа-одна из составляющих более широкой программы, к которой Макдональд создает аллюзию, когда он говорит, что у его коллеги «ответственность». Среди других персонажей мы встречаем также не очень подробно описанных членов семейного круга.

с.46

4.2.- Программа «приключений на империале» и «верности Императору»

«иншоактивность» или «воображаемое действие»	«длительное действие»	«терминативность»
Не проявлено	Проявлено: кампании, военная продуктивность	Проявлена: (самоубийство «из-за любви к Императору»)

4.3. - Программа «служба Отечеству»

Две предыдущие программы являются антагонистскими ; военные кампании препятствуют встрече двух любовников; сам Наполеон сделал все, чтобы прервать эту связь. Они оба заканчивают крахом: Бертъе не может больше служить Наполеону, и он не увидит Джузеппу. Но во время эпизода в Бамберге мы замечаем, что другая программа им владеет и придает другое значение суициду, который больше не просто провал противоречивых сценариев. Этот суицид оставался единственной возможностью для заключенного в тюрьму, воодушевленного желанием служить своей родине.

«воображаемое, планируемое действие»	«продолжительное действие»	«терминативность»
Не проявлено	Проявлено: (защита Имперского отечества; самоубийство: протест	Проявлено: (смерть)

	против иностранной агрессии)	
--	------------------------------	--

Для этой программы рассказчик использует «прославление» данного «испытания», принимаемое читателем, поскольку этот блистательный «суицид» описан в романе, чтобы реабилитировать репутацию перебежчика. Этот аспект, таким образом, охватывает и иерархически доминирует над двумя другими, поскольку:

а-то, что соответствует «терминативности» в двух первых вариантах здесь в позиции «продолжительного действия»: суицид это отречение (виртуализация) первых двух и обновление третьего.

б-то, что соответствует «отрицательному» славному испытанию в двух первых составляет главное испытание в третьем.

Последний смысл, доминирующий иерархически, это смысл, приданный поведению Бертье гиперотаксической программой, главенствующим ритмом, и это иерархическое отношение распознается в аспектуальной организации рассмотренных процессов.

с.47

5-АСПЕКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА.

Аспектуализация на текстуальном уровне очень часто поднимает совершенно другую проблематику, классическую, затрагивающую «намерения» автора; действительно, эта аспектуальная система организуется вокруг момента дискурса и выявляет проблемы «намеренности»; мы постараемся пока их избегать, даже если нужно будет к ним вернуться в процессе исследования манипуляций рассказчика. Нас в особенности интересует многоформовая комбинаторика между аспектуализацией дискурса и основным высказыванием.

5.2.-Отношения между двумя аспектуальными системами.

-Существует три возможных решения:

а/теперь/дискурса совпадает с иншоактивностью (воображением действия) процесса.

/теперь/		/проверка/
«воображение действия» (иншоактивность)	«продолжительность»	«окончателность»

Ансамбль процесса проявляется в аспекте /проверки/.

В романе это случай, например, политической карьеры Фредерика Дегорджа. На святой неделе 1815 это солдат Бонапарта; в беседе между Жерико и стариком Дегорджем, звучит следующая пророческая фраза:

«...твой сын, мой командир, отправится в тюрьму...в следующем году Фредерик перед решеткой Тюильри...(...)» (а)

б/Момент/дискурса — это совпадение с «продолжительностью» процесса.

Ансамбль процесса разделен между тремя аспектами высказывания:

(а) Глава XVI, Завтра Пасха, с.357.

с.48

/ретроспекция/	/теперь/	/проверка/
«иншоактивность» (намерение к действию)	«продолжительность действия»	«окончателность»

В этом случае, намерение к действию в процессе может быть только ретроспективным, и «окончателность» может соотносится только с «проверкой». Это происходит во многих процессах романа, и в частности тех, что касаются Бертье: «сохранение благ» соответствует «продолжительности» в ретроспективном аспекте; в процессе проверки изображены «верность Императору» и «служба отечеству».

с/Теперь/ дискурса в совпадении с «окончателность» процесса.

Ансамбль процесса рассмотрен, таким образом, под углом ретроспекции:

/ретроспекция/	/теперь/
«иншоактивность»	«продолжительность»
	«окончателность»

Когда Бертье разглядывает драгоценности любовницы, разложенные над ее кроватью в Лилле:

«В сущности, для него это булыжники, морская галька, влекомая морем обратно, вместе со всей его прошедшей жизнью. (...)Вся его жизнь находилась здесь, в этих рассыпанных камнях. (...)...были кольца — сражения, колье заключения мира. Это были также альковы, безумные ночи, комнаты в гостиницах и дворцовые кровати...»(а)

Речь идет о распространенной ситуации, присущей нарративу; но комбинаторные возможности многочисленны, и роман Арагона использует разернутый веер этих возможностей. Но приведенный пример достаточно интересен.

5.2. Несколько пертурбаций , присущих тексту Святой Недели.

Однако, эта система, для обеспечения последовательности последующих явлений, ставит проблему. Темпоральность дискурса обычно организована на двух деиксисах : один — момента речи , соответствующий /теперь/, и референция (деиксис) второго и третьего лица в высказывании, соотносящийся с другим моментом , выражаемым /тогда/ , и который может присутствовать в «предшествующим» и «последующем» моменте высказывания (по-отношению к /теперь/).

(а) Глава III, с.179-181.

с.49.

Каждый из этих дескисов, в свою очередь, организован «ретроспективностью» и «перспективностью», и общность этой системы позволяет построить глагольные времена. Но мы отмечаем, что писатель постоянно нарушает данную систему двух деиксисов (отсылок). В том, что касается «ретроспекции» мы находим в описании двух любовей Бертье, этот фрагмент:

«Возлюбленная Бертье, «глупость Бертье», как ее называл Наполеон, уже довольно изменилась после конца века, когда Жак-Этьен познакомился с ней в Париже...» (а)

Речь идет о ретроспекции, организующейся в районе «тогда» предполагаемому этим фрагментом, то есть в районе отсылки второго или третьего лица в высказывании, который включен , кроме того, в уже описанную смоделированную структуру, поскольку это «тогда» строится на основе деиксиса Макдональда, действующего лица рассказа. Эта ретроспекция сопровождается «отсоединением» (рассказом от второго и третьего лица) в высказываниях дискурсивных и текстовых.

Что касается позиции в совпадении с /теперь/, она опирается на один тип «отсоединения»:

«Было немного больше 7 часов утра, когда Антуан вошел в комнату с теплой водой и бритвенным тазиком,...» (б)

Деиксис отсылки — это «тогда», вписывающийся в эти определенные рамки этой недели , оторванной (не связанной) с настоящим моментом говорящего. Зато здесь эта оторванность не сопровождается никакой когнитивно-воспринимающей «отовранностью»: рассказчиком предполагается повествование как утверждение.

Более сложный случай это «проверка»; она вырисовывается тремя способами: а-через дискурс, не оторванный от рассказчика, она представляется как эффективное предсказание:

«Я остаюсь в этой мрачной комнате, лицом к лицу с этим сонным будущим.» (с)

б-Рассказанная, «проверка» организуется в области не отсоединенного от высказывания деиксиса:

(а) Глава V, Сен-Дени, с.208.

(б)Глава XIII, Семена будущего, с.200.

(с)Там же, с.182.

с.50

«Ваграмский принц больше не прогуливается в городе, хотя Бавария долгое время была союзником Наполеона, как и остальная Германия. Все изменилось здесь (...).

Всю свою оставшуюся жизнь Мадемуазель Гальен будет слышать эти тяжелые вздохи,...» (а)

Единственная глагольная форма, которую мы находим в отсоединенном деиксисе, эта форма настоящего условного времени, ответственная за проявление «поиска» в повествовании. Напротив, мы констатируем использование формы, в принципе привязанной к не отсоединенному деиксису, формы будущего времени.

с/В рассказе, «поиск» может также организовываться в районе отсоединенного деиксиса, «тогда», которое, хотя и предшествует тому, что определяет Страстную неделю 1815 года, не менее предшествует «сейчас» рассказчика:

«Наконец, все это отдаляло его от молодой жены, полностью поглощенной детьми» (б)

Мы только что увидели, что этот вербальный тип не систематически используется Арагоном в подобных случаях.

Поэтому нам необходимо тщательно разделять уровни: мы видим синтаксический уровень, где создаются когнитивно-высказывающие «размежевания»; для Бертье, деиксис когнитивного восприятия остается всегда одного типа, и начальная точка перемещается в границах Страстной недели 1815 года. Кстати, это размежевание объясняется этим замечанием автора: «Страстная неделя далеко» (с).

По отношению к этому деиксису существуют три позиции, действие которых мы описали в истории Бертье; ретроспекция, совпадение и поиск. Эта структура не может быть представлена дискурсивными формами и остаться имманентной; это происходит в большинстве повествований для позиции «поиск», касаются ли они Бертье, Ришелье или Фабье: речь идет о «поиске», но проявление остается проявлением повествовательным, с «размежеванием» в изложении.

Наконец, на уровне дискурсивного проявления, «размежевания» (отношение к разным действующим лицам) изложения могут проявляться, независимо от

первых, и целиком зависеть от рассказчика.

(а) Глава XIII , Семена будущего, с.199.

(б)Глава XIII там же, с. 186

(с) Там же, с.185.

с.51

Так созданные деиксисы представляют аспектуальные варианты, как и другие на более глубинном уровне; деиксисы дискурсивного проявления переводятся в подходящие им вербальные формы. Следовательно, синтаксическая позиция /поиск/ , которая позволяет предвидеть будущее Бертъе, может быть проявлена на нарративном уровне как несовершенным, так и настоящим или будущим временами глаголов.

6-ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В романе традиционно любая аспектуализация является респективной, и смысл провяется только при этой ориентации. Действительно, поскольку удовольствие от рассказа возникает при открытии «канонического» синтаксиса и при накоплении информации, «избирая» некоторые возможности движения смысла, то есть то, что происходит «после» может произойти только в конкретный момент — следуя линии истории- только после того, что произошло «до». Ибо авторские предпочтения Арагона предлагают нам нарративные сечения «перед» тем, как они должны были бы произойти по логике рассказа. Он оправдывает эту практику тем, что она необходима для глубинного понимания поведения персонажей. Но тем не менее автор полностью переворачивает адекватные отношения между нарративными уровнями и линейностью дискурса; передача знаний происходит только через «возвращение назад». Арагон добавляет здесь и «прыжки вперед». Будучи ограничены временной краткостью Страстной Недели , а также понимая широту рассматриваемых сценариев, мы понимаем, почему этот аспект «поиска» пропитывает весь текст: он позволяет одновременно проявить, в одном высказывании, центральное повествование о неделе и множество других рассказов, других процессов, связанных с этой неделей только «намерениями действовать» либо «оконченным действием».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ.

ГЛАВА С

ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВНЫМ
И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ

ГЛАВА С:ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВНЫМ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ

При интуитивном прочтении текста, мы замечаем частое чередование между действующими лицами коллективного и индивидуального плана. Это чередование могло бы быть элементом иерархизации, например, иллюстрировать доминирование коллективных сценариев над индивидуальными. В Основной преамбуле мы затронули эту гипотезу: но даже если она оказалась неадекватной, противопоставление коллективное/индивидуальное — это достаточно характерный феномен нарратива в Страстной Неделе. Этот феномен заслуживает подробного описания. Для этого мы изучим два текста:

1-Биография Артура Аш. (а)

2-Медитация Теодора. (б)

1-БИОГРАФИЯ АРТУРА АШ.1.1-Текст

«Отношения знати и «людей третьего плана» не всегда таковы, о которых говорил господин Герцог Ришелье, имея в виду их опасность. (...) Вы об этом достаточно осведомлены, благодаря беседе между Денизой и Теодором, чтобы понимать след, который оставляют в этой маленькой наивной голове слова мушкетера и цепочку мыслей, подготовивших очевидный триумф Артура Аш. (...)...Правда, она могла напасть на Теодора за то, что он хотел узнать это неизвестное и чудесное удовольствие, о котором ему рассказали...» (...)

В действительности, г-н Аш вообще не относится к роману, где он действует появляется только ради совершения дурного действия. Возможно, несколько слов о его социальной биографии, в качестве исключения, будут здесь не лишними именно потому, что эта биография не имеет никакого отношения к истории романа.

Семья Аш.-инициалы здесь изменены- это небольшая, но древняя семья. Удачная женитьба открыла семье вход в придворные круги, при Людовике XV,

другой брак обеспечил вход в индустриальные круги, близкие ко двору (при Людовике XVI). Отец нашего младшего лейтенанта притаился на своей земле в Нормандии во время террора, а его сын, рожденный в 1790, когда мы встречаем его, имеет тот же возраст, что Теодор Жерико. Он служил Империи, и один из его братьев женился на дочери богатого банкира.

(а) Глава VII, Последнее Зимнее Бдение, с.104 и последующие страницы.

(б) Глава I, Пасхальное Утро, с.32 и последующие страницы.

с.54

Он получил огненное крещение незадолго до Лейпцига, в 1813, а в 1814 он совершенно естественным образом присоединился к Бурбонам, в то же время, как его начальник, старый друг его отца, г-н де Бернонвилль. (...)»

Следуя политической и персональной биографии этого персонажа, мы узнаем, что он всегда чует перемену политического ветра, всегда в первых рядах при второй Реставрации, во время Июльской монархии, при второй Империи, а его основное свершение - подавление бунта восставших рабочих в 1949. Он заканчивает как сенатор при второй империи и умирает при Жюле Гриви, торжественно отпетый церковью. Рассказчик завершает:

«Как мы увидели, жизнь Артура Аш была одной из тех долгих жизней, полных событий, которые можно быстро предсказать, где события описывают современную историю, а не персонажа.»

I.2- Чередующаяся последовательность.

Биография Артура Аш - это чередующаяся последовательность в романе, созданная сложной игрой с дизъюнкцией/конъюнкцией. В первой фразе: «Отношения дворян и «третьего класса» не всегда таковы, какие г-н Герцог Ришелье имеет в виду, говоря об их опасности...»

конъюнкция здесь: «отношения дворян и «третьего класса»+ «опасности», и дизъюнкция: «не всегда таковы...». Следовательно, инверсии содержания существует между рассматриваемой последовательностью и тем, что ей предшествует.

I.2.1 — Инверсия содержания

Герцог Ришелье также определил те опасности, которые он имеет в виду: «Это безудержное обогащение народа, использование его преимуществ над дворянством через торговлю и прибыльные места, которые государство под предлогом вознаграждения талантов распределяет независимо от происхождения - что порождает честолюбие, результаты которого мы наблюдаем. Неосмотрительная свобода накопления богатства почти непреодолимо привела к практике этих союзов между обедневшей знатью и амбициозной буржуазией.» (а)

(а) Глава VII, с.296.

с.55

Амбиции и стремление достичь чего-то составляют в речи Ришелье ключевую повествовательную программу, соединяющую экономические, политические и сексуальные изотопии. Ибо именно изнасилование начинается биографию Артура Аш., что формально представляет собой противоположность ситуации, описанной Ришелье. Фактически, в речи герцога экономическая мощь буржуазии позитивно изменяет ее, чтобы вступить в союз с дворянством, которое, с его точки зрения, представляет собой «исторический смысл» насилия. Таким образом, в биографической последовательности Артура сохраняется та же самая пара «экономическое доминирование» vs «изнасилование», но с заменой субъектов.

I.2.2.-Подмена субъектов.

В речи Ришелье о сексуальной изотопии, дворяне мобилизуются в зависимости от /нежелания делать/ и /неспособности делать/. В рассказе о насилии:

«Бедная Дениза, она мечтала о приключении, и хозяин продуктового магазина привлекал и пугал ее одновременно.»

Дениза мобилизуется противоречиво в области желаний: /желать/+ /не-желать/; и в области прагматической /не-мочь/ не сделать того, что приближает ее к «знатному положению». Но при ближайшем рассмотрении мы понимаем, что желание /сделать это/ касалось только «любовного приключения», но не жестокого и травмирующего насилия. Инверсия содержания, таким образом, происходит из-за того, что в одном случае объект модализируется как (/не-желать/делать+/не-мочь/ не делать) «благороден» в своем поведении; в другом - «простонародное» поведение: речь идет о «подмене» образов и поведения.

Эта инверсия не просто риторическая игра, анти-высказывание к речи Ришелье. Она прежде всего средство для Арагона изолироваться, как автору, от речи разумной, но реакционной, через систему эквивалентов типа:

Ришелье		Экономическое и социальное содержание	Сексуальное содержание
Рассказчик	=	Такое же содержание =	Обратное содержание

с.56

Эта инверсия может быть рассмотрена как внедрение другого изотопного уровня, включающего в себя все: «конкурирующая буржуазия насилует аристократию», «молодой аристократ насилует молодую девушку, дочь

скромного торговца». Здесь проявляется важный нюанс в экономико-политической изотопии: речь не идет больше о богатых буржуа, но о небольшой коммерции. В этом случае доминирование и сексуальное и социальное — на стороне Артура Аш. Благодаря такой инверсии, Арагон «отвечает» Ришелье: противопоставляя его структуре, где «третий класс» доминирует над дворянством, классовую структуру, где «класс доминирующий», независимо от рождения, всегда угнетает народ. Систематизируем это следующим образом:

СЕКСУАЛЬНАЯ ИЗОТОПИЯ

		<u>Существующий</u> сексуальный контент (Ришелье)	<u>Обратное</u> сексуальное содержание (биография Аш.)
Предполагаемые социо-экономические отношения	Ришелье	Дворяне vs буржуазия (структура Ришелье)	Дворяне vs незначительная коммерция (структура Ришелье)
	Арагон	Доминирующий класс vs доминируемый класс	

Очевидно, эта схема не связана с иерархией повествований и, в особенности, с отношениями коллективного и индивидуального. Однако сложная система конъюнкций и дизъюнкций, которую мы описали, инверсия содержаний и замена субъектов обеспечивают транзакцию последовательности, имеющей дело с общей исторической ситуацией дворян в разрезе одной жизни, ее фактов, ее преступлений. Поэтому система интеркаляции - это также способ соотнести коллектив с индивидуумом. Индивид, интеркалированный инверсиями и дизъюнкциями, будет во власти коллектива. Исследование содержания данной интеркалированной последовательности позволит подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

с.57

I.3- Где нарративная иерархия?

Комментарий рассказчика к только-что сделанному повествованию заставляет нас опуститься на землю:

«Как мы видим, жизнь Артура Аш. была одной из тех длинных жизней, богатых событиями, которые можно легко предсказать, и эти события принадлежат скорее к плану современной истории, чем к плану личному.» (а)

Как более точно высказать, что не существует никакой иерархии между коллективным и индивидуальным в измерении, где нет «индивидуального» повествования: повествование формулируется одним из многих

«коллективных» действующих лиц, называемых автором «современной историей». Этот текст просто рассказывает историю времени, следуя линии жизни одного из действующих лиц. Если здесь и существует иерархия, то она организуется, как и в любом тексте, между нарративным (коллективное историческое повествование) и ролевым (линия жизни одного «актера»). Эта ролевая игра была необходима ради противопоставления, согласно выражению романиста «Воображения великих пророческих умов» и реальных «социальных преобразований». Так обстоит дело в романе, со всеми слегка развитыми индивидуальными рассказами: в индивидуальных биографиях Фабье, Фредерика Дежорджа, рассказчики представлены как актеры, а не актанты. Они следуют (их модализирует) логика истории (Арагон использует этот термин по отношению к Дежорджу)

Если в этой последовательности и есть иерархия, в конечном итоге она может быть только «заданной» ее включенным положением. Это романский «ящик», в жанре фантастического романа-актер, появившийся в высказывании ради выражения очень вторичной темы - становится основным «вложением» микро-повествования, оторванного от основного текста. Играя с этими нарративными отступлениями от темы, играя на важном и вторичном, на основном и последующем, автор создает иерархию в этом ансамбле повествований, составляющих его роман. Но остается еще понять, коков или каковы определяющие истории в Страстной Неделе: мы надеемся найти ответ в организации изотопий.

(a) Глава VII, с.308.

с.58

2-МЕДИТАЦИЯ ТЕОДОРА.

2.1- Текст

Текст начинается с рассуждения о состоянии королевских войск и о компетенции гвардии, когда проходит водготовка к военному выступлению, которое не состоялось (в котором должен был участвовать Теодор). Затем Теодор думает о своей лошади:

«После завтра — весна. Теодор погладил круп Трика, своей красивой серой лошади. Ему нравилось, что мушкетеров разделяли не по деталям их униформы (все они были одеты в красное), а по масти лошадей-серой или вороной. Хотя ему это добавило сложностей — найти в течение зимы животное, отвечающее всем требованиям и одновременно настоящего кавалерийского скакуна. Естественно. Теодор хотел англо-нормандскую породу и это было чертовски трудно найти такую лошадь, даже с помощью дяди из Версаля. Пришлось за ней ехать в Кальвадос. (...) Его Трик ему безумно нравился, все друзья завидовали Теодору. (...) Теодор по-детски наслаждался в этом январе, когда он заказал себе

свою красную униформу, серо-белые штаны, кальсоны из казимира и украшенный алым плащ...Он играл, примеряя серебряный с золотом шлем, с этим гребнем из позолоченного металла, кистью из конского волоса, проводя пальцем под ремешком из черного бархата, охватывающим подбородок. Он гладил белую цаплю с венчиком из вьющихся перьев. Мушкетеры вообще гордились этой черной взлетающей кистью на шлеме....(...) Тео, как однажды сказал папа, находил свое удовольствие в этой военной игре: в сбруях коня, в сабле, ружье...»

Далее возникают более серьезные обоснования военной карьеры Теодора. «Quo ruit et letum....(это и смерть)...Теодор повторял эти слова...как если бы это был его собственный девиз, заглавие его судьбы, это чувство, что было всегда при нем: «опьянение» безумной храбрости, на лошади, и приближение к смерти (а)... Quo ruit... что это творило с ним, с Теодором? Он хотел бы изменить мысли, забыть. Мы лучше всего думаем, совершая физические упражнения. С того момента, как у него появилась лошадь...с лошадью вы уже не тот человек, мы более одиноки, но и уже не так одиноки: мы думаем не только о себе, лошадь ощущает малейшее изменение нашего настроения.

(а) Теодор Жерико погиб, упав с коня, в 1824.

с.59

Ах: если бы между мужчиной и женщиной, держащими друг друга в объятиях, возникала бы такая душевная связь! Мы превосходим самих себя и ощущаем себя хозяином положения.(...) Больше не думать о своей прошлой жизни, я даже не хочу этого. О провале мечтаний. Я-солдат. Никогда не было такого солдата, который пошел бы неправильной дорогой...»(а)

Это одинокое внутреннее размышление следует за Теодором в течение всей его прогулки по Парижу и оно всегда сосредоточено на тех же темах: причины того, почему он пошел в армию, стремление забыть провал в Салоне 1814 года, тревога перед политической ситуацией, сделавшей его выбор нелепым.

В этой общности фрагментов, возникающих в единой последовательности, мы изучим только навыки коллективные и индивидуальные, сознательно не рассматривая то, что касается когнитивного измерения, которое будет темой следующих глав.

2.1- Желание-сделать

Проявленные моменты /желания/ Жерико изобильны. Долгий рассказ о лошади, повествования о его поисках и приобретениях создают часть квалификационного теста в программе «поступление» в мушкетеры. Но все это соотносится с /мочь/ сделать, потому что выбранный Теодором полк-кавалерийский. /Желание/ проявляется скорее через энтузиазм или страстный интерес к поиску лошади и жажде обладания прекрасным животным; более

детально, в высказываниях «ему это понравилось», «он сходил с ума от восторга»

Мы замечаем, что эффективность вступления в мушкетеры отчетливо не определяется в волевых устремлениях субъекта: в каком-то странном уходящем движении, умение (желать) нацелено на умение (мочь); при добровольном незнании общего синтаксиса программы, в которой он участвует, субъект стремится только к квалификации.

2.3. Перекрестные программы

Этот общий синтаксис представляется таким образом:

(a) Глава I, Утро Пасхи, с.37

с.60

-следствие; поступить в полк- предполагает высокую квалификацию (которая проявляется).

-квалификация: запись в лист рекрутинга для полков Королевского Дома — предполагает компетенцию, также проявленную.

-компетенция: а-мочь-совершить-достижение, квалификационный тест субъекта, здесь очень развито. Речь идет о поиске и покупке лошади.

б-уметь-делать: впоследствии мы узнаем, что Жерико научился ездить верхом благодаря своему Версальскому дяде, упоминавшемуся в одном из процитированных фрагментов.

с-желать-сделать. Каноническая формула «мандата», актуализирующего /желание/:

Ft (SI----->(S2 ()): желать программу)

Но мы видели в этом случае, что другая /воля/ заменяется:

Ft (S3----->(S2 ()): желать /мочь-сделать/))

SI=уполномоченный; S2=модализированный субъект; S3=второй уполномоченный, отклоняющий волю Жерико, направляя ее на внимание к «мелочам».

Тот факт, что эта вторая воля, избыточно проявленная «забавами», игрой, «удовольствием», систематически заменяется волей, предполагаемой программой поступления в полк, обязывает нас предположить другую программу. Отметим провоцирующий ответ Жерико:

«...для меня вопрос проще. Он сводится к тому, чтобы узнать, выдержит ли моя лошадь эту рысь, которой от нее потребуют этой ночью.» (a)

Кажется, что эта классификация полкового мушкетера реализуется субъектом как-бы случайно, потому что он синтаксически связан с той программой, которую он сам действительно избрал, которую можно обозначить

основным термином - «мелочи».

Программа «вступления в полк» - это коллективная, политическая и историческая программа; все остальные «найти лошадь», «заказать форму», «совершать конные прогулки» являются индивидуальными. Эти индивидуальные программы синтаксически пересекаются с коллективной программой: хотеть лошадь, хотеть форму и так далее..., это также /обязанность/ для ангажирования в полк. Отношения между коллективным и индивидуальным сводятся к фигуративному и акторскому сочетанию. Модальность /мочь/ для первой программы, объект поиска для остальных, фигурируются теми же акторами: «лошадь», «форма», и т.д.... Речь идет о нарративной изотопии, соединенной со многими действующими лицами одновременно.

2.4.-Забвение

Различные сочетания, упомянутые выше, принадлежат к одной из многих текстовых процедур, через которые дискурс превращается в связное и означающее целое. В антропоморфной вселенной эти сочетания были бы ничем иным, как «шансами», которые «мутят воду» в индивидуальном выборе и нарушают смысл наиболее важных обязательств. Но текст нам предлагает другое объяснение, через серию терминов или синтагм, которые мы объединили здесь:

«отвлечение от этих мыслей» (а)

«поменять идеи, забыть» (б)

«не думать больше о прошлой жизни, даже не желать этого. О разрушении мечтаний.» (б)

«этот напрасный энтузиазм (...)это разочарование (...)то, что он покинул, больше не доверяя себе. Вот, быть может, почему он забывается в мелочах...» (с)

Очевидно, программа поступления в полк становится «повседневной» программой среди множества других, с более или менее высокой эффективностью. Они и помещены на один уровень: ангажироваться, отделиться, купить лошадь, играть в солдата. Программа более генеральная, подчиняющая вышеуказанные, также является индивидуальной: забвение- это негативная познавательная программа, то есть дизъюнкция, с точки зрения собственной воле «оторванного» субъекта. Элементы данной программы следующие:

а-следствие: (S2 ()): знать о своем провале)

б-производительность: Ft (S4----->(S2 ()): знать о своем провале))

Многие «повседневные программы» возникают здесь, о них мы уже говорили. с-компетенция: Мы отметим, что /желать/ возникает здесь, благодаря провалу предыдущей программы (в области живописи), следовательно, благодаря нарративному отсутствию.

(а) Глава I, с.36.

(б)Глава I, с.37.

(с)Глава I, с.48.

с.62

Если мы остановимся здесь, мы получим банальный психологический вывод «о-пользе-забвения-для-несчастливого-человека». Забвение может быть интерпретировано как образное обеспечение более обширного процесса, объясняющего поступки субъекта.

2.5.- Пути субъекта

а/воля — быть субъекта.

Забвение, в плане синтаксическом, состоит из подмены программы использования, управляемой самим субъектом: он заменяет программу, олицетворенную провалом (в живописи) программой, связанной с поступлением в полк (оторваться от неудач, купить лошадь...). Но мы должны спросить себя о более глубинном сценарии, на уровне которого кристаллизуется данная подмена повседневной программы, поскольку именно здесь находится иерархизированная конструкция коллективного и индивидуального.

Мы рассмотрим гипотезу, что для субъекта вопрос состоит в увековечивании себя в своем субъектном бытии (и не только в бытии «действующего лица»). Так как Теодор не сумел участвовать в жизни художников, стать художником (он «виртуализован» этой жизнью), он ищет возможности «реактуализоваться» любой ценой. Мы видели, что его провал продолжает проявляться через множество аллюзий, и это четко проявлено в следующих высказываниях:

«Иногда месяцами он не приходил смотреть на выставку, не бывал в мастерской. Когда он не входил в Галерею Лувра...» (а) «Достаточно думать о живописи:» (б)

Эти отрицания демонстрируют «отсутствие»: это гипертаксическое понятие - «желание-быть-еще-субъектно». У нас два типа модальности /желать/:

а-желание, присущее каждой частной программе (художник, поступление в армию)

б-общее и доминирующее /желание/, нацеленное исключительно на самого субъекта и его рефлексирующие поиски: речь идет о мета-желании, независимом от прагматических программ, в которых оно проявляется и благодаря которому Жерико заявляет: «Я-это Я» или даже «Я-все еще Я», если мы говорим об аспекте «долговечность»(действия) в нашем предположении.

(а) Глава I, с.38.

(б) Глава I, с.55.

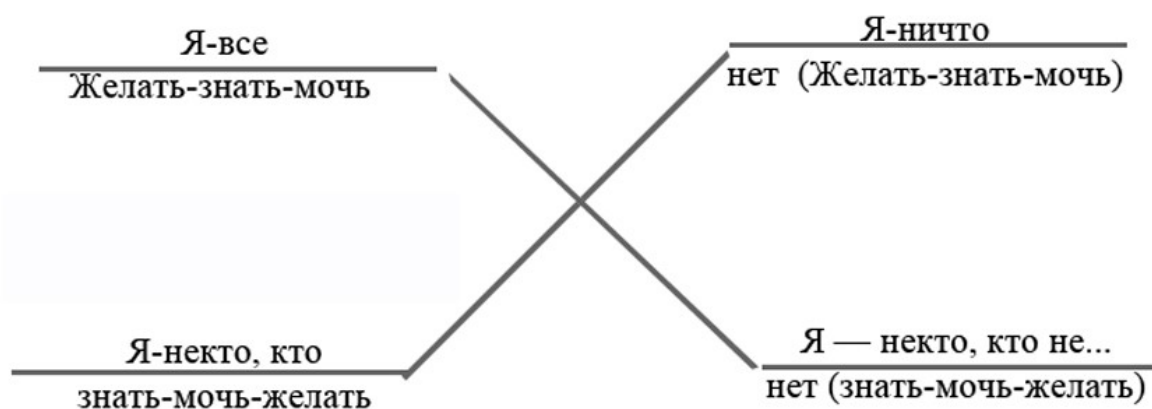
б/Квадрат субъектов

На основе фундаментального понятия субъектов, предложенной Ж.Кл.Коке, мы можем рассмотреть «забвение» на основе квадрата субъектов, основанного на модальных парадигмах (а). Парадигмы следующие:

Желать-знать-мочь vs нет (Желать-знать-мочь)

знать-мочь-желать vs нет (знать-мочь-желать)

В первой последовательности «Желать-знать-мочь», /желать/ - это «мета-желать», которое мы только что встретили. Следует квадрат:

Эту систему можно упростить, переименовав:

-тема последовательности Желать-знать-мочь : тема поиска.

-тема последовательности Знать-мочь-желать: тема (субъект) права.

Кроме того, возможно инвестировать позиции, объединенные актантными ролями, свойственными Жерико: «новый успех», «крах», «забвение» . Квадрат следующий:

После своего провала, субъект высказывания (художник) может быть определен как «некто, не умеющий делать». Через программу забвения, представляющую собой выход из этой позиции, субъект не является действительно действующим в позиции, где он не ставит себе конкретных задач, но он является все-таки «персоной», то есть:

(a) Ж.-Кл. Коке, Дискурс и его субъект.

с.64

<u>/Я-все/</u>		<u>/я-ничто/</u>
Тема поиска	+	Не тема поиска

То есть, ни один ни другой, но Я остающийся Я.

с/Пути актанта-субъекта:

ПРОВАЛ (нет (Желать-знать-мочь)+Нет (Знать-мочь-желать)----->
 ЗАБВЕНИЕ (Желать-знать-мочь + нет (Желать-знать-мочь)

Здесь субъект находится в нестабильном равновесии, поскольку находится между двух противоречивых модальных позиций: между минувшим провалом и возможным будущим успехом, здесь субъект может считать себя субъектом, только проявляя свою мета-волю. Это, без сомнения, структурная позиция субъекта в «поисках себя самого»; это поиск, который еще не может быть переходным и остается рефлексивным. Но субъект должен проявляться в

программах использования, в отношении которых он на самом деле не предполагает «воли», но которые позволяют ему продолжать утверждать свой статус субъекта виртуального.

Согласно данному пути, программа поступления в армию — это только повседневная программа подмены в пространстве стратегии забвения. В поисках иерархии между коллективным и индивидуальным, мы находим:

- коллективную программу поступления в полк, актуализирующую участие индивидуума в коллективном действии исторического плана.
- повседневные индивидуальные программы (отделиться, купить лошадь, купить сбрую...), доминируемые коллективной программой.
- глобальная программа философского типа, проявляющая, что сквозь индивидуальные программы, очевидно гипонимные, субъект фиксирует реализацию более генеральной стратегии: именно так историческое ангажирование становится повседневной программой, переходящей во флибульность. Это- обратная сторона рассматриваемой иерархии.

d/Критика «ангажирования»

Мы чувствуем в этой удивительной инверсии литературное и критическое воплощение того, что принято называть «сартровской позицией». Разумеется, Сартр не имеет монополии на это понятие и на эти литературные приемы, но это прилагательное немедленно создает отсылку к известным текстам, но мы избегнем слишком длинных объяснений. Текст Арагона находится в самом начале романа, когда персонаж «ангажируется», то есть когда он принимает участие просто чтобы принять участие, мотивированный некими индивидуальными резонами, но не вследствие коллективной исторической ситуации. Как и Теодор, сартрианский субъект исходит из положения /я-ничто/, которую Сартр определяет как «печальную свободу пустоты», и это «ангажирование в полк» становится также средством заполнить пустоту, дабы утвердить свою стабильность. У Сартра позиция «никто» приводит к самоубийству, как в Тошноте.

3-ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

В этом актантном следовании, коллективная история остается на втором плане, следуя истории индивидуальной. Чтобы индивидуальные маршруты, сценарии и повествования получили исторический и политический смысл, необходима «обратная» иерархия, то есть нужно гипонимическое отношение с коллективными историческими программами, движениями и рассказами. До сих пор мы обнаружили единственную текстуальную процедуру, эффективно организующую данную иерархию — аспектуализацию.

Мы не можем отказаться от предположения, что коллективно-индивидуальные отношения являются лишь иерархической приманкой и что мы должны предпочесть иерархические отношения как: основная программа/программа использования, или нарративное/ролевое. После данного исследования оказывается, что эти отношения, в особенности ангажирование

индивидуума в исторические программы, являются по сути когнитивными и волевыми отношениями, а не прагматичными. Мы надеемся, что сможем показать в разработках, посвященных когнитивному измерению, что роман Арагона предлагает тип артикуляции, который заменяет понятия вовлеченности и свободы пустоты понятиями осознания и выбора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ.

ГЛАВА D

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ

I/Введение. Формулировка гипотез

II/Нарративная и многонарративная изотопия: религиозная изотопия.

III/ Мультиизотопные рассказы.

ГЛАВА D**ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ**

**I/ ВВЕДЕНИЕ
ФОРМУЛИРОВКА ГИПОТЕЗ****I — ТЕКСТ: МЕДИТАЦИЯ ТЕОДОРА**

В этом тексте, где мы пытались найти иерархические отношения и нашли также другие отношения, мы выбираем короткий фрагмент, анализ которого нам представляется необходимым при предварительной работе с изотопиями. Согласно результатам предыдущего анализа, мы установили, что тема Жерико колеблется между двумя сценариями: одним-тем, где он потерпел поражение-живописью и другим-где он на самом деле не считает себя «субъектом»-политико-историческим. Мы выделим и проанализируем в этих отношениях две изотопии: «живописность»/ «историчность».

«Неожиданно он увидел перед собой, на темно-сером небе, чуть справа, над домом, радугу, скользившую в город. Она должна была опуститься там, недалеко от Сены, вероятно у Карусели, в этом странном сдвусмысленном квартале, загромаждавшем двор...Он подумал вдруг: что-за дурновкусие!и усмехнулся. Нам ведь известно, что слишком живые цвета не подходят для живописи...Были долгие месяцы, когда он не посещал выставки, не бывал в мастерской. Когда он не ходил в галерею Лувра, сейчас окрашенную радугой...Хотя каждый день он ходил в Тюильри, но его место было во дворе, у подножия радуги, где лошади, где эти безмозглые солдаты, одетые в алое и украшенные вышивкой.» (а)

В интуитивном плане этот текст представляется как прочтение через тему Теодора означающих, созданных пространством и объектами, которые его составляют и ориентируют. Принадлежность этого фрагмента к уровню единого когнитивного высказывания-уровню актанта и высказывания- ярко выявлена глаголами когнитивных действий, такими, как «видеть», «думать», «знать», этот пример- постоянный показатель субъективного характера прочтения этого означающего пространства.

Все происходит так, как если бы элементы пространства создавали коллективный познающий акт «убедительного действия», который Жерико трактует итнуитивно. Но мы оставим в тени этот момент высказывания, оставляя для следующих глав исследование этой симуляции. Мы делаем вывод, что две изотопии обязаны своим появлением автору, и мы сознательно не замечаем перерывы в повествовании, сделанные для подчеркивания его значимости.

2-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИЗОТОПИИ

2.1- Лексемы и пространственные акторы.

Пространственные актанты проявляются как следующие «действующие лица»: «небо», «дома», «радуга», «город» и так далее....организация которых может быть описана по-отношению к когнитивно-воспринимающему деиксису актанта Жерико: для /здесь/ когнитивно-воспринимающего субъекта, пространство организуется так:

Существование двух пространственных изотопий обязано когнитивному «отсоединению» в пространстве высказывания. Разрыв изотопии не приводит к противоречию, поскольку две изотопии связаны актором Теодором : он одновременно находится в утопическом месте /здесь/, и в утопическом месте /там/, потому-что «его место было во дворе». Кроме того, «радуга», одновременно принадлежащая утопическому пространству /здесь/ («за ней») и утопическому пространству /там/ («недалеко от Сены, может быть в Карусели»), служит вторым соединительным элементом между этими двумя пространственными изотопиями.

с.69

В каждом пространстве акторы находятся в «охватывающем» отношении между собой и создают «архитектурного актора», включающего их в себя. В пространственной изотопии /там/ «двор» охватывает «подножие радуги», «лошадей», «солдат» и так далее...и их изобразительное содержание одинаково; иначе говоря, «двор» - это метонимия для всего включенного, и он проявляет всю их семантическую ценность: «живые цвета», «дурной вкус», «вооруженные солдаты...», которые становятся классемами. Другой пример: когда соотношение /топический/vs /паратопический/ проявляется в избыточной манере:

- «Галерея Лувра в полукруге радуги» /Галерея/ vs /радуга/

и

- «Галерея Лувра...в Тюильри, но его место было во дворе» /Галерея/vs /двор/ мы отмечаем глобальное отношение и мы проведем анализ вариантов при анализе других изотопий; в избранном примере, «двор» для нас не определяется «радугой», поскольку они оба соотносятся с утопическим пространством /там/ через противопоставление /Галерея/.

2.2.-Семемы

Пространственный актант, созданный общностью акториальных лексем, может быть рассмотрен через семы; мы изберем некоторые, принадлежащие двум изотопиям, нами ограниченным в начале: /живописность/ и «историчность/. Некоторые примеры:

а/Радуга

/Живописность/: В этой изотопии, основное противопоставление проявляется через текст /живые цвета/ vs /темные цвета/; на аксиологическом уровне это противопоставление используется для оценки живописной программы под формами суждений «хороший» или «плохой вкус». Здесь «санкционирован» субъект «климат», и Жерико возведен в чин судьи эстетических и пейзажных достоинств.

с.70

/Историчность/ Во внутреннем распределении пространственных актантов, радуга принадлежит «двору», месту, коннектирующему с /историчностью/. С другой стороны, касающиеся ее высказывания накладываются на те, что касаются «формы», другие изобразительные средства /истооричности/. Но радуга представляет эту сему /историчность/ только в контексте, то есть как классему.

б/Луврская Галерея

/Живописность/ Это семантическое содержание очевидно, даже для необразованного в области искусства читателя. Поскольку в этом месте собираются художники, экспонирующие свои картины, здесь мы замечаем проявление позитивного суждения- через «включение» или суждения негативного- через исключение. Включение олицетворяет суждение о «хорошем вкусе» и «выключенность»: «плохой вкус».

/Историчность/ «Положительное» решение о том, кто будет в Лувре, а кто не будет, имеет двойной характер. Она не только предусматривает аксиологические ценности, но добавляет «наследие». «Славное испытание» художника включает аспект «продолжительности действия», но не «окончателности». Лувр принадлежит к исторической изотопии, но олицетворяет отрицание характеризующего его течения времени: следовательно, он занимает позицию «не исторический».

с/ Юноши, одетые в алое.

/Живописность/ Мы находим здесь те же характеристики, что и для радуги: «живые цвета» и «плохой вкус». Это суждение часто всплывает в других слоях романа под дисфорическим названием: «пестрота нарядов».

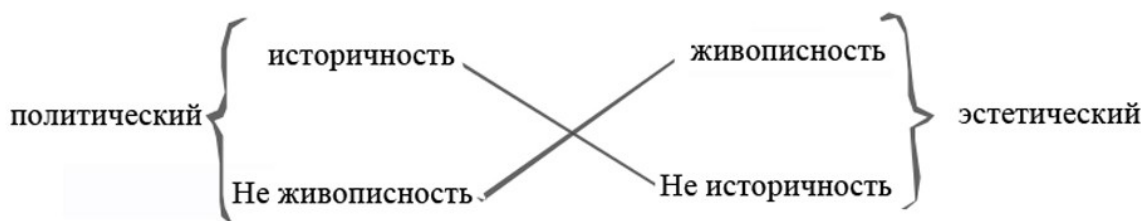
/историчность/ Это солдаты и даже, вероятно, мушкетеры, так как они одеты в красное. Однако эти военные и политические отсылки не проявляются ни в лексеме, ни в ее контексте. Классема здесь генерируется через память дискурса, который через анафору позволяет идентифицировать этих «молодых людей в алом» как мушкетеров, братьев Жерико.

«Красный» цвет здесь является связующей частью и идентифицирующей семой для двух изотопий.

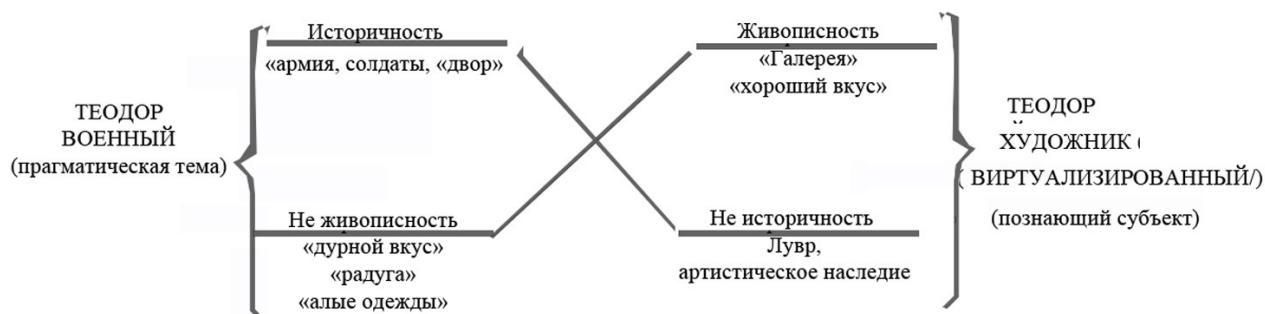
с.71

2.3. - Две противоположные изотопии

То, что аксиологизируется позитивно в исторической изотопии: форма, красный цвет- аксиологизируется негативно в живописной изотопии. Это нам позволяет предложить следующую логико-семантическую схему:

Позиции данного квадрата в выбранном тексте представлены:

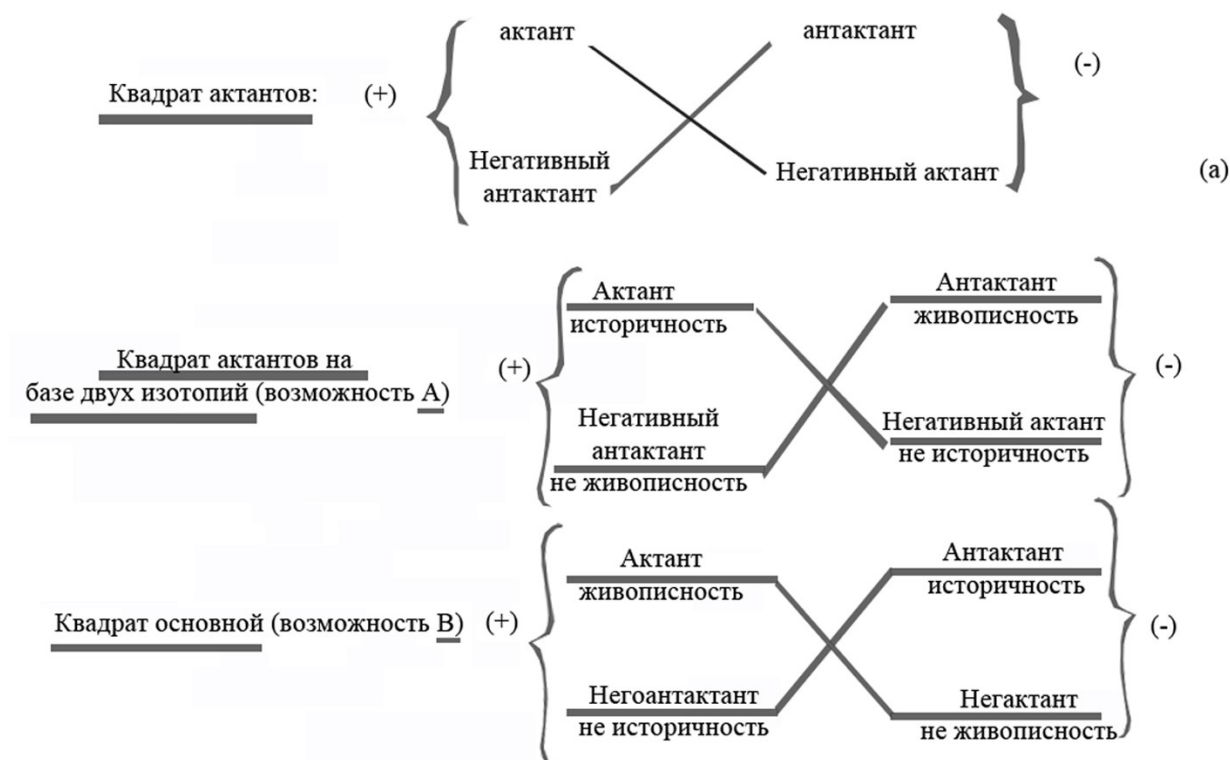

Чтобы подчеркнуть функции радуги в этом тексте, литературное описание могло бы удовлетвориться привлечением риторических фигур метонимии и метафоры: пространством, созданным смежностью и развитым через аналогии. Но семантический анализ изотопий более обширен, он показывает, как изотопия /пространственность/ организует сообщества лексем, где работают связующие моменты двух изотопий-исторической и живописной: как они сближаются в пространстве, что «радуга» или «форма» означают в одной и той же изотопии /живописной/.

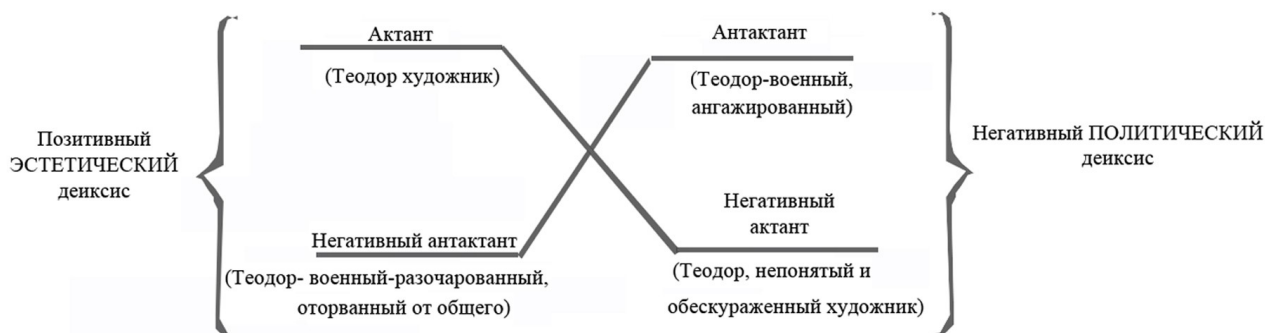
3-ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СУБЪЕКТА В ДВУХ ИЗОТОПИЯХ.

Мы видим, как для субъекта Жерико организуются возможные пути, обозначенные через семиотический квадрат, который мы представили. Действительно, Жерико занимает две противоположные позиции: в деиксисе «политическом» и деиксисе «эстетическом». Возможно построить квадрат актантов на основе программ, принадлежащих двум изотопиям. В этом квадрате актантов, Теодор больше не принадлежит двум программам, но распределяется на активном уровне между четырьмя позициями:

Для валидации способностей имеется две возможности: А и В. Выбор между этими двумя типами валидации зависит от конструкции каждого момента текста. Не существует теоретического обоснования выбора только одного подхода в высказывании романа. Два сценария, две изотопии находятся в противоречивом отношении, и преимущество одной или другой зависит от избранной позиции. В действительности, существует четыре возможных возможности для валидации, но мы выбрали лишь те, которые подчеркнуты в высказываниях романа. Для выбора между разнообразными решениями, существует формальный критерий — это синкретизм между темой познания, ориентирующей полемическую структуру, и прагматической и познавательной деятельной темой нижнего уровня, где разворачивается эта полемика. Мы увидели, что субъект основывается на деискисе «политическом», потому что он «прагматический» и потому, что на уровне деиксиса «эстетического» субъект не достигает успеха, «виртуализируется». Однако, на уровне «политического» деиксиса все приводимые суждения являются негативными, поскольку выносятся когнитивным актантам другого деиксиса. Финальная валидация, ориентированная точкой зрения познающего актанта Жерико, следующая:

(a) Система актанта, основанная на логико-семантическом умножении и переименования, предложены Ж.-Кл.Пикаром и доказаны в Мопассане Греймаса.

Прежде чем применять данную модель, рассмотрим краткий итог методологического пути, приводящего нас именно к этой схеме: нас интересует, как организация изотопий создает структуру повествований романа. Мы последовательно обнаружили:

а-убедительная/ интерпретативная синтаксическая организация.

б-три доминирующие изотопии текста, одна из которых, /пространственность/ придает системную форму двум другим.

с-две противоречивые программы, соответствующие каждой из двух изотопий.

д-полемическая структура, определенная изотопиями, могущая нам позволить предвидеть пути субъекта Жерико сквозь эти две изотопии.

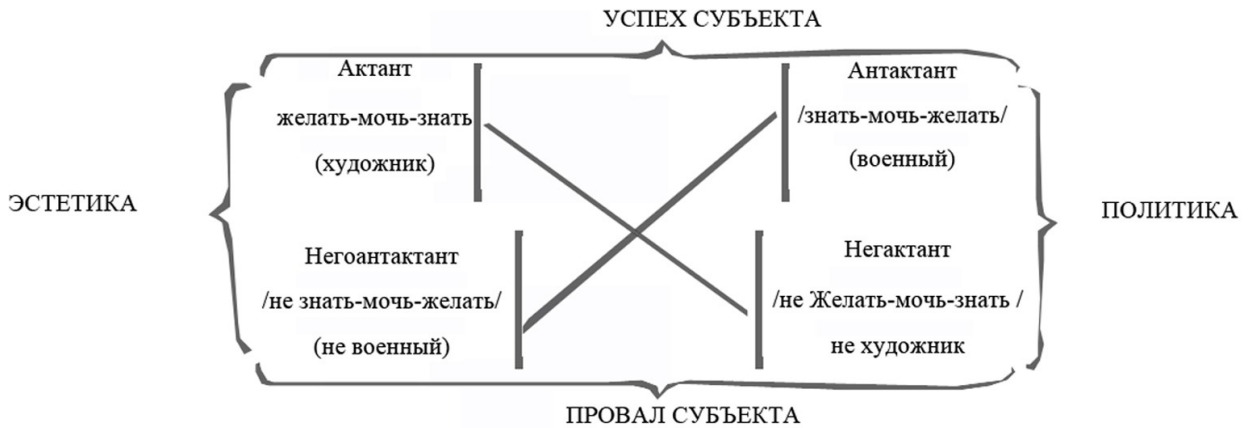

4-ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛУЧЕННОГО КВАДРАТА: ЖИВОПИСНОСТЬ И ИСТОРИЧНОСТЬ В РОМАНЕ

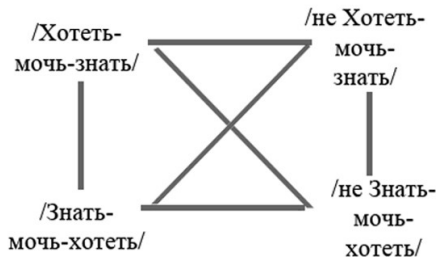
4.1- Пути Теодора, художника и военного.

Чтобы упростить использование данной семантической модели, начнем с упрощения формулировок. Если мы подытожим различные позиции, занимаемые Теодором, мы находим его последовательно на позиции военного (прагматическое измерение), где он располагает /властью/ и на волевой позиции, как художника. Итак, парадигматическая организация модальностей позволяет нам новую валидацию: полемическая модель изотопий /живописность/ и /историчность/ встречается с моделью «новой успешности» и «провала» (как в нашей схеме, приведенной в предшествующей главе).

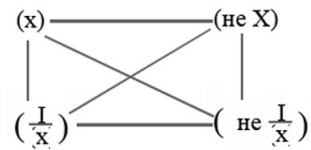
(а) Нам представляется актуальным и эффективным рассматривать живопись как высказывание, благодаря которому субъект приобщается к мета-желанию.

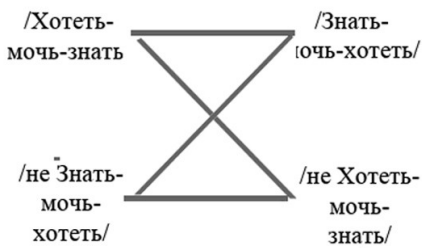
С чисто логической позиции, мы здесь представляем модификацию системы субъектов, предложенную М.Коке. Квадрат:

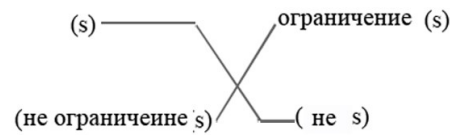
основан на логической системе:

Квадрат, приведенный выше:

основан на логической системе:

Эта вторая система единственная, могущая быть подтвержденной полемической структурой которая, в свою очередь, опирается на противопоставления ограничений и противоречий. С другой стороны, эта вторая система сохраняет сформированные первой позиции : /желать-знать-мочь/ + /знать-мочь-желать/ = УСПЕХ; /не Желать-знать-мочь/+/не Знать-мочь-желать/ = ПРОВАЛ.

Путь, которому эффективно следует субъект, будет таким:

художник	Не художник	военный	Не военный	художник
/Желать-мочь-знать/ (до начала романа)	/не Желать-мочь-знать/ (провал в Салоне 1814)	/Знать-мочь-желать/ (ангажирование с энтузиазмом в мушкетеры)	/не Знать-мочь-желать/ (отход от коллег, повышенная осведомленность)	/Желать-мочь-знать/ (художник народа, в конце романа)

Последняя позиция в романе актуализируется только как «предположение», в виде словесного и еще не реализованного сценария; в конце романа субъект в этом отношении достигает «компетенции», но не производительности.

Мы приходим к результату, сравнимому с тем, что достигнут для «забвения». Действительно, субъект был виртуализирован (/неЖелать-мочь-знать/+не Знать-мочь-желать/), и находился в напряженной позиции меж двух противоречий: чтобы стать снова успешным, субъект должен пройти через политический деиксис, на позиции /Знать-мочь-желать/ и он для этого переводит /не Знать-мочь-желать/ (позиция провала) в /Знать-мочь-желать/ (военного).

с.76

Так как мы приходим двумя разными путями к сопоставимым результатам, мы видим, что наша гипотетическая модель путей субъекта между двумя изотопиями («живописность», «историчность») подтверждена.. Вот сборник фрагментов романа, иллюстрирующих эти пути:

«Он нашел это нормальным, когда его отец в 1811 говорил с ним о поиске замены. (...) Наконец, он не хотел быть солдатом Императора.» (а)

Полемическая структура уже присутствует здесь: «покупка заменяющего» олицетворяет отказ от позиции «военный» и связанные сценарии. Вся глава Пасхальное Утро показывает восторженное принятие этой позиции, вначале отвергнутой. Затем:

«Вы знаете, я вспоминаю о приеме этих двух картин в Салоне, который только что закрыл свои двери...Завтра я отнесу их отцу, который отвернет их к стене...Это провал.» (б)

Отметим, что объявление субъектом о провале сопровождается соматическими и пространственными изобразительными приемами: отказ от своих собственных живописных высказываний (/не Желать-мочь-знать/).

«Этим вечером Теодор больше ни во что не верил.» (с)

«О, эти почерневшие глаза молодого Жерико, которыми он заглядывает в будущее, ощущая в объятиях и в сердце огромную, ничем не заполнимую

пустоту.» (d)

Огромная пустота олицетворяет полную виртуализацию субъекта, как в прагматическом смысле («в объятиях») так и в волевом измерении («в сердце»). Это позиция, скомбинированная /не Знать-мочь-желать/+не Желать-мочь-знать/.

(a) Глава I. Пасхальное утро, с.48.

(б) Глава III, Огни Пале-Рояля, с.130.

(с)Глава III, Там же, с.113.

(d)Глава III, Там же, с.117.

с.77

4.2.-Основная организация двух изотопий

4.2.I- Тексты

Все приведенные тексты относятся к главе Огни Пале-Рояля, в которой Теодор говорит одновременно о своей живописи и о своем ангажировании в армию, тогда как ранее он отвергал всякую мысль о своей живописи. Глава начинается воспоминанием о паническом беге, происходящем в Тюильри. Следует размышление, касающееся живописи и истории:

«И затем Наполеон- это Наполеон пораженный, тот, кто привел французскую армию в снега, который вел эту закулисную и грязную войну в Испании...Наполеон, который потребовал от Гро убрать со своих картин генералов, которым он завидовал и намеревался сам стать их центром. Теодор уважал Гро, это, вероятно, был единственный художник, которого он любил среди ныне живущих... Когда он думал о приказах, которые барон Денон от имени императора мог передать такому художнику, как Гро, перед великими композициями, выражающими весь его опыт и его гениальность...ах:рисунки Гро о пораженных чумой...

Этому человеку всегда недостаточно славы...во время коронации в Париже он заставил двигаться по городу эту колесницу с собственной монументальной статуей, нагой и увенчанной лаврами.»

(...) Теодор никогда не напишет возвращение с острова Эльба, где все сосредоточено вокруг Императора, нет. Ни это, ни какуюнибудь иную порчу, что все еще держится в Тюильри. (...)»

Чтобы прогнать свою горечь, он идет в кафе Пале-Рояль: атмосфера враждебна к нему, из-за его формы. Одна из его прежних моделей, Кадамур, вовлекает его в разговор о живописи и пытается ему объяснить, что его живопись и не могла быть признана, ведь она опережает время. Приходит еще один собеседник, Огюстен Тьерри, и говорит:

«Когда я увидел вашего Пушкаря...человека, а не персонажа парада, в бою, а не позирующего, перевернутая пушка на первом плане, дым пороха вокруг него, и особенно лошадь, лошадь....(...)

(...)Понимаете ли вы, как мы увидели его, Кирасира, вашего Кирасира 1814?

Мы, я хочу сказать, Имары, Тушары, все мы, невиновные в этой имперской драме, понимаете ли? Слишком молодые для крови на руках и для славных шрамов на теле?

с.78

Мы слишком стары, чтобы не понимать, мы, оглушенные пушками и ищущие смысла в этой жизни и ее мучениях, понимаете ли вы нас?(...)

(...) Провал! Провал! Это слово делало ему больно, он не выносил его.

Провал, говорит он, как вы хотите, чтобы общество, которое переустраивается в беспорядке, из вчерашних избранных и тех, за кем охотились двадцатью годами ранее, смогло перенести этот ужасный диптих из славы и бедствия, эти две картины Салона 1814, Пушкаря и Раненого Кирасира? Вспомните, что Гро отправил в этот Салон: почему не написали вы Очаровательную Габриеллу или Курицу В Горшке? Да вас на руках бы качали.... (...)

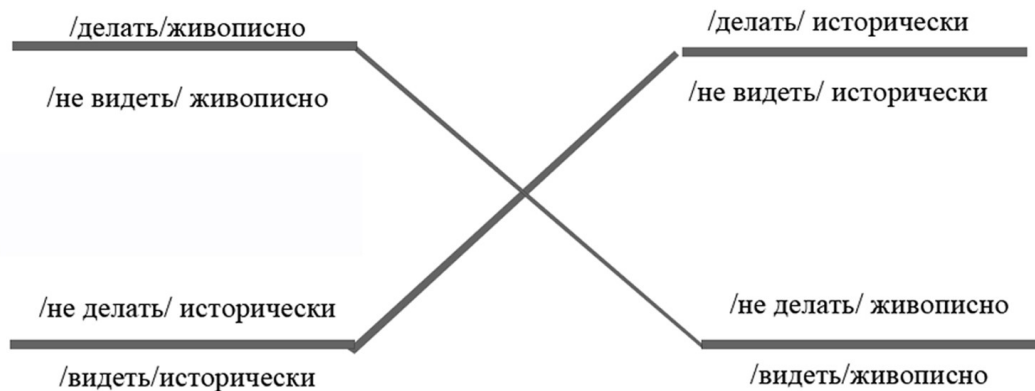
Два собеседника выходят из кафе и прогуливаются под аркадами, в ночной темноте. В процессе разговора Жерико произносит длительный монолог, в котором он пытается объяснить, чем для него является живопись. Для этого он погружается в описание наиболее вдохновляющей его картины Караваджо:

«Есть в Лувре очаровательная картина этого великого художника, это Смерть Девы, вы знаете ее? Эта смерть...художнику никогда не простили того, что он изобразил не принцессу на кровати с балдахинном и красиво спадающей занавеской, в окружении лицемерных служанок, но женщину из народа, несущую на своем теле всю историю агонии, невысохший пот, темные ноздри, бледную кожу, отпечатки страдания на теле, изуродованном болезнью.

(...)...когда мы думаем, с кого художник мог скопировать ее! Я скажу вам: в больнице, где завершается жизнь большинства, или в морге: это здесь мы узнаем все правду о человеке, а не на парадных постановках, где умирают, как нужно...Слишком мрачно! И это говорят о черноте фона (...) Потому что священники хотят, чтобы при смерти Девы возникала идея Преображения (...) Вот чего они ждут от художников, и в этом они нас упрекают, если не получают ожидаемого. Нас нужно называть «преображающие». (...) Придет время, когда нам будут целовать руки за умение увидеть в толпе, на рынке, в лачуге правду человеческую.» (а)

4.2.-2 — Видеть и делать

В ответе на пессимистические прогнозы Теодора, его друг Огюстен Тьерри приводит новый аспект: провал — это суждение, следовательно, результат когнитивной операции, и эта операция может быть подвергнута сомнению:

4.2.3.-Различные акторы

Эта модель нам позволяет учитывать все «пересечения» двух изотопий, присутствующих в третьей Главе, развивающей их пространнее, чем остальные главы романа.

(а) Глава III, Огни Пале-Рояля, с.130.....(б) там же, с.128.

с.80

Различные действующие лица, олицетворяющие «действие» и «видение» могут быть размещены на каждой позиции полученного «квадрата»:

Теодор: предполагает живописное /действие/, историческое /бездействие/ (в этой главе он отказывается следовать за королем), историческое /видение/ и живописное /не-видение/. (а)

Тьерри и его друзья: предполагают историческое /бездействие/ («слишком молоды»), образное, живописное /бездействие/, историческое видение («оглушенные пушками»), живописное /видение/. Они соотносятся исключительно с двумя когнитивными сюжетами.

Люди эпохи: предполагают историческую /деятельность/ («избранники») и живописную /бездеятельность/, историческое /видение/, живописное /не-видение/.

Художник Гро: предполагает /историческую деятельность/ (он участвует в прославлении Императора), /живописную деятельность/ (Жерико признает его одним из лучших, несмотря на политический коформизм Гро). Это типичный случай невозможного компромисса между двумя изотопиями, образ болезненного обмена, который сам Арагон часто переживал, разрываясь между требованиями военной пропаганды и требованиями свободы творчества.

Все позиции представляются следующим образом:

4.3.- Генерализация модели: вмешательство аксиологии

В этой главе, в особенности в последних процитированных текстах, мы видим генерализацию темы, которая в конце обращена к Караваджо, размышление об отношениях между искусством, идеалом и реальностью.

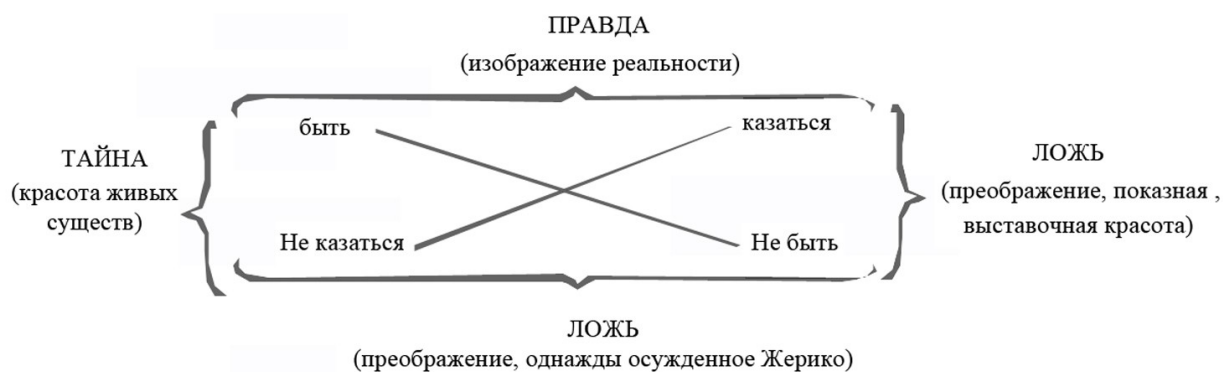
(а) Это утверждение могло показаться парадоксальным и беспочвенным; но Тьерри показывает Жерико, что тот сам не в состоянии оценить историческую ценность собственной живописи.

с.81

С семиотической точки зрения, речь идет о смещении проявления, которое становится сжатым для программ, графических или политических, и расширяется в отношении уровня аксиологических вложений. Мы видим, как в этом тексте организуются (см.п^о4.2.1) две серии, термины которых постепенно утверждаются:

«правда о человеке»	vs	«ложь» (лицемерная мимика)
«чернота, ночь, темные цвета»	vs	«огни», «живые цвета»
«тайная красота»	vs	«выставочная красота»
«изображение»	vs	«преображение»

Ансамбль представлен в проверочном режиме:

В сочетании с этими истинными модальностями, две изотопии готовы к аксиологическим инвестициям. Живописное действие Гро станет лживым, поскольку является уступкой «преображению» (для Наполеона), тогда как деятельность Жерико — истинная, поскольку он отвергает эти уступки. Именно посредством применения этих подтверждающих модальностей, которые раскрывают точку зрения «судьи», текст вводит следующие аксиологические ценности:

Эти ценности соотносят две изотопии с двумя различными уровнями: с уровнем более конкретизированным и изобразительным, содержащим частные программы текста- политико-исторические сценарии, сценарии создания картин, и уровнем более генеральным и абстрактным, включающим общий выбор конкретных сценариев — мы переходим здесь к «эстетике» и «идеологии».

Структура позиций может быть приведена в таблице:

		«видеть реальность» /человеческое/	«не видеть реальность» / сверхчеловеческое /
ИЗОТОПИЯ ЖИВОПИСЬ	ЭСТЕТИЧЕСКИЙ (абстрактный)	реализм	нереальный
	ЖИВОПИСНЫЙ (конкретный)	изображение	преображение
ИЗОТОПИЯ ИСТОРИЯ	ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ (абстрактный)	материализм	идеализм
	ПОЛИТИЧЕСКИЙ (конкретный)	Этот уровень еще не полностью образован для Теодора, поскольку на протяжении всего романа формируется его осознание происходящего, но уже имеются противоречия: «народ», «толпа», «большинство» «благопристойный мир»	

5-ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИТОГ

Такого анализа, даже если он представляется продолжительным, недостаточно для рассмотрения всех отношений между двумя определенными нами изотопиями. Мы, однако, полагаем, что сумеем показать, как множество повествований организованы в Страстной Неделе. Описание изотопных связей нарративного уровня может быть выполнено с двух позиций:

а-Данная изотопия должна быть мультинарративной, в соответствии с уровнем, абстрактным или конкретным, или в соответствии с когнитивным уровнем, на котором она проявляется. Живописные программы могут привести, в зависимости от случая, к «отчаянному» подтверждению метаволи субъекта или к абстрактным программам, в которых встречаются эстетика и идеология. Самым красноречивым примером мультинарративной изотопии нам кажется религиозная изотопия.

б-Рассказ может быть плюри-изотопным :тогда он функционирует благодаря связям с различными изобразительными изотопиями одновременно. Так обстоит дело с путем субъекта Жерико, который, в поисках самого себя, постоянно применяя мета-волю, пересекает по крайней мере две образные изотопии, виртуализируя одну и актуализируя другую через свои программы. Мы изучим функционирование главных коннекторов. Но прежде всего мы рассмотрим случай интегрирования изотопий : в одной из рассмотренных текстуальных последовательностей пространственность служила соединительной изотопией между живописностью и историей. На протяжении всего романа именно климатическая изотопия как организованный набор соединителей будет особенно привлекать наше внимание.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙII/МУЛЬТИ-НАРРАТИВНАЯ ИЗОТОПИЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ИЗОТОПИЯ

I-ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ФИГУР

Для проявления важности данной изотопии в изобразительной структуре романа мы предлагаем рассмотрение различных типов дискурсивных фигур, благодаря которым изотопия проявляется в поверхностной речи. Мы дистанцируем- но данный выбор произвольный- высказывания первого когнитивно-познавательного уровня и высказывания второго уровня.

I.I-V высказываниях, сделанных актантом рассказа.

а/В высказываниях первого уровня мы находим прежде всего некоторое количество ругательств и спонтанных фраз, ролевое содержание которых является религиозным. Например:

«Господи!И что они решат там, в Тюильри?» (а)

«...внезапно он увидел Мадам Висконти, лежащую в своем кресле, перчатки упали в огонь и горели! Мой Бог,- вскричал он, что с вами произошло, Джузеппа?» (б)

Эти выражения выявляют два имманентных различных явления: первое относится к чрезмерной модификации /красноречии/ , через которое субъект высказывания проявляет свою мета-волю, соединяя с ней сему «интенсивность». Эта сврхмодальная сема проявлена не только через интонации или через «график» восклицаний; она проявляется также через выбор акторов, чьи имена вписаны в «восклицания». В синтаксической изотопии отправителей высказываний, Бог всегда, по меньшей мере в западных идиомах, воплощает сему «оперативность», которая преобразуется в свой эквивалент «интенсивность» в модальном проявлении.

(а) Глава III, Огни Пале-Рояля, с.123

(б) Глава V, Сен-Дени, с.215.

с.85

Второе явление связано с актуализацией когнитивного действия, предполагаемого актом выважения. В двух выбранных примерах познающий субъект задает себе вопросы, то есть он одновременно выражает в своем высказывании:

- объект своего познавательного поиска.
- свою некомпетентность (не-мочь-знать)
- свою волю.

Итак, он выявляет предварительные условия познавательного сценария, который может реализоваться только через модификации первоначальной компетенции. Призыв к божественному- это повседневная программа этого познавательного действия, поскольку Бог (или его святые)- это всегда иерархически высший «отправитель», поэтому у него есть все, что нужно /знать/ о любой программе. Поэтому этот призыв, сделанный субъектом, является запросом на неявный и произвольный контракт на приобретение абсолютного /знания/.

б/религиозные тексты

На этом первом когнитивно-высказывательном уровне религиозная изотопия часто проявляется через цитирование текстов Библии или, конкретнее, Евангелия. Фрагменты литургии возникают в мемуарах Шарля д'Артуа в церкви Лиллера. Также фрагменты псалма 22 возникают в описании фермы Ифов в ночь Страстной Пятницы. Во всех этих случаях речь идет о дискурсивизации когнитивного действия, одновременно ретроспективного и рефлексивного. Шарль, говоря о Христе, в сущности, говорит о самом себе. Сюжет в своем когнитивном поиске открывает, что религиозные тексты, сохраненные в его памяти, составляют адекватное представление синтаксиса повествования, в котором он участвует. И он приводит эти религиозные тексты как результат собственного рефлексивного, познавательного поиска.

«Ваша жалость подобна облаку на рассвете и уходящей утренней росе. Поэтому я поступил с вами сурово через пророков, приговоренных к смерти словами моих уст.»(а)

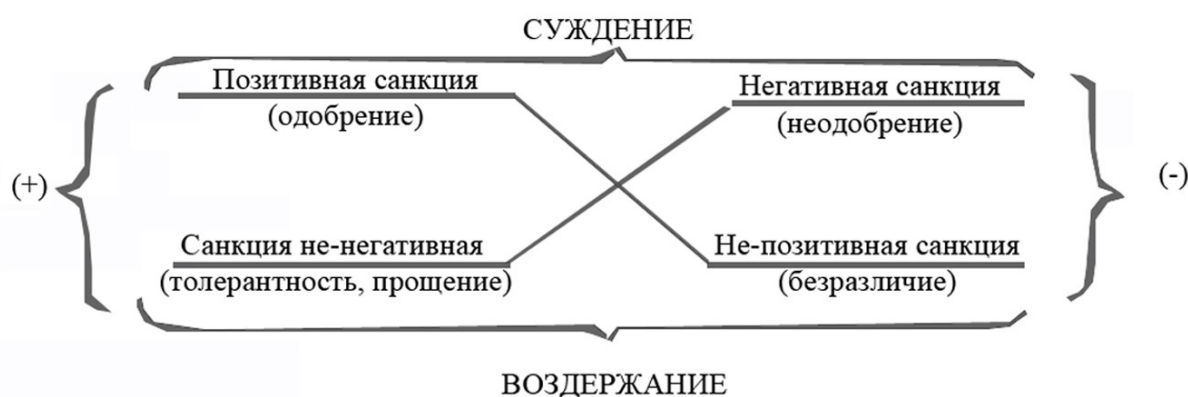
«В то время Иисус вышел со своими учениками, пересек поток Кедрон и вошел с ними в сад. Но предатель Иуда тоже знал это место... И он с ужасной тоской думал о всадниках Эксельманов. Знали ли они также это место?» (б)

с.86

Подмена актора здесь проста, ведь отправитель остается одним и тем же во всех случаях: для Артуа, Иисуса или Эфраима отправитель — всегда Бог.

Наконец, мы встречаем в высказываниях первого уровня молитвы, произносимые в основном Шарлем д'Артуа. Когда он говорит:

«Господи, прости меня...Господи, прости меня...Боже мой! Боже мой!прости меня...» (с) он манипулирует своим отправителем: его итеративное убеждающее действие имеет целью заставить Бога /не-делать/. Здесь речь идет о боге, который играет активную роль отправителя-судьи и чье суждение должно быть изменено. Система санкций следующая: (d)

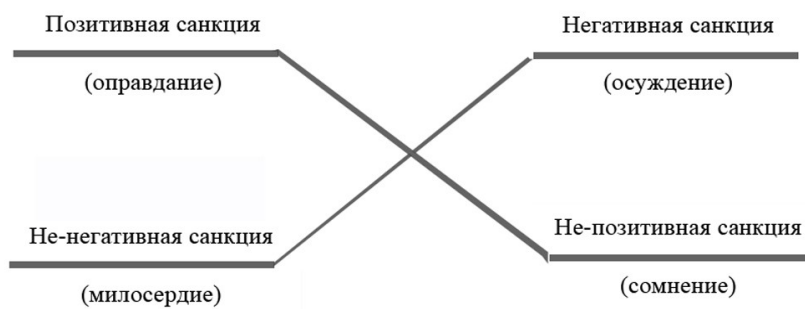
Убеждающее действие молитвы имеет целью перевести Бога от позиции «неодобрение» к позиции «прощение» через ось, соединяющую противоречивые позиции. Христианское прощение еще усложняется тем, что просьба о прощении становится актом веры в себя: через данный вербальный акт просящий «распознан» как субъект, и отправитель присваивает ему позитивную санкцию. Путь следующий: «неодобрение»----- «прощение» ----- «одобрение».

(a)/предыдущая страница/ Глава XV, Святая Пятница. с.267.

(б) Глава XV, там же, сс.267-268.

(с)Глава XV, там же, с.268.

(d) Данный квадрат санкций может использоваться для описания суждений, адресованных анти-субъекту:

I.2- Высказывания автора.

В высказываниях второго уровня «инвентарь» практически нереален, в любом случае мало прагматичен, поскольку изотопия проявляется здесь через:

-пространственных акторов, религиозные здания, занимающие отдельное место в организации пространства, поскольку они содержат семы «верикальность» и «сверхактивность».

-в обыденных программах, традиционно объединенных под названием «повседневная жизнь»; религиозная изотопия находит здесь свое место в виде «ритуалов», то есть предварительно организованного сценария, итеративного и неизменного.

-через литургии страстной недели и страсти Христовы, составляющие сложное повествование, принадлежащее общности романа.

I.3. - Неявный дискурс истории.

Что особенно замечательно, это абсорбация текстом ролевых и нарративных составляющих данной изотопии. Мы можем заключить, что эта абсорбация является дискурсивным проявлением неявного присутствия истории, тип свидетельства о религиозной «пропитке» общества этого времени. Но этот дискурс остается имплицитным, поскольку фигурация и дискурсивное проявление в целом, о которых идет речь, фигурируют и прямо проявляют нечто иное, чем дискурс об истории, и, следовательно, косвенно сам дискурс, расположенный на более абстрактном уровне.

Мы видим, что религиозная изотопия проявляется постоянно на всех уровнях текста и на всех дискурсивных уровнях. Можно предложить простое противопоставление по типу: /присутствие/ vs /отсутствие/. Сохраняя терминологию нашего первоначального наблюдения, мы предложим:

«пропитка религиозной изотопией»	vs	«не-пропитка религиозной изотопией»
----------------------------------	----	-------------------------------------

Эта система оппозиций включает обильные религиозные проявления в романе в иной дискурс, иную изотопию, также принадлежащую роману: историческую изотопию.

Другими словами, само это изобилие свидетельствует об /историчности/ религиозной изотопии. Действительно, данная оппозиция «пропитка»vs «не-пропитка» порождается исторической изотопией в том измерении, где она предусматривает трансформации (переход от одной позиции противопоставления к другой), другими словами, синтаксис, субъекты которого — социально-исторические. Например, сравнивая место, занимаемое священниками при Людовике XVIII и при нашем Президенте Республики (пренебрегая нюансами), мы построим оппозицию /присутствие/ vs /отсутствие/. Следовательно, именно структурная смежность (или связь) религиозных и социально-исторических изотопий формирует из нарративного пути «абсорбация» -----> «не-абсорбация» неявный дискурс истории. В романе Арагона структурная смежность косвенно проявляется через это «пропитывание» ; вот почему данный дискурс только подразумевается. Мы предпочитаем данную презентацию, даже усложненную, той, что соотносится с «функцией отсылки» или к «ценностям отсылки» высказывания. Наша презентация в любом случае позволяет формальное объяснение того, что мы интуитивно ощущаем при чтении романа, когда мы понимаем, что Арагон говорит нам о религии, рассказывая об истории.

2-ТЕМПОРАЛИЗАЦИЯ И ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

2.1 — Евангельское повествование и литургический рассказ.

В недрах религиозной изотопии, мы наблюдаем множество синтаксических уровней. Разберем , по меньшей мере, несколько уровней, наиболее отчетливо проявленных: в литургическом рассказе, соотносимом с конфигурацией «страстной недели»; итак, здесь часто проявляется евангельский рассказ. И факт социального прочтения состоит в том, что эти две истории находятся в тесной связи, а также в связи с планами актантными, синтаксическими и ролевыми. Исчерпывающее описание этого отношения было бы слишком развернутым и вне рассматриваемых рамок. Однако, чтобы ограничить вопрос, мы можем отметить двойную артикуляцию между двумя рассказами: рассказ одновременно является представлением и прославлением евангельского сюжета. Действительно, страстная неделя — это сочетание когнитивно-воспринимающих программ, соединенных с обыденными прагматическими программами — ритуалами; это равнозначно участию «получателей» (верующих) в прославляющем испытании пасхального сюжета (Христа).

В любом культе существует ассимиляция к отправителю, направленная на понимание сюжета.

Литургическое повествование, также быстро определенное, ограничено жесткими временными рамками: одна неделя. С другой стороны, данная временная протяженность разделена на последовательные протяженности, воспроизводящиеся, согласно протяженности евангелического повествования. Так как это разделение составляет объект веры и уверенности, оно неизменно. Литургия — это всегда «поставщик» наиболее точных временных реперов, и в любом случае наиболее универсальных, используемых для разделения времени человеческой жизни на разрозненные единицы.(а)

Но важно то, что эти реперы работают только потому, что они связаны с конкретной аспектуализацией определенных известных и признанных повествовательных программ: религиозными сценариями и ритуалами. Когда люди применяют в астрономии данное распределение, оно применяется подобно: это аспектуализация астральных, солнечных и планетарных программ, определяющих единицы человеческого времени.

Темпорализация литургии- это последовательное и аспектуальное деление, определяющее аналитическую и абстрактную операцию синтаксического уровня литургического повествования. Иначе говоря, эти разрозненные единицы являются означающими которые, через акты темпорализации, отсылают к двум означаемым: одному строго текстуальному, другому абстрактному и временному.

(а) Леви-Стросс замечает сопоставимый факт в своем анализе семантического поля забвения в греческих и американских мифах. После напоминания (под парадигматическим углом) нескольких фактов и жестов из мифа об аргонавтах, он добавляет:

«Итак, когда мы читаем эту историю от начала и до конца, ее синтагматическая последовательность кажется совершенно узнаваемой и позволяет понять происхождение населенных пунктов рассказа, которые следуют друг за другом в пространстве так, что это заставляет подумать о ритуальных празднованиях в течение года. Эти ритуалы отмечают календарные этапы, как населенные пункты- этапы путешествия. Они создают: одни время, а другие протяженность.» (Миф и забвение, Язык, дискурс, общество. с.298-299)

В Страстной Неделе мы встречаем достаточно мало отсылок к ритуалам приготовления к Пасхе, кроме вечера Страстного Четверга, когда романист задерживается в церкви, описывая одного из своих персонажей. Сущность определяется через временные индикации, функционирующие как нарративные означающие. Лексемы или синтагмы, как «страстная неделя», «пепельная среда», «страстный четверг», «страстная пятница» - являются означающими, отсылающими к двум типам означаемых: с одной стороны к синтаксическому уровню и к ролевому уровню, к ритуалам и церемониям, с другой стороны, благодаря игре аспектуализаций и последовательных разделений, к разделению временному. У рассказчика нет надобности в описании содержания ритуалов:

они предполагаются временными означающими. Мы могли бы даже заключить, что литургическая темпорализация функционирует как замена «соединителя» литургического рассказа о самой Страстной неделе.

2.2.- Литургическая темпорализация и темпорализация романа.

В нашем анализе литургическая темпорализация работает только через отношение с литургическим рассказом. Необходимо показать, как она служит рамкой и системой временных реперов для других рассказов. Поэтому мы должны изучить изотопные смежности и связи, обращенные к литургии.

2.2.1- Аспектуальные совпадения .

Литургия включает закрытую серию нарративных сценариев, некоторые отпечатки которых появляются в романе:

- Симон Ришар участвует (вопреки желанию) в службе Страстного Четверга в Лилле.
- Шарль участвует в мессе Страстной Пятницы в Лиллере.
- Сестра Фелисите наблюдает за Святым Причастием в Бетуне, когда она встречает Короля.
- Постоянно возникают звенящие в честь Пасхи колокола.

Включенные или выключенные из данной серии элементы входят в совпадение (а) с аспектуализированными элементами других нарративных ихотопий.

(а) Понятие «совпадения», которое мы часто здесь используем, но всегда в отношении аспектуальных систем, определяется как «соединение между аспектуальными изотопиями».

с.91

Бегство Короля и его приверженцев из Парижа к границам соответствует аспектуальным параметрам генерального сценария «страстной недели»:

х «иншоактивность» (побуждение к действию)	(страстная неделя)	«окончателность» (действия)х
х«иншоактивность» (побуждение к действию)	Бегство Короля и его приверженцев	«окончателность» (действия)х

Персональное политическое преобраование Жерико совпадает с нарративным литургическим синтаксисом:

х «иншоактивность» (побуждение к действию)	(страстная неделя) х	«окончателность» (действия) х
	«иншоактивность» Пепельной Среды	
(прежние политические настроения)	х	(новые политические настроения Жерико)
	«окончателность» прежних политических настроений	«иншоактивность» (побуждение к действию) нового политического настроения Жерико

В этом случае, нарративный стержень («окончателность» старой программы = «иншоактивности» новой) совпадает с «иншоактивностью» Пепельной Среды.

Жизнь Дежорджа заканчивается в день, когда происходит смерть Иисуса.

«иншоактивность» (страстная неделя)
«окончателность»

х-----х-----х

«окончателность:
страстная пятница»
(Смерть Христа)

(жизнь командира Дежорджа) «окончателность»
-----х

Эта связь-совпадение, которая противопоставляет и сближает «смерть Бога» и «смерть человека» порождает множество всевозможных интерпретаций, о которых мы побеседуем далее.

2.2.2.- Изобразительное и аспектуальное совпадение.

Вместе с климатическим рассказом, эти аспектуальные связи создаются почти поэтапно и продублированы связями между фигуративными изотопиями. Кроме того, мы наблюдаем систематическое сочетание преобразований на примере первой и второй изотопии.

а/В течение двух последних дней перед наступлением весны, воскресенья и понедельника, идет дождь: «...трагическое время, протест природы.» (а)

б/Вторник, начало весны, буря успокаивается:
«Наконец, рассвет окрашивает окна. Весна, среди низких туманов, началась в Бове...(...) Ветер стих. Первые лучи солнца робко упали на землю.» (б)

с/Среда, Страстные дни приближались, пепельный день, природа участвует в программе «ритуальная скорбь»:

«Она закончилась, наконец, эта бесконечная ночь с вторника на среду, день поднимается в небе Пуа, под падающим дождем.» (с)

«Вторник не был слишком плох, но среда началась грустно и погода вновь ухудшилась, хотя ранним утром, казалось, смягчалась. Настоящая среда страстной недели, когда небо воплощает саму скорбь...»(d)

d/Страстный Четверг — день, когда литургия посвящена предательству людьми Христа, поднимается ветер:

«Страстный Четверг 1815 года начинается гневом и небесным судом.» (е)

Рассмотрим детально в последующих частях исследования, ролевые и синтаксические связи, здесь возникающие. Мы рассмотрим здесь только связи, становящиеся индикаторами темпоральности.

е/Страстная Пятница: мы видим то же сопутствование, аспектуальное и ролевое:

«Дождь, вместе с колоколами, удалился в Рим. День Страсти Христовой темно начинался под пыльным небом...рассвет казался размытым всеми слезами Масличного сада.» (f) (g)

(а)Глава VII, Последнее зимнее бдение,с.313.....(б) там же, с.313.

(с) Глава XI, На дорогах, с.68-69.....(d) там же;с.82.

(е)Глава XIV, Ветреный день, с.201.

(f) Глава XV, Страстная Пятница, с.257.

(g) Подчеркнуто нами

с.93

Две изотопии проявляются в одном и том же сценарии традиционной «скорби».

$\left\{ \begin{array}{l} \text{Климатическое высказывание I:} \quad \text{тема климата} \cap \text{«дождь»} = \text{скорбь} \\ \text{Религиозное высказывание I:} \quad \text{религиозная тема} \cap \text{«слезы»} = \text{скорбь} \end{array} \right.$

После преобразования, две темы состояния оказываются в следующей ситуации:

Климатическое высказывание 2 : климатическая тема \cap «пыльное небо»+ «размытый рассвет»

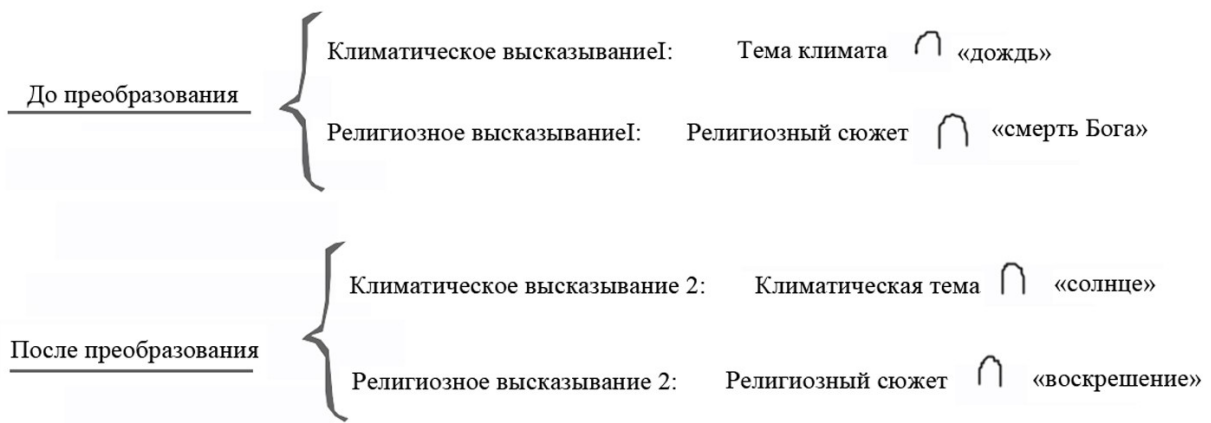
Религиозное высказывание 2 : религиозный сюжет \cap «ушедшие колокола»

Это нам позволяет обозначить синтаксическую смежность как совпадение преобразований двух изотопий:

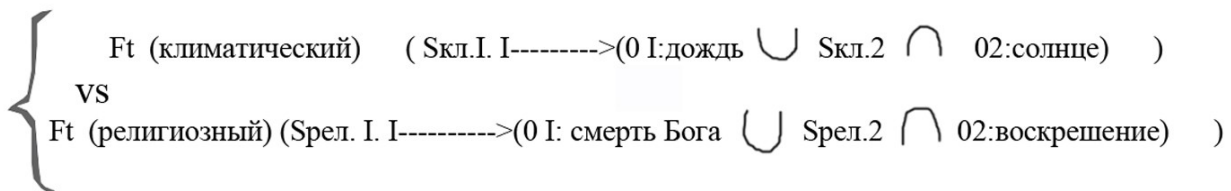
$\left\{ \begin{array}{l} \text{Ft (климатический)} \quad (\text{Скл. I} \rightarrow (0 \text{ I: дождь} \cup \text{Скл. 2} \cap 02: \text{пыльное небо, размытый рассвет})) \\ \text{Ft (религиозный)} \quad (\text{Срел. I} \rightarrow (0 \text{ I: слезы} \cup \text{Срел. 2} \cap 02: \text{уходящие колокола})) \end{array} \right.$

f/Суббота, дождь начинается заново, это совпадает со смертью Бога.

g/Воскресенье, возвращается солнце, это день воскрешения, то, что может быть формализовано:

Ансамбль синтаксических совпадений:

2.2.3.-Ансамбль аспектуальных совпадений:формализация

Мы рассмотрели действительную формализацию данных аспектуальных совпадений только для двух последних случаев. Это можно было бы сделать для всех позиций, но это было бы утомительным и бесполезным. Исходя из предыдущего анализа, мы хотели бы создать наиболее генеральную формализацию, учитывающую темпоральные границы Страстной Недели через литургию, но также и всего нарративного контекста.

с.94.

Если в наших условиях:

(A): изобразительная темпорализующая изотопия (здесь:литургия)

(не A):любая другая изотопия, совпадающая аспектуально с (A) с точки зрения темпорализации.

(S1A) : трансформирующий субъект изотопии референций.

(S2A) : субъект того же состояния.

(01A) и (02A): объекты в общении с референтивной изотопией.

:и соответствующие элементы изотопии (не A)....

Генеральная формула темпорализации нарративного высказывания:

$$\left\{ \begin{array}{l} Ft(A) \\ Ft(\text{не } A) \end{array} \right. \quad \begin{array}{l} (SI A \text{-----} \rightarrow (OI A \cup S2 A \cap O2 A)) \\ \text{в аспектуальном совпадении с:} \\ (SI \text{ не } A \text{-----} \rightarrow (OI \text{ не } A \cup S2 \text{ не } A \cap O2 \text{ не } A)) \end{array}$$

В романе Страстная Неделя темпорализация состоит в ролевом, специфическом и особенном проявлении трансформационных совпадений, не содержащих в самих себе ничего темпорального: последовательное разделение литургического повествования предполагает данное изобразительно-временное проявление, поскольку оно проникнуто семантическим содержанием социолектного и культурного пространства.

2.3.- Разрывы пространственной изотопии и разрывы изотопии временной.

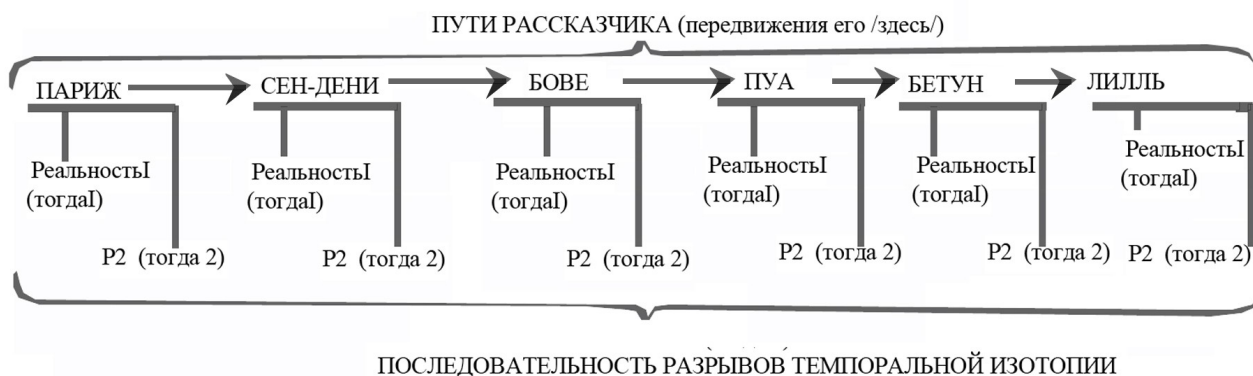
2.3.1.- Два решения

Для романтиста, желающего показать пересечение многих глубинных повествований через разнообразных акторов и актантов существует, в основном, два технических решения, каждый из которых влияет на переменную структуры. Романист может либо играть с прерываниями временных изотопий, либо пространственных изотопий.

а/ Прерывания временных изотопий

Если романтист выберет прерывание изотопий временных, он сохранит пространственную изотопию. /Здесь/ рассказчика может варьироваться, но все пространства в рассказе прямо соединены с деиксисом высказывания; в случае, когда рассказчик находится в синкретизме с актантом высказывания, эта вариация в пространственной изотопии создает нарративный путь субъекта-рассказчика. Временная единица дискурса рассредоточена и временная изотопия теряет столько же «тогда», сколько имеется различных повествований.

Автор-рассказчик в одном текстуальном ансамбле описывает все, что происходит в заданном месте, даже если его это обязывает оперировать многими темпоральными разрывами (что равно разрывам темпоральной изотопии), ретроспективными и проспективными. Если бы Страстная Неделя была бы рассмотрена согласно данной модели, роман получил бы следующую форму (при ограничении, согласно мотивам читабельности и размера, до двух отдельных историй):

б/Разрывы пространственной изотопии

При этом выборе рассказчика темпоральная изотопия стабильна, если она связана с темпоральной изотопией текста. /Настоящее время/ высказывающего отделено от времени повествования, но только в единственном случае. Оно также может варьироваться в ходе рассказа, но всегда в соотношении с одним деисисом восприятия, и данная вариация создает другой тип субъекта-рассказчика: литературная «продолжительность». В этом случае, пространство, в свою очередь, рассредоточено во множестве /других мест/. Автор выбирает рассказ в одном текстуальном пространстве, присутствующем в данный момент, даже если это обязывает его ко множеству пространственных разрывов (то есть к разрывам пространственных изотопий). На уровне ролевого проявления пространства, ансамбль романа может конструироваться только благодаря памяти дискурса, сохраняющего характеристики различных пространств для их идентификации в случае их повторного появления.

Эта память может проявляться через деиктические анафоры (здесь, там, дальше, впереди,...) или анафоры акториальные (названия городов, зданий...). Если бы Страстная Неделя была построена таким образом, с теми же ограничениями, что перечислены выше, схема была бы следующей:

2.3.2.-Комплексная темпоризация и пространственное оформление Страстной Недели

По отношению к этим двум решениям, роман Арагона не является гомогенным образованием. Рассказчик выбирает один или другой прием, или оба одновременно, согласно ситуации...Простое прочтение названий глав, совместно с изучением содержания каждой из них, обнаруживает непрерывные изменения переменных в дискурсе романа. Избавим читателя от утомительного перечисления этих изменений и опишем лишь несколько случаев.

Глава I, Пасхальное Утро: если здесь есть изотопические разрывы, они являются внутренними для одной и той же истории, сосредоточенными на одном и только одном действующем лице: Жерико .

Глава II, Четыре вида Парижа: Глава построена на /времени/, идентифицируемом с полуднем Пасхального Воскресенья. Здесь пространство фиксируется в соответствии с четырьмя /местонахождениями/, соответствующими маршрутам четырех различных действующих лиц: Дьедонне, Макдональд, Фабье, Шастеллюкс.

Глава VI, 20 Марта в Бове: Несмотря на свое «обманное» название, эта глава построена на /времени/ идентифицированном, на дате, и на разнообразных пространственных разрывах, позволяющих организовать мозаику рассказа, действующие лица которого: Нэнси Масса, Дениза, Макдональд, герцог де Муши, Мармонт и так далее...

Глава V, Сен-Дени :здесь пространство зафиксировано и временная изотопия рассеивается, позволяя вспомнить пути, остановки, прибытия и уходы различных актантов: Мадам Висконти, Макдональда, Жерико, Мезона, Короля, Отца Елисея, и так далее...Ко всем этим минимальным разрывам добавляются длинные ретроспективы любви мадам Висконти или истории из Сен-Дени.

Глава XIII, Семена Будущего: Разрывы изотопий , по существу, временные, поскольку в этой главе, касающейся Бертье, работают ретроспекции и поиск. Многочисленные периоды /тогда/ позволяют развить фигуративно и нарративно компетенцию, которая проявляется в Лилле, во время королевского обеда: Бертье обеспокоен, кусает ногти, он ,по-видимому, очень несчастен.

Несмотря на все эти различия, определяется доминирующая тенденция, по мере нашего углубленного изучения романа...Литургическая темпоральность при приближении Страстной Пятницы и Пасхи, становится все более выдающейся... Мы рассмотрели главы, где происходят временные разрывы, где они очень слабы (несколько часов) и не искажают игру литургических деноминаций, или же они очень важны и выводят романтический дискурс за рамки Страстной недели : несколько лет назад, два месяца спустя, например...Если иногда возникает впечатление, что рассказ ускользает от временного литургического маршрута, то это впечатление случайно. Литургический путь образует глубинный каркас и это скорее пространство, которое разделено, рассыпано, как колонна беглецов...нужно ли искать другой неявный дискурс в человеческой истории? Вне противоречивого распада разрозненного настоящего, разорванного человеческого пространства, глубокий синтаксис человеческой истории подчиняется непреодолимой, обнадеживающей направляющей нити, прерывистой временной последовательности, ориентированной и организованной необходимостью.

3-ТОЛКОВАТЕЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ РОМАНА И ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

3.1-Интертекстуальность: Страсть.

Если литургический рассказ позволяет нам изучить вопрос темпоральности в романе, евангелический рассказ направлен на иную проблематику: интертекстуальность. Это оставалось ключевым понятием семиотических исследований, уже в течение некоторого времени. Однако, в последнее время, данному понятию уделяется меньше внимания, ибо оно признается не способным разрешить некоторые задачи, вследствие того, что наименование «интертекстуальности» присваивается дискурсивному феномену в качестве «клише», не объясняя более глубокие концепции.

Повествование о Страсти, которое мы находим во всех версиях Евангелия, присутствует в Страстной Неделе: дискурс романиста создает явную или неявную референцию, через цитаты или транспозицию, к иному, всем известному, дискурсу, отличному от авторского. Этот дискурс «извне» очень заметен в дискурсе романа, и его структурное положение в высказывании прекрасно определяется пределами семиотического объекта, который мы называем «текстом». В высказывании романа, история Страсти строится вокруг временного отрезка /тогда/ и пространственного отрезка /там/ оторванных от нарративного деиссиса самого романа в целом, и от литургии страстной недели в частности.

В данных /тогда/ и /там/ субъект прагматического измерения создает Христа. Тот, кто рассказывает, становится евангелистом. Исторические субъекты романа (Жерико, д'Артуа, Людовик XVIII, и другие...) занимают по отношению к рассказу ту же позицию, которую занимаем мы по отношению к повествованию Арагона о бегстве Короля...Что равносильно утверждению, что «интертекстуальность» - это не что иное, как одна из множества симуляций, характерных для когнитивно-высказывающей структуры. Повествование о Страсти - это дискурс, производимый когнитивными субъектами, дискурс, который сам является объектом других когнитивных действий, которые превращают его в литургический дискурс, который сам...и так далее.. мы сталкиваемся со случаем рекурсии когнитивно-высказывательной структуры.

Мы заключаем, что интертекст — это один из многих смоделированных дискурсов, производимых когнитивным измерением рассказа : дискурс, входящий в когнитивно-высказывающую компетенцию познающих субъектов; субъект первого уровня, если интертекст известен актанту утверждения-примера (Шарлю д'Артуа), субъект второго уровня, если интертекст известен непосредственно и принимается , как таковой, высказывающим. Единственное свойство интертекста — это быть культурным стереотипом и являться, но так же как и другие семиотические феномены, частью социолектной вселенной. Интертекст не произведен чем-то «вне» текста: это просто один из дискурсов высказывания, предполагаемый рассказчик которого идентифицирован как часть некоей заданной культуры (а)

3.2. - Евангелический рассказ и историческое повествование

Результат интертекстуальности, если интертекстуальность существует, в любом случае поддается описанию в терминах связи между двумя изотопиями. Благодаря игре многочисленных и разнообразных соединителей, благодаря многим изобразительным рефлексам, тематическим и актантным совпадениям, евангелический рассказ разворачивается как отражение исторического повествования.

3.2.1- Уровень аспектуальный и синтаксический

На уровне синтаксиса, это представляется достаточно естественным в измерении, когда два повествования находятся в аспектуальном и синтаксическом совпадении с литургическим рассказом, организующим темпоральность всех историй в романе.

(а) Авторы концепции интертекста нам известны, речь идет об Иоанне, Матвее, Луке и Марке. Однако цитируемые тексты почти все из Страстей святого Матвея; видим несколько скрытых отсылок к Страстям Христовым от Святого Матвея или Иоанна. Спросим себя, каким бы был этот «интертекст» или эти «рассказчики» воспринимаются , например, японским читателем Страстной Недели. Если, конечно, речь не идет о ком-то, погруженном в западную христианскую культуру. Для японского читателя это будет только элемент среди прочих других, в слое познания, распределенном рассказчиком в своем высказывании.

Так как историческое повествование о бегстве Короля прямо соотносится по времени со Страстной Неделей, и находится в границах этой недели и так как, сверх того, та же страстная неделя представляется в качестве воспроизведения темпоральности, свойственной евангелическому рассказу, мы можем предвидеть, что любая связь между «исторической» и «религиозной» изотопией создаст из религиозной изотопии уровень толковательного прочтения для исторической изотопии.

3.2.2 — Соединители.

Изберем несколько отдельных фрагментов:

«Этим вечером Пасхи начались Страсти Короля. Крестный Путь скоро станет путем всей этой армии, от которой потребуют этой ночью грандиозных усилий.» (а)

Соединители здесь — семантического порядка. Анализ сем показывает минимальный тематический элемент: два рассказа располагаются на оси дисфории с семой «интенсивность». Но они обладают общими чертами:

-синтаксическая структура, поскольку они появляются в момент решительного испытания.

-нарративная фигура: замещение прерывными и повторяющимися единицами, что приводит к типу фрагментации повествования на подпрограммы, каждая из которых имеет свою собственную аспектуализацию (уход, движение вперед, прибытие) и фрагментацию пространства на «стадии» для исторической изотопии и на «станции» для религиозной изотопии.

Связь обогащается в этой фразе:

«...да, он следовал Королевским Страстям на этой страстной неделе. Но без веры в «миссию» потомков Святого Людовика.»

Дискурс романиста здесь включает иной дискурс — об идеологических базах монархии, основанной на божественном праве. Нужно рассматривать эту фразу как информацию о религиозных «способностях» французских королей: «миссия» им приписывает одновременно /власть/ и /долженствование/.

Мы видим также:

«... его нагрудник, пластрон и заднюю часть которого можно было увидеть на земле в переулке, прислоненные друг к другу, как две сцепленные руки. Для какой молитвы?»(а)

«...место, где встречаются и пересекаются голгофы.» (б)

Связи существуют между «кирасой» и «скрещенными для молитвы руками», и между «страданием» и «Голгофой». В первом сочетании терминов коннектор — это семантический комплекс : /дуальность+совместность+вертикальность/, использованный на фигуративном уровне через пространственное или телесно-соматическое устройство (кираса). Во втором случае коннектор лингвистический, поскольку связь основана на полисемии лексемы: «страдание» (место Страстей или испытание страданием).

3.3.- Толковательное чтение.

Поскольку связь теперь гарантирована, возможно развить толковательное чтение. Уточним, что оно не принадлежит в целом структурному анализу текста: для него достаточно внимательного прочтения или прочтений, при гарантированной читабельности текста и это все. Однако мы не откажемся от удовольствия предложить эту интерпретацию.

3.3. I-Общие активные инвестиции.

Нарративный синтаксис бегства Короля больше не просто объект сближения со Страстями Христовыми; аналогия между двумя изотопиями более не только фигуративная, но также актантная. Шарль также говорит о Бонапарте:

«Здесь вы отдаете предпочтение нечестивым. Что вы призываете к нашему наказанию, вы, осмелившийся лишить сана Римского священника.» (с)

Изгнанник, возвращающийся с острова Эльба, приобретает сходство с Антихристом, то есть с анти-субъектом религиозной изотопии, беглецы же на стороне Христа. Это религиозное вложение в позицию священного субъекта приобретает особенно развитое выражение в длительных монологах Шарля д'Артуа во время ночи Страстной Пятницы: перед смертью Христа, он просто сравнивает:

(а) Глава I, Пасхальное Утро, с.24.

(б) Глава XVI, Завтра Пасха, с.344.

(с)Глава XV, Страстная Пятница, с.267.

«Боже мой, Боже мой: простите меня за сравнение того, что не поддается сравнению, что сравнивать святотатственно.» (а)

Но после времени смерти Христа, уподобление становится тотальным, он говорит о нем, предполагая в своем «Я» жертву Христа:

«Я как вода, что течет, все мои кости рассоединены» (б)

Исторический субъект берет слово в недрах дискурса религиозного субъекта, на предназначенных для него «местах»... «Святотатство» подтверждается (но здесь только в мечтах д'Артуа); и нам эта актантная подмена позволяет толковать систему двух изотопий как одну актантную структуру, проявленную двумя актерскими структурами, рассоединенными во времени, одна по отношению к другой.

3.3.2.- Общая амбивалентность общего отправителя

Актантная позиция отправителя «предусмотрена Богом» в двух изотопиях: относительно Страстей Христовых, что очевидно; для Страстей Короля и его брата она прописана в статусе монархии божественного права. Но, в особенности, в двух изотопиях этот отправитель имеет одну амбивалентность. Подразумевается «отправитель», посылающий на землю Христа ради спасения людей и «отправитель», дарующий миссию «детям Святого Людовика» править этими людьми.

Но существует также анти-отправитель — только фигуративно-, тот, кто покидает субъекты, прерывает фидуциарный контакт, связывающий его с ними, их отдает анти-субъекту, безбожному Понтию Пилату или безбожному Бонапарту. Субъекты евангелического рассказа, как и субъекты рассказа исторического являются прежде всего делегированными субъектами, и затем принесенными в жертву.

(а) Глава XV, с.268.

(б) Глава XVI, с.324.

Преображение, которое их охватывает, предполагает трансформацию «отправителя» в «анти-отправителя» на видимом уровне. Эта трансформация и это подобие выражены в вопросе Шарля:

«...в день ваших крестных страданий, вы совсем не замечаете, что и мы на кресте?» (а)

3.3.3.- Новая смерть Бога в истории.

Отталкиваясь от этого ядра актантной ассимиляции, организуется и разворачивается прочтение исторического рассказа на основе религиозной изотопии. История о бегстве Короля и Принцев становится рассказом, перенесенным на другую изотопию : о смерти Бога, о новой смерти Бога в истории. Разрыв двойственный: с одной стороны разрыв изотопии, с другой стороны временной разрыв (год I vs год 1815). Рассмотрим несколько фрагментов дискурса о Пасхе, которые становятся дискурсом в романе только благодаря элементам исторического рассказа.

а/ Святой Матвей, /26,14/

«Итак, один из Двенадцати, называемый Иуда Искариот, отправился к Первосвященникам и сказал: «Что вы дадите мне, если я вам его выдам?»

Предательство — нарративная фигура, которая предполагает полемическую структуру рассказа- много раз упоминается в историческом рассказе: Луи-Филипп это Иуда для всех: для Людовика XVI , для Людовика XVIII, для Революции. Елисейский Дворец- Иуда только для Шарля. И многие другие: Мортье, Лагранж, Лористон...обвинены в предательстве. И каждый раз модальные инвестиции принадлежат также религиозной изотопии: /желание/? Продажность и интерес. /Знание/? Понимание ситуации и проблем того, кто был предан.

б/ Святой Иоанн.

«После Елеонской горы , Иисус отправился со своими учениками на другую сторону Кедронского потока. Там был сад....и Иуда.»
Постоянные намеки на Хедрон во внутренних монологах обеспокоенного Шарля д 'Артуа, в момент его молитвы, синаксически размещены на том же месте, что в евангелической изотопии- в нарративной фигуре предательства. Предательство готовится в тот момент, когда Иисус молится и просит об освобождении на Елеонской горе.

(а) Глава XV,с.267.

с/Святой Матфе, /26, 23/

«Кто положил руку в блюдо, тот предаст меня.»

Эта фраза, произнесенная во время Тайной Вечери, в Страстный Четверг, может быть применена по отношению к Людовику XVIII и его кузену Луи-Филиппу, во время обеда в Лилле:

-Это последний публичный прием пищи Людовика XVIII во Франции, как Тайная Вечеря для Христа, перед его смертью.

-Это последняя встреча высоких чинов королевства и последних приверженцев короны, как Тайная Вечеря — последняя встреча апостолов.

-Во время обеда Людовик XVIII отворачивается от своего кузена и тем показывает свои опасения.

d/Святой Матфе, /26, 30/

«Я поражу пастыря, и овцы стада рассеются.» Это произошло с министрами, Принцами и последними приверженцами после бегства Людовика XVIII .

e/Святой Матфе, /26,34/

«Даже если я умру вместе с тобой, сказал ему Пьер, я не предаю тебя. - Иисус ответил ему, : «Воистину, Я говорю тебе, что этой ночью, еще до того, как петух пропоет , ты предашь меня три раза.» Так же Людовик до того, как занялся день, был предан тремя из своих компаньонов по бегству: Макдональдом, Мортье, Луи-Филиппом.

f/Святой Матвей, /26,36/

«Моя душа скорбит от предстоящей смерти, останьтесь здесь и бодрствуйте со мной.»

«...итак, у вас не было сил провести час со мной.»

На ферме Ифов, Шарль не спит и страдает в одиночестве:

«...Дамаск дремлет на моем локте...Даже нет больше дворян, раньше не спавших и слушавших вздохи графа д'Артуа.» (а)

В обоих случаях мы видим одиночество избранного субъекта, который должен принять, как одинокий «актер», оторванный от «коллективного» сознания компаньонов, страсть в религиозном смысле или смысле семиотическом. (б)

«Иосиф Аримафейский купил плащаницу, снял Иисуса с креста, завернул его в плащаницу и поместил в гробницу, высеченную в скале.»

Фигуративные детали положения во гроб идентичны некоторым моментам исторического повествования: вечером Страстной Пятницы Шарль имитирует погребение...он обернут своим широким плащом и хочет спать на камне, хотя все пытаются его удержать.

Сематические и синтаксические элементы такого толковательного прочтения бесчисленны и их перечисление бесконечно и бесполезно: функционирование двух соединенных изотопий подтверждено. Однако некоторое уточнение необходимо, с одной стороны для воссоздания интертекстуального дискурса, с другой стороны для развития содержания когнитивной компетенции, построенной романистом. Это, прежде всего, вопрос знания, которое высказывающий распространяет, иногда тайно, в своем высказывании, и разъяснение которого может быть выполнено только в рамках моделируемой когнитивно-высказывающей структуры, то есть в отношении манипуляции воспринимающего со стороны высказывающего.

(а) Глава XV, с.307.

(б) Это определение страстей мало помалу разрабатывается; но в семиотическом смысле, к которому мы делаем аллюзию, он самый элементарный: стать — это состояние, к которому субъект присоединен действием отправителя.

3.3.4. - «Дорога в Дамаск» Жерико.

Толковательное прочтение религиозной изотопии возможно не только при историческом прочтении, центральном в романе. Индивидуальная история, субъектом которой является Жерико, также может быть объектом: его индивидуальный маршрут будет прочитан как «дорога в Дамаск». Саул, слуга римского тирана, шел по дороге в Дамаск, выполняя свою работу сборщика налогов, и он был поражен светом откровения:

«Павел, все еще думая об угрозе и убийствах учеников Господа, (...) приближался к Дамаску, когда внезапно свет озарил его с неба. (...) пелена упала с его глаз и он прозрел.» (а)

Мы можем рассматривать образное проявление этого повествовательного стержня религиозной изотопии как очень близкое к тому, что порождает когнитивное преобразование Жерико во время собрания заговорщиков Пуа.

«Но удивительным было то, что в Теодоре происходило какое-то необъяснимое, глубокое изменение, движение неприятия предложенных правил, ценности аргументов и развития мысли.(...) Он отчаянно хотел продолжать верить, а не отделять себя от этой фантастической вселенной, освещенной низкими факелами под высокими искривленными соснами.» (б)

Когнитивный стержень проявляется в обоих текстах в том, что можно определить как образные условия для появления истины: система /тьень vs свет/, отношение /верх vs низ/, противопоставление /реальность vs нереальность/. Этот иррациональный компонент в когнитивном обращении проявляется ,как сверхъестественное для Павла, как «фантастическое» для Теодора. Субъект Жерико, как и Павел, после этой последовательности событий изменит свои когнитивные программы, а затем и свои политические программы: переход от анти-субъекта к субъекту, изменение ценностных объектов и аксиологической системы. Мы более подробно остановимся на этом когнитивном преобразовании позже; сейчас мы только хотим измерить инертную силу религиозной изотопии.

(а)Деяния Апостолов, /9/.....(б)Глава X, Ночь В Лесу, с.42.

с.107

На практике эта интерпретирующая сила не связана с изотопией сама по себе: она виртуальна и может быть актуализирована только собственной компетенцией высказывающего, который строит свое собственное когнитивное действие из получаемого дискурса. Когда связь установлена прочно, каждый может определить свои собственные критерии релевантности аналогий между двумя изотопиями. (а)

4-ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, религиозная изотопия — действительно «мульти-нарративна»: она используется для представления всех видов повествовательных синтагм, программ, которые не являются, собственно говоря, религиозными, и, кроме того, она представляет два религиозных сценария: литургический и евангелический. Различие между двумя типами религиозных повествований, разумеется, оправдано тем фактом, что они дистанцированы в западной культурной практике, но прежде всего тем, что их уровни включения в формулировки романа очень разные. Между ними существует множество различий: временные, пространственные, основанные на действующих лицах, а также очень разные типы определяющих элементов: одни определяют временную привязку высказывания, другие - интерпретирующее прочтение. Мы могли бы даже добавить к этим двум сценариям апостольский «сценарий», который мы рассмотрели выше.

(а) Для предоставления примера, перечтем фрагмент долгой беседы между Жерико и Тьерри, в третьей главе Огни Пале-Рояля:

«Огюстен выслушивал эти имена художников, олицетворяющих мечты Теодора, как некогда, когда он сдушал господина Метивье, говорящего с восторгом с господином Тьерри, его отцом, о мадемуазель Арнольд или о мадам де Сен-Юберти. Он вспоминал, что о первой рассказывали, что своей славой она обязана уроку во тьме, который она спела перед какой-то принцессой в церкви в Париже. Невольно, слушая Теодора, он думал, не облакая свои мысли в слова, что он, в свою очередь, слушает урок во тьме, которая окружала говорящего, как сияние темных лучей.»

Урок во тьме, текст которого заимствован из причитаний пророка Иеремии, и который является произведением, которое поют во время службы Страстной седмицы, имеет функцию, прежде всего, выразить печаль верующих перед лицом пасхальной истории и смертью Христа. Но Жерико говорит здесь не об истории, а о живописи. Следовательно, это еще одна изотопия, связанная с евангельской историей. И кроме того, толковательное прочтение очерчено лексемой «слава».

Последняя часть этого исследования религиозной изотопии в значительной степени посвящена феномену связи. Мы сказали, что эта изотопия служила вторым уровнем чтения исторического повествования. Но с таким же успехом можно сказать, что повествовательный синтаксис «бегства короля» имеет два воплощения: одно от исторической изотопии, другое - от религиозной изотопии. Первое представление работает независимо от автора романа: оно ассимилирует и констатирует, в соответствии с характеристиками своей собственной компетенции высказывания, коллективный и культурный дискурс о событиях 1815 года, фигурация которого носит «исторический» характер. Второе возникает вследствие самой воли высказывающего, который усваивает, а также произносит дискурс, созданный и установленный коллективным контекстом, произвольно применяя его к абстрактному синтаксису «бегства Короля»: умение романиста состоит именно в том, чтобы заставить говорящего поверить в необходимость данной произвольной аллюзии.

Но, принимая это второе представление, мы в то же время предполагаем, что историческое повествование является плюри-изотопным (на данный момент: биизотопным). Таким образом, проведенное нами различие между плюри-нарративными изотопами и плюриизотопными нарративами является действительно структурным фактом, который гарантирует читаемость текста и позволяет описывать всю систему. Но это также вопрос точки зрения: если мы рассмотрим изотопию, мы обнаружим энное количество историй; если мы рассмотрим повествование, повествовательный синтаксис, мы обнаружим энное количество изотопий. Здесь мы вновь обращаемся к уже сделанному наблюдению: иерархия в утверждении существенно зависит от принятой описательной точки зрения; в тексте нет структурной или иной «истины», кроме теоретической или методологической описательной модели, которую к нему применяют.

ГЛАВА D

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ

III/ ПЛЮРИ-ИЗОТОПНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

I-НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ

I.I-Предварительные замечания.

Изучение нескольких акторов-соединителей, имеющих в романе достаточное количественное значение (а), должно позволить построить достаточно общий образ организации изотопий. Поймите нас правильно: в данной работе нет претензий дать исчерпывающее изложение этой организации изотопий. Эхаузивность не входит в семиотическую методологию; с другой стороны, одной из характеристик художественного текста и особенно романа является распространение изотопных сетей.

Более того, наша цель не в описании изотопий, действующих на Страстной Неделе, а в том, чтобы основать наше описание когнитивного измерения на минимальных знаниях об уровне повествования в целом. Фактически, чтобы иметь возможность сформулировать когнитивное измерение в прагматическом измерении, как предлагает нам наша когнитивно-высказывающая структура, мы должны, по крайней мере, структурировать повествовательный уровень в целом, и это посредством изучения отдельных фрагментов, не заботясь об исчерпывающем «объяснении» текста. Тем не менее, даже если наш выбор соединителей является произвольным (а), это все равно не только иллюстрация: все соединители, выбранные в качестве функциональных для изотопий, охватывают весь роман и включают истории, характеризующие весь роман. Таким образом, их изучение является частью подхода к означающей целостности текста.

(а)Для нас «количественное» значение - это функция лексематической избыточности актора.Следует признать, что этот критерий произвольный.

1.2.-Отец Елисей

1.2.-Тексты.

Отец Елисей, как действующее лицо — обычный представитель связующих акторов, функционирующих исключительно в небольших последовательностях действий, но связывающих изотопии, явно действующие на всем пространстве романа.

Этот актер работает в границах следующих изотопий:

- религиозная изотопия (он-Иезуит).
- историческая изотопия (он занимает пост при дворе).
- сексуальная изотопия.
- этическая изотопия: это тип лжеца и предателя.

Большинство текстов, нами выбранных для представления данного связующего актора, принадлежат главе IV, где нам представлена группа персон на вечере у Виржини Орей, любовницы герцога де Берри. Глава начинается описанием жизненной ситуации Виржини и салона, где происходит сцена. Все ярко освещено, преобладают живые цвета:

«Как красива гостиная, где играли в карты, на прекрасном столе из розового дерева. (...) Отец Елисей на этом фоне создавал единственное черное пятно. Он не был другом семьи, и вид его поздним вечером в салоне танцовщицы из Оперы мог вызвать удивление.» (а)

Затем мы узнаем некоторую информацию о его прошлом, скорее шокирующую: «В то время гражданин Торлашон, как его называли тогда, который изучал хирургию у Милосердных Братьев, прервал обучение и начал совершать скандальные выходки. Он был очень далек от той важности, которую придало ему возвращение принцев и заботы о Его Величестве (...) В течение двух или трех лет он вел безобразную жизнь, показываясь с проститутками, как-бы ради поддержки новомодных идей. (...)

Вокруг игорного стола мужчины заняты одновременно игрой — они делают «партию г-на Орей»- и разговорами:

«Священник играл, предаваясь размышлениям...»

Дамы много беседуют о Виржини, о ее любовниках и ее только что родившемся ребенке. Разговор заходит о талантах Отца Елисея:

«...Вы знаете,прошептала она, обращаясь к Мадам Персую, - что без Отца, Его Величество не смог выйти к придворным в четверг...»

с.111

Мадам Персюи не знала о роли Иезуита в Тюильри, она широко раскрыла глаза...(…) Мадам Персюи все-таки заинтересовалась Иезуитом:

«Итак, Его Величество...что же сделал для него Отец? Потому-что не молитвами ведь излечивают ревматизм...»

Мадам Орей улыбнулась. Все знали, что Отец, известный хирург, был прекрасным массажистом. Вы бы не поверили в это, глядя на его худую фигуру, но его руки, посмотрите только на эти руки! Сильные руки, моя дорогая. (...) В Тюильри без него обойтись не могут. (...)

Среди мужчин разговоры идут о военных проектах королевской семьи. Елисей приблизился к ним.

«Плохие новости, - говорит Месье Тушар -хотят, чтобы принцы, этим же вечером...» Он прошептал продолжение в полголоса, мужчинам, как-бы для того, чтобы не беспокоить прекрасный пол. Иезуит, который плохо слышал, попросил повторить и запротестовал:как!как! Он был в замке почти целый день...(…)Как могли они уйти без него? (...)

Отец Елисей перебирал свои четки с обеспокоенным видом. Все-таки глупые предположения Тушара влияли на него. Невозможно, это стало бы таким предательством со стороны Его Величества! Почему захотел бы он освободиться от него?»

Глава заканчивается появлением герцога де Берри, который заявляет о своем отбытии и усугубляет расстройство Отца Елисея.

I.2.2.- В исторической изотопии.

В данном пассаже, Отец Елисей остается нейтральным, актантом или актором-посредником, вне системы. По отношению к исторической изотопии, он явно прорисован как актант: без него не делают ничего.

а/адьювант.

Итак, он выраженный адьювант программы исторической изотопии, признанный королем (который выходит к придворным). Но уточняется, что его участие в исторических программах жестко ограничено: массажи.

Кроме того, на уровне /знания/ ему атрибуцируется особенная компетенция:

«Людовик XVIII любил скандальные истории и Отцу в этом не было равных.»

Итак, он признается участвующим в исторических программах одновременно для /мочь-делать/ и для /знать/: здесь он просто инвестиция прагматической и когнитивной компетенции исторического субъекта — Короля. Но он также является автономным когнитивным субъектом с собственными компетенциями: «Это очень интересный человек, сам по себе. Он рассказывает истории! Зеленые и незрелые.» (а)

б/Напряженная позиция в полемической структуре

Отец Елисей в соединении с прагматическими и модальными компетенциями, но в то же время возникают ограничения полемической структуры, которые можно истолковать как актуализацию во внутреннем пространстве самого актора. В первую очередь на прагматическом уровне он спрашивает сам себя о своем актантажном статусе:

«Почему он захотел бы освободиться от меня?» (б)

Этот вопрос предполагает санкцию со стороны Людовика XVIII, который как-бы помещает Елисея в позицию «неактант». Затем в своей когнитивной компетенции он с одной стороны виртуализуется, но в этом он не полностью уверен (события, о которых упоминает господин Тушар). С другой стороны он также принадлежит историческому анти-субъекту:

«...нельзя вообразить, что эти господа из Монтрюжа не предоставили бы Его Величеству хирурга, который бы не шипонил.» (с)

Одновременно английский шпион, шпион Людовика XVIII и может быть еще чей-то, он инвестирует одновременно адьювантную и не-адьювантную позицию, как:

Можем поместить Елисея в позицию напряжения- ибо оппозиции логически не сочетаются- между двух противоречий: актант/неактант, в одно и то же время ,на прагматическом уровне и познавательном уровне. В некоторых случаях, он даже находится на позиции «антактант».

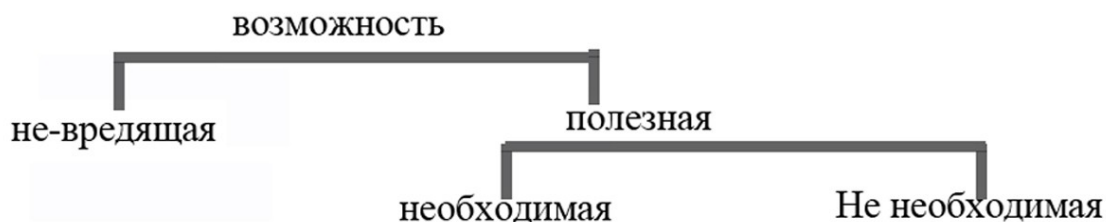
(а) Глава IV, Полночные прощания, с.149.

(б) там же, с.151.....(с) Глава IV, с.156.

с.113.

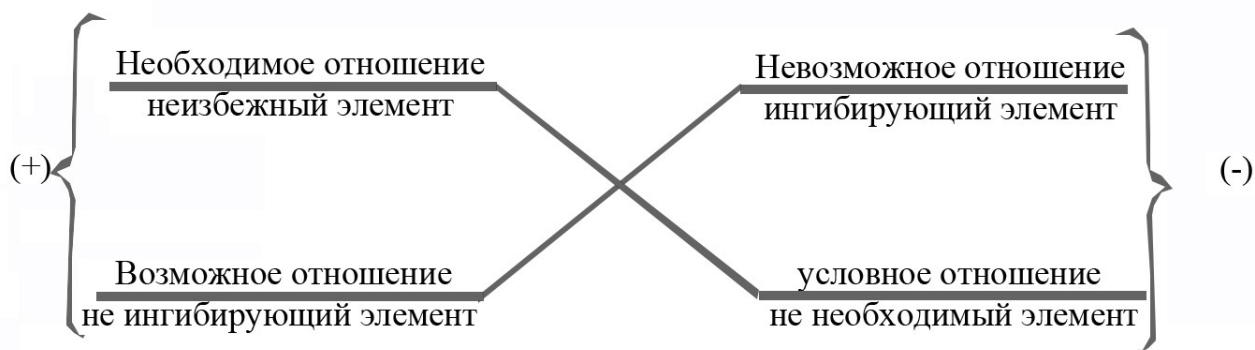
с/Чрезмерное моделирование возможностей

Эта актантная дуальность может быть уточнена, опираясь на термин «неизбежность», «необходимость»: все речи об этом персонаже имеют тенденцию выдавать его за кого-то, в то время как сами события противоречат этому утверждению, особенно в эпизоде, который происходит в квартире Орей. Не так уж необходимо то, чтобы он верил всему, что говорится. При первом рассмотрении мы можем развернуть категорию «возможностей»:

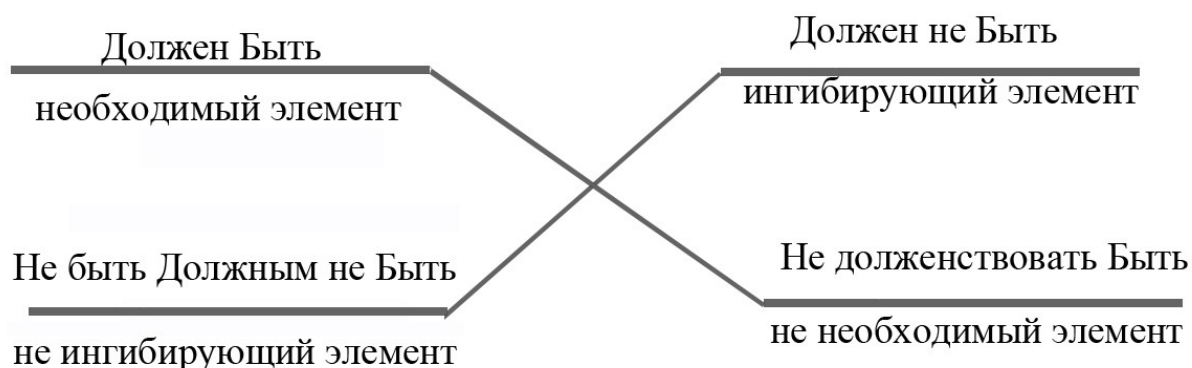

Вопрос состоит в том, чтобы понять, какова разница между «полезным» и «неизбежным»: первое становится «возможностью» без чрезмерного моделирования, и второе с сюрмодализацией: термин неотмеченный vs термин отмеченный. В первом случае отношения между абстрактной и демантизированной модальностями, с одной стороны, и прагматическими инвестициями, составляющими ее, с другой стороны, не подлежат какой-либо модальности. Во втором случае, в случае «необходимого», это отношение подвергается более высоким модальным ограничениям, которые могут быть описаны либо алетическими модальностями, либо деонтикой.

I- Если нужно модализировать отношение само по себе, мы применим алетические модальности для ограничения, типа: «элемент инвестирования власти/демантизированная модальность в целом.»:

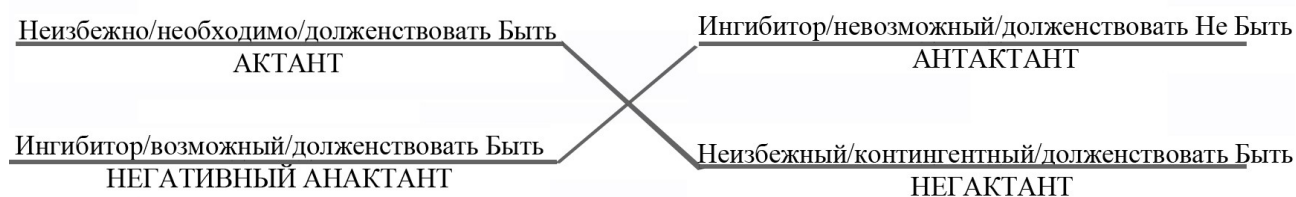

2-Если мы хотим модулировать само бытие этого модального элемента, мы будем применять деонтические модальности, которые позволяют учесть то же ограничение с точки зрения самого элемента:

Мы можем видеть, что эти два квадрата могут быть омологированы с квадратом полемической структуры:

с.114

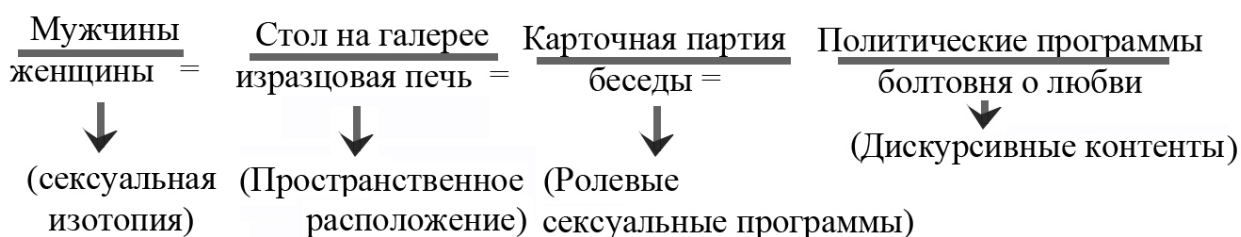

Применяя эту модель представления модальной категории «власть», мы лучше понимаем двойную и противоречивую природу действующего лица Елисея. Разделенный между актантом и неактантом, его статус адьюванта чередуется между «долженствовать-быть» и «не-долженствовать-быть». Его роль поочередно «необходима» и «условна». Отметим, что этот краткий анализ позволяет нам понять, что происходит в границах основных модальностей компетенции и, в частности, что происходит в конкретном случае чрезмерной модификации: мы могли бы определить это как гипотаксическое сокращение материнской модальности, благодаря виртуальной комбинаторике с любой другой.

I.2.3.-Сексуальная изотопия

Здесь также герой размещен среди «структурных посредников». Два сообщества действующих лиц показаны в пространстве салона: группа мужчин и группа женщин. У каждой из этих групп свои собственные сценарии, которые, вследствие их маркировки социальными стереотипами, могут функционировать как прагматические и изобразительные проявления половых

различий. Последовательность эквивалентности могла бы быть следующей:

Елисей, как в смысле пространственного расположения, так и в смысле ролевых сексуальных программ и социальных стереотипов, не включен ни в одну актерскую группу: ни в группу женщин, ни в группу мужчин. Иногда он выглядит абсолютно «включенным», т.е. вхожим в группу, но иногда изолированным от них.

Есть два приема не присутствия ни на одной из позиций логико-семантического квадрата, либо противопоставления A vs B. Можно быть /A + B/, либо /не A + не B/.

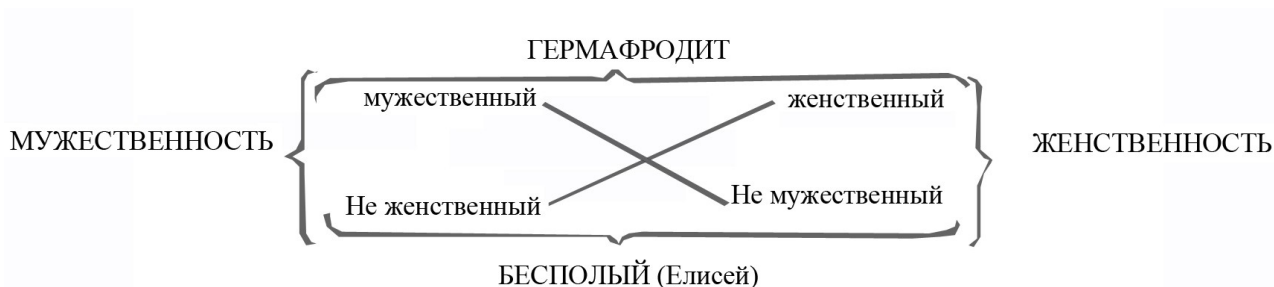
Елисей, находясь между A и B, включает оба противопоставления, поскольку, будучи приближенным к одной из групп в пространственной композиции, он никогда не приближается к «коллективному» актанту каждой из групп. Рядом с мужчинами:

«Священник следил за игрой, предаваясь размышлениям».

Рядом с женщинами, болтающими и злословящими, он задерживается только для заявления:

«Сыновья Святого Людовика, вознеситесь в небеса!»

Вот несколько проявлений позиции Священника в сексуальной изотопии, который также может принадлежать к квадрату сексуальности:

Эта позиция впоследствии модифицируется, поскольку герцог Берри дополняет нашу информацию о персонаже, персонаж становится таким:

-мужское начало в манере «лжи», посредством мнимого сожительства с девушками.

- женское «тайное» начало, так-как он именуется также «Мать Елисей», вследствие оккультных практик.

I.2.3.-Религиозная изотопия.

Здесь он занимает посредническую или скомбинированную позицию. В роли священника Елисея, он занимает тематическую религиозную позицию, принимаемую им со всеми ролевыми составляющими, принадлежащими к ней: черный цвет, скромность, уважение к социальным ролям. Именно эту роль мы только что описали, показав, что актер Елисей был исключен из актантов, которые принимают так называемые «мирские» программы.

Но в то же время он бывший лишенный сана человек, который «вел скандальную жизнь», который сохраняет «непристойный вид», и добавляет, что он все еще компетентный субъект для программ, несовместимых с его религиозной тематической ролью. Следовательно, сосуществование в одном и том же актере категорий «благочестивых и нечестивых» определяет его статус в этой последней изотопии.

с.116

Можно сказать, что один из терминов находится в познавательной позиции «ложь», но другой не обязательно находится в позиции «секрет», так как каждый может видеть амбивалентность персонажа : поэтому всегда есть (р+не е/ р+е) «появление», где две категории могут быть противопоставлены.

I.2.4.-Заключение.

Мы видим, как постепенно прорисовывается функционирование данного актора как коннектора: он не только входит во многие различные программы, что оправдывает название «коннектор», но он туда инвестируется всегда одинаковым образом. Отец Елисей соотносится с глубинной семической категорией «двойственность» или «амбивалентность» которые, сообразно случаю, соотносятся с логическим отношением противоречия или раздражения. Эта семическая категория подразумевает возможность противоположных или противоречивых вложений в различные изотопии. Она проявляется на нескольких уровнях:

а-на синтаксическом уровне: через сложные комбинации на субъектном квадрате, в случаях изотопии исторической, сексуальной, религиозной. Елисей может быть актантом и неактантом, актантом и антактантом — это развивается в программах, субъектом которых является Шарль д'Артуа — Елисей является

предателем, «Иудой».

с-на уровне акторском и изобразительном: он принимает две тематические роли, предписывающие двойственность и амбивалентность: похабный религиозник и профессиональный шпион.

Набор историй и изотопий, общим и частичным проявлением которых он является как общий актер, поэтому связаны: ведь он проявляет их полусинтаксическую, синтаксическую, тематическую, общую организацию.

I.3-Ящичек Бертье

Вот коннектор небольшого значения, заслуживающий, тем не менее, внимания к себе. Сначала рассмотрим этот текст:

«Вся жизнь находилась здесь, в этих рассыпанных камнях. Те, что он подарил ей в Риме в первые дни, подарки из Милана...возвращение из Египта...были кольца, олицетворяющие битвы, были колье, связанные с воспоминаниями о заключении мира. Это также были альковы, безумные ночи, комнаты в отелях и палаты во дворцах...когда Мадам Висконти была одета только в свои бриллианты или горящие топазы. Ибо она занала сердце Сандро. Он был здесь, бриллиант, который он ей принес накануне своей свадьбы с Мари-Элизабет.» (Глава XIII, с.180)

I.3.I- Правдивая игра

Эти драгоценности содержатся в ящичке, отданном ему Джузеппой перед его отъездом, чтобы он не испытывал нужды за границей. Всю поездку он держал его под мышкой, затем, один в своей комнате в Лилле, он высыпал их на свою кровать. Отношение содержащий/содержание между ящичком и его драгоценностями, достаточно для того, чтобы содержащий становился ролевым выражением приобретенного богатства. Но это своеобразная «игра в правду». Бриллианты принадлежат к «тайне» для всех и от всех...только Бертье, его слуга и Джузеппа о них знали. Его созерцание одиноко.

«...оставшись один в комнате, предоставленной ему в гостинице Бригода, он открыл его, этот ящичек, и высыпал драгоценности на кровать...» и он создает для читателя фигуру узнавания: это-когнитивная трансформация от «секрета» ----->к «истине».

Но сцена остается за завесой секретности для всех действующих лиц. Даже впоследствии, в эпизоде в Бамберге, его жена думает о маленьком ключе, который он носит на шее — один из ключей открывает ящик, где хранятся драгоценности. Он всегда отказывается рассказать ей об этом — таким образом, здесь это она, кто полностью олицетворяет позицию «секретности». Но

окружающие, в продолжение бегства приверженцев короля, начинают понимать, что содержится в этом ящичке.

с.118

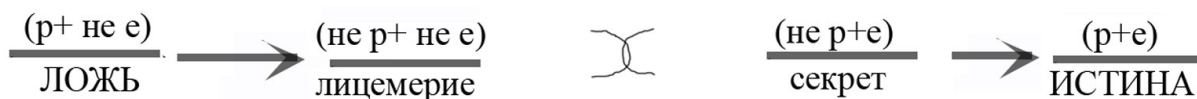
Мы должны приблизить эту противоречивую позицию (казаться /не казаться) к тому, что говорится о его любви:

«Он жил среди ироничных зрителей. То, что он считает своим тайным сокровищем, всегда было открыто для всеобщего обозрения. Мы достаточно смеялись над ним! И мы продолжаем. Мы еще не закончили с этой историей, например с украденными письмами...» (а)

Это можно формализовать так: Бертье имеет два вида, официальный (А) и неофициальный (В). Первый находится на позиции «ложь», /р+не е/; второй на позиции «тайна», /не р+е/. Эти две позиции могут быть рассмотрены, как прагматические программы, которые Бертье делает убедительными. Но это действите убеждения всегда провально, как уточняется рассказчиком:

«...И неспособен сохранить секретность, закрыть дверь, не способен не удивляться...» (а)

Интерпретативный акт создает трансформацию открытия:

История с украденными письмами - это долгое красноречивое повествование, проявляющее и детализирующее эту трансформацию открытия. В политике его истинный статус такой же: его приверженность Людовику XVIII- это «ложь», но в тайне он - приверженец Наполеона. Но эти две привязанности сосуществуют в нем в форме модальностей: /быть должным/ делать то, что связывает его с Людовиком XVIII и что ложно и /желать/ сделать то, что связывает его с Наполеоном в образе «секретности». Но это истинное расположение также трансформируется через толковательный акт окружающих людей при обеде в Лилле: поведение Бертье снова «истолковывается».

I.3.2. - Связующая роль ящичка.

Эта связующая роль может быть определена:

а-она является актором, проявляющим две изотопии, на которых строятся принципиальные программы Бертье: сексуальная, историческая и политическая.

б-она служит для проявления «лживости» «секретного» содержания.

(а) Глава XIII, Семена Будущего с.174.

с.119

Прочтения текста достаточно для определения двойственного выразительного статуса драгоценностей: с одной стороны, для сексуальной изотопии, они выражают «тайную любовь» или долженствующую быть «тайной», с другой стороны для изотопии «история и политика» они также олицетворяют «секретную программу»: слава, достигнутая при Империи, определяет приверженность Бертье Наполеону. По отношению к данным программам, ящичек, как действующий фактор, работает на позиции «ложь». Бертье, похоже, забирает с собой свои богатства, как и все другие беглецы, поскольку у Ришелье есть пояс, полный золота, а у д'Артуа — бочонок с золотом.

с-Этот ящичек, наконец, олицетворяет другую тематическую роль: как содержащий и потому, что множество людей в курсе содержимого, ящичек играет роль, параллельную роли самого актора Бертье и подлежит тем же трансформациям. Ящичек олицетворяет нереализованный факт убеждения. Этот факт может быть представлен следующей серией эквивалентностей:

Содержащий =	Казаться =	Мари- Элизабет =	Людовик XVIII =	Жизнь официальная =	Ящичек
содержимое	He + e	Джузеппа	Наполеон	Жизнь неофициальн ая	драгоценнос ти

Эта «система убеждения» преобразована через открытие , на уровне истинных модальностей, от /не p+e/ к-----> /p+e/. Еще один раз: соединение состоит не только в проявлении на ролевом уровне двух изотопий, оно также — ролевое проявление общего семантического элемента двух изотопий, то есть перехода в границах квадрата подтверждения.

I.4-БЕРНАР, отчаявшийся актер, олицетворяющий общие настроения.

I.4.I- Тексты

Чтобы изучить работу этого соединителя, мы сохранили два текста, которые кажутся подходящими, чтобы раскрыть его особый характер. Первый нам это показывает с точки зрения господина Бернара:

«Молодой человек- потому что для пожилого человека мужчина тридцати лет молод - шатен, подстриженный под Титуса, прогуливался перед почтой в пригороде Пикардии.он выглядел как человек, который надевает перчатки и просто размышляет, никого не дожидаясь.

Это вызывало легкую улыбку, как и его усилия быть элегантным, несмотря на его видимую бедность; но, несомненно, он вдохновлялся модными журналами, советующими вам носить тканые брюки (...) Молодой человек носил серые брюки, стесняясь, видимо, из-за своей профессии, носить розовые штаны, как он делал это в Париже. Он был в черном, в английском стиле, с бархатным воротником, в виде большой шелковой фитюльки с ребрами, верх на пуговицах и белый галстук. Все это было не совсем чистым, немного лоснилось. Шляпа была серо-коричневой. Он держал на руке пальто, которое придавало ему больше провинциального очарования, когда он снова взбирался на черный фургон, запряженный двумя белыми першеронами...» (а)

Удивление прохожего требует объяснения, которое Бернард тут же предоставляет:

«Извините меня, Месье, (...) за недостаточный комфорт этого экипажа: к этому типу передвижения меня привязывает скорее моя профессия, чем мои собственные склонности. Я - поставщик пряжи, которая продается в Аббевиле и поступает в деревни, где в своих домах люди производят ткани; и я их собираю для окраски в Бове. Сейчас же экипаж пуст.

-А! вижу, говорит пожилой прохожий, с неким оттенком морализаторства,- вы возражаете против эксплуатации деревенских жителей и их противопоставления интересам ткачей в городах-производителях тканей...» (а)

После сцены в Пуа Теодор, который встретил его у Мюллера и застал его врасплох среди заговорщиков Пуа, находит его на дороге в Бетюн. В тревожной атмосфере Королевского дома, где все паникуют, он изобретает мистификацию и распространяет новости о том, что бонапартисты окружают монархистов. Все это было сделано от отчаяния и безнадежности, после разрыва с Софи, той, которую он любит:

«В этом мире все ложь. Любовь, свобода, народ. Ах, Софи, Софи! Неужели я такой же лгун, как и другие?...» (б)

«Все лживо. Ради чего мой отец пожертвовал жизнью? Для того, чтобы его товарищи подавали руку палачу? Быть может, я не прав, но я его не выношу.» (б)

Любовное отчаяние, политическое беспокойство, непродуманные противоречия, из-за всего этого Бернард совершает самоубийство, посеяв панику среди монархистов.

(а) Глава IX, Встреча в Пуа, с.347.....(б) Глава XI,с.107.

I.4.2- Фигура внутреннего разделения

Именно данная фигура проявляется очевидно- начиная с первого текста и рассказчик сам акцентирует на ней внимание:

«...было нечто странное, точно разделение между самим этим персонажем в достаточно дорогой, хотя и немного использованной одеждой и этой упряжкой, которой он управлял: странно для возницы!» (а)

Это разделение, которое можно толковать как «принадлежность» к противоречивым позициям, проявляется через изотопию одежды:

«усилия выглядеть элегантным» vs «достаточно беден»

Противоречие проявляется между /желанием/ и результатом действия, подвергнутому осуждению. Весь текст- развитие данного противоречия между проявленными намерениями - /желанием/ - и достигнутым результатом, рассмотренным и санкционированным наблюдателем. Второй уровень противоречия проявляется, когда наблюдатель противопоставляет, как выше, одежду и фургон: речь идет, таким образом, о противопоставлении двух изотопий и, точнее, двух противоречивых сценариев, а именно: экономическая программа, проявленная через фургон — Бернар ее сам объясняет- противодействует программе одежды, даже плохо воплощенной в реальности. Эта иерархия противопоставлений выглядит так:

Вторую оппозицию можно уточнить: изотопия одежды это только ролевое «покрывало» актанта для более глубинных изотопий, могущих быть либо «сексуальными» либо «социологическими». «Усилия быть элегантным» выявляют «желание нравится» - сексуальную изотопию, а «выглядеть достаточно бедно» - не-мочь-делать — социологическую изотопию. Фургон-социологическая изотопия- в целом не противопоставлен «одежде», но только в позиции «желания нравится». Истинное противопоставление вырисовывается между сексуальной изотопией и социологической изотопией.

с.122

I.4.3-Социо-политическая амбивалентность актора

В диалоге двух действующих лиц, Бернара и господина Жубера, социальная и экономическая ситуация «молодого человека» разворачивается. Бернар- делигированный субъект индустриальной /власти/, один из акторов коллективного синтагматического актанта, которым манипулирует «отправляющий» - в данном случае держатель капитала. Но принимаемая им обыденная программа находится в посредничающей позиции (в синтагматической последовательности операций). В ролевом значении: в пространственной изотопии эта программа также посредник, перемещающийся от одного противоречия к другому.

Точнее, данный сценарий инвестирует действующие роли в коммерческий оборот (он дает работу) и санкцию (он принимает работу и платит). Однако он не принадлежит «отправителю» в силу своего «контракта»: он является наемным работником, и поэтому его контракт действует в системе обмена, идентичной другим контрактам. В той мере, в какой экономическая изотопия может быть аксиологизирована на идеологическом уровне, она принадлежит анти-субъекту из-за его участия в инстанции анти-отправителя - эксплуататора-, но принадлежит и субъекту, потому что что он также, по природе контракта, который связывает его с этим анти-отправителем, подвергается эксплуатации, как и другие.

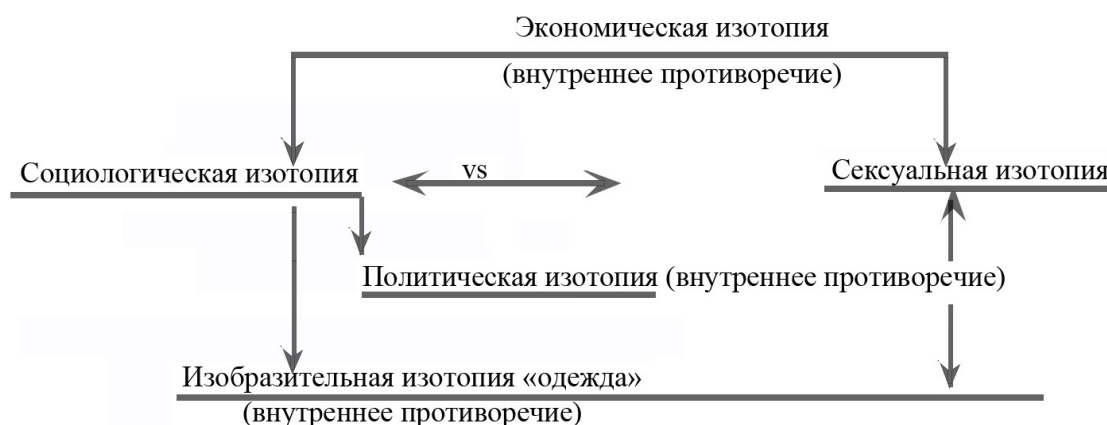
В ходе дискуссии между конспираторами в Пуа, его позиция также проявляется как амбивалентная. Поскольку это собрание может быть истолковано, как коллективный поиск общей политической воли, имеет важное значение создание коллективного субъекта, который взял бы на себя ответственность. Господин Жубер, командир Дежордж занимаются этим вопросом. Но Бернар, разделяющий политические взгляды господина Жубера, в последний момент ставит вопрос об этой фигуре коллективного актанта: «Кто это- мы?» (а)

Поскольку он, как актер, принимает две проиворечивые актантные роли в социо-экономической изотопии, он является познающим субъектом, компетентным для того, чтобы сомневаться в единстве группы людей, находящихся перед ним: ему достаточно поразмыслить, и модальность его обращается к состоянию «неверия».

Амбивалентность Бернара приводит к тому, что он становится субъектом и антисубъектом одновременно в политической изотопии, поскольку препятствует конституированию коллективного актанта.

I.4.4-Заключение

Подведение итогов этих разнообразных «переходов» показывает, что наиболее глубокой является экономическая изотопия, поскольку именно она определяет все остальные программы через ограничения. Социологическая изотопия и ее разнообразные вариации (фургон, одежда) являются ее проявлениями. Его (Бернара) экономическое положение предполагает социологическую /неспособность делать/. В политической изотопии: экономическая позиция предполагает политическое /неверие/. Сексуальная изотопия находится в соенинии с актором, но входит в противоречие, в границах изотопии «одежда», с социо-экономическими противодействиями. Для этого актора у нас очень сложный ансамбль противоречий:

Этот графический образ показывает сложность функционирования данного «коннектора»: здесь два типа ограничений — между сценариями различных изотопий и между сценариями одной изотопии. Бернар является коннектирующим звеном, поскольку он принадлежит одновременно всем сценариям различных изотопий, и потому что он предполагает все противоречия, характерные для этого изотопного комплекса. Мы видим постоянно присутствующий семантический слой коннектора. Это не фигуративный элемент, принадлежащий многим изотопиям, это функциональное и структурное сообщество между изотопиями.

2-ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СВЯЗИ ИЗОТОПИИ.

Нам остается вообразить крайний случай, при котором связь обеспечена изотопной целостностью; иначе говоря случай, когда связующий элемент представляет избыточность, составляющую изотопию. Мы в этом случае скажем, что связующая изотопия «интегрирована», то есть, она предусматривает интеграцию всех изотопий, которые она включает в общее значение со структурой логико-семантического уровня, но прежде всего нужно отметить, что курсивное чтение текста становится эффективным в когнитивном плане, благодаря этой интеграции. Например, описанная нами религиозная изотопия соединена с исторической изотопией; но без интегрирующей «климатической» изотопии обычные связующие элементы позволяют перепрочтение исторических рассказов на религиозной базе, которое мы осуществили, тогда как существование интегрирующей изотопии позволяет больше: две изотопии могут быть истолкованы в своем соединении на другом уровне, общем с самой интегрирующей изотопией, которую мы будем впоследствии называть «мифическая история».

Эти связующие изотопии все принадлежат к ролевому плану; мы выделили ради иллюстрации феномена два различных случая: случай актантных изотопий и случай климатических изотопий.

2.1.-Интеграция акторских изотопий.

2.1.1-Определение, роль, функционирование.

Они являются коннекторами в измерении, в котором они приводят к связи всех текстовых уровней. Практически, эти изотопии существуют в окружении людей-действующих лиц, выбор, который, в частности, обусловлен доминирующим образным персонажем романа Арагона. Возможно построить такую изотопию «вокруг» каждого действующего лица романа. Макдональд, например, это центр акторской сети, о которой мы поговорим на следующих страницах. Мы взяли для примера также Шастеллюкса и Александра де Лаборд, чтобы показать, что этот тип организации не относится только к некоторым редким случаям актеров, действующих на первом плане романа (вследствие частоты их появлений, а также сложности инвестируемых ими сценариев).

с.125

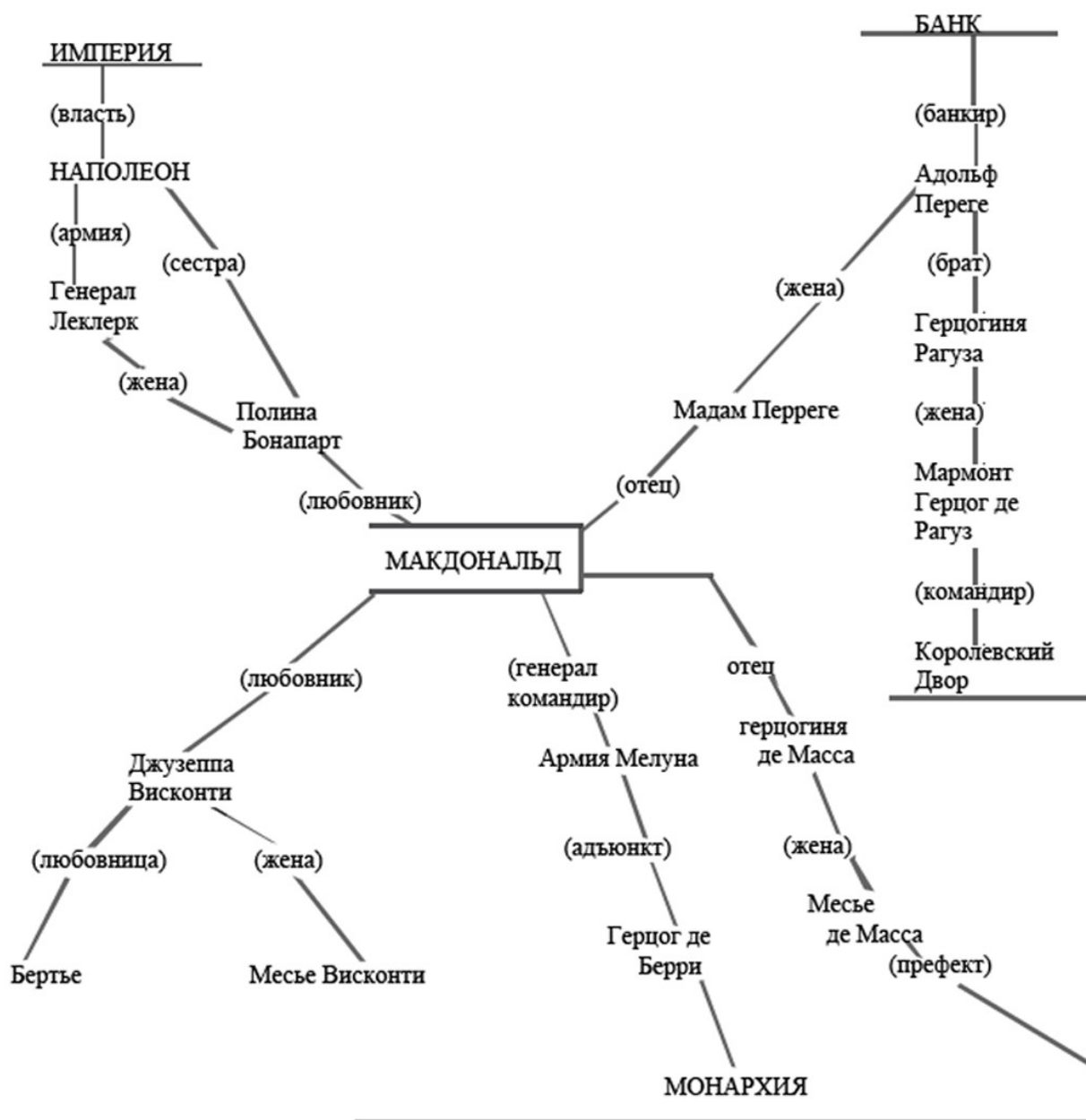
Все акторы, кроме одного или двух, быть может, интегрированы в эти сети (изотопий), связи в которых очень варьированы: синтаксические, тематические или просто актерские.

С точки зрения рассказчика, можно считать, что от простоты или сложности сетей зависит связность поверхностного дискурса и дискурса на повествовательном уровне- он менее разнороден. Нужно признать, что с точки зрения читабельности (а) романа, со всеми своими многочисленными сценариями и актерами, развитые сети — необходимы. Кроме того, через совокупности акторов, создающимися в соответствии с регулируемыми их законами «включения и исключения», эти сети образуют группы социальных акторов, а также понятия «социального класса» или «касты», и принципы движения акторов между этими разными сообществами. Эти связи становятся, таким образом, истинными изотопиями.

Принцип композиции этих сетей прост: все действующие лица, присутствующие в сети, построенной на акторе А, участвуют с ним (прямо или косвенно) в инвестициях коллективных акторов и принимают на образном уровне общие с ним программы. Общее единство романа на этом уровне обеспечивается связями между этими актерскими изотопами; таким образом, в дополнение к участию в очень общей исторической программе защиты монархии, актерские изотопии, построенные вокруг Макдональда и Александра де Лабурд, имеют общего коллективного актора - «масонскую ложу». Интегрирующая роль обусловлена тем фактом, что каждый из действующих лиц, присутствующих в сетях, является соединителем, который функционирует на нескольких семантических, синтаксических или образных изотопиях, и что изотопия на основе акторов представляет собой гиперконнектор, объединяющий все эти изолированные системы отношений.

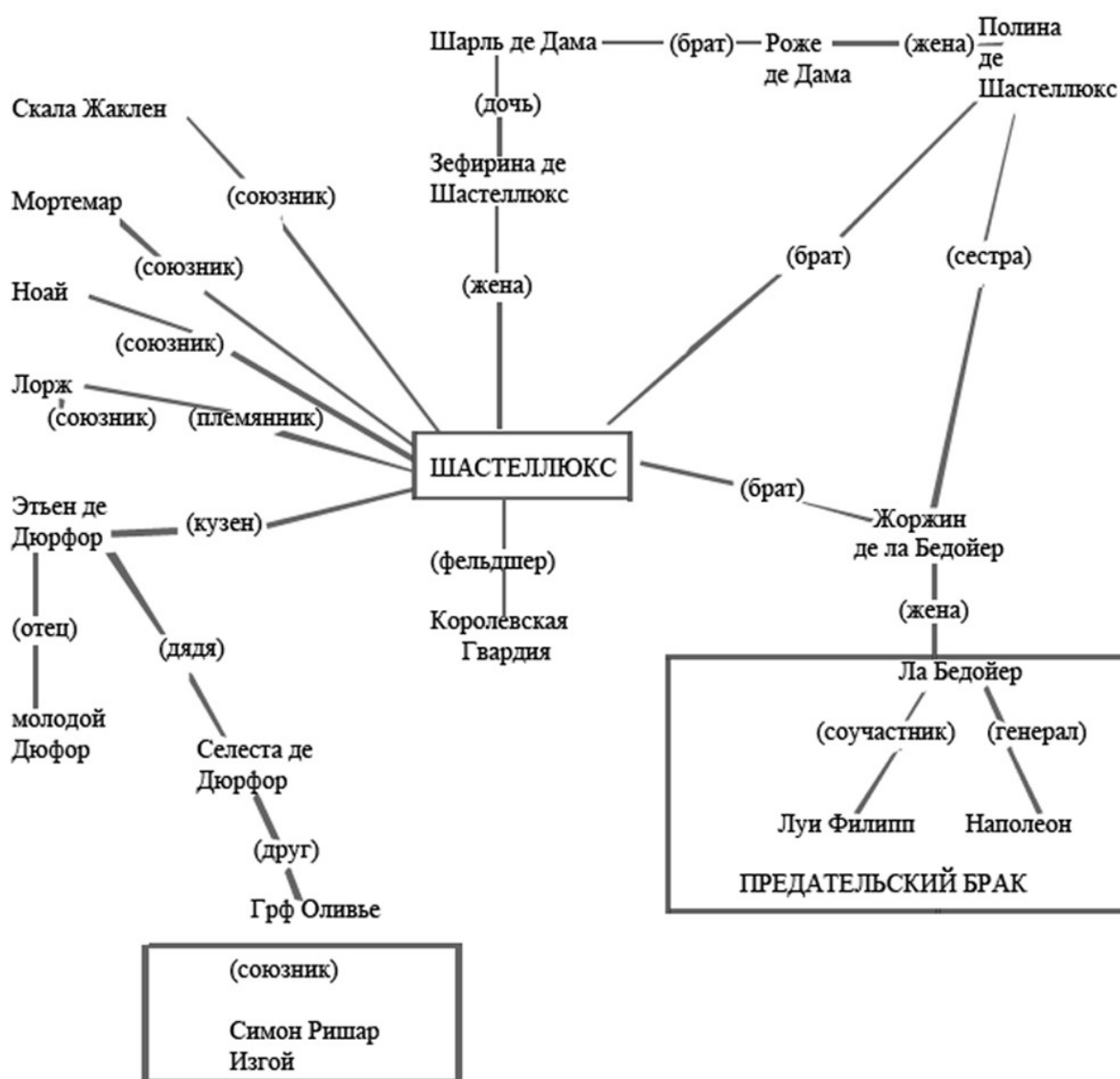
(а)Читабельность, о которой мы часто говорили, не определяя ее, - это понятие, которое становится более ясным в рамках когнитивно-высказывающей структуры: это отношение адекватности между компетенцией, предполагаемой /знанием/ высказывающего и /знанием/ принимающего, и эффективная когнитивная компетентность принимающего сообщение читателя.

2.1.2- акторская сеть «Макдональд»

Во всей сценарной последовательности, актер Макдональд затрагивает самые противоречивые и разнородные программы, которые относятся ко всем экстремам схемы. Обратим внимание на эту информацию, которую мы впоследствии будем исследовать: актер в недрах акторской изотопии, не ограничен единственным типом доминирующей программы, но связан со всеми. Это верно, по меньшей мере, для актеров типа Макдональда, которые не принадлежат к определенной «касте» и, таким образом, являются «высочками», что признает и сам Макдональд, то есть актерами, только что изменившими социальный класс и способными изменить его снова.

2.1.3- акторская сеть «Шастеллюкс»

Построенная вокруг Шастеллюкса акторская изотопия характерна своим завершением. Все программы представленных здесь акторов доминируются моментом «монархия», кроме двух отдельных случаев. Первый и наиболее мучительный случай для Шастеллюкса — это его шурин Ла Бедойер: этот последний принадлежит к данной актантной изотопии, но под негативным знаком анти-субъекта, предателя, провигающего противодействующую программу в полемической структуре «монархия/империя». Хуже — он принадлежит к коллективному микро-анти-субъекту: Орлеанской франкии, которая связана с Бонапартом.. Ла Бедойер, таким образом, больше не является субъектом этой изотопии — он исключен из тематической роли «знатное семейство».

Второй случай — это случай Симона Ришара. Этот «персонаж» носит два имени, соответствующие двум тематическим ролям и двум ограниченным актантным позициям. «Граф Оливье» достаточно компетентен для принятия тех же сценариев, что и другие акторы этой изотопии. «Симон Ришар», бывший солдат, инвестирует противоположные модальности; он принадлежит анти-субъекту, как призванный в войска Империи и перенесший негативные санкции со стороны монархии (он был в плену у русских) за участие в «противостоящем сценарии». Он сохраняет, кроме того, в когнитивном плане позицию анти-субъекта:

« Он ушел от них (своих товарищей в плену) от Оливье к Симону Ришару, смутным и великим идеям, надеждам, напоминающим траур ... (...) ... о жизни, будущем... Тирания должна быть уничтожена.» (а)

и эта позиция противостоит той, которую он принимает вновь на прагматическом уровне, на месте Графа Оливье. Это противоречие проявляется фигуративно через глубокий дискомфорт «актера», называемого его близкими «ипохондрией» (б). Это приводит к программе разрушения анти-субъекта: Граф Оливье убивает Симона Ришара: актер, включенный позитивно в эту актерскую изотопию, окончательно исключает из нее другого, что позволяет завершить изотопию.

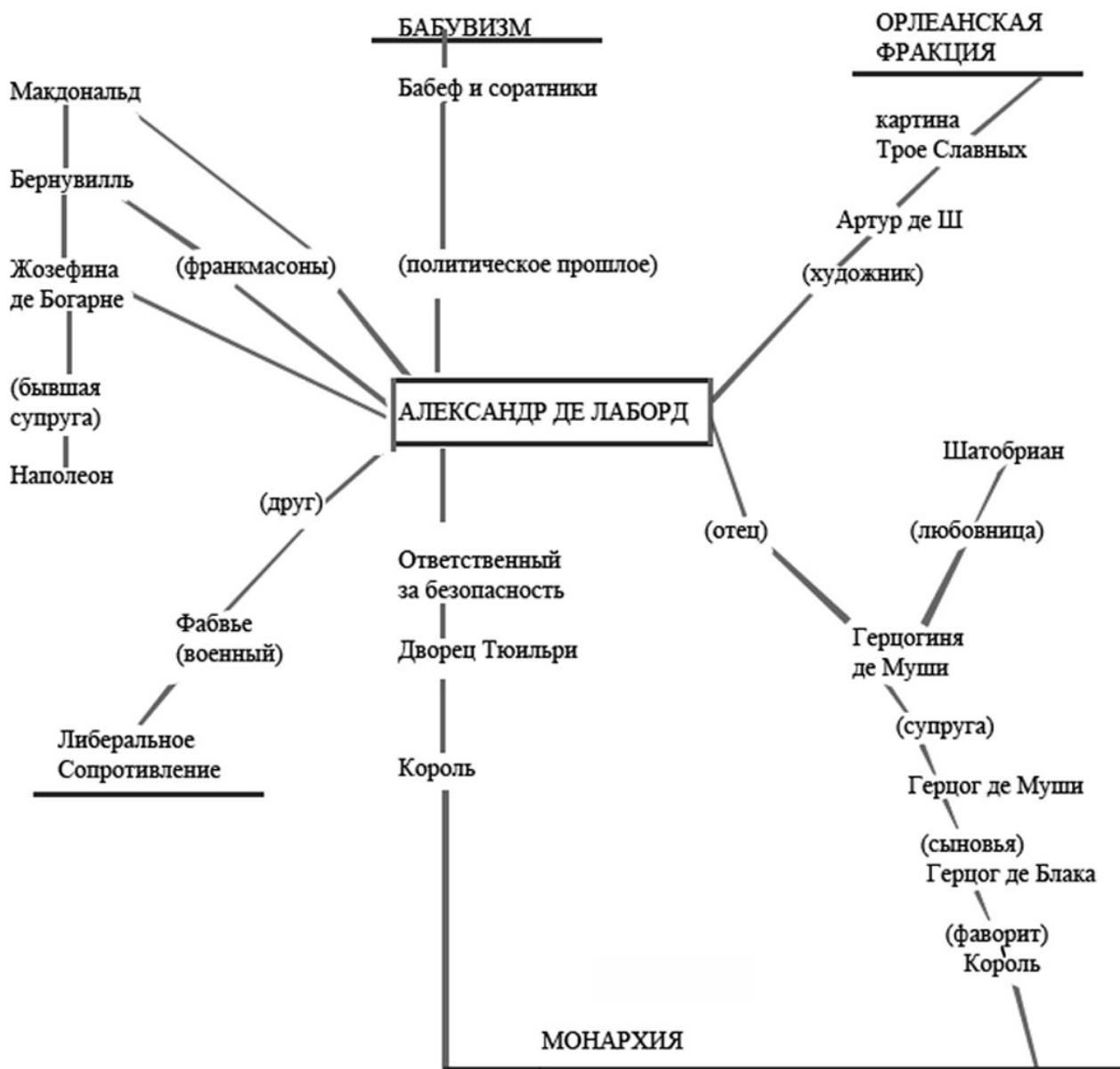
Эти два случая характерны для изотопии, не соединенной с другими, или в полемических отношениях: это, несомненно, представление того, что называется «кастой», в отличие от «класса». Для первого отношения противоположности исключительны; для другого это не обязательно.

(а) Глава XIV, с.237.

(б) Глава XIV, с.236.

Напомним, что все эти акторы- те, о которых говорит Ришелье, отмечая, что они захвачены историческим движением, то есть неспособны, как субъекты, определиться в диалектическом плане и заморожены в системах противоположностей, которые определяют их «касту» и ее ценности по включению/ исключению. Следовательно, эти изотопии, основанные на акторах, представляют собой нечто иное, чем «коллекции»: случайные и немногочисленные собрания акторов, близких друг к другу по родственным связям; они являются истинными означающими множествами, формальная организация и функциональные свойства которых являются означающими, а означаемое является «эффектом значения» на тематическом и образном уровнях.

2.1.4 — акторская сеть «Александр де Лаборд»

с.129

В полной противоположности с предыдущей изотопией, та, которую мы только что построили для Александра де Лаборда, связана со всем, что можно вообразить: масонством, лабувизмом, фракцией Орлеана, дворянством, королевской армией, Бонапартом. Здесь больше нет ни класса, ни касты, а существует довольно рыхлая сеть отношений, в которой доминируют две ориентации: в прагматическом аспекте, актер Лаборд инвестирует в программы, которые скорее подпадают под авторитет «монархии»: это программы союзов, функций и социального положения; в когнитивном плане один и тот же субъект участвует в «секретных» программах заговоров, подрывных и подпольных действий. Эти два измерения согласованы, и оба находятся в познавательной позиции «истина», когда этот актер идет вслед за французским королем после Трех славных дней.

2.2.- Климатическая изотопия

Она является интегрирующей, поскольку обеспечивает значительное количество «соединений» климатических явлений с множеством различных изотопий, и постольку, постольку она сама производит значения, она может предоставить всем изотопиям, которые она соединяет, общую инвестиционную фигуру, и даже глубокую общую структуру.

2.2. I-Пути и наблюдения связанных изотопий.

Чтобы определить важность соединительной роли, мы предлагаем описательный перечень различных затронутых изотопов.

а/Военно-историческая изотопия

Вот два фрагмента, которые показывают связь:

«Дождь стал реже, но мы шли по грязи. (...) Маневры кавалерии изнуряли животных, на этой грязной почве.» (а)

«Если нам и было тяжело в этот ранний час, все еще «между собакой и волком», двигаться ночью, с этими тучами и ливнем, теперь стало намного хуже, когда мы пересекли Лис...(...)»

(а) Глава I, Пасхальное Утро, с.32.

с.130

...сразу же мы оказались в этом районе болот и торфяников, который считался недоступным в течение двух третей года, и кавалерия напрасно останавливалась каждые сто или сто пятьдесят саженей, чтобы понять, куда двигаться; это не помогало при развоении дороги, а этих раздвоений было более чем достаточно.» (а)

В обоих случаях связь осуществляется благодаря образному субъекту «грязь», который находит место в двух изотопиях. Связь не происходит без точной организации внутри изотопий: на синтаксическом уровне существует связь между программами, которые независимы на актантном уровне. В климатической программе «грязь» проявляется в результате действий типа «шел дождь»; этот актер, таким образом, являет «проверочное испытание климатического субъекта»; облака представляют собой «квалификационное испытание» (силы и воли), а сам дождь - «решающее испытание». В военно-исторической изотопии этот же субъект является «противостоящим»; он принадлежит антисубъекту. Будь то простое передвижение («бросок») или сценарий с ориентацией между выбором возможных прогрессий, «грязь» всегда «на стороне» антактанта, как и облака.

Программа «прогрессия» =	Тучи =	«недоступный » =	«бродить» =	/не-мочь/ бессилие
Программа «ориентация»	грязь	«раздвоение»	«заблудиться»	/не знать/

Связь, таким образом, находится здесь:

-существование актора, общего для двух изотопий.

-инвестиции данным актором полемической структуры в одной из двух изотопий.

б/Сексуальная изотопия

«Больше не видеть Виржини...в этот вечер эта мысль была невыносима и слезы подступали к горлу (...) крупные, блестящие, как дождь в дожде.» (б)
Связь между «слезами» и «дождем» опирается на общую сему /жидкость/.
«Слезы» могут быть истолкованы в сексуальной изотопии как соматическое проявление страсти.

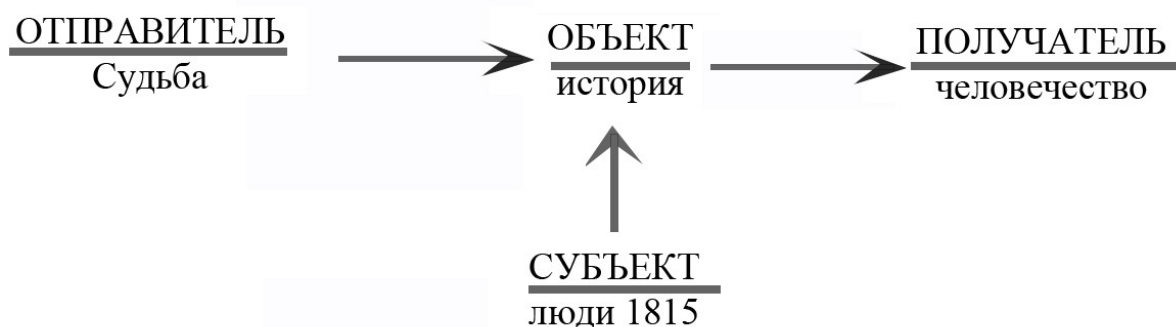
(а) Глава XVI, Пасхальное Утро, с.329.

(б) Глава IV, Полночные прощания, с.158.

Сама эта страсть - поведенческое проявление виртуализации влюбленного, через разъединение с объектом любви. В климатической изотопии «дождь» представляет соответствующий «спектакль». Не существует, собственно говоря, соединения через полемическую структуру, но скорее благодаря связи содержащее/содержание или скорее охватывающий/охваченный. Две фигуры, основанные на семе /текущее, жидкость/ эффективно проявляются в высказывании: «дождь в дожде». Это классический стилистический образ метонимии. Но вне данной риторической классификации, «охватывающая» позиция актора, принадлежащего климатической изотопии, предоставляет нам ценную идентификацию о гиперонимической позиции этой фигуративной изотопии по отношению к соединенным с ней изотопиям. Такая иерархическая позиция предрасполагает изотопию, в частности, к роли интегратора, которую мы склонны приписывать ей.

с/ историко-мифическая изотопия

«Всю ночь дул ужасно сильный ветер. Он выл в камнях и дождевые струи стучали в ставни. Трагическое время. Временами можно было бы сказать, что по тротуару катятся фургоны, грохот становился все громче, громче, как протест природы против происходящего. Спать... как хотите вы спать при подобном шуме?» (а)

Речь по прежнему идет о связи между климатической и исторической изотопиями, но из-за термина «трагический» история выходит за границы событий 1815 года, поэтому мы предлагаем видеть в исторической изотопии мифический сценарий, одновременно более обширный и более абстрактный. Событийный и изобразительный сценарий «бегства Короля» охватывается программой, когда события решают «судьбы» людей. Актантная структура данного сценария «судьба людей» следующая:

В процитированном фрагменте мы признаем проявление санкции отправителя, отрицательной санкции и затем «трагической»; модальная структура отправителя для этой санкции, по существу, состоит из /желать сказать/ и /иметь возможность сказать/. Все проявления «ветра» представлены как намерения что-то «сообщить», отправителем «сообщений» является один и тот же человеческий актанта: «дымоходы» и «ставни» - это части домов, наиболее способствующие проявлению этого фатического намерения, этого /желания-сказать/. Таким образом, «протест природы» - это проявление посредством фигур климатической изотопии неодобрения отправителя «судьбы», который в действующей роли «отправителя-судьи» становится фигурой «природа». Проявление этой фигуры «природа» придает ей «голос», необходимый для того, чтобы сделать санкцию известной, то есть «силу говорить», представленную ветром.

Здесь мы снова обратим внимание на иерархическое положение климатического элемента в «связи» с исторической изотопией. Ветер не влияет на какую-либо часть актантажной структуры: влияет отправитель-судья, его положение все еще гиперонимное. Этот текст имеет фундаментальное значение для понимания функционирования интегральной изотопии, поскольку мы видим, что он непосредственно формирует значение, включающее в себя событийную историю. Другими словами, мы видим, что историческая изотопия составляет другое повествование, непосредственно представленное климатической изотопией, которое мы признали более абстрактным и которое мы условно называем «мифическим повествованием».

d/Религиозная изотопия

«Страстный Четверг 1815 года начинается с гнева и небесного суда. Циклон поражает Дьепп...(…) Деревья клонятся, почти ломаясь, крыши трещат, кружиться листья и сломанные ветви...» (а)

Связь происходит здесь через лексему «небо», полисемия которой создает два значения синтагмы «гнев небесный»: с одной стороны это локальное переименование ветра; с другой стороны, это метонимическое обозначение гнева Божьего, поскольку «небо» - это изображение божества в христианском религиозном дискурсе.

(а) Глава XIV, Ветреный День, с.201.

Соединение также представлено через сему «интенсивность», что мы видим одновременно в «гневе» и в «циклоне».

Здесь мы также имеем дело с отрицательным «прославлением» субъекта, санкционированного отправителем. Лексема «справедливость» является очень отчетливой. Ветер — это всегда климатический актер, занятый «передачей» данной санкции... Другой фрагмент позволяет нам уточнить этот вопрос:

«На скорую руку печатаем плакат. Это декларация держав в Вене, сделанная десять дней назад, текст которой мы только что получили в Лилле. Двери стучат, ставни хлопают... Ветер безраздельно властвует над безумием людей, снося заборы в деревнях, набрасываясь на сено в телегах, разбрасывая груды сухой травы.» (а)

Мы находим ту же структуру, что и в вопросе связи с мифическим повествованием истории; это также ветер, с теми же эффектами и теми же «негативными воздействиями» на акторов, принадлежащих антисубъекту. Единственное отличие состоит в том, что актер «ветер» амбивалентен: «господство над безумием людей» подразумевает также проявление «санкции судьи-отправителя» в виде участия в мифическом религиозном повествовании, в антисубъектной программе: «безумие человеческое» - это программа, которая охватывает жертву Христа; мы можем считать, что безумие ветра является его мифическим проявлением, в том смысле, что климатический элемент является прямым представлением религиозной истории, намного более абстрактной, чем фактическая евангельская история Страстей.

2.2.2.-Гипотезы об интегрирующей роли мифической изотопии.

Мы предлагаем здесь первую оценку результатов, полученных в отношении климатической изотопии: мы всегда замечаем, что, когда она выступает в качестве связующего звена между другими изотопиями, она позволяет преодолеть исторический «анекдот», представляя мифическую историю. В этом мифическом повествовании исчезают мелкие события, составляющие последовательность исторического или религиозного рассказа, все, что есть не что иное, как «безумие» или «трагическое время», то есть здесь сгруппированы в большие абстрактные синтагмы все процессы, составляющие детали образных религиозных или исторических сценариев.

Гипотеза может быть представлена следующим образом:

а-климатическая изотопия соединена с исторической изотопией.

б-климатическая изотопия также соединена с религиозной изотопией.

с-в обоих случаях «ветер» - это проявление негативного отношения (санкции) отправителя.

д-в обоих случаях отправитель «природа» функционирует благодаря переходу к более абстрактному нарративному уровню, который мы называем «мифическим».

е-климатическая изотопия — это прямое проявление абстрактного нарративного синтаксиса, гиперонимического по отношению ко всем другим, и в особенности по отношению к синтаксису религиозного или исторического повествования.

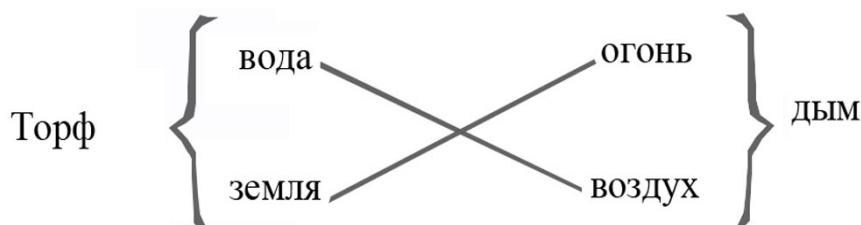
Чтобы проверить уместность данной гипотезы, мы рассмотрим последний случай связи.

2.2.3-Для проверки: связь экономической изотопии.

«С утра вся долина погрузилась в туман. Костры, зажженные повсюду накануне, еще немного дымились, но дождь взял верх, по большей части. Время от времени мы могли видеть, как последний дым смешивается с туманом.

Рабочие-торфяники поторопились, веря приходу весны: придется ждать еще, чтобы сжечь груды земляного торфа... Когда позволит погода, мы используем эти груды ...Но дождь не мешает добыче торфа, напротив...» (а)

По отношению к экономической изотопии и программам, которые там происходят, «дождь» здесь представляет собой либо фигуру отправителя, благоприятствующую субъекту в его проявлении /власти/, либо фигуру анти-отправителя и соответствует /отсутствию власти/ у субъекта. Если поместить элементы изотопии на элементарный образный квадрат, мы получим:

Строго говоря, признанного канонического расположения изобразительных элементов не существует. Позже мы покажем, что в романе работают два таких расположения. То, что нас интересует в первую очередь, соответствует условиям работы торфяников. Если эти четыре позиции рассматриваются как элементы комбинаторики, определяющей ценностные объекты, мы получаем:

«вода+земля»=01= «торф», ценностный объект в экономической активности добычи торфа.

«огонь+вода» = 02= «дым», ценный объект в программе уничтожения отходов, названный торфяниками «бузен».

Если мы рассматриваем эти четыре позиции как элементы комбинаторики, определяющей отправителей, мы получаем:

а/ «вода+земля» = анти-отправитель, сопротивляющийся добыче, как это выражено в данном пассаже:

«Ковш опускается под воду, под землю, наполняется землей. Вы представляете, как это тяжело. Элои нажимает, пока может и затем начинает балансировать. Здесь нужна сила, но еще и сноровка...(...) Даже геркулес без долгой привычки, как у косцов к их работе, не продержится более часа.» (а)

или еще в этой фразе: «Страна Элуа — длительное грязное убожество».(б)

Земля и вода являются активными «вложениями» анти-отправителя; они подпадают под юрисдикцию отправителя постольку, поскольку предметом стоимости, введенным в оборот для поиска экономического субъекта, является «земля + вода». Но этот квест представляет собой постоянную борьбу с антисубъектом, который также «земля + вода», и который предполагает программу, прямо противоположную добыче: удержание. Хозяйственная деятельность торфяника понимается здесь как «христианское проклятие труда»: одновременно с тем, как «отправитель» вводит в обращение «ценность», деятельность торфяника находится на «антактантном» положении, тем самым модализует анти-субъект.

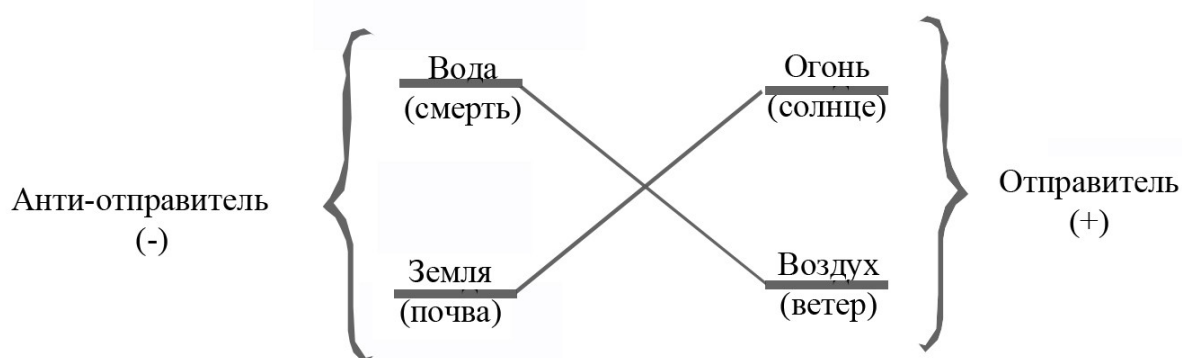
(а)Глава XII, Долина Соммы, с.119.

(б)Глава XII,там же, с.117.

б/ «воздух+огонь» = отправитель вводит в обращение /полномочия делать/, предназначенные для субъекта, как это представлено в этом другом фрагмент:

«...ребенок поспешно вытаскивает три тачки с торфом из камышового укрытия на площадку, где они будут сохнуть...(...) здесь циркулирует воздух...(...) солнце и ветер сделают остальное.» (а)

Общность актантных вложений может быть представлена как:

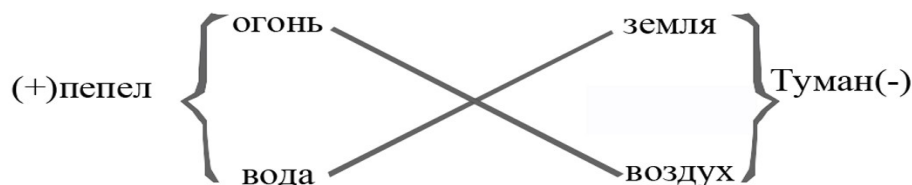

В той же главе мы видим аллюзии к другой экономической активности: агрикультурной.

Что касается этой деятельности, то расположение только что использованных образных элементов не подходит: «пепел» находится на стороне отправителя, как сказано в этом фрагменте:

«...крестьяне пришли за белым пеплом, чтобы удобрить луга и поля, где растет поздняя пшеница - это хорошее удобрение.» (б)

Чтобы прийти к этой комбинаторике: «пепел» = «земля»+ «огонь», нужно смодифицировать квадрат элементарных фигур:

В предыдущем квадрате «земля» и «огонь» не сочетались, так как они расположены в противоречивом положении по отношению друг к другу. На другом деиксисе возникает проявление антактанта: так-как пепел предоставляет /возможность действия/, «туман» соответствует /не-мочь-делать/ для деятелей

агрикультуры, по многим причинам, первая из которых, как объясняется в первом цитируемом тексте, состоит в том, что туман препятствует производству этого пепла, поскольку огонь гаснет. Связь здесь очень сложна, поскольку для одной и той же изотопии функционируют несколько соединителей: несколько климатических фигур - дождь, грязь, солнце, ветер, туман - играют различные действующие роли и, в частности, участвуют в полемической структуре.

(а) Глава XII, Долина Соммы, с.119.

(б) Глава XII, там же, с.115

с.137

2.3.4- Мифическое измерение климатической изотопии: гипотеза для общей модели нарративов .

Мы снова наблюдаем, что климатическая изотопия прямо проявляет абстрактный нарративный уровень. Поскольку мы перенесли анализ на глубинную структуру, распределив элементы климатической изотопии по элементарной образной структуре, почему не сделать этого для других случаев? Речь шла о подтверждении гипотезы об интегрирующей роли климатической изотопии, анализ глубинной структуры мы проведем на следующих страницах. Сейчас нас интересует синтаксис соединительной изотопии. Действительно, повествование, специфичное для климатической изотопии, предлагает нам определяющую структуру смысла для всех образных и повествовательных изотопий романа, поскольку, как мы частично показали, эта изотопия связана со всеми другими, и, следовательно, она соединяет все остальные, влияя на более абстрактном уровне на производимые значения, в частности, на полемические структуры, благодаря своему собственному значению. В изучаемом тексте мы можем заметить намёки на весну: это время года не наступает достаточно быстро и срывает работу... Мы видим необходимость углубления синтаксиса, и не только экономической изотопии. Эту задержку, эту климатическую катастрофу нужно понимать как этап борьбы климатического субъекта и анти-субъекта. Эта климатическое «противостояние» предполагает наличие противоречивой структуры, которая охватывает весь роман и все изотопии.

Учитывая интегрирующую роль, которую климатическая изотопия играет между всех изотопий, мы выдвигаем гипотезу о том, что климатическая изотопия напрямую, в своем собственном проявлении, выражает мифическую «историю», которую находим также в большинстве других изотопий. Это последний пункт, который должен постепенно привести нас к формализации общей модели повествований Страстной Седьмицы.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ИЕРАРХИЯ ПОВЕСТВОВАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОТОПИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРРАТИВНОЙ МОДЕЛИ СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРРАТИВНОЙ МОДЕЛИ СВЯТОЙ НЕДЕЛИ
--

I-ВВЕДЕНИЕ.

Набор уже сделанных подробных исследований, которые касаются общей организации повествований и изотопий в романе, уже предоставляет нам значительный объем данных, чтобы интуитивно предсказать, из чего может быть составлена эта итоговая модель: для того, чтобы она учитывала всю новую систему на уровне повествования и на логико-семантическом уровне, она должна интегрировать как аспектные данные, так и образные данные, синтаксические и аксиологические данные. Кроме того, поскольку климатическая изотопия кажется наиболее универсальной схемой для всех повествований, -если не рассматривать их собственных вложений- она также кажется нам наиболее подходящим местом для построения модели повествования, которую мы изначально стремимся построить. Если, действительно, для каждой изученной «истории» климатическая изотопия является общим представлением абстрактной «мифической истории», выдвинутой в качестве гипотезы, но еще не определенной, существует большая вероятность, что эта последняя (т. е. Мифическое представление) будет синтаксической реализацией модели, которую мы хотим создать. Климатическая изотопия, как мы заметили, представляет собой особый нарратив, структура которого явно противоречива: мы могли бы назвать общую программу «наступлением весны». В целом это трансформация типа:

с.140

$$Ft \text{ трансформация. } (S_{\text{клим}} I \text{-----} \rightarrow (O_{\text{кли}} I \cup S_{\text{кли}} 2 \cap O_{\text{кли}} 2))$$

где $S_{\text{клим.}} I$ = климатический трансформирующий субъект.

$S_{\text{клим.}} 2$ = климатический субъект состояния (рассоединенный, затем соединенный)

$O_{\text{клим.}} I$ = отсоединенный субъект : зима.

$O_{\text{клим.}} 2$ = соединенный субъект : весна.

Рассмотрим эту трансформацию трех точек зрения, которые мы прогрессивно приведем в состояние конструирования задуманной модели:

а-полемиическая структура и в частности организация элементарной

фигуративной структуры согласно актантным квадратам.

б-аспектуализация, создающая из этой трансформации «временной переход».

с-связь между элементарной изобразительной структурой, абстрактные аспектуализация и аксиология.

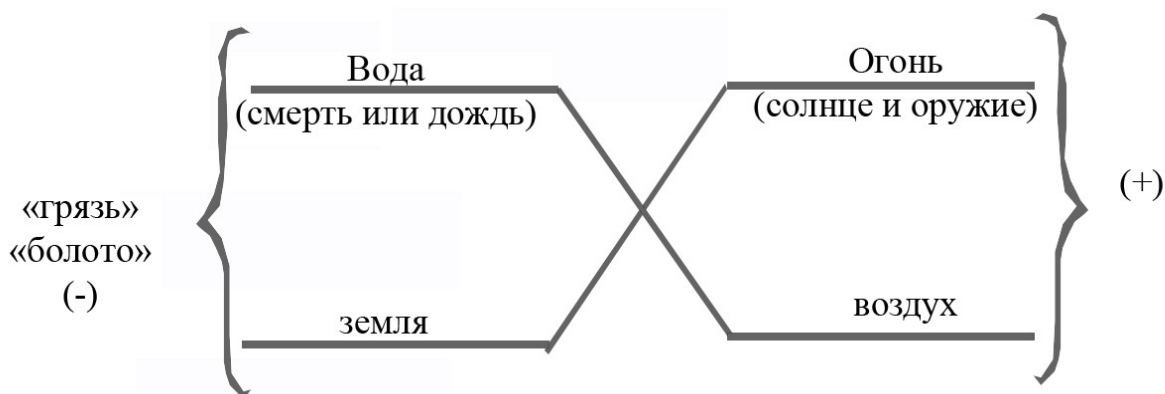
2-ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА.

В отношениях с разнообразными изотопиями климатическое повествование различными способами проявляет полемическую структуру.

2.1-Военная изотопия .

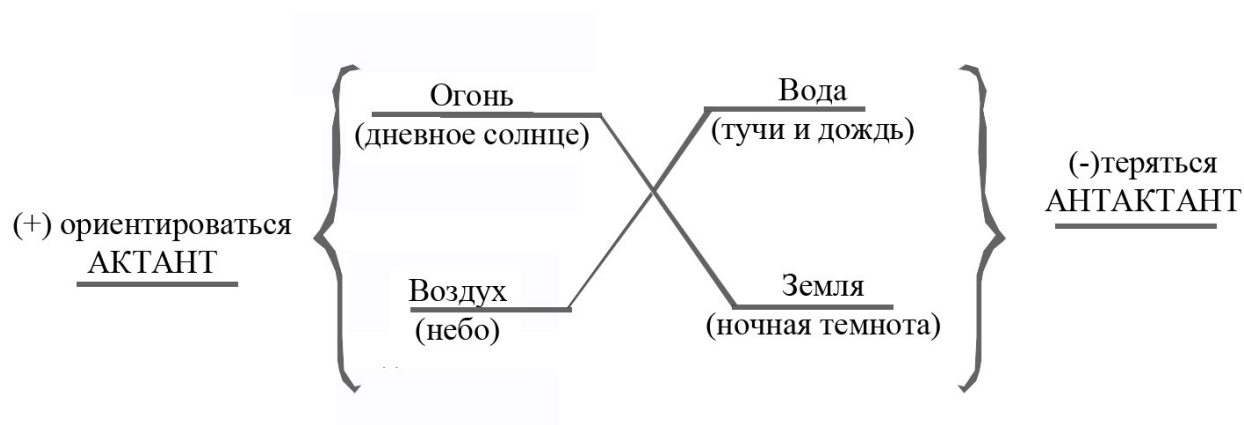
Мы видим следующее расположение: (а)

Для сценария «наступление»:

В позитивном дейксисе возможны специальные военные программы: «наступление» и «битва»; это позиция актанта. В негативном дейксисе эти сценарии невозможны: эта позиция антактанта.

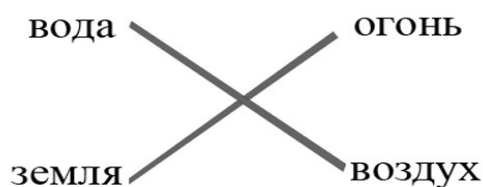
(а) Речь идет о текстах, уже использованных и процитированных выше: Глава I,с.32, и Глава XVI,с.329.

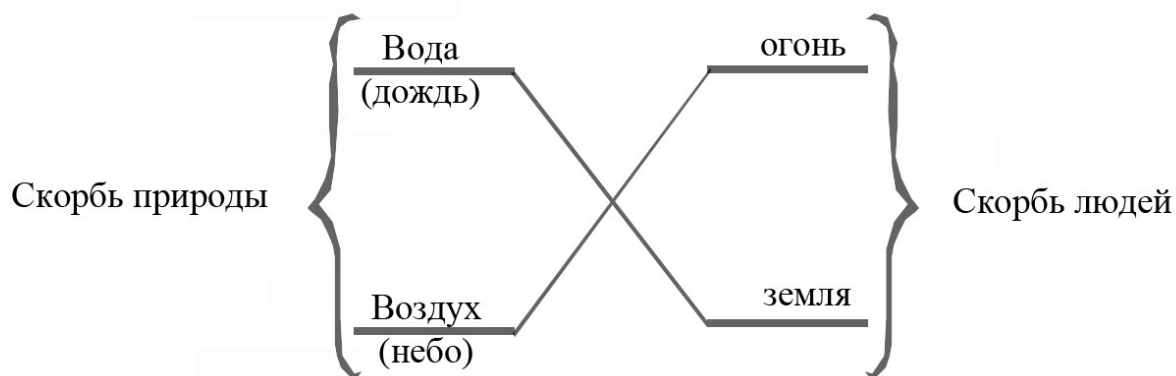
Интересно заметить подмену: ось противоречий «огонь/не-огонь» представлена «огнем/землей». Эта ось интвестируется семантическими содержаниями типа «свет/не свет», позиция «не-огонь» представлена через «темноту» или «ночь», вместо «земля». Эта подмена приобретает все свои смыслы, когда мы видим, что она соответствует изменению нарративных сценариев: вложения «земли» совпадает с прагматической программой «выдвижение» или «битва»; тогда как вложение «темнота» соответствует когнитивной программа: «ориентация». Вот еще один вариант элементарной образной структуры: «естественные» вложения акторов меняются, когда на синтаксическом уровне мы переходим от прагматического к когнитивному.

2.2.-Религиозная изотопия.

Мы наблюдаем следующее расположение в уже процитированном тексте, говорящем о «пепельной среде»:

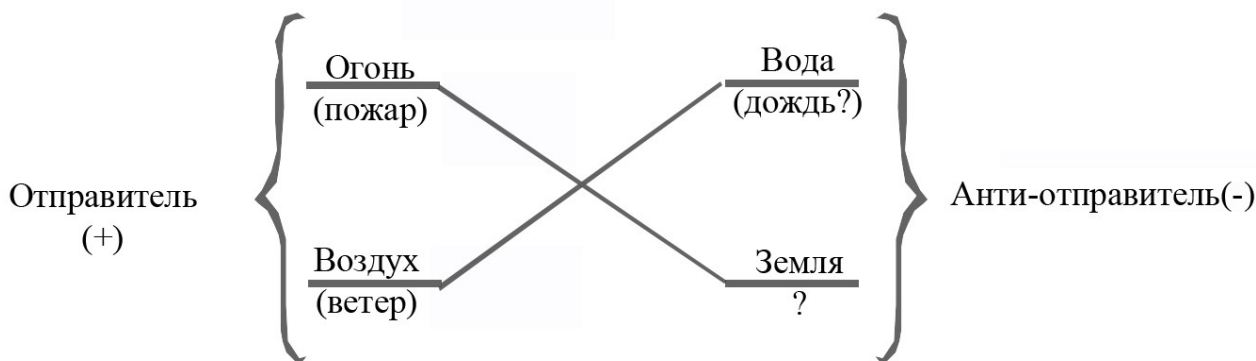
Вложение невозможно, поскольку термин «пепел» строится только с «землей» или «огнем», которые здесь в противоречии.

Соответствующий порядок здесь такой же, как и для сельскохозяйственной деятельности; появляются, а затем подтверждаются две схемы: одна подходит для культурной деятельности (сельское хозяйство, религия и т. д.), а другая - для естественной деятельности (добыча торфа).

с.142

Здесь полемическая структура не объясняется элементарной фигурой; это только предполагается «траурным» вложением, санкционирующим победу анти-субъекта над субъектом. Траур здесь подразумевается дисфорическими проявлениями отправителя (природы) и получателя (людей); полемическая структура здесь виртуализирована смертью субъекта. С другой стороны, об этом свидетельствует элементарная фигура в описании Страстного Четверга, этого «ветреного дня»:

Небесный гнев (ветер+пожар) — это проявление отправляющего (а) и до сих пор мы всегда узнавали пару «вода+земля» как анти-отправителя.

(а) Текст, несколькими страницами далее, широко развертывает это проявление отправителя-судьи через ветер (Глава XIV,с.206):

«Каждую щель в жилищах терзает эта воздушная инквизиция, каждую трещину человеческой жизни, каждую тайну души, каждую мысль (...) Все проблемы погребены под этой воздушной волной. Император, Король, Отечество, все слова вырываются и заглушаются ветром. Такое ощущение, что ветер разносит их по стране...»

Из этого текста мы сначала сохраним сложную схему когнитивных «интерпретативных» действий отправителя, санкционирование которых предполагает знание программы субъекта. Это когнитивное действие осуществляется в отношении положения людей в полемической структуре: субъект или анти-субъект? Точнее говоря, образная программа «инквизиция» характерна как для религиозной изотопии, в которой происходит это действие отправителя, так и для когнитивного действия иерархически более высокого уровня. Кроме того, в этом тексте происходит подмена получателей. Прежние: Император, Король, Отечество, принадлежащие к исторической изотопии, явно виртуализируются действием ветра: следовательно, существует также замена отправителей-мандаторов. Эта замена, которая позволяет одному климатическому элементу виртуализировать все остальные, демонстрирует переход в мифическое измерение.

с.143

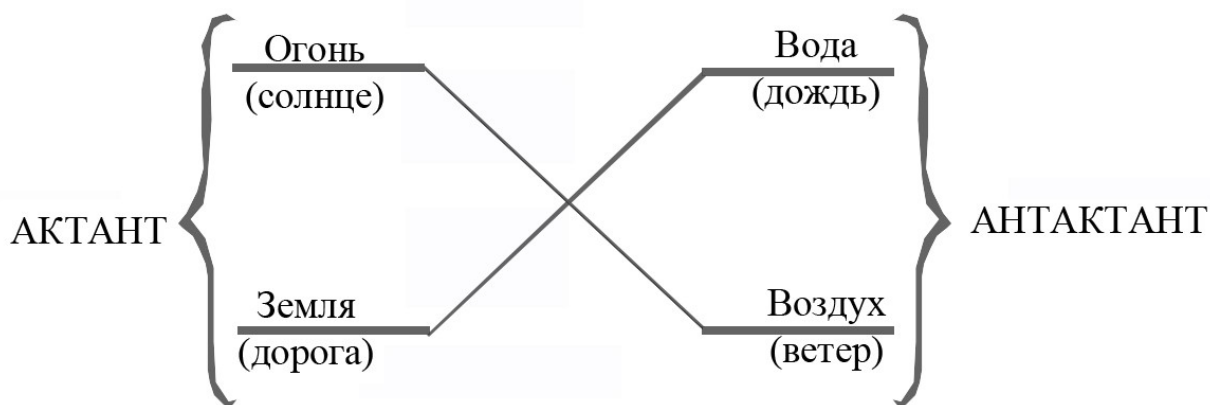
2.3-Историческая и климатическая изотопии.

Что касается исторической изотопии, где грязь и дождь — противники, и проявления «неспособности делать», где солнце появляется в конце, как эйфорическое проявление отправителя:

«Это забавно, дорога выглядит совсем по другому при солнце.» (а)
мы должны адаптировать второе расположение элементарной фигуративной структуры; первая

Характерна для военной изотопии, где действия людей зависят от природных условий. Вторая соответствует истолкованию исторической изотопии и программ, которые здесь развертываются как культурная система:

Мы могли бы также описать трансформацию исторического повествования в ходе романа: вначале мы в «природе», мы в военном повествовании, где единственные заботы солдат носят прагматический характер; выдержат ли лошади, как далеко мы можем зайти в этой грязи? Затем историческое повествование, связанное с климатической изотопией, призванное дать мифологическое описание судьбы людей, становится более абстрактным, приобретает культурное значение; это изменение совпадает с заменой в романе одного расположения элементарной фигуры другим.

2.4- Полемиическая структура, характерная для повествования о климате.

2.4- Элементы.

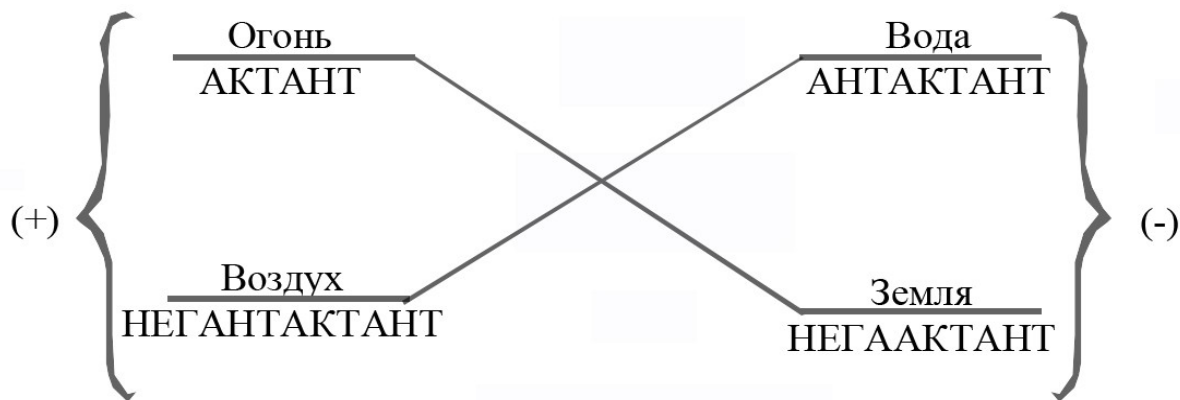
Что касается истории о климате, то прочтение романа показывает борьбу солнца с дождем (b) с победой субъекта над антисубъектом в конце романа, поскольку солнце «освещает последние страницы».

(a) Глава XVI, Завтра Пасха, с.380.

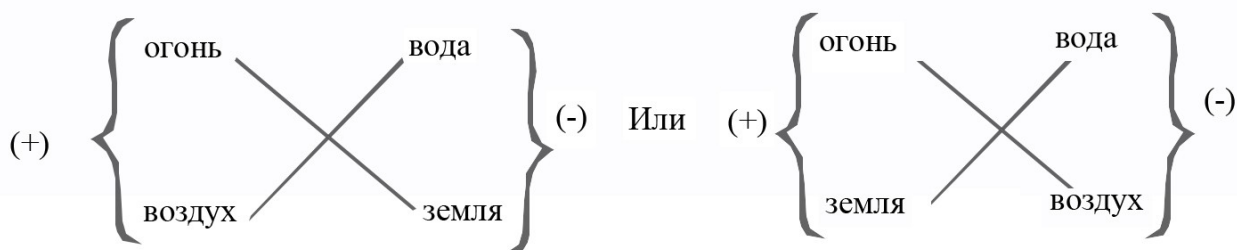
(б) Это не имеет ничего общего с естественной реальностью весны, которая представляет собой скорее борьбу между тьмой и холодом, с одной стороны, и «ярким и теплым», с другой. Весной часто бывает больше дождей, чем зимой. Но это может только убедить нас в несоответствии общепринятого понятия «референции».

с.144

Отсюда следующая структура:

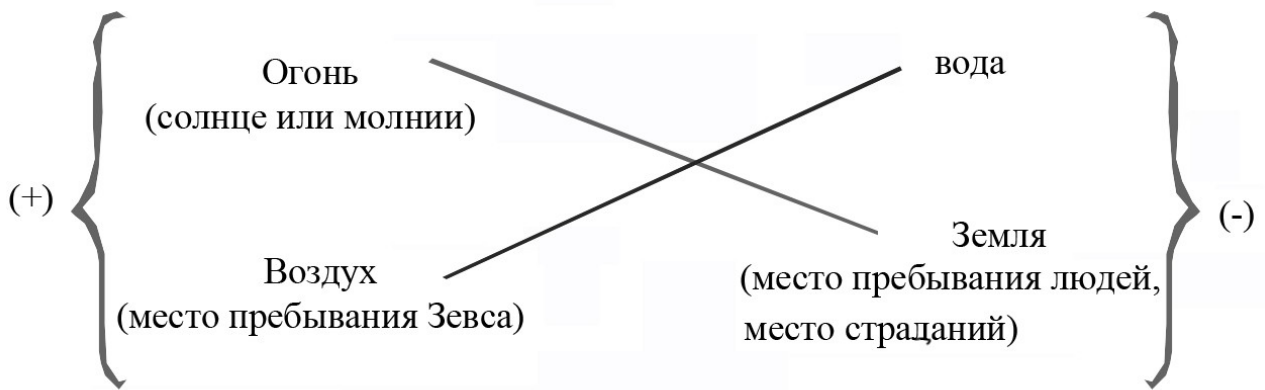

Только в конце романа в климатической изотопии «земля» может сочетаться с огнем в уже цитированном нами предложении: «все уже не то». Это означает, что полемическая структура виртуализируется в конце романа победой субъекта. Дело в том, что в то же время климатическое повествование также «означает» в этот момент через мифическое измерение уровня повествования. Здесь необходимо учитывать эти два размещения:

Как ролевое повествование, климатическое повествование включает только первое, где положение «огня» соответствует только солнцу. Другая расстановка соответствует позиции «огонь», в которую входит то, что для нас покрывает лексему «огонь»: то, что испускает пламя и тепло. Это противопоставление соответствует единственному варианту, который наиболее универсален для огня, который воспроизводится во всех мифах о пожаре (а) и которое мы можем систематизировать следующим образом:

(а) Когда Протметей украл огонь с небес для передачи его людям, он использовал трансформацию : «природный огонь»-----> «культурный огонь», и одним жестом он основал всю человеческую культуру. Но в то же время. Чтобы создать эту «культуру», он модифицирует структурное устройство элементарной формы. Перед тем, как получить этот огонь, люди могли получать только небесный огонь в виде молнии, огня, принадлежащего Богам, «естественного огня»:

После похищения огня люди получают огонь окультуренный, разведенный на «земле», которая оказывается на стороне позитивного деиксиса, тогда как небо, «воздух», наказывающий «вора», находится на стороне негативного деиксиса.

с.145

<u>Естественный огонь</u>	vs	<u>Окультуренный огонь</u>
«солнце, дневной свет»	vs	«огни, пламя, созданное человеком»
Естественная диспозиция элементарной фигуры	vs	Культурное размещение элементарной конфигурации

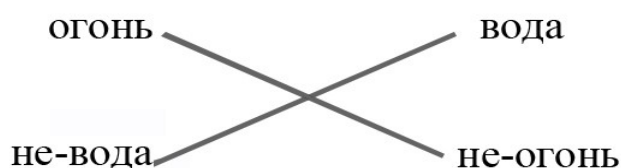
В данном романе нам предложены две возможные инвестиции полемической структуры:

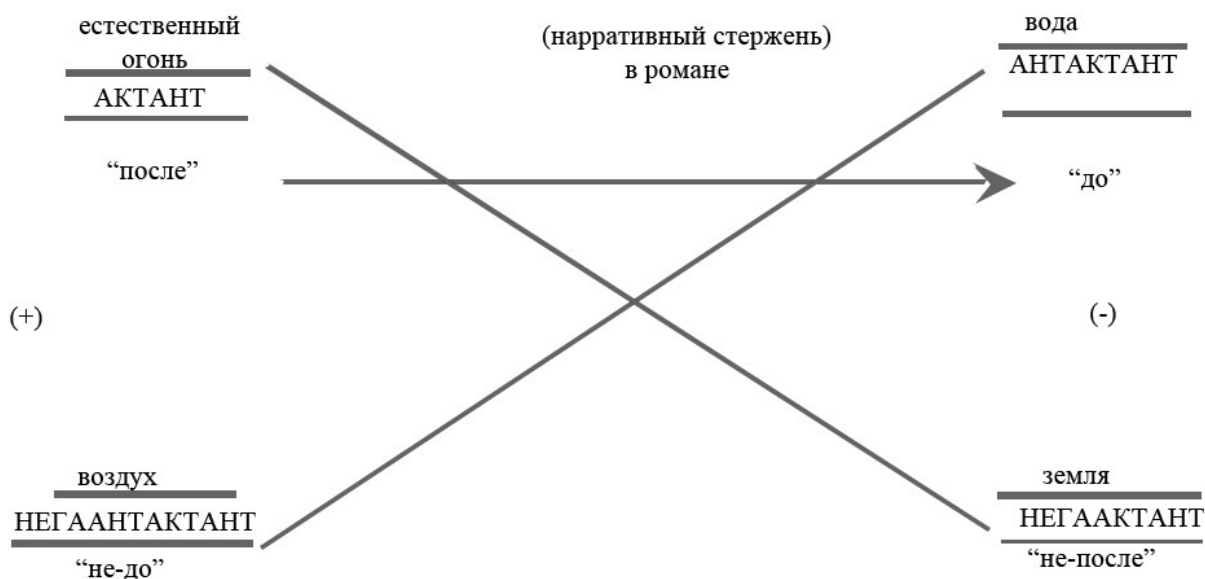
Таким образом, расположение терминов на квадрате элементарной фигуры не является идиолектом и не зависит от изучаемого текста. Мы только что показали, что существует ограничение на логико-семантическом уровне: выбор между «естественным огнем» и «культурным огнем», который показывает, что, думая о четырех элементах как об элементарной структуре, мы представляем все те же термины, уже вложенные в систему коллективного представления: «природа vs культура». В самом тексте есть чередование, в соответствии с требованиями различных изотопий, связанных с климатической связью. «Повествование о климате» работает в соответствии с двумя системами, как и с другими структурами, но полноценно может работать только с первой, когда она отделена от других: поэтому появление весны полностью происходит в естественной системе. Однако, для мифического нарратива, который мы постулировали на абстрактном уровне, поскольку он должен соответствовать по своей внутренней структуре всем другим изотопиям, даже тем, которые используют культурную организацию элементарной конфигурации, необходимо предусмотреть перестановку между двумя противоположности «земля» и «воздух».

с.146

Чтобы сделать конструкцию максимально генерализованной, мы могли бы предложить следующий квадрат :

Возможны следующие согласования:

Мы видим, что эта система также подходит для других «историй», климатическая изотопия которых обеспечивает интеграцию:

- историческая история.....до -/бегство Короля/ - после
- евангелический рассказ.....до - /смерть Христа/ - после
- индивидуальный расказ (Теодор).....до- /обращение Теодора/ - после

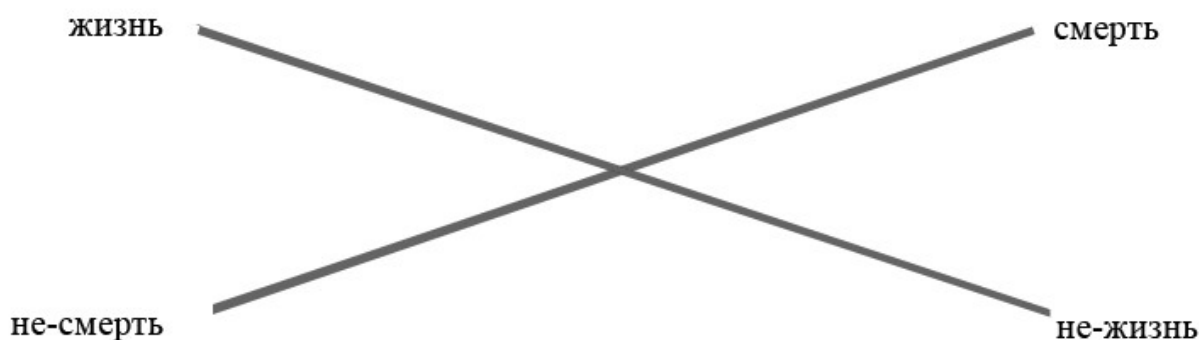
Кроме того, каждый из этих поворотов повествования явно ведет к модификации навыков: смена политического режима, искупление грехов человечества, новый взгляд Теодора на других его сверстников. Поэтому мы можем рассматривать вышеуказанную модель как первый набросок суммарной модели, которую мы стремимся построить.

4-ОБЩАЯ МОДЕЛЬ.

4.I.-Введение в индивидуальную абстрактную аксиологию.

4.I.I.- Парадигматическая ось : система

Система абстрактной аксиологии представлена так:

с.148

Избыточность проявлений этой аксиологии в романе составляет истинную аксиологическую изотопию, в которой мы можем сначала идентифицировать парадигматические характеристики и попытаться провести гомологацию с системой элементарной фигурации. Чтобы обеспечить ориентацию этой гомологации, достаточно обнаружить в дискурсивном проявлении гомологацию одной позиции, а затем логически вывести остальные. Вот несколько фрагментов, которые дают нам первую омологацию:

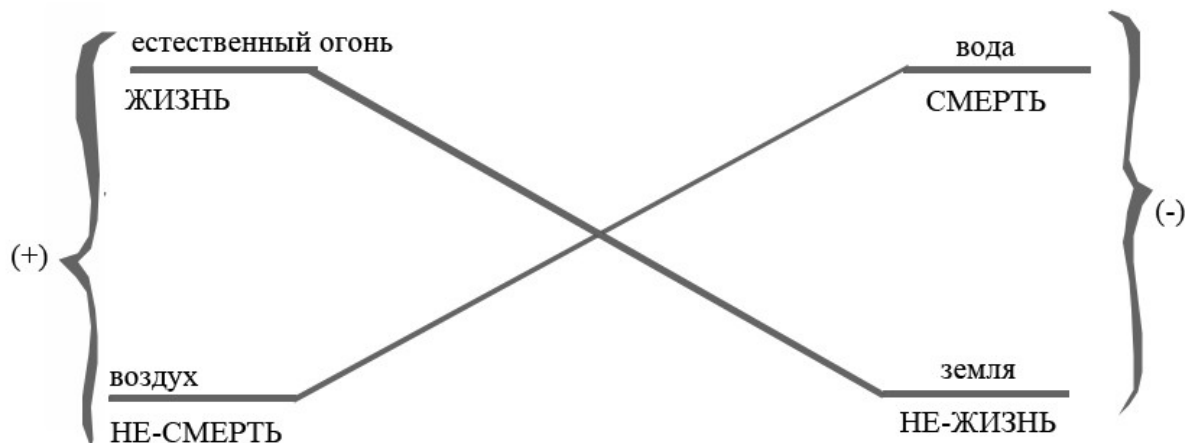
вода
смерть

«...женщина из народа, несущая на себе всю историю агонии, не вытертый пот... (...) У нее был вздутый живот, священники отказались повесить ее в Санта-Мария-делла-Скала (...) картина Караваджо, на которой изображена водянка и большой живот.» (а) (б)

« Все эти тайные потоки ... (...)казались Жаку-Этьену извилистыми отражениями скрытых мыслей Сен-Дени, полного угроз и воспоминаний, мертвых королей (. ...). Кровь залила эти водоемы. (а) (с)

«...Это существо в гробнице снов, этот дрожащий труп, выползающий из пены простыней, комната вертится вокруг себя (...) медуза в водах моря (...); какая-то ундина влечет его на дно реки ...» (а) (d)

Этот набор текстов позволяет нам утверждать:

Эта предрасположенность была предсказуемой, учитывая гомологацию с полемической структурой и тот факт, что в индивидуальной социолектальной аксиологии «жизнь» скорее на стороне актанта, а «смерть» - на стороне 'антактанта(е).

(а) Подчеркнуто нами

(б) Глава III, Огни Пале-Рояля, с.137. Фрагмент взят из речи Теодора о живописи и жизни Караваджо.

(с)Глава V, Сен-Дени, с.203. Извлечение из описания города, сделанного Макдональдом (уже процитированный ранее).

(d) Глава VII, Последнее зимнее бдение , с.273. Извлечение из описания уснувшего Теодора, после мыслей о смерти и страданиях.

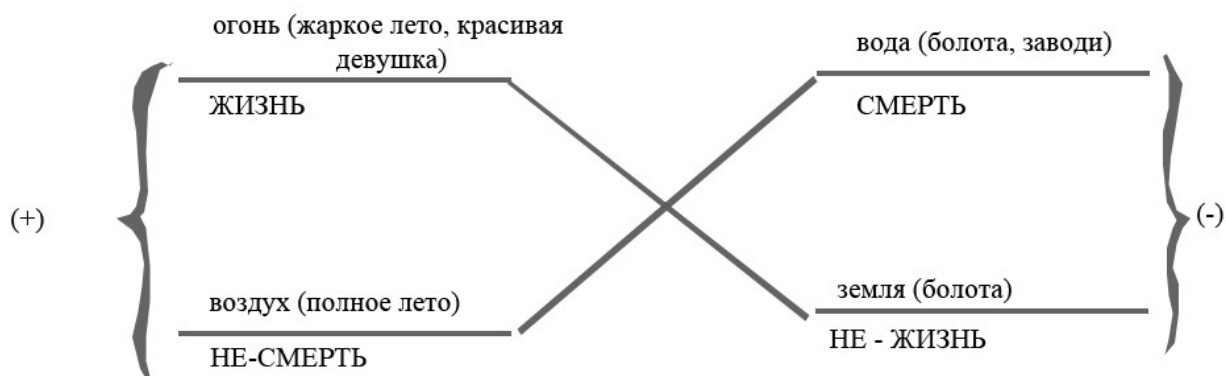
(е)Очевидно, что «смерть» на стороне актанта можно найти в идиолектальных интерпретациях индивидуальной абстрактной аксиологии.

с.149

Чтобы проверить актуальность структуры, поскольку предсказывать можно только в социолекте, давайте рассмотрим этот текст, рассказывающий о смерти Саймона Ришара - графа Оливье:

«...почему он умер этим жарким летом, полным, как руки красивой девушки? Я вижу сцену: где-то в долине Соммы, на одной из этих заводей, через которые проходит лодка Элои Харон...» (а)

В поставленном вопросе текст подчеркивает образный парадокс: смерть подходит стихии «вода» (б), но не «жаркому и полному лету»; этот вопрос фактически противоречит двум дейксисам, выраженным следующим образом:

Еще одно подтверждение: название торфяного болота, в котором найдут труп Симона-Оливье: «Харон», как и парома в Подземном мире.

Следовательно, гарантируется, что климатическая изотопия, организованная в соответствии с этим положением, скорее всего, возьмет на себя ответственность за аксиологию «жизнь против смерти»; это происходит в чисто-культурной традиции, поскольку весна является моментом обновления, победы сил жизни над силами смерти. Обратите внимание, что другие изотопии также поддерживают эту аксиологию: жизнь и смерть Бертье, жизнь и смерть Бернара, Оливье, Христа ...

4.1.2 - Синтагматическая ось; процесс.

Второе замечание об индивидуальной абстрактной аксиологии относится к ее внедрению в процесс; подтверждая семантические квадраты с глубокой структурой, мы принимали во внимание только парадигматику аксиологии. Но быстрое рассмотрение, при обычном скором прочтении проявлений этой аксиологии показывает, что они, скорее, характеризуются синтаксисом.

(а) Глава XIV, Ветреный День, с.235.

(б) Такая когнитивная композиция в этом романе Арагона не удивит тех, кто прочел Орельен, где грезы на Сене, утопления, Береника и смерть объединяются в одну навязчивую идею.

с.150

а/ трансформация

Сначала мы замечаем, что ряд повествовательных последовательностей в романе демонстрирует трансформацию, когда «жизнь» и «смерть» являются ценными и неценными объектами, которые циркулируют между человеческими и нечеловеческими актантами. Формализация всех этих преобразований, какими бы они ни были, следующая:

Ft трансф. (S I -----> (O1: жизнь \cup S2 \cap O2: смерть))

Мы также можем считать, что «смерть» - это не объект ценности, а аксиологизированный результат отделения от «жизни», единственного объекта ценности. Формализация, вместо того, чтобы создавать два объекта, заставит появиться два субъекта, сустав (S3) и несвязанный (S2):

Ft трансф. (S I -----> (S2 \cup () :жизнь \cap S3))

Эта вторая формализация особенно подходит для описания самоубийства графа Оливье, но, возможно, первая лучше описывает самоубийство Бернара:

«...как сомневаться в словах мертвеца? Теперь уже никто не сомневался в словах Бернарда.» (а)

Это означает, что поиски «смерти» для него (Бернарда) не просто поиски разъединения с жизнью - эта «смерть» входит в сложное «убеждающее» действие, манипуляторское /делание-знание/, которое обычно называют «мистификацией». Смерть командира Дежорджа не связана с религиозной изотопией- ее можно описать второй формализацией, поскольку это, по выражению Монтеня, «конец жизни». Зато смерть Бертье и Христа соответствуют первой формализации, поскольку «смерть» становится здесь модальным объектом, вложенным в гиперонимические программы.

б/Обратимое преобразование: фигура «возрождения».

Как бы то ни было, аксиология «жизнь/смерть» почти всегда подвергается испытанию и аспектуализируется.

(а) Глава XI, На Дорогах, с.114.

с.151

Но это используется - и это одна из отличительных черт этого романа — не только в данном смысле:

«жизнь»-----> «смерть»,

но также в противоположном смысле; и эти два преобразования, соединенные вместе, составляют особую синтагму, которые проявляются в речи согласно образным изотопам, касающимся «возрождения» (климатическая изотопия), «воскрешения» (религиозная изотопия) или «нового начала» (историческая изотопия). Эта сложная фигура формализуется так:

(Ft трансф.^а : S1-----> (O1: жизнь \cup S2 \cap O2: смерть))).....
... \cap (Ft трансф.^б (S'I-----> (O'2 : смерть \cup S '2 \cap O '1 : жизнь))))

Соответствующий рисунок разработан в отношении индидента в Обиньи: «Накройте его». Ему набросили пальто на лицо, как мертвому. Как мертвому...»

(а)

«Это только первые боли, родит потом. Старший ребенок разжигает огонь, когда наступает день. Слабое дымное пламя освещает картину ... и Марк-Антуан внезапно понимает, что он будет жить .» (б)

Здесь проявляется образная система, охватывающая абстрактную аксиологию, но здесь добавлена трансформация, повествовательный стержень, позволяющий изменять дейксис на логико-семантическом уровне:

«вода» (дождь)----->	(«не вода» (плащ на голове)----->	«воздух» +	«окультуренное пламя»
СМЕРТЬ	НЕ-СМЕРТЬ	НЕ-СМЕРТЬ	ЖИЗНЬ

Эта фигура, конечно, присутствует в религиозной изотопии, но остается неявной, поскольку, когда роман заканчивается, Христос только что воскрес, а рассказчик мало говорил о воскресении. С другой стороны, он развивает гораздо более характерную для исторической изотопии фигуру. Прежде всего, это индивидуальная смерть, которая биологически необратима:

«Под бежевым занавесом с большими цветами командир уходит по меняющейся воде, плывя по течению лет, которые он больше не увидит...» (с)

(а) Глава XII, Долина Соммы, с.144.

(б)Глава XII,там же, с.152.

(с)Глава XVI; Завтра Пасха, с.359.

с.152

В описании смерти Дежорджа в Бетуне мы находим полное проявление негативного деиксиса :

«смерть»		«не жизнь»
вода	+	ночь

Но впоследствии индивидуальный актер включается в коллективного актера и преобразование становится обратимым, как и во всех прочих изотопиях:

«...эта сегодняшняя молодежь создает замечательных людей.(...) мир изменится в их руках (...) это им достанется то, что принесла Революция.» (а)

«Что это означает : УМЕРЕТЬ? Мы не можем умереть, потому-что есть другие. И то, что мы думали, во что верили и что любили так сильно и страстно, оживает с теми, кто приходит, с этими детьми, чье тело и душа растут.» (б)

Таким образом, двойная трансформация «возрождения» возможна для каждого, при условии интеграции индивидуального актанта в коллективный актант синтагматического типа (с). Мы снова обнаружим эту потребность в интеграции в группу в главе, посвященной «историческому выбору».

Рассказчик уточняет далее о командире Дежордже:

«Само будущее увековечивается, это передача его мысли другим, это энергия этого преобразованного тела, передаваемый свет, передаваемый пыл.» (d)

Это еще одна форма материалистической и атеистической мысли вне христианского мира. Но здесь не отрицается смерть как виртуализация субъекта: человек действительно умирает. Это образные проявления новой жизни, которые передаются другим субъектам; другими словами, /воля/ умирает одновременно с телесным индивидом, но /знание/ («делегирование своей мысли») и /сила/ (« энергия») передаются другим субъектам с /волей/ и актуализируются в будущем.

(а) Глава XVI, Завтра Пасха, с.358.

(б) Глава XVI,там же,с.359.

(с)В противоположность парадигматическому субъекту, когда каждый актер заменяет другого на синтаксическом уровне, коллективный синтагматический субъект составлен из актантов, подразумевающих набор связанных микропрограмм и всего необходимого для общей программы.

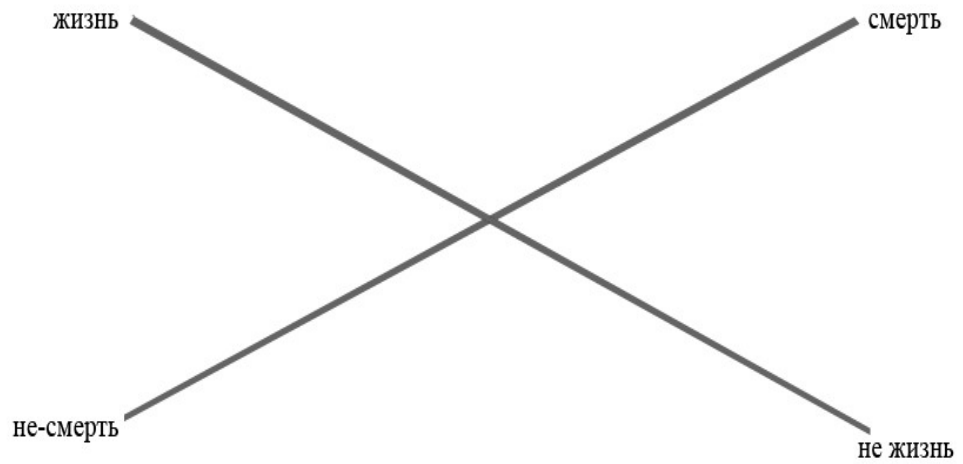
(d) Глава XVI, Завтра Пасха, с.361.

4.2- Окончательная модель.

Мы находим в процитированном тексте план фундаментальной омологии :

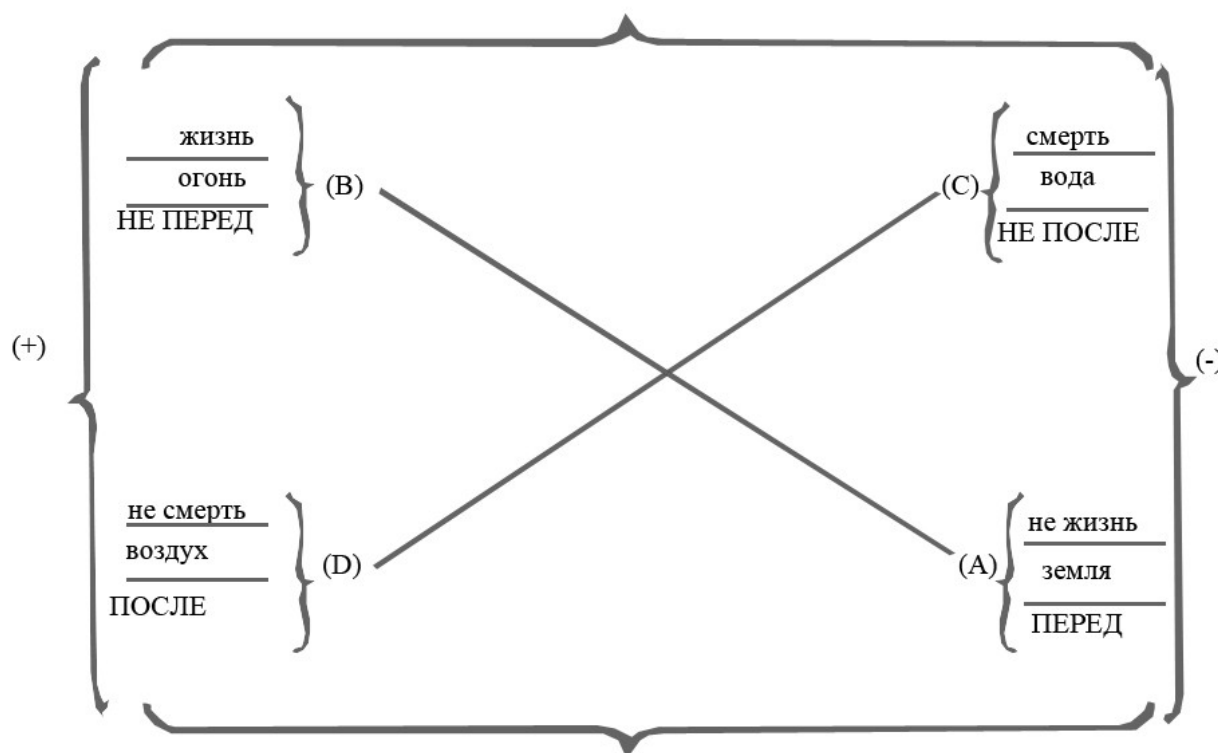
«не смерть» (увековечивание)	(vs)	смерть
«после» (будущее)		не-после
Огонь (свет, пыл)		не-огонь

Либо два квадрата:

том, что обе эти гомологации а-диалектичны; в любом из них возможно только одно преобразование; вот почему мы предлагаем омологацию противоречиями, следуя предложениям последнего фрагмента цитируемого текста. (а)

НЕ АСПЕКТУАЛИЗИРОВАННОЕ НАСТОЯЩЕЕ РОМАНА

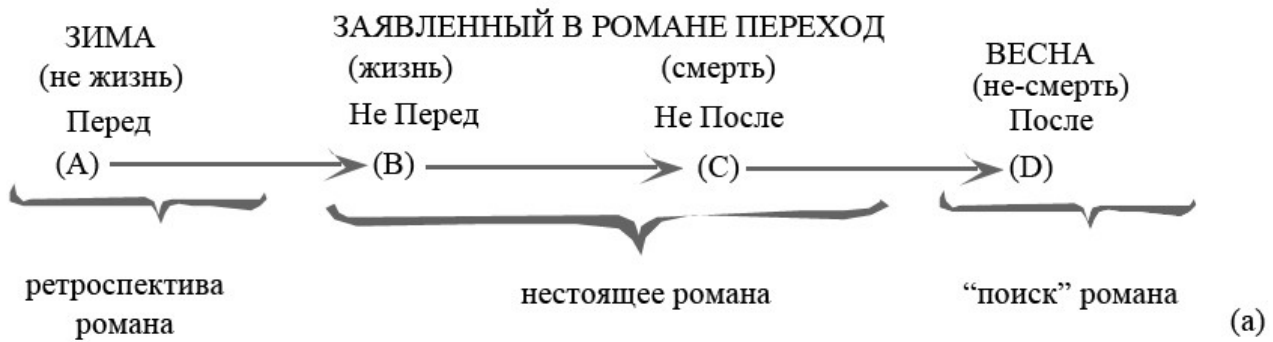

АСПЕКТУАЛИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ РОМАНА

(а)Мы уже сталкивались с этой проблемой для системы «историчность»/ «структурность». Здесь мы также делаем вывод о специфике текста: выбор высказывающего среди всех возможных омологаций индивидуализирует его высказывание.

с.154

Эта модель позволяет описывать все последовательные фигуры транзакций типа «обновление», «возрождение», «воскрешение» и т. д. И так, что касается времен года, если учесть, что есть, с одной стороны, «сезоны жизни», а с другой стороны, «сезоны смерти», структурированный переход по нашей модели работает дважды; один раз между зимой и весной; другой между летом и осенью. В романе заявлена только первая:

Если мы изучим случай Дежорджа, модель проявляется следующим образом:

<u>Нарративные</u> <u>ходы</u> (стрелка снисхождения от позиции А до позиции D)	Позиция (A):	Актер Дежордж не существует.
	Позиция (B):	Актер Дежордж живет: он располагает «пылом» и «светом».
	Позиция (C):	Актер Дежордж умирает; он «уходит» по «воде» реки, ему отказано в будущем.
	Позиция (D):	Актер Дежордж увековечен; несмотря на его гибель, у него есть будущее и новая жизнь, благодаря телам и мыслям емуподобных.
	Позиция (D):	Актер Дежордж снова живет; его наследники получают его «пыл» и его «свет».

5-ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все изотопии вкладываются в эту модель, частично или полностью. Общность повествований может быть трактована на имманентном уровне при помощи такой модели.

(a) Это не имеет ничего общего с самыми распространенными разговорами о временах года. Следует еще раз указать: это не ссылочная модель. Последовательность сезонов в традиционном климатическом дискурсе пойдет по другому повествовательному маршруту:

ЗИМА (смерть) (C) ----->	ВЕСНА (не смерть) (D) ----->	ЛЕТО (жизнь) (B) ----->	ОСЕНЬ (A) (не жизнь)
-----------------------------	------------------------------------	----------------------------	-------------------------

Здесь присутствуют все характерные элементы повествовательной организации: аспектуализация, интеграция и связь изотопий, посредством климатической изотопии, абстрактной и мифической истории. И все эти элементы работают вместе, поскольку аксиология и фигурация подвергаются испытанию посредством аспектуализации. В данном случае эта абстрактная и мифическая история, проявившаяся в имманентности всех остальных, является историей диалектического испытания индивидуальной аксиологии, не интерпретируемой коллективом.

Редукция, которую мы частично использовали в связке конвергентных анализов, направлена не на объяснение текста, а на обеспечение его читабельности; если что-то из вышеперечисленного и объясняет текст, эту редукцию готовят многочисленные анализы. Сам выразитель берет на себя ответственность за эту глубокую структуру на уровне языкового проявления:

«...ничто не кончается, я хочу уйти, разрушить себя, бросить себя, умереть ... это как времена года, которые сменяют друг друга, трава полностью исчезла и возвращается вместе с весной.»(а)

« Как если бы человек не был сам отрицанием прошлого, которое выходит из него, чтобы никогда не вернуться к нему, как если бы память сама по себе не была преобразованием прошлого ...» (б)

«...что рождается в нас, над нами, за пределами нас, этой весной ушедших, которую мы называем будущим.» (с)

В абстрактном дискурсе высказывающий прямо выражает общее одобрение индивидуальной аксиологии, аспектуализации и фигурации. Таким образом, эта глубокая структура существует на протяжении всего романа, за исключением нескольких фрагментов, где она, как указано выше, проявляется, как объект скрытого дискурса, рассказывающего нам о людях, вселенной и времени, призванного убедить нас: это стратегия дидактического типа, в которой тематическая и акториальная фигура служат прикрытием, а также косвенным проявлением более глубокого и неявного объекта - знания, переданного «воспринимающему» (читателю), который не сразу об этом узнает.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ:

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА.

ГЛАВА А: Преамбула и предположения

ГЛАВА В: Актуализация когнитивного измерения.

ГЛАВА С: Исторический выбор.

ГЛАВА D: Точки зрения.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ:

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА.

ГЛАВА А
ПРЕАМБУЛА И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

- I/Введение
- II/ Текст, ситуация и выбор.
- III/Перемещение.
- IV/Собрание.
- V/Итог.

ГЛАВА А: ПРЕАМБУЛА И ГИПОТЕЗЫ

I-ВВЕДЕНИЕ

Для второй части мы продолжим, как и в предыдущих главах, то есть следуя запроецированному подходу. В первой главе текстовая последовательность позволит нам разработать принципы описания, выявить основные концепции, которые будут использоваться, и, наконец, определить принципы и структуру, характеризующие когнитивное измерение. Таким образом, этот текст будет представлять собой ограниченный объем, на базе которого будет построена пояснительная модель. Затем эти гипотетические структуры будут спроецированы на весь роман и им подтверждены.

Общий пролог, текстуальные и методологические экзерсисы, были предназначены для исследования текста и постоянно предлагаемых им вопросов, чтобы показать, что исследование или размышление, подобное нашему, необходимо для неискушенного читателя, приступающего к Страстной Неделе. В первой части мы стремились составить первичное знание о тексте, прежде чем описать здесь собственно когнитивное измерение, которое составляет вторичное знание. Действительно, когнитивное измерение построено на уровне повествования (объект первичного знания) и за счет отделения от прагматического измерения. Это различие между «первым знанием» и «вторым знанием» (а) очень близко к метафоре, использованной Греймас-Куртесом в статье о когнитивном измерении:

« Пока вопрос о знании не возникает: у нас есть первый автономный уровень значения, который мы будем квалифицировать как горизонтальный. (...)»

(а) Речь, конечно, идет о семиотическом знании о тексте.

...введение в рассказ когнитивного измерения, из которого возникает вертикальное значение, иерархически превосходящее горизонтальное значение (производимое событиями и их последовательностями), на котором оно основано.» (а)

с.160

Мы могли позволить себе эту «теоретическую гарантию» с самого начала, чтобы оправдать наш подход. Но мы хотели начать с текста и постепенно согласовывать результаты нашего анализа с имеющимися теоретическими элементами. (б)

(а)Процитированная статья, перепечатка на французском языке, с.6.

(б) Эпистемологические предпосылки такой установки спорны. Фактически, обычно считается, что любая теоретическая модель научно обоснована, когда она была успешно применена: гипотеза должна сравниваться только с объектами, отличными от того, который позволил ее построить. По сравнению с таким подходом наш подход вызвал бы - мы представляем себе возражения - позитивизма, который хотел бы обновить определенную «истину» модели, установленной в гипотезе, и определенную «истину» текста. Отказываясь с самого начала принимать во внимание существующие теоретические элементы, мы стремимся:

1- выдвинуть на первый план исключительную специфику текста.

2- настоять на научной обоснованности теории скорее относительно ее адекватности к позитивной и предполагаемой реальности текста, чем относительно собственной согласованности теории.

Мы легко признаем, что наш подход поддается критике. Ради нашей «защиты», читатель должен учесть следующее:

1-«Истина» не чужда семиотическому подходу, хотя и защищает себя от него. Пытаясь объяснить тексты вне какого-либо конкретного «чтения», структурируя все потенциальные возможности возможных прочтений, она стремится к «бытию» текста, различные прочтения которого предлагают «появления». Таким образом, вопрос об «истине» приобретает значение в семиотическом описании, поскольку последнее позволяет гарантировать адекватность бытия и «появление» текста в когнитивном процессе чтения.

2- Начав один раз с текста, чтобы построить гипотезу, и, начав все остальные исследования с гипотезы, чтобы применить ее к другим текстам, мы, собственно говоря, проверяем только большее или меньшее «сопротивление» того или иного текста соответствию сетке, которую мы хотим применить к нему, и не проверяем саму «валидацию» этой сетки. Поэтому мы решили действовать иначе, чтобы получить дополнительную гарантию. Кроме того, такой подход снижает риски субъективной и индивидуальной интерпретации, а апробация гарантирует универсальность окончательной модели.

2- ТЕКСТ, СИТУАЦИЯ И ВЫБОР.

2.1- Повествовательный стержень.

Текст, выбранный в качестве отправной точки для этого исследования, занимает целую главу романа: это глава X, озаглавленная Ночь в Лесу. Нас больше интересует одна из его частей, третье повествование (а), где Теодор и его слуга Фирмин на поляне, где собрались заговорщики Пуа, незаметно присутствуют на собрании. Даже если мы ограничимся несколькими фрагментами этого одного повествования, ибо процитировать весь текст невозможно. Вот основное резюме:

(Королевский дом прибывает в Пуа, и все мушкетеры ищут убежища; Теодор и Монкор идут в дом кузнеца Мюллера. На предыдущих страницах мы имели возможность познакомиться со всеми жителями, постоянными или случайными, этого дома: кузнецом, его женой Софи, их другом Бернардом, влюбленным в Софи, и мистером Жубером, старым республиканцем, которого Бернард привез в дом Мюллера. Для солдат-монархистов это очень враждебная среда, поскольку все эти персонажи, похоже, разделяют мнение мистера Жубера. Обед проходит в напряженной атмосфере, все подозрительно. Теодор остро воспринимает все неудобства, симпатии и антипатии, которые пронизывают странные отношения между всеми этими персонажами. Вечер заканчивается без происшествий, и все ложатся спать. Теодор не спит из-за беспокойства, слышит в доме странные шумы и движения. Фирмин, камердинер, приходит за ним и просит за ним последовать..Он ведет его на поляну, где собираются самые разные люди, пришедшие туда по зову мсье Жубера, чтобы обсудить ситуацию, созданную возвращением Бонапарта, и, возможно, занять позицию и действовать. Теодор постепенно, с трудом, понял, о чем идет речь.

(Именно тогда в нем происходит откровение: через речи этих людей, за которыми он шпионит, он конкретно ощущает жизнь и несчастья людей, он вступает в общение с их страданиями, их стремлениями и повседневной реальностью их работы, их борьбы за жизнь и выживание.

(а) стр.22-23 второго тома.

Он знал это раньше, даже не подозревая об этом; теперь он это знает лучше; лучше он понимает, чего не хватает всем этим людям: общей воли, осознания общих интересов.

Фирмин привел его туда с намерением осудить митинг со стороны монархических властей и чтобы отомстить Бернару, присутствовавшему среди заговорщиков и любившему - по крайней мере, он в это верит - Софи, и которому он завидует. Жерико вовсе не хочет, чтобы эти заговорщики, орудия его недавнего прозрения, были осуждены: он обращается к Фирмину, который упорствует в своем намерении. Он тащит его почти до дома Мюллера, и все возвращаются в постель.)

Мы выбрали этот текст по нескольким причинам. Первая следует из резюме: эта глава занимает центральное место в эволюции главного героя, который проходит в этом тексте политическое преобразование, внутреннее и долгосрочное. Расположенная в середине книги, эта глава, а точнее третья часть, соответствует повороту повествования в индивидуальном поиске Жерико в отношении его «осведомленности». Говоря более формально, для макро-нарративов, субъектом которых является Жерико, эта последовательность в романе является местом трансформации, принадлежащей когнитивному измерению. Поэтому мы приводим этот текст: прежде всего, потому, что он содержит когнитивное событие, которое мы избрали.

2.2 - Образный анализ.

Вторая причина нашего выбора состоит в том, что этот текст казался нам подходящим для того, чтобы позволить простое описание когнитивного измерения: он действительно широко проявляется на дискурсивном и лингвистическом уровнях. Простое изучение следующего абзаца покажет нам работу образного анализа, которым занимается высказыватель имманентных компонентов когнитивного измерения:

«Жерико не мог заснуть. Не то чтобы матрац на полу был для него слишком твердым, пола вполне могло хватить для него: но он поднялся из кузницы, где маленький Монкорпус, уткнувшись носом в подушечный валик, даже не двинулся с места. на кровати, когда он вошел, он был только частично раздет, в сапогах и с саблей под рукой.

Было в этом доме было что-то тревожное, чувство беспокойства усиливалось из-за того, что я не видел это место днем, не знал планировки, не знал того, что находится этажом выше, и так далее. Затем через световой люк, через который видно небо, мы ощущали далекий лунный свет, он освещал не дом, а крыши, долину.» (Глава X, с.22 и 23)

Этот фрагмент развивает элементы модальности «неспособности», характерные для программы «сна»; это выполняется одним из субъектов, Монкорпсом, но виртуализируется другим, Теодором. Прагматический аспект возникает быстро, но его следует немедленно виртуализировать: бессонницу вызывает не жесткость матраса, а впечатление беспокойства. Бессонница Жерико не прагматична, а когнитивна. Поэтому для данной программы, «сна», мы рассматриваем две возможные причины «неделания»: невозможность (жесткий матрас) или /не-знание/ (беспокойство и дискомфорт). Мы выбрали этот фрагмент только для того, чтобы измерить, насколько когнитивное измерение присутствует в этой главе на уровне проявления. Это соответствует таким фигурам, как «беспокойство», «незнание», «ночь». Конфигурация «ночь» проявляется в высказывании: «далекий лунный свет», который «не освещает дом». Следствием этого образного и аналитического присутствия /знания/ является обилие лексем, которые отражают специфические когнитивные процессы, такие как «выждать», «смотреть», «внимательно изучать», «слушать», «предчувствовать», «различать», «путать» и другие, собранные в этой главе. Наш анализ когнитивного измерения расположен, прежде всего, на уровне имманентности, но наличие доминирующей и повторяющейся образности является обнадеживающей и явственной гарантией релевантности нашего выбора.

2.3 - Автономная последовательность.

Интересующая нас глава, озаглавленная романистом «Ночь в Лесу», представляет собой автономную последовательность.

Прежде всего, существует пространственное разделение: /дом vs деревья/ (а); более того, границы этой дизъюнкция пролегают от дизъюнкции, основанной на акторах, до глубокой семантической дизъюнкции /внутри vs снаружи/. По-прежнему существует актерское соединение: Фирмин присоединяется к Теодору; однако критерий сегментации, которому мы придадим большее значение, - это наличие полной программы смещения, аспект которой заключается в следующем:

«иншоактивность» (намерение к действию))	«продолжительность»	«терминативность»
(уход из дома)	(путешествие по ночному лесу)	(прибытие: собрание на поляне)

Такое аспектное расположение в последовательности позволяет нам использовать новую сегментацию, которая разделяет:

-фактическую последовательность движения,
 -и последовательность, которая находится между путешествием вовне и возвращением, и которая соответствует аспекту «конечности» движения вовне. Ряд поверхностных подсказок позволяет нам это сделать; во-первых, временная актерская дизъюнкция Фирмина/Теодора; во время «шпионской» сцены, которая происходит на поляне, Жерико один. Мы также наблюдаем несколько изотопных инверсий: «город» на «поляне», ночь в свете, одиночество в собрании, тишина в шуме (б). Эта серия инверсий будет сделана в другом направлении, по совпадению с начальным аспектом процесса «возврата». (с)

(а) Точка отправления: дом.

Цель: «добраться до этого небольшого леса на месте старой крепости». (Глава X, стр.30)

(б) и (с): см.следующую страницу.

3- ОТ ДОМА МЮЛЛЕРОВ ДО ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ: ПЕРЕМЕЩЕНИЕ.

Было бы неверным делать вид, будто когнитивное измерение появляется на протяжении всей главы только во время перемещения на поляну, или как если бы условия его появления ощущались только в этой конкретной последовательности. Поэтому, прежде чем исследовать последнее, давайте обратим внимание на проявления нарушения фидуциарного договора, которые с начала главы актуализируют когнитивные акты.

3.I. Нарушения фидуциарного договора. Виртуализация познавательного субъекта.

3.II.

Первый контакт с людьми из дома Мюллеров нарушен тем, что они сознательно используют язык, который Жерико не понимает:

«Вдруг:

«Ej 'porré dormi nein ba dins ch'te challenge, not moit», говорит мальчик.

...Каким бы необычным ни был язык Пикарда, он подумал, что усмотрел в нем смесь хитрости и бесстыдства. (...) В любом случае, титан рычал и ругался на еще более непонятном языке, в котором Жерико разгадывал немецкие слова»(стр.9)

Это проявление нарушения фидуциарного договора (отказ использовать общий лингвистический код, который помещает собеседника в «секретную» позицию) немедленно сопровождается когнитивной программой: «воспринимать» и модальностью в частности: «верю».

Другие проявления во время еды, когда Мюллер говорит без остановки:

(б) и (с) следующей страницы:

Перемещение «идти»	На поляне	возвращение
«луна осветила их полностью» (стр.29)	«Это голое пространство освещено факелами, закопанными в землю» (стр.31).	«мальчик, с грязной мордочкой, под луной» (стр.56)
<u>«ночь и луна»</u>	<u>«свет»</u>	<u>«ночь и луна»</u>
«Жерико следил за этой проворной игрой» (стр.29)	«...люди собрались» (стр.31)	
<u>«одинокчество»</u>	<u>«собрание»</u>	
«Веточки нельзя заставляя плакать» (стр.31)	«...пыл после обсуждения» (стр.32)	«...он остановился, слушая тишину...» (стр.55)
<u>«тишина»</u>	<u>«шум»</u>	<u>«тишина»</u>

«Теодор, симулируя интерес, гадал, считали ли его дураком или что от него хотели скрыть.» (а)

Нарушение фидуциарного контракта приводит к тому, что «секретная» модальность проявляется здесь по-разному: обитатели с точки зрения Теодора, а Теодор с точки зрения жителей этого дома (б). Поэтому мы можем сказать, что когнитивное измерение присутствует в нашем тексте-примере.

3.2-Ненасыщенность познавательного предмета.

Представленная с начала главы в виде поиска смысла, принимаемого одним из актантов повествования, познавательная деятельность предстанет перед нами в выбранном тексте прежде всего как последовательность актантных ролей. Но мы будем различать два начальных когнитивных субъекта: в начале главы Теодор, как мы показали, настороже и ждет. Это соответствует виртуализированному когнитивному субъекту: субъект просто отделен от объекта знания другим субъектом, в отношении которого первый, следовательно, нарушает фидуциарный договор. (с) В этой части текста объектное знание не вкладывается, а проявляется только через недостаток. В выбранной нами последовательности Теодор действительно что-то ищет, его /желание/ знать направлено на конкретный объект, проявляющийся в тексте: это установленный когнитивный субъект, синтаксически соответствующий мандату. Рассмотрим этот фрагмент, например:

«Маршал, здесь еще больше «Вулкан», чем в кузнице, обнял своей сильной рукой шею своей жены жестом хозяина, и Теодор увидел отблеск свечи, танцующий на лице молодого человека, как гримаса неудовольствия.

(а)Глава X, Ночь в Лесу, стр.15.

(б)Действие убедительное «притворное»: 1- обманчиво: он предлагает «ложь». 2- консилер: он устанавливает «секрет».

(с)см.Греймас в цитируемой статье: «... отношения между участниками повествования регулируются тем, что будет называться фидуциарным контрактом, честной игрой, в которую не входит двуличие (...). Следовательно, нет дистанции между событиями и знаниями о событиях.» (стр.9,статья на французском языке)

Женщина была в белом казакине, свет озолотил ее чепец и волосы; она была ребенком, едва расцвевшим для первого материнства, она подняла плечи с видом покорности, но ее обеспокоенный взгляд, казалось, просил прощения за это семейное уединение у стоящего рядом юноши. Это Жерико увидел внезапно и сразу все понял ...» (а)

Очевидно, что познавающий субъект здесь более чем актуализирован, он даже реализован, поскольку текст представляет его нам соединенным со знанием: он расшифровал эту сцену, и это чтение предстает как деятельность чтения означающего целого, состоящий из световых эффектов, жестов и проксемических отношений, чьи означаемые постепенно воссоздаются: «владелец», «неудовольствие», «подчинение» и т. д. Но этот успешный поиск смысла предполагает нечто иное, чем простой недостаток, вызванный тревожным и враждебным очарованием места: также необходимо предусмотреть в имманентном синтаксисе этого фрагмента /желание знать/ субъекта, которое соответствовало бы предположению о неявном утверждении типа: «есть смысл, который нужно открыть, и я хочу его открыть». Речь идет о чем-то совершенно отличном от разрыва со знанием.

Поэтому проявления любопытства, представление об этом /желании/ многочисленны в начале главы:

«...он отвернулся, глядя на присевшую служанку...»

«... Теодор, проследив глазами за хромым Вулканом в дальнем конце комнаты, догадался: ...» (б)

«...Вслед за этим Теодор, который только и делал, что смотрел, уставился на последнего человека, который остался сидеть ... лысый старик...» (с)

Таким образом, читатель убедится, что выделенная нами последовательность - не единственная, обеспечивающая элементы для описания когнитивного измерения, с одной стороны, и что когнитивные субъекты уже установлены, когда эта последовательность начинается, с другой стороны. Мы выбрали, таким образом, эту главу только из-за ее исключительной ролевой плотности и из-за ее положения в романе.

(а), (б) и (с)

Глава X, Ночь в Лесу, стр.10, 11,12.

3.3-Прагматическая программа.

Внимательно рассмотрим прагматическую программу в реальной последовательности исходящего движения. Чтобы иметь возможность утверждать, что в тексте существует каноническая повествовательная программа, необходимо найти сложный синтаксис с тремя его проявленными элементами: следствием, которое проявляет завершенное соединение субъекта с объектом; производительностью, которая демонстрирует акты или акт, необходимые для достижения этой связи; компетентность, в которой проявляются все модальности, позволяющие субъекту достичь этой связи. (а)

а/следствие

Иногда это называется «прославляющим тестом», когда он является предметом определенного действия, здесь это выражается в следующем предложении: «Фирмин толкнул ворота, и они оказались на кладбище.» (б) затем «...внимание, мы здесь, они там...» (с)

б/представление

широко проявляется в многочисленных описаниях перемещения: «Жерико последовал за проворным гидом.» «Фирмин, не говоря ни слова, продолжил свой путь, они поднялись по узкой дороге между домами...» «Они поднимались над деревней...» (d)...., и так далее...

Эти последовательные преобразования соответствуют изменениям состояния, чаще всего подразумеваемым в этом тексте, но иногда и явным; так: «Сначала в тени домов, на мощеном кирпичном полу, потом они стояли бок о бок с крышами слева от них, справа их увенчала каменная стена.» (d) Там трансформация подразумевается и предполагается преемственностью состояний. Условие, необходимое для трансформации, достигается: актантная непрерывность обеспечивается постоянством акторов, подчеркнутых местоимением замены «они»: несвязанный субъект состояния должен быть таким же, как субъект, соединенный с другим состоянием.

(а) Все это представлено в обратном прочтении, следуя логике предпосылок.

(б), (с), и (d): Глава X, Ночь Арбриссо, стр.30..., стр.31...,стр.29.

Также выполняется еще одно условие для этого преобразования, касающееся смещения: акторы-объекты представлены пространственными акторами (местами), и их последовательность организована во времени: «сначала» «затем»...

с/компетенция

Очевидно, что компетентность, предполагаемая этими процессами замещения, проявляется не полностью. Здесь, однако, мы замечаем особенно настойчивую фигуративизацию следующих модальностей:

-/хотеть/ Почему я буду шпионить за этим мальчиком? Это не моя профессия! Отчаяние и ярость отражаются на лице спутника, он цепляется за рукав своего собеседника, и, как ни странно, внезапно побеждает в споре, убеждая ужасностью своего лица.» (а)

Эта текстовая последовательность явно демонстрирует преобразование «не желать» -----> «желать». Субъект трансформации явлен актером Фирмином, но отправитель и исполнитель - «культурные» и «эстетические». В этом предложении признается толковательный акт субъекта, которому предлагается договор перемещения:

«Он думает: «Что я сказал: Отелло! Это Яго, вот и все, это Яго!» (а)

-/знать/ «Жерико последовал за этим проворным проводником, который видел в ночи, как кот.»

«Спутник знал дорогу среди могил...»

Модальность «знания» в выбранных нами примерах полностью взята на себя актером Фирмином. Мы не будем здесь настаивать на этой модальности, но мы можем прямо сейчас заметить, что этот недостаток установлен в прагматической программе, поскольку Жерико не /может/ и не знает, как осуществить это перемещение в одиночку. Прагматические акторы соответствуют одному актанту, но синкретизм больше не действует для двух когнитивных актантов.

Точно так же во время обратного путешествия актеры снова воссоединятся в одних и тех же когнитивных и прагматических актантах, но они разделены на два волевых актанта: Фирмин будет модализирован /нежеланием/, а Жерико - /желанием/ вернуться.

-/сила/ в этой последовательности проявляется мало, очевидно, малоинтересная для рассказчика в этой главе.

Теперь мы уверены в существовании канонической прагматической программы; конечно, это непростая программа, так как в этот синтаксис вписываются многочисленные программы использования, такие как «спрятаться», «залезть», «забраться».

3.4- Актуализация когнитивного измерения.

3.4.I- Прямая актуализация повествователем

Это измерение повествовательной структуры актуализируется несколькими способами. Прежде всего. на уровне лингвистического проявления мы наблюдаем «захват роли высказывающего», который, осуществляя собственное интерпретирующее действие над повествованием и прагматическим измерением, обнаруживает в нем когнитивный компонент и формулирует это открытие с помощью стилистической поверхностной фигуры. Когда он пишет: «Избегая капризов облаков» (а), он приписывает коллективному действующему субъекту «облака» активную роль в прагматическом измерении, и другую - в когнитивном: лексема «капризы» охватывает программы, в которых, с точки зрения субъекта-толкователя, присутствуют нарушения или несоответствия. Это убедительное действие здесь предполагается «облаками». Если мы, наконец, предположим, что интерпретирующий субъект обязательно прежде всего является одним из актантов рассказа, поскольку он должен быть вписан в тот же пространственно-временной дейксис, мы можем создать метафору на следующих уровнях:

а-Прагматическая программа субъекта «облака»: путь под луной.

б-первый когнитивный уровень, на котором последующее прагматическое событие становится актом убеждения, предназначенным для возможных когнитивных субъектов.

Здесь Жерико, не желая попасть под свет луны, пытается предвидеть смещение облаков, поэтому осуществляет акт интерпретации первого уровня, но терпит неудачу: программа облаков остается для него «случайной».

с- На втором когнитивном уровне интерпретативный акт высказывающего берет на себя ответственность за эту неудачу и проявляет ее в соответствии со своей лингвистической компетенцией, заменяя неодушевленный субъект («облака») анимированным субъектом («прихоти»).

3.4.2- Ролевая актуализация.

По мере того, как мы постепенно проникаем в имманентность текста, мы сталкиваемся с другими элементами когнитивной актуализации. На образном уровне некоторое количество временных и пространственных обозначений интерпретируемо по отношению к когнитивному. Фигуры «неизвестности», например, многочисленны:

«Чувствовались всякие загадочные и невидимые вещи...»

«Мы были затенены холмом...» «...в тени дома.»(а)

Эти фигуры, когда-то интерпретируемые высказывающим как когнитивные фигуры тайн, проявляют для нас «секретную» познавательную позицию, а отсюда и /незнание/ соответствующего когнитивного субъекта.

Если мы посмотрим на выбранный маршрут, то его сложность также является проявлением /незнания/ Жерико по двум причинам. Последовательность пространственных акторов представляет две тревожные характеристики для «незнающего» субъекта: это аналитический характер последовательности, а количество описанных мест полностью объясняет /незнание/. Тогда это просто ряд: никакого глобального видения и пространственных целей в пространстве раньше, никакой пространственной программы. Когда мы видим панораму: «Они взбирались по скалам над деревней, крыши были у их ног, луна внезапно оказалась перед ними и ярко светила на них. Слева свет луны затопил колодцы в двориках, за домами.» (а)

Это ретроспективная панорама, позволяющая понять уже пройденный маршрут: они выходят из деревни, из тени домов, и они смотрят на деревню, оглядываясь. Таким образом, в этом ряду доминирует только ретроспективная глобальная фигура, а не перспективная.

3.4.3-Модальная актуализация.

Положение некоторых актантов на квадрате верификации, с точки зрения Жерико, по-разному объясняет его /незнание/. Ранее мы уже отмечали «секретное» положение, то есть /не казаться+ быть/, характерное для фигуры тьмы и ночной тайны. Различные порядки ощущений не имеют в этом тексте одного и того же достоверного статуса, поскольку:

«...ощущались всякие загадочные вещи...» (а)

/Ощущение/ этого раскрывает существование этих «вещей» и, следовательно, предполагает /существование/ этих вещей; «появления» нет, потому что его не видели. Это соответствует доминирующему аспекту текста, поскольку /незнание/ Жерико - это, по сути, не-видение в контексте перемещений. Истинные модальности еще более явно проявляются, когда два персонажа подходят к месту собрания:

«...мы поднимались, деревья становились все выше, что это было? дубы, нет, кизил, наконец, ивы еще с зимними черными ветками... может быть, посадки ...и вьющиеся растения, которые их охватывали, где уже появились первые листья, бутоны, орехи или что?... все эти дурные предчувствия, странные ощущения, влажные запахи ... рука дрожит при этом шелестящем шуме, и что это значит?» (б)

В этой серии вопросов можно наблюдать такое же распределение ощущений: с одной стороны, «чувство», с другой стороны, «не-видение»: предполагается бытие объектов, но они не поддаются идентификации, и поэтому остаются частично тайными.

(а) Глава X, стр.29

(б)Глава X, стр.31.

Таким образом, каждый объект превращается в вопрос, каждый шаг - в загадку: нужно интуитивно сформулировать диссоциацию программы смещения в двух измерениях из-за /незнания/ одного из двух субъектов.

3.5- Когнитивное измерение программы «перемещения».

3.5.1- Незнание манипулируемого.

Если каждый шаг представляет собой загадку, то каждый элемент синтаксиса программы смещения одновременно относится к прагматическому и когнитивному измерениям. Говоря о Жерико, мы уже наблюдали изъян в модальностях прагматической программы. Но его /незнание/ не равняется /бездействию/. Мы будем отличать /знание/ как модальный объект, который входит в компетенцию других программ /знания/, объект конкретного поиска, цель которого состоит в том, чтобы конституировать бытие субъекта, помимо какого-либо конкретного действия. Чтобы передвигаться, Жерико, должно быть, приобрел /знание-умение/ памяти, которое пришло к нему из всех его предыдущих программ путешествий: очевидно, у него есть эти знания; он может («ходить, лазить, прыгать»). Чего ему не хватает, так это /знаний/ об объекте поездки, о пространственной организации маршрута. Точно так же и почти в гомотетическом отношении, если солдаты королевского двора задаются вопросом о своем перемещении, то не потому, что они не умеют ходить, ездить верхом, маневрировать, а потому, что они не знают ориентации и направления этого маршрута, которому их заставляют следовать. Но этот тип «знания» принадлежит «отправителю», который манипулирует субъектом. Мы заметим, что в случае перемещения Жерико (как и в случае с Королевским двором) произошла подмена знания объекта перемещения: во-первых, это эстетическое видение, «фотографическая» память, следование за своим проводником; или это, в зависимости от частного случая, воинский долг или честь; ни Жерико, ни представители двора не знают об основных целях перемещений.

3.5.2- Ориентация.

Но не только /знание/ отсутствует в сюжете перемещения. Также необходимо учитывать программу ориентации, которая удваивает программу соматического смещения. Можно формализовать общность:

$F_{\text{перемещение}} (S1 \text{-----} \rightarrow (S2 \cap () 0I))$

$F_{\text{перемещение}} (S'I \text{-----} \rightarrow (S'2 \cap () 0'I))$

Вторая программа когнитивная, и если акторы могут быть такими же, как и в первой, актанты различны.

0I - пространственный актант, к которому будет присоединен субъект смещения, 0'I - тоже пространственный актант, но в виде организации пространства; это повествовательный результат такой организации, и это пространство не означает ничего, кроме того, что это место результата придает ему значение. В программе ориентации пространство становится структурой, определяемой в виде опорных точек, ключевыми из которых является 0'I. В то время как прагматическая программа имеет тенденцию отрицать пространство, сводя его в лучшем случае к суперпозиции двух точек (источника и цели), программа познания определяет абстрактные отношения и развертывает их в организованном представлении. Рассмотрим сравнение по эквивалентности:

0I	=	Место прагматики	=	Виртуализованное пространство	=	Прагматичное измерение	=
0'I		Место интерпретации		Организованное пространство		Когнитивное измерение	

Программа ориентации, которая, как мы обнаруживаем, проявляется в испытаниях, таких как «следование», «знание своего пути», «выбор пути», также предполагается тематической ролью «проводника», а также всеми пространственными обозначениями, которые определяют ориентиры, отношения между прагматическими пространственными объектами: «справа от них», «слева от них», «внизу», «справа от них», «внизу».

Эта программа, которая постоянно удваивает фактическое смещение, работает по-разному для этих двух объектов. Сам факт успеха прагматической программы предполагает, что по крайней мере один из двух субъектов обладает необходимой когнитивной компетенцией, то есть, что он может иметь в этой абстрактной организации пройденного пространства исследовательское знание, и не только ретроспективное.

Только Фирмин обладает такими глубокими знаниями об организации пространства, которые соответствуют тематической роли гида. В любом случае, мы в основном хотели показать, как одни и те же проявления, одни и те же актеры, один и тот же глобальный квест могут относиться к двум измерениям, прагматическому и когнитивному, и разделяться на две действующие структуры в двух разных, но неотделимых друг от друга «поисковых сценариях», так что программу ориентации можно интерпретировать как часть квалификационного теста «программы путешествия».

4- СОБРАНИЕ НА ПОЛЯНЕ

В предыдущей сцене мы могли заметить наличие двух уровней у всех актантов истории: Жерико и Фирмин, несмотря на различие в их когнитивном статусе, совершают убедительный акт притворства, направленный на всех остальных: на жителей дом Мюллера и город, патрули солдат, участники собрания секретариата составляют коллективный когнитивный актер, виртуализированный Жерико-Фирмином, который скрывается от всех. Это иерархическая организация знаний в высказывании. Это то, что мы в первую очередь будем искать во второй последовательности.

4.I- Иерархия знаний.

Здесь она даже ярче, чем в другой последовательности; сначала она проявляется в серии отключений.

4.I.I- Отключения: Мы видим:

а/пространственные отключения.

Как в данном фрагменте:

«...там, впереди, над собой, глядя со дна дорожного рва, он мог с трудом разглядеть, на фантастически освещенной кольцевой развязке, под высокими и кривыми деревьями, по крайней мере, дюжину мужчин (на первый взгляд)» (а)

В отношениях «высокий» vs «низкий», «здесь» vs «впереди» пространство организовано в двух местах знания, которые в глобальном масштабе соответствуют двум пространственным актерам и двум когнитивным актантам:

«Платформа» /	«дюжина мужчин» /	«вверху+перед»
«откос» /	Жерико /	«внизу» + «здесь»

б/актантные разрывы

Мы приходим к упоминанию о них случайно; их можно свести к противопоставлению анафориков: «все» vs «он».

с/образные и синтаксические разъединения.

Утверждения состояния, которые учитывают одинаковое присутствие всех акторов в одном и том же месте, предполагают программы перемещения, которые осуществляют трансформацию, необходимую для достижения этих состояний.

с.177

Нам известно состояние Жерико, мы можем изучить его в:

«...этот перекресток соединял пять склонов, подобных тому, по которому он шел, которые расходятся от этой неправильной звезды, и каждый из этих людей прибыл туда, без сомнения, отдельно...» (а)

Существуют значительные противоречия между различными путями доступа: сходящиеся и звездообразные для одних, ориентированные и извилистые для других.

d/ семантические разъединения.

В основном они касаются противопоставления «свет» vs «не-свет»: это противопоставление основывает иерархию знания постольку, поскольку оно позволяет видеть, не будучи видимым. То же самое и с разницей между путями: Жерико должен был идти другим путем, так как он должен был оставаться в темноте.

Вся эта система разобщений получит следующее описание: она состоит из модальности /способность -знать/, и это конкретное вложение /силы/ связано с особым ограничением когнитивной компетентности Жерико: он солдат Короля и может быть, в сравнении с заговорщиками-республиканцами и патриотами, только «секретным» и доминирующим познавательным субъектом.

4.1.2 - Иерархизация предметов и познавательных задач.

Иерархическая организация знания признается тем фактом, что когнитивные акты не одинаковы, и что они по-разному сформулированы и распределены в тексте. Во-первых, мы находим зрительное и слуховое когнитивное действие (как в случае Жерико), а также память и дискурсивное когнитивное действие, причем первое доминирует над вторым. Участники собрания рассказывают историю своей жизни, апеллируют к своим личным или политическим воспоминаниям, пытаются понять современную политическую ситуацию в свете всего этого и выразить все это в речи. Жерико слушает и наблюдает.

(а)Глава X, стр.32.

с.178

Эти два типа когнитивных актов можно сформулировать с помощью модели, предложенной нами в прологе. Начиная с когнитивно-высказывательного дейксиса присутствующих субъектов, мы можем играть на двух типах изотопических разрывов:

Таким образом, мы можем выделить два типа когнитивных текстовых действий. Во многих текстах есть специализация в соответствии с тем или иным когнитивным фактом: начало «В поисках утраченного времени» является хорошо известным примером типа «ПАМЯТЬ». Известно, что некоторые описательные отрывки «реалистического» романа XIX века также относятся к ВЗГЛЯДУ, или ПРЕДСТАВЛЕНИЮ. В любом случае редко встречаются «чистые» тексты того или иного типа. Фрагмент Страстной недели, который нас интересует, представляет собой их сочетание, что позволяет расставить приоритеты в сюжетных линиях Жерико и других.

Участники собрания отрабатывают свои познавательные навыки в истории и поэтому исследуют события, вписанные в историческое время, по сути, с ретроспективным подходом. Жерико, он осуществляет свои познавательные действия на сцене, вписанной в пространство, определяющее его «здесь», и его подход относится к типу СМОТРЕТЬ. (а) Даже дискурсы, производимые когнитивным действием типа ПАМЯТИ, для него записаны, вербально, в его «здесь-сейчас». Мы уже сталкивались с этим типом распределения на стадии гипотезы. Напомним, что это непосредственно следует из глубинной гипотезы о синтаксической артикуляции между «когнитивным» и «высказыванием», причем второе предполагает другое, и что его использование исходит из подтверждения этой глубинной гипотезы.

(а) Если понимать, что название ВЗГЛЯД является произвольным, с одной стороны, приблизительным и временным, с другой, легко понять, что это касается не только визуальных актов: тактильные, слуховые и т. д. ... акты также проходят как когнитивные действия.

4.1.3- Действия убеждения и истолкования.

В настоящее время довольно часто используемое различие между «убедительным фактом» и «интерпретирующим фактом» позволяет найти здесь иерархию на синтаксическом уровне. Эти несколько фрагментов могут нам помочь:

«...сначала Жерико с трудом мог распутать этот беспорядок, понять, что это такое; не случайное совпадение и встреча с противниками, а организованное собрание...» (стр.33)

«Он не слышал и половины из того, что говорилось, ему пришлось многое реконструировать, его беспокоили незнакомые слова, а также много слов из технического языка, промышленного жаргона.» (стр.40)

Именно здесь интерпретативная практика Жерико становится заметна, со всеми трудностями и болезненными условиями восприятия. Сложность декодирования - это представление о напряжении между /властью знать/ и /не-властью знать/. Это интерпретативное действие предполагает убедительное действие, которое мы узнаем в дискурсивном действии участников этого собрания. Но это не значит, что собравшиеся здесь люди пытаются в чем-то убедить постороннего слушателя. Их выступления, если придерживаться намеченной цели, предназначены для внутреннего использования. Это подводит нас к следующему:

а-Замыкание группы дискурсивных акторов является поверхностным явлением: это не мешает им составить коллективный когнитивный субъект, который может вступать в отношения с другими.

б-Добровольное общение - лишь одна из возможных возможностей: она соответствует структуре затрат ДАР; есть еще КРАЖА, познавательная фигура которой здесь реализуется «шпионажем». В любом случае именно субъект интерпретации конституирует своим актом интерпретации субъект убеждения, а не наоборот. Это утверждение непосредственно следует из того факта, что артикуляция между убедительным и интерпретационным основывается на логике предпосылок: интерпретирующий субъект предполагает субъект убеждения.

с-Мы должны отличать отношения отправитель/получатель от отношений субъект/объект.

Участники сборки, как акторы, исходят как от отправителя, вводящего в оборот объект знания, так и от субъекта в разрозненном состоянии. Жерико исходит от реципиента, который получает объект-знание, а значит, и от субъекта совместного состояния, а также и от преобразующего субъекта, субъекта когнитивного поиска. Вот так мы можем говорить об иерархии когнитивных фактов.

4.1.4-Иерархия знаний и моделируемая когнитивно-высказывающая структура.

Эта иерархия когнитивных субъектов и их действий может быть представлена синтетически благодаря нашей базовой модели:

<u>Прагматическое измерение :</u>	Речь идет об исторических фактах, на которых строятся познавательные акты первого уровня .
<u>Когнитивное измерение</u>	
<u>Уровень I :</u>	Уровень актантов рассказа (высказывания)
<u>Уровень I а:</u>	Участники собрания комментируют исторические события.
<u>Уровень I б :</u>	Жерико подсматривает за этими людьми, и его когнитивное действие состоит в интерпретации производимого на уровне I а.
<u>Уровень 2:</u>	Уровень актантов высказывания
	Повествователь использует в рассказе и речи предшествующий ансамбль.

Знание об объекте, которое циркулирует с одного уровня на другой, не всегда одно и то же: с уровня Iа на уровень Iб : речь идет о вербальном дискурсе. Но от уровня Iб до уровня 2 изложение знания не вербализуется; оно остается в форме внутреннего дискурса Жерико: рассказчик «берет на себя ответственность» за этот нереализованный дискурс, чтобы изложить его, располагая лингвистической компетенцией.

4.2- Полемическая структура знания.

Иерархическая организация не единственная; одного интуитивного прочтения текста достаточно, чтобы выявить существование полемической структуры знания: когнитивные действия Жерико наталкиваются на многочисленные

препятствия; наблюдение затруднено, а его результаты неопределенны; интерпретация еще более тонкая.

с.181

Это заставляет нас искать, каков семиотический статус этих различных препятствий.

4.2.I- Образные препятствия.

На простом актерском и образном уровнях проявления антисубъекта обнаруживаются в:

а-пространственные объекты, принятые как актеры сами по себе:
«Жерико, чтобы получше разглядеть, подошел как можно ближе, насколько ему позволяли заросли.» (стр.32)

б-пространственные отношения, где пространство аксиологизировано:
«...он видел так плохо, словно со дна рва...» (стр.32)

Здесь мы можем видеть аксиологическое вложение пространственных отношений: доминирующий когнитивный субъект должен быть «наверху»; в процитированном фрагменте инверсия пространственных отношений «высокий vs низкий» является проявлением антаганта.

с-Образное содержание лингвистической компетенции различных действующих лиц чаще всего неизвестно Жерико, и он часто должен довольствоваться выводом содержания слов из реакций собеседников или из жестового сопровождения этих слов:

«То, что ответил моряк, было сказано на диалекте: и Теодор не понял этого, но некоторые рассмеялись и хлопнули себя по бедрам. Адвокат из Арраса, должно быть, понял, судя по его яростной мимике.» (стр.35)

d-общие условия передачи сообщений

Они, образно говоря, очень обеспокоены:

«Внезапно обсуждение перешло к новой теме, и невнятный голос произнес слова, которые не достигли Жерико.» (стр.35.)

«Кое-что в этой речи было потеряно для Жерико, потому что прямо перед ним люди сошлись воедино и болтали на Пикаре (диалект), заглушив голос говорящего нечетким шумом.» (стр.38)

В этом последнем примере мы видим вмешательство субъекта, «делегированного отправителем», которое восстанавливает нормальную циркуляцию объектного знания и отменяет программу анти-субъекта:

«Призывая к порядку, они отошли в сторону и замолчали.» (стр.39)

Поверхность текста проявляется только в процессе, и через субъекта, который, вероятно, является одним из организаторов этой встречи. Обратите внимание, что в когнитивном измерении распределение акторов в полемической структуре является сложным и противоречивым: некоторые участники этой встречи соответствуют антаганту, другая часть находится на той же стороне, что и Жерико, у актера; и это распределение не исправлено. Наконец, мы заметим почти во всех процитированных фрагментах и во всей этой последовательности, что пространство и расположение действующих лиц в этом пространстве очень важны для организации полемической структуры. Поскольку это артикулируется в высказывании, когнитивное зависит от проксемики, основанной на акторах: слишком далеко, слишком близко, слишком низко и т. д. ...- это категории отношений и оценки, связанные с условиями функционирования коммуникации. Среди прочего, эти категории предполагают для оценки оптимальную проксемику, которая остается виртуальной в высказывании. Например, «слишком далеко», поскольку содержит оценку, предполагает «не очень далеко», что соответствует оптимальному расположению. Эту оптимизацию условий распространения предметного знания можно интерпретировать как компонент модальности /власть-знание/.

4.2.2-Дискурсивные препятствия.

Напомним здесь лишь несколько других фигур антисубъекта, которые позволяют нам приблизиться к модальной составляющей полемической структуры. Когда объекты и акторы узнаются и локализуются, когда дискурсы сформулированы и приняты, остается последнее проявление /неспособности знать/, которое относится к нескольким различным фигурам, но которые мы группируем вместе под общей семьей: «несогласованность». Несогласованность наблюдений несколько раз отмечается наблюдателем, который говорит о «непонятной смеси», или рассказчиком, который комментирует:

«...Во-первых, Жерико с трудом удалось распутать этот беспорядок, понять, что это такое.» (стр.33)

« Теодор потерялся в этой беспорядочной дискуссии, скрючившись за кустом в неловком положении.» (стр.40)

Перефразируя это, непоследовательность, подобно тайне и всему, что мешает познанию, является одной из форм виртуализации когнитивного

субъекта. Это противоречие проявляется на нескольких уровнях, которые следует различать. Во-первых, это просто актерское смешение: «...дюжина человек...Одни одеты в добротную одежду, другие в поношенную одежду ... непонятная смесь ... бандиты что ли?» (стр.32)

Последний вопрос ясно показывает, что трудность состоит в поиске тематической роли, общей для всех этих акторов; другими словами, реконструировать для них одну или несколько возможных программ. Затем указывается природа этой «путаницы»:

«Это были люди разного положения и внешности, некоторые были одеты в пальто, в городские шляпы, некоторые, по всей видимости, были солдатами в штатском, в некоторых чувствовались торговцы или юристы, с бесконечным разнообразием нарядов: бедных, где переплетаются сельская местность и мастерская; высокие фуражки, бесформенный войлок, шапка с кисточками, блузы ... наконец, заляпанный гипсом пиджак каменщика рядом с кожаным фартуком красильщика, пастуха или кучера ...» (стр.34)

Непоследовательность не препятствует реализации когнитивного действия: здесь мы видим, как она расшифровывает социологическое разнообразие акторов. В интерпретирующем действии, Жерико воспринимает внешний вид одежды, который функционирует как означающее «социального означаемого». Фидуциарные отношения на этом уровне не нарушены, поскольку дресс-код хорошо соблюдается, а семиозис, установленный Жерико, находится на позиции «истины». Но общей тематической роли ему пока не удается найти: роль «бандита» устранена; ничего из них под нее не подходит.

Несогласованность не ограничивается актерами, она влияет на сам объект познания, на который нацелен Жерико в своем поиске. Вся сцена, содержание сделанных комментариев, роли участников, в то же время, когда они инвестируют объект поиска, также инвестируют часть антаганта. Эти речи не предназначены для того, кто их слышит, и требуют навыков, которых у него нет:

«...каждое произнесенное слово предполагало знание, которое нельзя получить в средней школе или в мастерских художников ... странность выражаемых чувств, неизвестный словарный запас, трудность которого заключалась не только в пикарде(диалекте).» (стр.33)

с.184

Но здесь мы касаемся только поверхности объектного знания, его языкового проявления, для расшифровки которого у Жерико не хватает лингвистической и социо-лингвистической компетенции. Несогласованность объекта касается также семантических и синтаксических структур. Когнитивному субъекту не хватает повествовательной организации:

«Нет никакого действия, которое поначалу приводило бы в такое замешательство, как начать просматривать спектакль или комедию, например, не с первого действия. Если человек не знает сценария пьесы, тогда все-отношения между персонажами, место, где мы находимся, дата, когда происходит действие- все должно быть восстановлено ...» (стр.32)

Таким образом, объектное знание, его семиотические структуры вкладываются в антактант (а).

4.3- Правдивость.

Различные элементы, упомянутые в полемической структуре, и другие элементы соответствуют на синтаксическом уровне определенным модальностям; мы говорили о /силе/ и /неспособности знать/; здесь мы хотели бы остановиться на эпистемических и достоверных модальностях и их связи с /властью-знанием/.

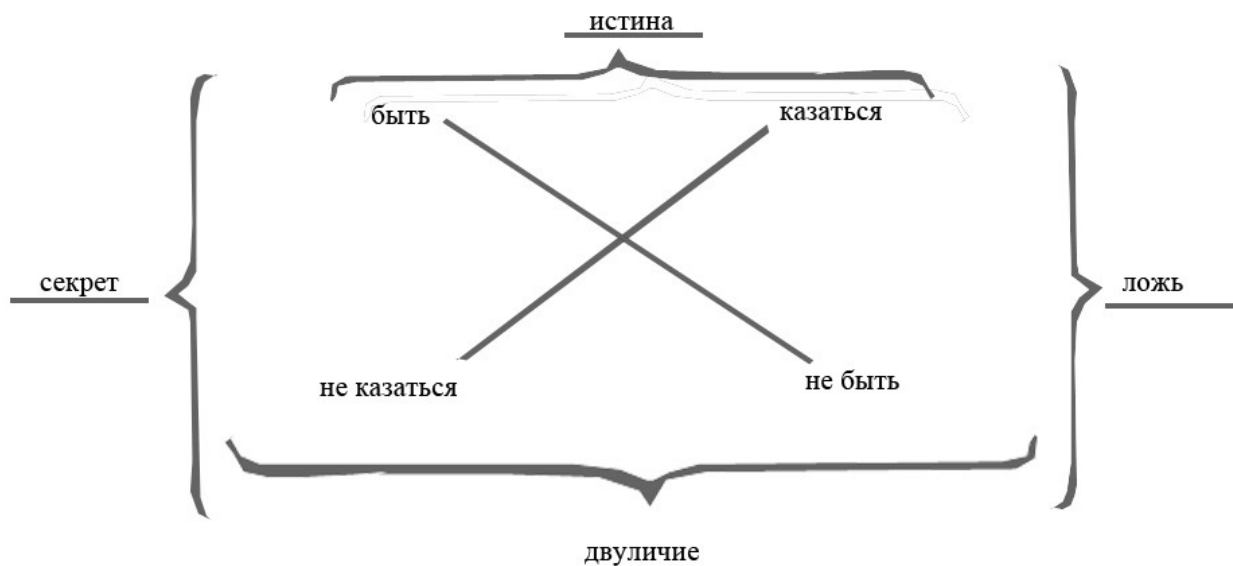
4.3.I- Определения.

Логико-семантическая структура модальности вердикта основана на различии между «бытием» и «явлением»: это различие зависит от отношения совпадения или несовпадения, которое устанавливается между результатом когнитивного действия любого субъекта, а также высказывания, проявленного или нет, объектом познания которого является один из актантов или даже процесс. Необходимо постулировать, что результат этого когнитивного действия не вполне соответствует событиям, к которым относится интерпретирующее действие; этот постулат легко принять, если учесть, что речь идет именно о компетентности интерпретирующего субъекта: с неполной или неэффективной компетентностью - обманчивый результат когнитивного действия.

(а) Это одна из основных дискуссий, которые занимают дидактическое исследование: полемическая структура не только в акторах, но и в предмете-знании и в его адаптации к интерпретирующему субъекту. Знание об объекте во всех его измерениях, образном, дискурсивном, повествовательном, должно быть оптимизировано.

с.185

Из этого различия между «бытием» и «явлением», между результатом когнитивного действия и существом, которое мы предполагаем из него, мы можем построить квадрат достоверности:

Сложные позиции получаются путем сочетания двух терминов одновременно, поскольку каждый объект имеет вердиктный статус для /явления/, а другой - для /бытия/. Каждая комбинация определяет когнитивную позицию, которая способна определить полный вердиктный статус объекта, на который нацелено когнитивное действие, и определенного субъекта (а)

4.3.2- Некоторые события.

Поиск в нашей последовательности следы этой модальности. Прямые лексические проявления многочисленны:

«...все проявления невидимых и тайных вещей...» (стр.29)

«...Что это такое -вся эта мистерия?...» (стр.30)

«...установленные отношения были для него загадочными ...» (стр.33)

«...Король, тебе все равно, как они лгут?» (стр.28)

Первые три примера показывают «секретную» позицию (е + не р). Последний проявляет позицию «лжи» (не е + р). Но самые богатые проявления не лексикализируются напрямую: они происходят из определенных диспозиций актантов по отношению друг к другу или из модификаций этих диспозиций, которые составляют когнитивные преобразования. По сравнению с позицией "ложь" в примере выше, у нас есть раскрывающая трансформация:

(а) Когнитивная позиция объекта зависит от когнитивных действий и от субъекта, нацеленного на него, поскольку то, что является «секретом» для одного, является «ложью» для другого и «ложью» для третьего.

с.186

«То, что другой переживает тысячу смертей, что его страсть опустошает его, или кто-то, возможно, боится мушкетера, или бится разбудить хозяина и хозяйку внизу... все это безумно интересно, даже и при таком плохом освещении.» (стр.28)

Один и тот же субъект может, в зависимости от ситуации, участвовать в «лжи» или «правде»; это случай с луной.

«Высокая церковь, совсем не похожая на обычные церкви. (...)...в лунном освещении. Казалось, она падает на вас.» (стр.30)

эти иллюзорные игры возможны благодаря лунному свету, который окутывает весь пейзаж фантастической атмосферой.

«Непонятная белизна окаймляла кладбище позади, что-то вроде нависающей массы. Вернувшаяся луна показала Теодору руины древних укреплений.» (стр.30)

Переходя от незнания к знанию, субъект приобрел необходимую компетенцию и, следовательно, претерпел модальную трансформацию:

/не-мочь/ знать ----->/мочь/ знать.

Эта трансформация совпадает с трансформацией когнитивных позиций:
секрет (e+ не p) -----> истина (e+p)

4.3.3- Секрет.

Мы можем быть уверены в повторяемости этой позиции, отмечая количество программ использования типа «тщательно изучить», «приблизиться, чтобы увидеть», «догадаться», которые раскрывают скорее стремление к появлению, чем к бытию - для обеспечения преобразования / (e + not p) -----> (e + p)/. Практически все когнитивные акторы находятся в «секретном» положении, в любом случае это касается акторов-людей. Мы увидим это «сокрытие» в следующем фрагменте:

«Жерико последовал за этим проворным проводником, который видел в ночи, как кот. Вдруг Фирмин дотронулся до его руки, и ему не нужно было говорить: были слышны шаги, люди шли...они спрятались в тени дома, за углом. В переулке впереди мушкетер с фонариком, патруль. Почему Теодор скрывался от своих?»

с.187

Но товарищ не дает ему двинуться, сжимает его руку. Патруль приближался, разговаривая. Один из мужчин сказал: «Вы верите в их историю о смерти? - А почему бы и нет, - сказал другой, - люди продолжают умирать, это не причина

того, что король покидает лагерь. и мы с ним... -Ты думаешь, они пошли за священником, эти люди, вдвоем, в этот час?» Ответ другого был не слышен; патруль прошел, все погрузилось во тьму. Фирмин, не говоря ни слова, двинулся дальше.» (стр.29)

Эта последовательность сегментирована по следующим критериям:
-образная анафора: «не надо говорить»/«без слова». «ночь»/ «снова тьма».
-актантная анафора: «Фирмин тронул его за руку» / «Фирмин...снова отправился в путь».
- «укорененность» повествования в последовательности движений, которая приостанавливается на время, пока длится эта последовательность.

Эта промежуточная когнитивная последовательность вправлена в преимущественно прагматическую последовательность. Эта укорененность - не только поверхностный феномен, поскольку наблюдаемые нами когнитивные умения «притворства» могут рассматриваться как модальные условия более общей программы, в которой задействованы два субъекта: они должны прятаться, чтобы реализоваться. Учитывая когнитивную сложность этой последовательности, мы рассматриваем одну за другой все вовлеченные в нее когнитивные вопросы:

а/Программа "сокрытия" Фирмина и Жерико.

Это /не-дать узнать/ представлено в тексте глаголом «скрыть». Компетентность для этой программы проявляется в пространственном актере: «угол дома». Таким образом, получающий субъект соединяется с этим незнанием; это интерпретирующий субъект, статус которого определяется как таковой приписываемой ему тематической ролью: «патруль».

б/Шпионская программа Жерико и Фирмина.

Два субъекта, которые видят, но не видят, слышат, но не слышат, находятся в ситуации доминирующих когнитивных субъектов, в когнитивных отношениях, ориентированных в одном направлении, по отношению к ним. Результат этой программы поддерживает рассказчик, который сообщает нам слова и действия патруля.

с/программа «сокрытия» двух ночных путешественников.

Речь двоих мужчин из патруля комментирует более ранний инцидент: они встретили двух мужчин, которые более или менее сомнительно оправдались. Когнитивное действие ретроспективно. Оно предполагает:

I- /умение/ двух путешественников создать убедительную «ложь», поскольку она предполагает знания, которые, вероятно, характеризуются /не е + р /. Но это также и убедительное сокрытие, поскольку оно служит поддержанию «тайны» их перемещения, скрывая действительную цель. Речь, несомненно, шла о заговорщиках, идущих на собрание в Пуа, и даже, возможно, двух друзьях Мюллера, Бернара и Жубера, которые ушли раньше Фирмена и Жерико (а). Следовательно, когнитивная операция имеет двойкий характер: /не дать знать/ о «секретной» позиции, и /дать знать/, представив ложное сообщение. Проблема в последнем.

2-Это можно объяснить только /необходимостью знать/, и это даже предполагает необходимость /знать/, которую предполагает патруль. Был допрос, и двое путников, модифицированных словами «не могут не сказать», произвели «ложь».

Знания, полученные патрулем, представляющие собой смесь «лжи» и «секретов», явно модулируются /верой/:

«Ты веришь в эту историю...» «Ты веришь, что они идут искать...»

Подводя итог тому, что касается этой короткой последовательности сокрытия, вот различные когнитивные позиции:

I- Для субъекта «Жерико-Фирмин», патруль проходит через последовательные позиции:

«секрет»	«истина»	«секрет»
(e+не p)----->	(e+ p)----->	(e+не p)----->
До допроса	Во время допроса	После допроса

2-Для когнитивного сюжета «патруль»,

а-Жерико+Фирмин на позиции «секрет».

б-Два путешественника на:

-позиции «истина» для их программы перемещения.

-на позиции «тайна» относительно цели пути.

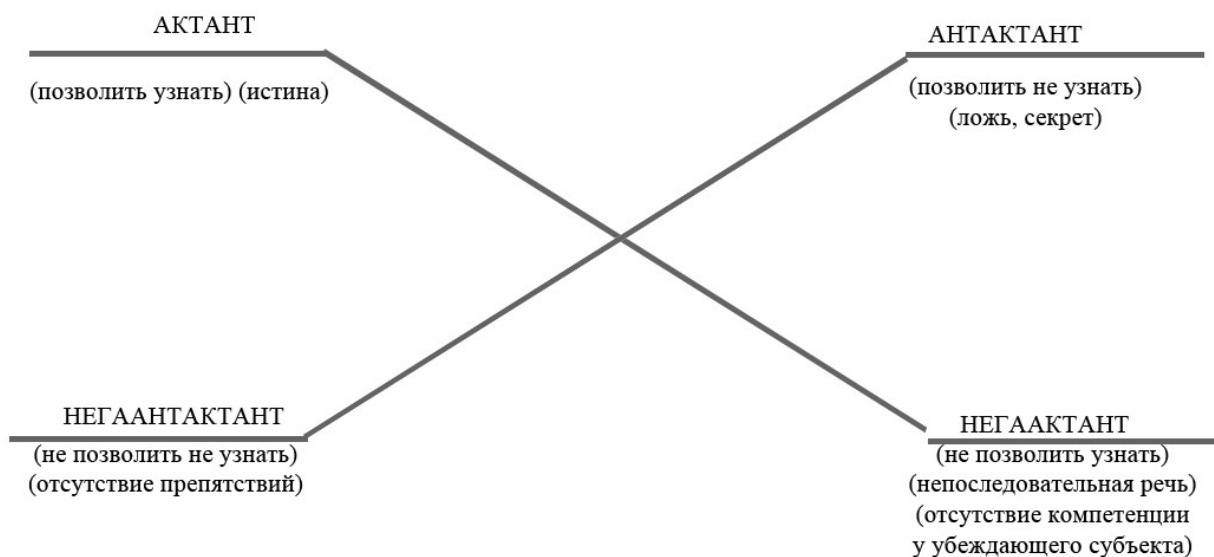
(a) см. следующую страницу

с.189

-на позиции «ложь» относительно их дискурса /позволить узнать/.

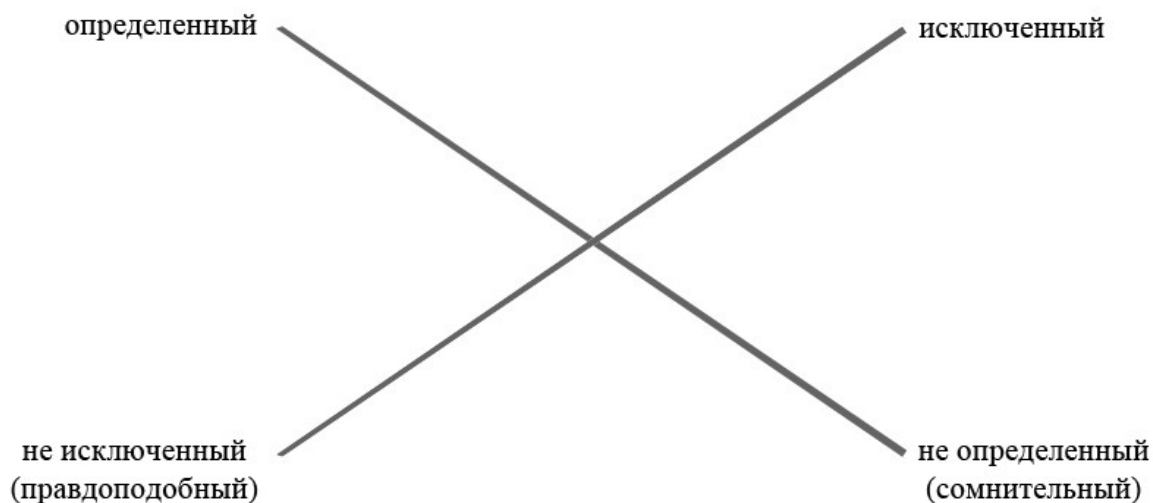
4.3.4-Правда и противоречивая структура.

Все программы сокрытия, лжи и других манипуляций знаниями являются синтаксической реализацией анти-субъекта в когнитивном измерении. Здесь мы можем предложить семиотический квадрат, как он представлен в этом тексте:

4.4- Эпистемические модальности.

Мы хотели бы показать здесь использование модальностей, отличных от проверочных, при описании когнитивного измерения, в частности эпистемических модальностей. Начиная с их самой известной модели:

Мы можем попытаться идентифицировать следы каждой позиции и трансформации-переходы, сделанные из одной позиции в другую. Например, мы признаем определенность в этом фрагменте:

(a) ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ СТРАНИЦЕ (с.188).

Это может быть только результатом обратного прочтения с того места в тексте, где читатель знает о существовании этого собрания и боится предполагать реализацию программы путешествия для каждого из участников. Что касается Бернара и Жубера, читатель может только выдвинуть гипотезу, постулируя повторение текста актором: проявляются «начальный» и «конечный» аспекты смещения двух помощников. Гипотеза связана с тем фактом, что оба актора также охвачены «длительным» аспектом их перемещения. Эта операция чтения приводит как минимум к двум замечаниям:

СЛЕДУЮЩАЯ СТРАНИЦА

а-семиотический анализ - это не только метод описания текста, но также абстрактное и систематическое объяснение процедур декодированного чтения.

б-читатель принимает в когнитивно-высказывательной структуре позицию доминирующего субъекта, но также зависимую от когнитивных позиций объекта его дешифровки.

с.190

«Пусть другой страдает от тысячи смертей, (...) но это- потрясающе» (стр.28)

Здесь мы должны различать два уровня: уровень свидетельства, который характеризует само когнитивное действие: когнитивный субъект - это модальность убедительного действия, проецируемое субъектом на свое действие, из рефлексивного знания, в котором сам субъект уверен.

Следовательно, другой уровень - это уровень уверенности, который характеризует сам результат когнитивного действия. Пусть отношение будет следующим:

«Я «уверен» в р»----->	предполагает----->	«р очевидно»
(Жерико уверен в мотивации Фирмина)		(«это сногшибательно»)

Эта позиция «уверенности» возникает после трансформации; действительно, незадолго до этого Жерико получил «исключительный» опыт:

«Ты платишь за мою голову? Король, тебе все равно, что это за ложь!» (стр.28)

Трансформация может быть формализована как:

Ft (SI-----> OI: знание исключительное U S2 Ω O2: знание определенное))

Мы отмечаем, что трансформация эпистемических модальностей удваивает достоверную трансформацию: такая же «неудача» постигает «убедительное действие» Фирмина. Когда он обвиняет во «лжи», познавательная позиция Фирмина уже «ложна», поскольку его собственная ложь разоблачается. Таким образом, соответствующие позиции здесь:

<u>«Что это за ложь?»</u> /	<u>«это сногшибательно»</u>
<u>«двуличие»</u>	<u>«истина»</u>

/	
<u>«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ»</u>	«уверенность»
/	

Точнее, в открытии трансформируется только «казаться»: «ложь» (р+не е)-----> «лицемерие» (не е+не р); «секрет» (е+ не р)-----> «истина» (е+р)

Утверждать «ложность» или «истинность» объекта знания означает также учитывать, что «видимость» этого объекта «определена» или «исключена».

с.191

Существуют два проявления компетентности Фирмина (причины, которые заставляют его осудить Бернарда) : ложное проявление — верность королю — ложность которого разоблачена Теодором и занимает позицию «исключено»; проявление «секретное» - ложь — раскрыто как «верное» и занимает позицию «уверенность» в размышлениях Жерико.

4.5- Вера.

Теперь мы хотели бы осветить эту когнитивную модальность светом направленным и точным. Раскрывая мотивы Фирмина, Жерико не верит его утверждениям; в другом месте романа двое патрульных, которые верят или не решаются поверить в то, что сказали двое прохожих. В обоих случаях мы можем выявить хотя бы одну характеристику /веры/. Интуитивно «вера» выглядит как компенсация когнитивной лени.

Два мушкетера сдаются убеждениям двух мужчин; они отпускают их и беспокоятся об их честности только после их ухода, когда любая новая познавательная деятельность невозможна, кроме ретроспективной. Это показывает, по крайней мере, что «вера» и «знание» не эквивалентны для отправителя-судьи. «Вера» приводит к приостановке «развивающихся испытаний» из-за самой природы программы, охватываемой тематической ролью «патруль»: они должны были быть уверены в истине, но они удовлетворяются «верой». Следовательно, «верить» - это прежде всего не «углубляться» или не иметь возможности (компетенции) «знать».

Еще интереснее рассмотрение первого случая, с Фирмином и Жерико. Мы увидели убедительную и лицемерную «работу» Фирмина и эффективную интерпретирующую деятельность Жерико. Предполагая, что Жерико доволен записью убедительной речи Фирмина, не пытаясь проверить ее достоверность, мы понимаем, что он должен удовлетвориться «убеждением в правоте Фирмина» или «ортицанием правоты», просто в зависимости от того, какое доверие у него имеется к Фирмину. Но он пытается понять Фирмина, чувствует ложность его утверждений и строит «новые знания» на собственных наблюдениях. В совокупности мы сделаем вывод, что «вера» находится перед реализованным интерпретационным действием и что субъект веры является

виртуализированным субъектом интерпретации; с другой стороны, Жерико, субъект знания, является компетентным и осознанным субъектом интерпретации.

с.192

Это указание на синтаксический статус слова «верить».

4.6-Связи в когнитивно-высказывательной структуре.

Теперь мы должны описать некоторые соединения между разными уровнями текста. Чтобы завершить имитационную модель, необходимо увидеть ее внутреннее функционирование, поскольку она позволяет каждому уровню интегрировать знания, полученные на более низком уровне. Принятие ответственности за каждый уровень последующим является важным условием когнитивно-высказывательного моделирования.

4.6.I- Связь между прагматичным и когнитивным.

В начале этой главы мы довольно подробно описали взаимосвязь между прагматической программой перемещения и когнитивной программой ориентации. Мы не будем возвращаться к этому и просто сделаем вывод, что существует связь между квалификационным тестом на /знание/ объекта поездки и решающим тестом этой поездки. Когнитивное здесь входит в компетенцию прагматической программы. В остальной части текста, и в частности, когда Жерико устраивается за склоном рва, чтобы наблюдать, отношения переворачиваются:

«Жерико, чтобы лучше видеть, подошел так близко, как только мог, насколько позволяли кусты, пока он чувствовал себя еще в укрытии; но он все еще видел довольно плохо...» (стр.32)

Набор прагматических актов можно отнести к общей программе «проксемического» типа: Жерико действительно должен максимально приблизиться к своему объектному знанию; он «видел плохо»: следовательно, речь идет о том, чтобы лучше видеть, и эти прагматические факты участвуют в приобретении /силы-знания/: это процедуры оптимизации условий передачи знания, о которых мы говорили.

с.193

Но мы могли бы также считать, что вся программа замещения - это не что иное, как одна из этих процедур проксемической оптимизации, часть квалификационного теста для когнитивной программы. Вот как это представляет Фирмин:

« Фирмин хочет вести его позади двух мужчин, вышедших из дома, чтобы Теодор мог видеть, куда они идут...» (стр.27) (а)

На первый взгляд, это проявляет отношение цели в соответствии с логикой мотивации анализа предложения. Целью прогулки является глубинная цель программы, и если этот объект состоит в том, чтобы «увидеть», мы можем сказать, что это означает вставку прагматического программного «смещения» в компетенцию (приобретение /силы- знать/) познавательной программы. Таким образом, мы наблюдаем в этом фрагменте иерархию и точный тип интеграции (б): в когнитивном иногда преобладает прагматика, поскольку основная программа прагматична; но чаще всего преобладает когнитивное, потому что тогда эпистемическая программа (с) является базовой программой. Но в целом в романе это замечание приобретает совершенно новый смысл: можно также сказать, что историко-военные и политические программы не являются базовыми программами, а используют программы или процедуры для оптимизации знаний. , и что это познавательный поиск, который доминирует над целым; все это более формально можно представить в этой сводной таблице:

	Базовая программа	программа использования или квалификации
Эпистемические программы (когнитивное измерение)	«шпионаж», охота за знанием	«ориентация» «сокрытие»...
Программы действий или политические программы (прагматическое измерение)	«перемещения» различные военные маневры	Проксемические факты, процедуры оптимизации.

Это колебание в иерархии и соединениях заслуживает объяснения.

(а) Подчеркнуто нами.

(б) В том смысле, в котором Бенвенист понимает это в своей теории уровней лингвистического анализа.

(с) Эта терминология иногда используется для обозначения программ конкретных когнитивных измерений.

с.194

Давайте сначала вспомним, что результаты семиотического действия зависят от выбранной точки зрения. Если мы рассмотрим прагматическую программу изолированно, может случиться так, что эпистемические программы впишутся в нее как часть квалификационного теста. Если рассматривать когнитивный поиск в целом, то все наоборот: когнитивное доминирует. Более того, это кажется всего лишь парадоксом: иерархия, обычно описываемая теорией(а) - это иерархия субъектов; когда анализ добровольно упускает из виду актантную структуру, чтобы погрузиться в более поверхностный синтаксис, эта иерархия не обязательно действует таким же образом. Мы можем сказать, что как только иерархия между когнитивным и прагматическим установлена на актантном уровне, высказывающий имеет полную свободу организовывать

поверхностный синтаксис так, как он считает нужным, как того требует его дискурсивная программа.

4.6.2- Связь между двумя когнитивными платформами.

Речь идет о знании того, как когнитивное действие Жерико объединяет когнитивно-дискурсивные и жестовые действия субъектов более низкого уровня (здесь: участников секретной встречи). Кажется, что гиперотаксический когнитивный субъект действует путем нарративизации объекта знания.

Мы уже заметили в развитии, посвященном полемической структуре, что позицию /негактанта/ занимала бессвязность объектного знания. Например, давайте рассмотрим этот комментарий, который относится к речи командера Деджорджа:

«Добрый человек рассказывал несвязные вещи: уже прошло два года, что было? ...»

Объектное знание здесь - с отрицательной оценкой - явно обозначено как история, которую нужно сконструировать: она плохо сконструирована высказывающим Дежорджем: она должна быть реконструирована субъектом, интерпретирующим Жерико, чтобы стать понятной.

(a) см.Гремас и Куртес в их процитированной статье:

«...Таким образом, введение в повествование когнитивного измерения раскрывает вертикальное значение, иерархически превосходящее горизонтальное значение (производимое событиями и их последовательностями), на котором оно основано.» (стр.6)

с.195

Вот что он здесь делает:

«Короче говоря, этот республиканец, даже не одобряя Бонапарта, оставался в армии до тех пор, пока Наполеон не был провозглашен императором; и, поскольку он снова проголосовал против Империи, ему пришлось уйти, с его капитанской нашивкой.» (стр.39)

а:разрыв дискурса.

Разрыв дискурса вкратце отмечает сначала смену познавательного субъекта; стилистический разрыв совпадает со сменой точки зрения и активным разрывом. Затем он демонстрирует изменение уровня предметного знания: разрыв между двумя предложениями совпадает с тем фактом, что высказывающий переходит от рассмотрения формы дискурса к размышлениям о его глобальном содержании. Дискурсивная дизъюнкция, наконец, знаменует переход от плохо написанного рассказа к хорошо сформулированному резюме; само содержание дизъюнкции, «краткость», указывает на то, что последует

краткое изложение. Само собой разумеется, что эти три явления очень зависимы друг от друга: подведение итогов возможно только благодаря смене уровня (а); изменение уровня коррелирует с изменением точки зрения.

б: реконструировать ситуацию.

Чтобы понять сказанное, Жерико вынужден выйти за рамки дискурсивной «видимости» своего объектного знания и воссоздать по-своему нарративное «бытие» (б).

(а) В статье в журнале *Langages* (№ 40), озаглавленной «Как мы запоминаем и резюмируем истории», Кинч и Ван Дейк сообщают о серии опытов и наблюдений, которые показывают, на чем основаны сводная деятельность. Вот некоторые из их выводов:

1-Память текстов строится из макроструктуры, и краткое изложение формирует эту глубокую организацию рассказа.

2-Понимание рассказа качественно проявляется в деятельности резюмирования, в адекватности рассказа и резюме, поскольку последнее исходит из владения макроструктурами.

3-Понимание основано на демантизированных формах и интегрировано в качестве культурных стереотипов в нарративную компетенцию каждого из них.

(б) Быть и казаться принадлежат к проверочной системе; но они также могут быть определены противопоставлением «демонстрация/ имманентность»: появление — со стороны демонстрации, бытие — со стороны имманентности; вот почему мы можем говорить о «дискурсивном появлении» и «нарративном бытии».

с.196

История не встраивается в дискурс, то есть она слабо темпорализована и плохо распределена по поверхностной лингвистической последовательности, но ее «значение» может быть реконструировано при помощи «проявленных» элементов, путем реконструкции. Таким образом, наша гипотеза относительно текста такова: познавательное действие субъекта Жерико (и любого субъекта в любом тексте?) состоит в придании повествовательной формы его объекту; эта нарративизация должна применяться не только к речам, но и ко всей ситуации, к тому, что она означает, к тому, что она предполагает, к тому, что объявляет. Вот что предлагает ему сделать рассказчик в этом фрагменте:

«...все: отношения между персонажами, место, где вы находитесь, дата, когда происходит действие, должны быть восстановлены зрителем из слова, отношения, сравнения, ретроспективно разгаданного.» (а) (стр.32-33)

«Но в театре есть условности, которые позволяют действовать по аналогии. Теодор как-бы наблюдал за сценой из оркестровой ямы, и зрелище не подпадало под какую-либо известную ему условность.» (стр.33)

Как определяется ситуация, которую необходимо реконструировать? Это набор объективных данных и отношений, которые существуют только как таковые,

потому что эта объективность относится к субъективности когнитивного примера. Действительно, набор разнородных элементов становится «ситуацией» только потому, что есть свидетель, который смотрит на них. Акт, посредством которого когнитивное действие конституирует набор элементов в «ситуации», по сути, основан на логике предпосылок, обозначенных высказывающим как «обратная реконструкция». Если эта гипотеза подтверждается, если «знать» и «понимать» - значит иметь возможность предполагать из проявленных элементов - это оказывается верным для тех, чьи семиотические познавательные действия основаны на предположениях.

Кроме того, если в театральной пьесе или книге мы можем стать свидетелями начала вещей (видим ли мы их когда-нибудь в действительности?), то в жизни это не подобно; нас не было, когда все началось.

(a) подчеркнуто нами.

с.197

Вот что происходит с Жерико: ему не хватает важных данных, и другой тип рассуждений, который он должен использовать, - это рассуждение по аналогии: реконструкция ситуации в соответствии с уже известной культурной моделью (a). Пресуппозиция, рассуждение по аналогии, структурирование данных - это представлено самим высказывающим, когнитивное действие его героя напоминает элементарное семиотическое действие. Мы находим нарративизацию во всех деталях когнитивных поисков Жерико: они затрагивают существенные элементы повествовательной структуры. Он «исследует» их, чтобы выяснить, что у них общего, у всех этих разных людей: из чего состоит предмет, из чего состоит коллективный предмет, если он существует? Ему интересно, зачем они пришли: что у них за цель? Он пытается угадать, на чьей они политической стороне: какова полемическая структура?

Это частично подтверждает обоснованность моделируемой когнитивно-высказывательной модели: нет никакой разницы по природе между когнитивными действиями субъекта на уровне 1 и когнитивными действиями субъекта на уровне 2, например, рассказчика. Оба состоят в повествовании и дискурсе знания, полученного на более низком уровне, даже если это означает его интеграцию в том виде, в каком оно есть, когда обе операции удовлетворительны. Существуют только иерархические различия, которые оправдывают воссоединение в одной и той же актантной структуре субъектов, принадлежащих к дискурсу и субъектов, принадлежащих к высказыванию (тексту). Но это воссоединение, конечно, возможно только в рамках провозглашенного высказывания (текста), то есть симуляции, за которую высказыватель несет полную ответственность и посредством которой он манипулирует нами.

(a) Здесь мы находим выводы Кинча и Ван Дейка (см. Примечание на стр. 195, примечание (a)).

с.198

5- ОЦЕНКА ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОВОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

Анализ когнитивного измерения этой текстовой последовательности позволяет нам определить различные направления исследований, которыми мы будем ограничиваться в дальнейшем для всего романа.

а — начало познания.

Мы наблюдали многочисленные проявления нарушения фидуциарного контракта, который виртуализирует когнитивный субъект из прагматического актанта. На протяжении всего романа будет стоять вопрос: каковы специфические условия прагматического измерения, которые вызывают осознание и когнитивные действия? В Страстной Неделе этот вопрос приобретает особое измерение и окраску из-за образных и смысловых вложений: действующие лица истории становятся действующими лицами осознания и исторического выбора.

б-полемическая организация знания и исторический выбор.

«Организация знания» - данное выражение здесь неоднозначно, так как это в такой же степени вопрос полемической структуры, специфической для когнитивного измерения знания, как и того, что конструируется знанием на всем повествовательном уровне. В первом случае конфликт когнитивных актантов позволяет объяснить допущенные ошибки, неудачи в поисках знаний, неопределенность. Все проявления «тяжелого века», этого исторического недуга целого поколения, подпадают под эту полемическую структуру знания. Во втором случае это больше вопрос знания, которое применяется к полемической структуре в целом, с точки зрения полномочий и санкций, знания отправителя, но также и субъектов. Кроме того, это знание само по себе не очень достоверно из-за когнитивной полемической структуры, вопрос об историческом выборе возникает для всех субъектов: выбор должен быть сделан, потому что существует структура противоречия в практическом измерении; этот выбор труден, потому что знание само по себе противоречиво.

с-нарративизация истории и точек зрения.

Если когнитивные действия субъектов, какими бы они ни были, состоят из повествовательной реконструкции прагматических данных истории, осознание исторических субъектов также будет проходить через повествовательные и дискурсивные действия, которые во многом зависят от их индивидуальной или коллективной компетентности. Нам нужно будет понять, как исторический субъект обнаруживает актантную структуру и диалектику в мире, в котором он живет, и как это открытие определяет его когнитивную точку зрения и зависит от нее. Само собой разумеется, что мы также продолжим интересоваться когнитивно-высказывательной иерархией субъектов и ее влиянием на каждый из моментов исследования, которые мы предполагаем развивать.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА

ГЛАВА В

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

I/Введение

II/ Конкретный текст

III/ Прерывное письмо в романе

IV/ Отсутствие или нарушение «санкции»

V/ «Это что-то значит»

Создание познающих субъектов

VI/ Заключение

 ГЛАВА В : АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО.

 I-ВВЕДЕНИЕ.

Мы предлагаем описать условия появления когнитивного измерения в рассказе. Предварительно желательно уточнить терминологические рамки нашего проекта.

 I.I- Проект.

Прежде всего, мы должны убедиться в семиотической релевантности поставленной нами задачи. Это казалось необходимым во время предыдущего исследования; некоторые его аспекты уже предложены. Остается показать, что этот проект имеет смысл применительно к нарративной семиотической теории. Каковы предпосылки нашей формулы «рождение когнитивного измерения»? Это никоим образом не предполагает, что когнитивное измерение возникает в некий определенный момент в тексте и отсутствует раньше. Это также не означает, что имманентность текста изменяется в ходе дискурсивного развертывания для интеграции когнитивного измерения. Последнее по праву и теоретически принадлежит любому тексту; любая повествовательная структура способна создать такое измерение, по крайней мере, в своей имманентности. Вот почему термин «рождение» следует воспринимать только как метафору. В тексте происходит «рождение когнитивного» с того момента, когда когнитивное измерение получает собственный синтаксис.

Итак, как только мы можем выделить когнитивную трансформацию, наступает «рождение когнитивного», то есть, говоря более формализованным языком: «актуализация». Таким образом, основные формулы для этого обновления будут следующими:

либо: (S когн.Ω О: знание) -----> (S когн.U О: знать)

либо: (S когнU О:знать)-----> (S когн Ω О: знать)

Когнитивное состояние (соединенное или непересекающееся) определяет только виртуальное когнитивное измерение; трансформация необходима для актуализации.

с.202

Таким образом, этот проект возвращает нас к вопросу о предмете и его модальностях. Фактически, когнитивное измерение актуализируется, когда объект знания становится ценным объектом, принимаемым как таковой в желании субъекта. Поэтому мы даем это определение с самого начала: когнитивное измерение актуализируется, когда субъект S, отделенный от объектного знания, соединяется с /волей/ или /обязанностью/.

I.2. Некоторые вопросы терминологии.

Когда мы интересуемся этой действующей ролью субъекта, в начале его когнитивных поисков в различных текстах, связанных с этим, предлагается несколько терминов. Мы скажем, например, что субъект, не связанный со своим объектом, является виртуальным субъектом (а). Мы также скажем, что субъект устанавливается желанием объекта. Логически мы должны заключить, что виртуальный субъект и установленный субъект - это лишь одна и та же актантная роль, которая примерно соответствует положению субъекта, предшествующему приобретению актуализирующих модальностей (знания и силы).

Но нам кажется полезным различать эти два понятия в целом и, в частности, в том, что касается когнитивного измерения. Мы ошибочно отождествляем состояние желающего субъекта с состоянием субъекта, отделенного от своего объекта. Это различие актуально с того момента, как мы вводим возможность «познания» субъектом желаемого объекта. Поэтому мы будем противопоставлять недостаток как несвязанное состояние, не знающее о желаемом объекте, недостатку, который субъект принимает как «волевое совместное состояние» со знанием о желаемом объекте. То есть «отсутствие» без напряжения повествования и «отсутствие» с напряжением повествования. В сочинении Фрагменты любовного дискурса Р. Барт делает следующее замечание:

«Что, разве желание не всегда одно и то же, присутствует объект или отсутствует? Разве объект не всегда отсутствует? -Это не то же чувство: есть два слова: Pothos, для желания отсутствовать, и Himéros, более жгучий, для желания присутствовать.» (б)

(а) Три основных роли: «виртуальный субъект»----- «актуализированный субъект»----(субъект реализованный)

Мы с радостью забудем это строго ролевое различие между «отсутствующим объектом» и «присутствующим объектом», чтобы рассмотреть интересное истолкование существования двух типов «отсутствия».

Виртуальный субъект - это тот, кто, отделенный от своего объекта, сказал бы, будучи влюбленным: «Ты мне нужен, потому что тебя нет»; для когнитивного субъекта это будет модальность /незнания/. С другой стороны, «определенный» субъект - это тот, кто, будучи отделен от своего объекта, в то же время объединен с желанием, которое устанавливает «поиск»; будучи влюбленным, он говорит: «Я хочу тебя, потому что ты рядом»; для когнитивного субъекта, это было бы модализовано как /незнание + желание знать/.

Мы рассматриваем это различие как синтагматическое противопоставление, которое позволяет уточнить последовательность актантных ролей субъекта и, в частности, когнитивного субъекта:

Виртуальный субъект ----->	Внедренный субъект ----->	Актуализированный субъект
/не знать/, предшествующий поиску	/не-знать/+желать или долженствовать-знать/	/не-знать/+ желать+ мочь- знать.

I.3 - Некоторые надежды .

Когда мы стремимся формализовать условия обновления когнитивного измерения, мы обычно ограничиваемся исследованием подтверждения-оправдания. Ранее мы также заметили другие возможности; мы надеемся подтвердить их, но также предложить другие и дать как можно более универсальный «отчет» об условиях этой актуализации. Мы будем стремиться обновить актуальные или модальные устройства, синтаксические и образные структуры, которые в прагматическом измерении, а также на повествовательном и идеологическом уровнях Арагона сводятся к желанию ответить на этот вопрос: как это происходит? Как персонаж, действующий в Истории, чувствует в некий момент своего индивидуального путешествия или в некий момент коллективного путешествия потребность знать и понимать Историю, которую он создает и которая преобразует его.

2- ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНОГО ТЕКСТА.

2.1- Текст.

Мы выбрали фрагмент первой главы, следующий за первым изученным текстом. Это рассказ об утренних маневрах в Вербное воскресенье, с описаниями и комментариями. Решение об этом мероприятии было принято генеральным штабом, и исполнителям очень трудно понять, почему. Мы увидим, что в этом случае многие вещи будут поставлены под сомнение.

«Приказ вышел утром..Маневр- в воскресенье! Они сошли с ума, разве нет?Как долго так продлится? Вчера газеты сообщили, что королевские войска вернулись в Гренобль и Лион. Так или иначе, но это способ держать компании в напряжении! Приказ вчера, сегодня маневр. На королевской службе мы к этому не привыкли. И эй, если бы мы действительно, по слухам, вступили в армию Мелуна под командованием герцога Берри и маршала Макдональда, мы не топтали бы грязь на Марсовом поле , в воскресенье на рассвете, будто-бы это что-то изменит перед армией перебежчиков, прибывающих из Лиона ... Чтобы Макдональд был, как Ней ...» (...)

«- Тем не менее, - сказал Марк-Антуан, поворачиваясь на седле своего чистокровного скакуна, в то время как мушкетеры собрались после упражнения, и это адресовано Теодору (...) все равно, они могли бы на Вербное воскресенье оставить нас в покое! Маневры в воскресенье, когда в субботу проводится просмотр герцога Рагузы ?И что это за новый просмотр сейчас?» (...)

«... Что за идея заставить маневрировать в такую погоду! (...) И из-за лица Марка-Антуана он подумал о предательстве маршала ... Что все это значило?» (...)

« Все-таки не сегодня вечером, может быть... после утренних маневров на равнине Гренель, после этого королевского просмотра: мы ведь не собираемся заставлять животных бежать рысью ночью, нет? В общем, что это все значило.» (а)

Этот текст соответствует подразделу романа: второй подраздел первой главы. Мы немного посягнули на первый подраздел, чтобы принять во внимание, несмотря на разделение, предложенное рассказчиком, реальные пределы полной прагматической программы: маневры в Вербное воскресенье.

с.205

Это для того, чтобы увидеть взаимосвязь между прагматикой и когнитивностью.

Интуитивного прочтения этого текста достаточно, чтобы заметить, что прагматичные актеры задают себе ряд вопросов, оспаривают полученные приказы, даже при их выполнении, обсуждают между собой ситуацию, выражают беспокойство и непонимание. Следовательно, они оказывают когнитивное воздействие на все аспекты прагматической программы, в которой они участвуют. Лингвистическое проявление этих вопросов и комментариев даже более важно, чем само прагматическое повествование. Мы отметили, что этот текст находится в начале романа; но это не значит, что после этого текста решается вопрос об обновлении познавательного; это не позиция в линейной цепочке дискурса, о которой идет речь; когнитивное измерение продолжает обновляться на протяжении всего романа.

2.2- Актантная структура прагматической программы.

Субъект программы «Выполнить маневры» легко идентифицировать: в него должны входить тематические роли типа «военный в униформе», и в тексте это соответствует отдельным актерам «Теодор» и «Марк-Антуан». Но этот субъект является коллективным и как таковой соответствует коллективному действующему субъекту «военные компании».

Отправитель также обозначен в тексте местоимением «они», которое в устном коде социально обозначает «тех, кто решает или приказывает». Но это также прямо предполагается фактами, которые соответствуют роли отправителя-распорядителя: «приказ выходит», что обновляет договор военного повиновения в форме пунктуальных приказов.

Эта актантская структура также является частью более широкой полемической системы. В отношении этой программы «маневров», строго говоря, мы не встречаем полемической структуры.

с.206

Но если мы рассмотрим всеобъемлющую программу защиты режима, «осуществление» которой становится «обычной программой», то полемические отношения четко устанавливаются между монархистами, тематическая роль которых соответствует предмету, и бонапартистами (перебежчики»), принадлежащими антисубъекту. Эта актуальная позиция антисубъекта предполагает и прагматическую программу: «перебежчики возвращаются из Лиона».

2.3- Нарушение прагматической повестки дня.

Если мы, читатель, можем реконструировать прагматичную программу, это происходит главным образом из-за того, что у нас есть иная информация, чем у участвующих в этой программе. Автор позволяет нам знать определенные вещи напрямую, например:

«Компании находились в казармах Пантемон всего два месяца, которые назывались Квартал Гренель, потому что они находились на углу улиц Бургонь и Гренель.» (а)

Кроме того, у нас есть историческая перспектива, которая позволила осуществить культурное накопление определенного количества информации, распределенной в пределах социального организма, и которая представляет нам связный дискурс о событиях романа. Так обстоит дело, например, с противостоянием легитимистов и бонапартистов. С другой стороны, для субъектов, вовлеченных в исторические процессы, компоненты программы и актантажной структуры не проявляются так отчетливо и представляют собой искажения и нарушения.

2.3.1- Несоответствие отправителя и вложения.

«Отправка субъекта» отправителем описывается как несогласованная, поскольку кажется, что она имеет целью установить в одних и тех же субъектах противоречивые или несовместимые /желания/. Пример в этих нескольких предложениях:

(а) Глава I, стр.30

с.207

«Маневры в воскресенье! (...) Вчера газеты сообщили, что королевские войска вернулись в Гренобль и Лион. Так или иначе, но это способ держать людей в напряжении!» (а)

Само собой, возможно установить несколько /желаний/ в прагматическом сюжете и, следовательно, модифицировать их для нескольких программ. Но в тексте кажется, что межуровневое ограничение нарушено: чтобы актер мог соответствовать нескольким субъектам и нескольким программам, необходимо, чтобы он на образном уровне охватил различные тематические роли. Например, Теодор, как «солдат», может брать на себя обязанности, связанные с прагматической военной программой, и как «хороший

сын» он также берет на себя расходы, бенефициаром которых является его отец, а не армия. Например:

«...А Теодор хотел пойти и попрощаться с отцом, так как почему-то было очевидно, что они собираются уехать из столицы.» (б)

Но Теодор как «солдат» не может взять на себя, находясь в этой единственной тематической роли, две программы, которые не связаны друг с другом синтаксически и которые соответствуют разным ценностям. Наконец, противоречие также связано с тем, что один отправитель последовательно устанавливает две /воли/, которые логически противоположны, например: /долженствовать драться/ vs /не долженствовать драться/

Это несоответствие вложений приводит к мысли, что отправитель не очень хорошо владеет ситуацией и не знает подробностей ситуации. Обратите внимание:

«Зачем топтать грязь на Марсовом поле на рассвете в воскресенье, нам ничего не изменить перед армией перебежчиков...» (с)

Это сводится к отказу «отправителю» в компетентности, в знаниях, необходимых для овладения синтаксическими слоями между различными программами, которые подпадают под его действующее положение. В частности, здесь обычная программа «военных учений» явно оспаривается как часть квалификационного экзамена по базовой «боевой» программе. Следовательно, отправитель больше не может, как ответственный за порядок, правильно корректировать субъекты, с которыми он обращается.

(а), (б), (с). Глава I, стр.29, 31 и 30.

с.208

Короче говоря, непоследовательность отправителя связана, прежде всего, с нарушением его собственной компетентности на уровне /обладателя знания/, /знания/ для организации базовых программ и программ использования. Поэтому вопросы о прагматической программе превращаются в сомнение в авторитете отправителя.

2.3.2-Неустойчивая полемическая структура.

В этом фрагменте также возникает вопрос: «Кто с кем?» и «Кто против кого?». Противостояние, которое мы установили между субъектом и антисубъектом, если оно очевидно с нашей точки зрения как высказывающего, то это не так для исторических субъектов, особенно если мы рассматриваем вложения актора в эту абстрактную структуру. Вот почему Теодор может подумать:

«...Чтобы Макдональд уподобился Нею...» (а)

Как актер и исполняющий тематическую («военную») роль, Макдональд принадлежит к группе монархистов, но, поскольку Ней также был ее частью, одинаковые стратегии возможны для обоих. Поскольку для Ней эта трансформация уже произошла, для Макдональда она становится предсказуемой.

В этой нестабильности нет ничего семиотически удивительного: инвестиции акторов не зависят от актантной структуры; но это точка зрения семиотика. Для субъектов высказывания вопрос ставится иначе; до этих преобразований эти субъекты не делали различия между «актером» и «инвестированным актантом»; для них существовала адекватность между инвестором и инвестируемым, поскольку отношения были закреплены в обществе в форме нерасторжимого договора и гарантированы ценностями и санкциями.

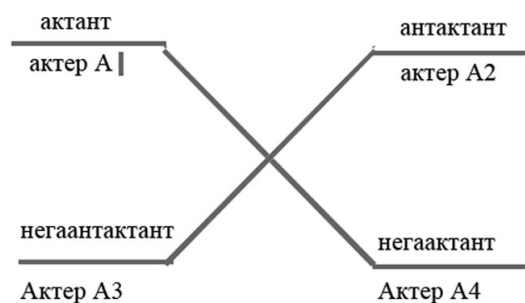
Если нестабильность можно свести к возможности этой трансформации:
 (коллективный актант Ω актер А)----->(коллективный актант U актер А)

(а) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.29.

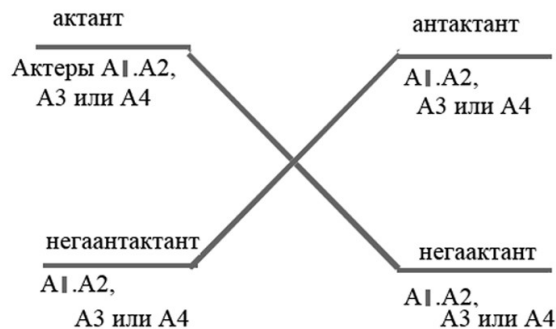
с.209

Можно представить модификацию текущего функционирования полемической структуры:

перед нестабильностью

во время и после нестабильности

Таким образом, эквивалентность заменяется структурным соединением, которое всегда может быть обращено на дизъюнкцию. Когнитивное действие возникает в результате перехода от стабильности к нестабильности отношения: в стабильном отношении /знание/ об этом отношении происходит из очевидного; оно предоставляется заранее и не может быть приобретено. В нестабильной реальности /знание/ об этом отношении больше не предоставляется заранее, оно должно быть получено посредством когнитивных действий.

Еще одним признаком синтаксических и актуальных нарушений является то, что программы, инициированные по запросу отправителя, не имеют конца. Находим, например, в выделенном фрагменте:

«Когда это все закончится?»

«Все-таки не этим вечером, после утренних маневров в Гренель, этого королевского просмотра потом: мы же не будем заставлять лошадей рысать всю ночь, нет?» (стр.31)

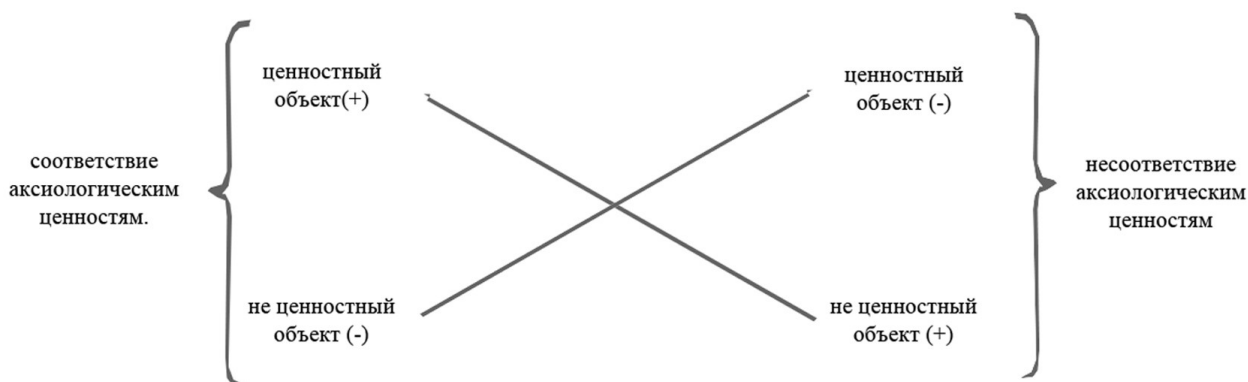
Ситуация настороженности и напряжения продолжалась, и никто не видел конца. Такая продолжительность, не структурированная синтаксически, может интерпретироваться по-разному. Возвращаясь к программе, в соответствии с логикой предположений, мы можем найти три причины:

а-Последствия эффективны, но распознавание субъекта отсутствует, и с точки зрения преобразующего субъекта бесполезно выполнять программу, если он не распознается как действующий субъект. В этом случае санкция отправителя не состоится. Так как в случае, который касается нашего текста, всем известно, что программы (учения, просмотры и т. д.) были выполнены, как только они были объявлены, мы можем сделать вывод, что действующая роль отправителя-судьи отсутствует, и что она по-прежнему «воплощение отправителя», которое ставится под сомнение.

с.210

б- Завершенное представление не состоялось, поэтому компетентности испытуемого было недостаточно. Здесь дело обстоит не так, поскольку именно законченное представление, по всей видимости, устанавливается в своей «долговечности».

с-Предмет, введенный в обращение при инвестиции, может быть неценовым. В самом деле, субъект может быть признан только постольку, поскольку он приобретает ценность, к которой стремится его желание, его поиски. Но если его поиск касается объекта, не имеющего ценности, объекта, ценность которого не признается в аксиологической вселенной отправителя, субъект не может быть ни реализован, ни признан. Это и есть проблема ложных выводов, например, в детективных романах. Представим себе такую систему ценностей :

Есть два способа не принадлежать к аксиологической вселенной отправителя: либо быть «объектом ценности (-)», либо «не объектом ценности (+)»; в первом случае субъект совпадает с антактантом; во втором - совпадает с неактантом. Как в нашем тексте, учения представлены как бесполезные, именно в позиции «не объект ценности (+)» мы должны их позиционировать. Так кто же отправитель, запустивший такой объект в обращение? Это может быть только отправитель, с которым расторгнут фидуциарный договор, или некомпетентный отправитель; он не отправитель, он находится, как и его подданные, в позиции /неактант/.

2.3.4-Модальные нарушения.

а/Воля

Мы уже наблюдали нарушения этой модальности, изучая непоследовательность отправителя, который несет прямую ответственность в силу своих противоречивых или несовместимых поручений.

с.211

б/Знание

Наиболее характерное нарушение состоит в конфискации знаний отправителем. Это появляется в:

«...если бы нам действительно пришлось ехать, как ходили слухи ...»

«...и что эта за новая история о просмотре, сейчас?»

Даже инвестиции на новые программы не доводятся до сведения заинтересованных сторон, что препятствует заключению контрактов; тем более что новости в целом по ситуации остаются в секрете. Это общая атмосфера, которая подвергается интоксикации:

«Вчера газеты писали, что королевские воцска вернулись в Лион. Что бы это ни было...»

Таким образом, на протяжении всей главы /знание/ о ближайшем будущем королевского двора будет конфисковано теми, кто владеет им по праву. Король уйдет неожиданно, после того, как он официально объявит, что не уйдет.

Мы наблюдаем несколько проявлений /неспособности/ создавать субъекты. В той степени, в которой отправитель больше не знает, как организовать программы использования и основные программы, квалификационные тесты и решающие тесты, получение /силы/ для выполнения более не гарантируется. Вот пример:

«Его Величество должен был провести обзор красно-белых рот на Марсовом поле. Мы только что узнали от курьера маршала де Мармона, что рассредоточение уже началось, черные мушкетеры ушли, было девять часов, мы топтали маневренную площадку, и мы не знали, как догнать большинство из них.» (стр.31)

/Отсутствие власти/ здесь связано с виртуализацией коллективного субъекта, единственного компетентного в отношении «учений» или «обзора». /Знание/ и /воля/ возвращаются, но только после того, как /сила/ виртуализируется, путем перемещения военных. Это все еще вопрос недостаточного владения синтаксисом: отправитель должен был информировать о смотре до завершения процесса «учений». Снова под вопросом его компетенция.

с.212

2.3.5-Актерские и образные нарушения.

Вследствие всего вышеперечисленного, но и, следовательно, независимо от всего этого, образный и актерский уровень ухудшается. Все интуитивно чувствуют, что здесь военно-политическая власть ставится под сомнение, дискредитируется и подозревается в недееспособности. Армия и сам Королевский Дом с их беспорядками, многочисленными обвинениями, недовольными офицерами, военными компаниями, раздираемые противоречивыми приказами, представляют собой унижительный образ: поэтому мы наблюдаем искажения между фактическими цифрами и теми, которые тематические роли заставляют ожидать. С точки зрения читателя, существует противоречие между тем, что предсказуемо в силу тематических ролей (армия, Королевский дом и т. д....) и тем, что проявляется в рассказе. Действительно, вложения акторов в сочетании с точными тематическими ролями подразумевают образные персонажи, которые систематизированы каждым обществом: здесь это дисциплина, порядок, послушание, авторитет, эффективность. Любая модификация этих образных персонажей препятствует немедленному распознаванию роли, и это запускает когнитивный процесс. Например, вам нужно дважды посмотреть, чтобы убедиться, что эти действующие лица, охваченные беспорядком и полной неуверенностью, на самом деле являются солдатами, и что их собрание действительно представляет собой армию.

2.3.6-Баланс.

Пытаясь коснуться всех уровней текста, мы всегда возвращаемся к одному и тому же типу наблюдения: в конечном итоге ответственность всегда лежит на отправителе. Даже в случае нестабильности полемической структуры именно акторы меняют позицию и отправителя. Таким образом, во всех случаях происходит деградация отправителя либо на образном уровне, либо на синтаксическом или модальном уровне программ, которые он использует, либо, наконец, в отношении его собственной компетентности и его собственных аксиологических ценностей.

с.213

2.4- Актуализация когнитивного измерения .

Остается понять, как все эти нарушения прагматической программы позволяют обновлять когнитивное измерение. Сама по себе предыдущая формулировка содержит гипотезу, поскольку до сих пор мы можем отмечать только текстуальные совпадения между этими нарушениями и установлением когнитивных субъектов. Поэтому наша цель состоит в том, чтобы показать, что эти совпадения проявляют глубокую взаимосвязь, и объяснить эту взаимосвязь.

2.4.I- Виртуализация познающих субъектов.

Эта активная роль легко распознается, когда недостаток напрямую касается /знания/: это тот случай, когда мы говорим о «конфискации /знания/ »отправителем. Освобождение, которое виртуализирует субъект, определяет /желание/ знать и когнитивную программу. Но это только частный случай в тексте, необходимо учитывать другие явления, которые в нашем анализе охватывают конфигурацию «деградация отправителя».

а/нарушение фидуциарного договора .

Мандат прагматического субъекта его отправителем всегда содержит, неявно или явно, контракт, который гарантирует правильное функционирование программы и, в частности, баланс обмена между субъектом, который завоевывает объект, с одной стороны, и с другой стороны, отправитель, ответственный за «прославление» этой темы. А.Ж. Греймас определяет этот контракт следующим образом:

«... Отношения между участниками повествования регулируются тем, что будет называться фидуциарным контрактом, «честной игрой», в которую не входит двуличие.(...) Следовательно, нет дистанции между событиями и знаниями о событиях.» (процитированная ранее статья, стр.9)

До сих пор фидуциарный договор определяется только тем, чем он не является: «без двуличия», «без расстояния». Мы хотим, в качестве гипотезы, сделать несколько замечаний по поводу его положительного содержания, чтобы ответить на наши собственные вопросы. Этот контракт основан на балансе: если солдаты Maison du Roi выполняют программы, предложенные им в рамках тематической роли, отношения обмена подразумевают, что они должны быть объединены с объектом. введенной в обращение стоимости - это «последствие» - и положительно санкционированы отправителем - это признание.

с.214

Таким образом, контракт охватывает условия обмена:

а- что должен получить субъект: Он должен получить объект; неисполнение этой части может произойти по двум причинам: либо субъект недееспособен, и в этом случае он оказывается /неагентом/; или же он компетентен выполнить противоположную программу или завоевать объект в пользу получателя, отличного от предусмотренного в контракте, и в этом случае он /агентом/.

б-чего должен достичь отправитель: Он должен признать исполняющего субъекта. Для того чтобы признание субъекта действительно имело место, необходимы следующие условия:

1/ Объект, введенный в обращение, должен быть частью аксиологического универсума отправителя, аксиологического универсума, от имени которого субъект уполномочен и который он принимает, принимая контракт. Солдаты в нашем тексте должны быть «отданы в распоряжение» в соответствии с интересами дела, которое они защищают, - монархии.

2/Мандаты должны быть согласованы друг с другом, чтобы не мешать реализации прагматичных программ. Военные не могут выполнять требуемые от них задачи, если приказы противоречат друг другу.

3/Наконец, должен быть компетентный отправитель-судья, и, в частности, этот отправитель, ответственный за санкцию, должен быть ограничен аксиологической вселенной, определенной во время мандата. Как могут солдаты Королевского Дома признать себя подданными (признанными субъектами) в раздираемой, взволнованной армии, видя лидеров и монарха подавленных событиями и больше не контролирующими собственное будущее?

Аксиологическое соответствие объекта ценности и отправителя, компетенция как доверителя, так и судьи: вот некоторые из элементов этого фидуциарного договора. Исчезновения одного из этих элементов достаточно, чтобы стать причиной расторжения договора. В большинстве случаев этот перерыв помещает отправителя в положение /неагента/; но когда последний

заставляет своих субъектов играть роль антисубъекта, он оказывается в положении /антаактанта/.

Сроки и условия, которые позволяют подписать этот контракт, различны для двух партнеров: в силу своего гиперотаксического положения получатель имеет /волю/, /знание/ и /силу/, если только контракт не фальсифицирован с самого начала субъектом, который, следовательно, будет в доминирующем положении.

с.215

Субъект, по его гипонимической позиции, на момент заключения договора имеет только /волю/ и /веру/. Теперь мы понимаем, что контракт условно зависит от отправителя и от соответствия его модальных, синтаксических и образных характеристик на протяжении всего выполнения программы значениям, определенным в контракте.

б/проявления виртуализации познающих субъектов.

Эта виртуализация напрямую задействуется каждый раз, когда в тексте проявляется нарушение прагматического измерения, которое вредит отправителю. Но мы можем отметить некоторые специфические проявления на лингвистическом уровне. По большей части это модализации высказывания, принимаемые актантами повествования. Так, когда Жерико сказал себе:

«Учения, в воскресенье!» (стр.29)

«Что за идея начать маневры в это время!» (стр.30)

«Все-таки, может быть, не этим вечером...» (стр.31)

повествовательные высказывания лингвистически проявляются таким образом, чтобы выводить «обозначение» чего-то еще из самого события. Сами повествовательные утверждения были бы такими:

/МЫ ЗАНИМАЕМСЯ УЧЕНИЯМИ В ВОСКРЕСЕНЬЕ/ либо

Ft (SI -----> (S2 Ω О: учения))

/МЫ СОВЕРШАЕМ МАНЕВРЫ В НЕПОГОДУ/: Ft (SI -----> (S2 Ω О: маневр))

/МЫ УХОДИМ ЭТИМ ВЕЧЕРОМ/: Ft (SI -----> (S2 Ω О: отход))

Каждое повествовательное утверждение противопоставляется модальному утверждению, которое выражается косвенными фразами: «отдыхать», «не желать столкнуться с плохой погодой», «не иметь возможности уехать сегодня вечером». Отмеченные лингвистические формы: дизъюнктивная именная фраза, предикативная фраза «что за идея», ограничительная форма «все равно нет», восклицания являются модализацией высказывания: субъект высказывания несет благодаря им суждение о повествовательном высказывании, которое он выносит, суждение типа: «Я думаю, что нас не следует заставлять делать X».

Эти лингвистически отмеченные формы, таким образом, демонстрируют сомнение в компетентности отправителя и составляют предпосылку для когнитивных действий, которые субъект будет осуществлять в своей собственной ситуации.

с.216

Есть еще более прямые проблемы, такие как:

«Они потеряли голову, нет?» (стр.29)

«Они должны бы осавить нас в покое в Вербное воскресенье!» (стр.29)

Здесь компетентность отправителя ставится под сомнение в самом повествовательном высказывании, а не только в его модальностях. Таким образом, виртуализация когнитивного субъекта возникает, когда сбои в работе программ ставят его в состояние недостатка и ставят под сомнение фидуциарный договор.

2.4.2- Учреждение познающих субъектов.

Согласно различиям, которые мы сделали выше, учреждение соответствует воле, которая учреждает поиск, и может появиться только тогда, когда ценный объект хорошо идентифицирован как таковой. В этом смысле разрыв фидуциарного контракта между субъектом и отправителем является необходимым шагом, поскольку он позволяет, с точки зрения субъекта, идентифицировать /знание/ как ценный объект и, следовательно, начать «поиск».

/Желание/ знать явно появляется в тексте каждый раз, когда субъекты, участвующие в прагматических программах, задают себе вопросы: «До каких пор?», «А что это такое?», «Что это?», «Что бы это значило?». Независимо от того, относятся ли вопросы ко всем программам или к их части, они всегда ставят под сомнение намерения иерархии и преследуемую цель. Субъекты, ответственные за исполнение, подвергают сомнению исходные предпосылки своей работы и постепенно возвращаются к отправителю и его аксиологическим ценностям. Из непоследовательности события в конечном итоге рождается поиск смысла этого события; когда ничего не происходит по сценарию и ничто не считается само собой разумеющимся: это элементарный и обычный механизм осознания.

2.5- Заключение.

В Страстной Неделе образное упорство беспорядка, непоследовательность, напрямую отвечают за историческую осведомленность субъектов, занимающихся Историей. Поскольку /желание/ знать об исторических предметах предполагает деградацию полномочий и санкций, мы собираемся более конкретно сосредоточиться на этих двух актуальных ролях традиционных реципиентов Истории.

3-ПРЕРЫВАНИЯ «ПОРУЧЕНИЯ» В РОМАНЕ.

Не претендуя на исерпывающую работу, мы проведем в романе несколько исследований, чтобы проверить, являются ли наши предыдущие гипотезы последовательными и достаточно точными.

3.I.- Сбой в работе и несогласие в инструкционных поручениях.

Мы уже предположили, что эти два явления связаны предположением; мы проверяем это в последовательности, принадлежащей второй главе Четыре вида Парижа (а).

3.I.I - Выдержки и краткий рассказ о «неудачном просмотре»

Господин де Шастеллюкс участвует в подготовке к этому просмотру, анонсированному в первой главе (b). При этом он наблюдает за всей ситуацией, помня о собственной истории: его зять Ла Бедойер предал короля и встал на сторону Бонапарта. Вот картина:

«От Военного училища до Сены Марсово поле было похоже на огромный вольер за дождевыми решетками. (...) Здесь пестрый узор состоял из более чем трех тысяч человек и от пятнадцати до шестнадцати сотен лошадей, оседланных и в алом, белые мундиры гвардейцев, эмаль униформы со шлемами, шляпами, двурожьями, гривами и перьями, эполетами, гибернами, тесьмой, ремнями, кистями и пуговицами, геральдическими лилиями, солнцами и гранатами, лентами, знаменами, галстуками, пряжками, пикеттами, мечами и саблями, винтовками и мушкетами.

...весь Королевский Дом в течение двух часов находился под дождем, все были начеку (...) одни были в парадной одежде, другие в одежде всадников или гражданской, среди спешившихся всадников царил беспорядок...(...)В рядах телохранителей раздавалось нетерпеливое ворчание, которое не было рассчитано на то, чтобы стереть воспоминания о Бельвю; их форма была в беспорядке, их было много и количество охранников увеличивало ощущение бессмысленности этого просмотра.»

Далее следует еще одно длинное описание этого беспорядка, а также беспокойства солдат. Затем следует первый противоречивый приказ:

(а) Глава II, Четыре вида Парижа, раздел четвертый, стр.105-112.

(б) См.исследование предыдущего текста

«Сезар де Шастеллюкс выигрывал свою компанию. (...) ... он принес приказ ... И так, здесь все закончилось (...) ДВИГАЙТЕСЬ НА СЕН-ДЕНИ ... (...) И так, разве Его Величество не проведет этот плохо подготовленный обзор? Почему Сен-Дени? Остаться там или пойти куда-то оттуда? Что предпримут Принцы? Речь еще не шла о том, чтобы добраться до Сен-Дени, нам просто нужно было дожидаться сигнала, быть готовыми двигаться в сторону Сен-Дени... Но тогда мы оставляем короля? Цезарь остановил лошадь. Что происходило? Там мушкетеры и гвардейцы, казалось, готовились к походу. (...) Ну да, армия двигалась! (..) Как, вы оставляете Марсово Поле? Это были не только они, это был общий приказ. Но именно полковник де Шастеллюкс принес приказ Мармона. Будьте готовы к движению на Сен-Дени ... быть готовыми означало ожидать приказа. Приказ пришел. Откуда? От кого? (...) Мы не знали, откуда поступил приказ, но приказ у нас был. (...)

Далее следует исчерпывающий и пугающий перечень возможных источников этого приказа: это полная неопределенность и самый полный беспорядок:

«Все командуют — это значит, никто не командует.»

Затем, в последний момент, когда роты двинулись в сторону Сен-Дени, король проехал мимо войск, и пришел встречный приказ:

«Пришел встречный приказ; и так, больше не двигайтесь в Сен-Дени. Король вернулся в Лувр, а мы в казармы. Смотр? Кто сказал вам об этом?»

Отметим теперь особенность сюжета Шастеллюкс. Это не такой солдат, как другие; он не только офицер, но входит в прямые отношения с командованием, он:

«..сержант-майор легкой конницы...»

«...пасынок...и помощник..Месье графа Шарля де Дама.»

И это именно он «приносит приказ Мармона...». Эта иерархия представлена как коллективный субъект синтагматического типа, где каждый субъект является делегатом отправителя для следующего. Важно, что субъект Шастеллюкс дважды участвует в «послании отправителя»: один раз в качестве помощника Дама, другой — как передатчик послания Мармона. У него имеется /власть-знание/, и если он больше не понимает приказов, это не может быть связано с его иерархическим положением; он не далек от отправителя, тогда как кто-то вроде Теодора гораздо более далек от синтаксиса этого синтагматического коллективного субъекта.

Следовательно, Шастеллюкс компетентен знать этого «отправителя, которого не хватает», и его замешательство приобретает большой смысл.

3.1.2- Несоответствия инструктирующих сообщений.

а/поиск отправителя

Для одних и тех же предметов и для одной и той же ситуации у нас есть не менее четырех противоречащих друг другу приказов: 1- организовать смотр; 2- приготовьтесь к отъезду в Сен-Дени; 3-выезд в Сен-Дени; 4-отмена всех предыдущих приказов. Некоторые приказы выходят в одно и то же время. Фидуциарный договор включает по крайней мере одну неявную оговорку, согласно которой различные полномочия, передаваемые субъектам, должны быть синтаксически и аксиологически совместимыми. Между (2-) и (3-) существует синтаксическое несоответствие: (2-) подразумевает «ждать приказа об отходе»; это программа использования, которая приостанавливает выполнение основной программы; (3-), напротив, подразумевает «уйти»; существует противоречие между «неделанием» и «деланием». Следовательно, субъект уполномочен быть как актантом (делать), так и неактантом (не делать). Кроме того, (3-) и (4-) представляют другой тип синтаксической несогласованности: отмена программы влияет на «длительность» выполняемого процесса; поэтому субъекты находятся как в позиции «реализованного субъекта», так и в позиции «виртуализированного субъекта». Эта непоследовательность синтаксиса образно выражается психологическим дискомфортом, беспокойством или беспорядком, раздирающих, таким образом, субъекты.

Эта несогласованность определяющего послания немедленно запускает процесс виртуализация/ учреждение, которое мы уже проанализировали и которое мы проверяем здесь, - когнитивное действие: «Откуда это? От кого?». Объектом этого поиска является сам отправитель, и ему будут заданы вопросы по двум причинам: из-за наблюдаемых несоответствий - именно он несет ответственность и будет подвергнут наказанию (а); кроме того, мы наблюдаем инверсию актантной структуры: в канонической программе именно отправитель находится в гиперонимической позиции: он отвечает за убедительные действия как для получения инструкций, так и для «признания». Кроме того, интерпретационный акт субъекта нацелен на содержание «инструкции» или санкций от их автора.

(а) Парадокс данной структуры очевиден: именно отправитель подвергается санкциям.

С того момента, как когнитивный поиск субъекта нацелен на самого отправителя, иерархия между ними ставится под сомнение; виртуализирована гиперонимическая позиция отправителя.

б/Непоследовательность делегирования полномочий .

Учитывая характер контракта, который Шастеллюкс заключил с отправителем, контракт, который делает его делегированным субъектом, его когнитивные действия точно повлияют на то, что подтверждает его контракт и гарантирует его применение, то есть на структуру делегирования полномочий, которая на образном уровне организует коллективный субъект, позволяющий отправителю передавать инструкции и санкции; но полная и безоговорочная приверженность субъекта ценностям монархического отправителя не позволяет ему подвергать их сомнению.

В своем инвентаре возможных источников противоречивых приказов Шастеллюкс, прагматический субъект, виртуализированный несогласованностью посылов, сначала пытается отделить действительные приказы от недействительных и для этого ставит под сомнение легитимность делегированных:

«Это ведь маршал руководил королевским двором три дня, да или нет?»

«Кларк не получил приказа для армии, посмотрите! С каких это пор войска приходят в движение по знаку военного министра?»

Затем, не сумев найти «правильный посыл» из-за того, что делегирование полномочий слишком запутано, он осуждает неэффективность этой системы:

«Все командуют, это значит никто не командует.»

Здесь субъект обнаруживает, что «правильный посыл» сам по себе невозможен, потому что этот коллективный субъект, составляющий иерархию, плохо организован синтаксически (а) и что сигналы отправителя, следовательно, не могут достигнуть прагматических субъектов в оптимальных условиях приема; поскольку именно отправитель несет ответственность за свои собственные полномочия, вопросы Шастеллюкса приводят к виртуализации отправителя.

(a) Напомним, что мы его определили как коллективный субъект синтагматического типа.

3.1.3- Виртуализация отправителя и предпосылки .

Мы хотели бы показать, с помощью какого когнитивного подхода прагматический субъект, оказавшийся в ситуации неудачи, «возвращается» к отправителю, чтобы сделать вывод, что он был виртуализирован. Это касается самой сути соединения между прагматическим и когнитивным измерениями. Объяснение нарушением фидуциарного контракта очевидно, но оно не принимает во внимание тот факт, что неспособность прагматической деятельности актуализирует когнитивное действие в субъекте, когнитивное действие, которое, каким бы ни был его первоначальный объект, является всегда нацеленным на отправителя. Это система предпосылок, которая позволит нам описать эту связь. Если семиотический анализ выбирает порядок пресуппозиций при изучении синтаксиса, это потому, что именно в этом логическом порядке конструируется значение; перформанс был бы только набором неорганизованных действий, не имеющих повествовательного значения, если бы он не затрагивал свое собственное следствие, соединение с объектом ценности; точно так же не может быть компетенции без выполнения: без этого у нас есть только утверждения состояния, которые могут фактически составить компетенцию, но только впоследствии. Для субъекта, который терпит неудачу, единственный способ понять, обновить свои действия - это вернуться к логическому и синтаксическому источнику его программы. В интересующей нас главе мы выбрали следующие фрагменты:

«Маневр был произведен механически. У этих неопытных молодых людей это должно было быть в крови, чтобы ничего не перепутать... Надо признать, что рота Ваграма, прибывшая накануне из Мо, выглядела неплохо.» (а)

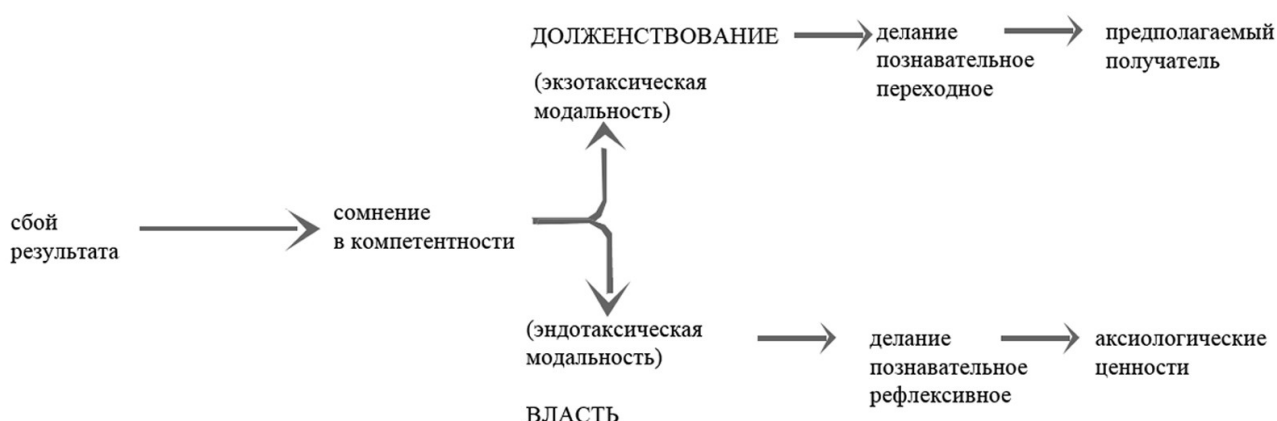
с.223

Далее:

«Внезапно, упорядоченный строй рассыпался. Больше никто не знал, что он должен делать, всадники наезжали на пеших солдат.»

В порядке предпосылок, поскольку неудача очевидна, возникает вопрос о компетентности. Однако когнитивное поведение Шастеллюкс только что подтвердило врожденную компетентность («в крови») этих солдат; но, поскольку строй распадается при малейшем беспорядке, можно предположить «недостаточность компетентности» или превосходство «желаемого для действия» над «обязательным к действию». «Механический» аспект маневра проявляется экзотаксической модальностью, /долженствованием/ делания, которое может частично объяснить неудачу. Фактически, в /волеии/ субъект предполагает свое «желание» таким образом, что, даже если отправитель действует независимо от субъекта, инструктирующее послание может считаться частично рефлексивным; субъект желает объект и ставит себе задачу завоевать его. Зато в случае /долженствования/ субъект получает инструкцию, которая реализуется транзитивно: кто-то другой дает ему задачу для выполнения в соответствии с системой аксиологических ценностей. (а)

В виде предположения, рассмотрев исполнение и зная, что прагматическая компетентность состоит из модальных объектов, введенных в обращение отправителем, остается подвергнуть сомнению более высокий иерархический орган, непосредственно ответственный за отсутствующую или недостаточную модальность. В цитируемом фрагменте, поскольку модальность экзотаксична, субъект выполняет транзитивное когнитивное действие с отправителем. Если бы модальность была эндотаксической, то «желание», например, неудачи привело бы к рефлексивному когнитивному действию, когда субъект сначала бросил бы вызов аксиологическим ценностям, которые он принимает. Двойной предполагаемый путь можно представить следующим образом:

(а) Чтобы узнать об этом различии, мы сошлемся на статью М. Ренгсторфа, опубликованную в номере 43 журнала *Langages*, под названием «Pour une quatre modalité narrative» (О четырех нарративных модальностях). Он предлагает таксономию модальностей, сгруппированных в

«виртуализации» и «актуализации»; каждая группа затем делится на: эндотаксические vs экзотаксические, что дает: (ЗНАНИЕ vs ВЛАСТИ) VS (ЖЕЛАТЬ vs ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ)

с.224

Курс, переходящий в стадию ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ, формализует интуицию, которая может возникнуть у читателя при первом чтении: виртуализированные исторические субъекты приходят без преднамеренности и по неизбежной логике к постепенному отказу от своих аксиологических ценностей, потому что они впервые сталкиваются с беспечностью тех, кто должен гарантировать эти ценности.

3.2- Конфискация знаний .

Эта обманчивая фигура очень часто встречается в романе. Мы выбрали две последовательности, чтобы узнать больше о том, как это работает.

3.2.I- Обманутый иезуит.

Отец Елисей чувствует себя обманутым, когда узнает случайно и в последний момент, что король и князья уезжают за границу, тогда как он думал, что был доверенным лицом самого короля. Следующий отрывок относится к главе Прощание в полночь (а). Речь идет о вечере у Виржини Орей, о котором мы уже говорили:

«Более того, сказанного принцем, было достаточно, чтобы объяснить вспотевшее лицо названного господина.

«Мы покидаем Париж этой ночью, чтобы не вернуться туда более. Король уже находится в дороге. Сейчас он еще не достиг Сен-Дени...» (...) Эмоции были настолько яркими, что никто не заметил тихого перемещения Благоговейного отца, который, воспользовавшись тем, что мадам Персюи, мадемуазель Подевин и Госслен подошли к молодой роженице, направился к двери, оставил ее приоткрытой и вышел в вестибюль.

(...)...Необходимо было действовать быстро, чтобы догнать Его Величество в Сен-Дени. Кто мог когда-либо поверить в такую ложь при добродушном облике суверена?

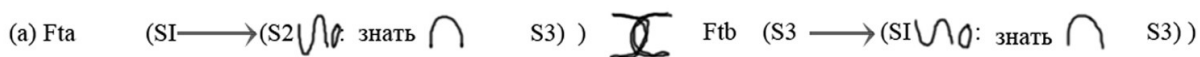
с.225

Скрыть это от него! Бросить его, когда Корсиканец у ворот Парижа! Людовик, значит, захотел освободиться от него?»

а/когнитивный субъект права.

Отец Елисей сам себе перечисляет причины, по которым он должен /знать/ быть в курсе: «эти годы самопожертвования», «щедрая забота», «деньги, которые ему никогда не давали», «огромная преданность». По его мнению, он имеет право знать; другими словами, он является субъектом права по отношению к знанию с преобладанием в его компетенции актуализации модальностей, знания и силы (а).

Как мы уже показали в нашей первой части, все его функции делают его историческим субъектом, очень близким к отправителю, и даже благодаря своим специальностям (массаж и шпионаж) он принимает участие в квалификационном тесте доминирующего исторического субъекта, Короля. Точнее, он институционально участвует в формировании знания по этому субъекту и, следовательно, юридически связан с этим знанием. Это может быть формализовано как:

S₁ = Король

S₂ = шпионский объект

S₃ = Отец Елисей

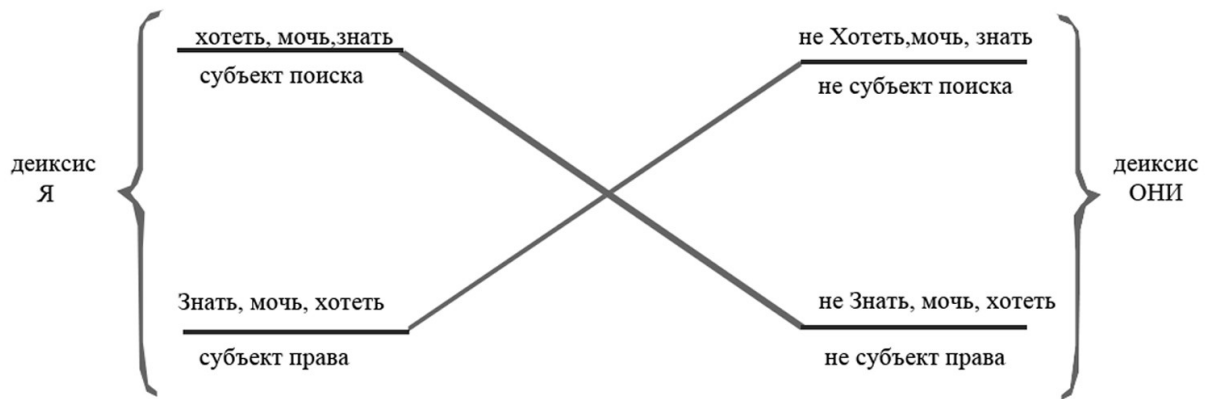
F_{ta} = шпионаж

F_{tb} = шпионский доклад

\cup = знак совместного общения,
без дизъюнкции

Но это институциональное участие работает только для той части знаний, за предоставление которых отвечает шпион. В остальном необходимо использовать систему обмена: «отказ», «самоотдача», «деньги так и не возвращены» - это семена, выражающие «дано без ответа», то есть систему несбалансированного обмена, который требует, с точки зрения обособленного субъекта, перебалансировки, которую можно формализовать следующим образом:

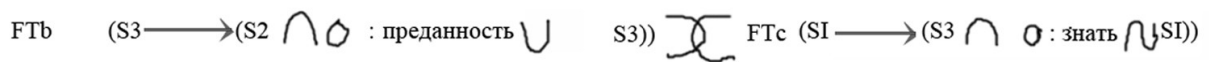
Примечание (а) Мы всегда ссылаемся на эти термины и на использование модальных парадигм в исследовании Дж.К. Коке о дискурсе и его субъекте (семинар в рамках группы семиолингвистических исследований в EHES). На что мы опираемся:

Логический ход в нарративной системе: /субъект права/ -----> /не субъект права/----->/субъект поиска/ -----> /не субъект поиска/-----> /субъект права/ и так далее....

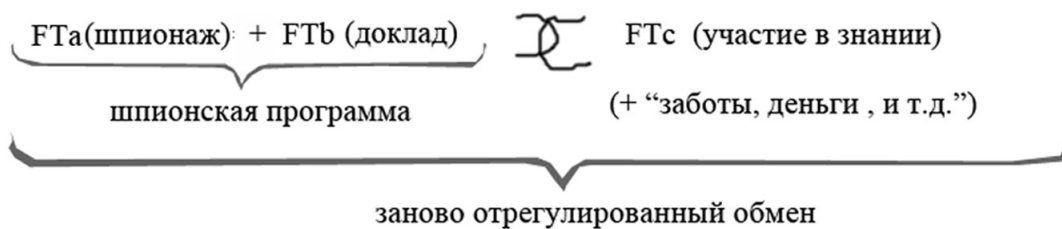
с.226

(b)

- SI= Король
- S3= Отец Елисей
- O = “преданность”, “отказ”
массажи, деньги, и так далее
- FTb= отчет о шпионаже
- FTc= делать-знать нового равновесия при обмене
- ∪=знак о совместном общении

Существование когнитивного субъекта права в данном случае оправдано соединением двух систем (а)+(б), либо:

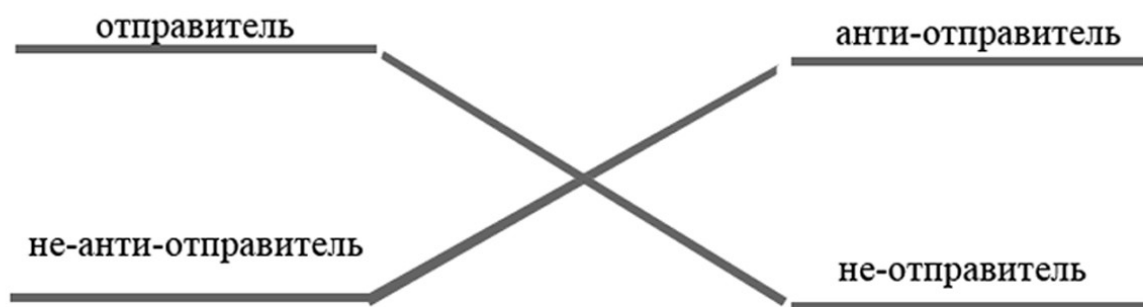
Эта отправная точка, когнитивный субъект права, важна для нашего общего проекта, поскольку здесь выясняется, что «право» субъекта на знания хорошо обосновано как прагматической, так и когнитивной программами. Теперь мы увидим, как прагматический и когнитивный субъект Елисей проходит через позиции /когнитивный субъект права/ -----> /не субъект права/ -----> /когнитивный субъект поиска/.

Мы можем рассматривать этот вопрос с двух сторон: нарушение фидуциарного договора и трансформации на квадрате правдивости. Эти две точки зрения дополняют друг друга, поскольку правдивость - это ограниченная формализация фидуциарного договора. Что касается фидуциарного контракта, с которым мы уже встречались, мы можем указать благодаря этому тексту систему обмена, которая лежит в его основе и гарантирует его. В этом тексте, если обмен «посвящение/знание» не происходит, это потому, что фидуциарный договор, который был его необходимым условием, был нарушен. Если при обмене один из двух партнеров не выполняет свою программу, происходит /КРАЖА/, то есть лишение одного из партнеров «владений» и присвоение их другим. Но в отношениях между двумя субъектами, один из которых доминирует над другим, обмен более сложен, поскольку он должен основываться на аксиологических ценностях гиперонимического субъекта, отправителя.

с.227

Напомним, что в качестве условия фидуциарного контракта мы видим соответствие объекта, завоеванного субъектом, аксиологическим ценностям отправителя. Другими словами, эквивалентность стоимости, которая определяет договор обмена, здесь определяется аксиологическим универсумом гиперонимического субъекта именно из-за его иерархического положения. Таким образом, мы заключаем, что в /знании/, которое причитается отцу Елисею в обмен на его преданность, ему может быть отказано только по двум причинам: либо это он сам принял на себя несоответствующие программы, либо это Король, который больше не гарантирует свою собственную систему ценностей. Первое объяснение представлено в этом фрагменте: «Людовик захотел избавиться от него? После всего, чем он обязан Отцу Елисею. Эти года самоотречения, всех этих забот!» (а)

Напоминание об оказанных услугах представляет собой «самоосознание», которое делает непризнание отправителя ненормальным. Следовательно, существует повествовательное противоречие между правом на признание в качестве реализованного субъекта и непризнанием. Поскольку соответствие программ аксиологическим ценностям монархии восстанавливается, все, что остается для разрешения этого противоречия, - это второе решение: именно отправитель не выполняет свою роль, не гарантирует всех контрактов, касающихся ценностей его аксиологического универсума. Следовательно, мы можем сделать вывод, что виртуализация познавательного субъекта права Елисея также предполагает негативный путь для отправителя:

с/истинные преобразования .

Виртуализация разворачивается более точно через проверочную систему:
 «Кто мог поверить , что такая ложь скрывалась за красивым лицом суверена?»
 (a)

(a) Глава IV, Полночные прощания, стр.167.

с.228

Фактически текст состоит из двух объектов, модифицированных верификацией: план ухода Короля и самого Короля во всех его программах-отправителях. Для проекта ухода король находится в положении /секрет/, и вечер у Орей представляет собой фигуру раскрытия:

«Мы покидаем Париж этой ночью, чтобы никогда не вернуться...» создает трансформацию: /секрет/-----> /истина/ (e+p)

Что касается отправителя, то он был перед сценой у Орей, в позиции «лжи» (не e + p), и раскрытие оперирует преобразованием:
 /ложь/-----> /двуличие/ (не p+ не e)

Помещая свой проект в позицию /секрет/ по отношению к Елисею, он в одностороннем порядке разрывает фидуциарный договор, и его «подлинный» отправитель виртуализируется, в то время как его «кажущийся» отправитель остается. В то же время, когда его проект передает Елисею позицию /истины/, его мнимый отправитель также виртуализируется, и он становится «ложным отправителем»: это две взаимно поддерживающие подтверждающие трансформации.

d/ Субъект поиска настроен.

Отключенный от знания, на которое он имел право, познавательный субъект Елисей отправляется на поиски понимания. Но в его случае, этот предсказуемый шаг в путешествии субъекта вряд ли можно представить, потому что прагматический субъект немедленно интегрирует новое знание и вкладывает его в программу побега: в знания, переданные герцогом Берри, объявление о прибытии Наполеона предполагает /желание/ бежать, детальное проявление которого идет в ущерб когнитивной программе. Наконец, добавим, что Елисей не заинтересован в дистанцировании от монархических ценностей.

3.2.2-Тайные разговоры за ужином в Лилле.

Мы выбрали этот фрагмент, чтобы показать, как под более сложными, а иногда и изощренными фигурами, сохраняется постоянство той же самой структуры конфискации знания.

с.229

В Лилле обедают принцы и король. Также присутствуют родственники короля, некоторые высокопоставленные лица, в том числе маршал Бертье; иезуит Елисей присоединился к королю до этой сцены. Тихо беседуют о поведении Бертье. Приходит посыльный:

«Внезапно внимание было привлечено к адъютанту, который только что наклонился к королю после того, как поклонился ему, и, несомненно, объявил что-то важное, потому что Людовик XVIII отступил, уронив салфетку, и поспешно сказал: «Приведите его сюда ...», все вдруг почувствовали, что сцена меняется, от застольной комедии к драме.» (a)

Гонец, генерал Рикар, приносит письмо от графа Артуа своему брату королю. Вот пространственное устройство при чтении этого письма:
«Король остался рядом с генералом Рикаром, освободил для него место слева, рядом с месье де Бриго, и теперь повернулся спиной к своему кузену из Орлеана, с которым он больше не разговаривал, пока мы не вышли из-за стола. Луи-Филипп казался очень униженным, вынужденным отступить от маршала-герцога Тревизо, стоявшего перед ним.» (b)

Во время чтения этого письма, как водится согласно обычаям за столом Людовика XVIII, за обеденным столом часто встречаются комментарии:
«Мы их выслушали, новости распространились по всему столу, в частности, что необходимо оставить надежду на то, что разрозненный Королевский дом отправился бы в Дьепп, Его Величество это понимал, тем более что Грэммонт говорил громко, будучи глуховатым.» (c)

Людовик XVIII решает говорить более скрытным образом: «Вы говорите на каком-нибудь другом языке, кроме французского, генерал?» - спросил король, повернувшись налево, к генералу Рикару. «Я говорю по итальянски, Сир», - ответил генерал. И Людовик XVIII : «Говорим по итальянски...»...Его Величество был полиглотом. Луи-Филипп понимал итальянский, но король говорил со своим соседом очень тихо для того, чтобы Луи-Филипп мог бы их расслышать. Герцог Орлеанский был озабочен только одним: избавиться от короля...» (d)

(a) Глава XIII, Семена Будущего, стр.160.

(б)Глава XIII, там же, стр.160.

(с)Глава XIII, там же, стр.161.

(d)Глава XIII, там же, стр.161.

с.230

а/Две когнитивно-высказывающие изотопии.

В этом тексте все познавательные факты и акты высказываний не устроены по принципам одной и той же изотопии. То, что известно и сказано в этом тексте, находится в пространственно-временных пределах «трапезы». Но содержание проводимых дискурсов и объектов познания содержит изотопические разрывы. Они сопровождаются дискурсивной трансформацией, которая проявляется:

1 - грубым прерыванием содержания повествования (наука о винах отца Елисея) и немедленной заменой содержания (послание графа д'Артуа).

2-через нарративную лексему дизъюнкции/конъюнкции: «внезапно».

3-через вторжение нового актера: Рикара.

Эти две изотопии фигуративно разделены автором в этой фразе: «...сцена изменилась от застольной комедии до внешней драмы.» кроме семической оппозиции /внутреннееvs внешнее/, чему соответствуют эти две изотопии?

Застольная комедия представлена в виде обычного набора познавательных и высказывательных актов, которые точно определены правилами поведения этой группы актеров. Вот несколько примеров:

«Буриен, бывавшая при дворе, (...) поспешила очень громко сказать ... что новости ...»

« В остальном Его Величество, похоже, не был уверен в серьезности того, что Он, несомненно, принял за застольную лесть.»

« Людовик XVIII сказал Буриенне несколько лестных слов, несомненно, чтобы произвести впечатление.»

Этот общепринятый набор реплик управляется /обязанностью/ говорить, а не говорить, и высказывания не имеют другой цели, кроме как удовлетворять

правилам, которые управляют ими как актами речи, а не передавать / знания /. В этой изотопии Людовик XVIII подчиняется правилам, как и другие, но он все равно ставит себя уже в доминирующее положение, давая «изменение», предлагая своим знанием видимость, которая не соответствует существу: он уже на позиции / ложь /.

с.231

Внешняя драма связана с парагматическими программами, относящимися к военно-исторической изотопии. В этой изотопии правила поведения частично виртуализированы. Во фрагменте для предыдущей изотопии каждый стремился воспроизвести в своей речи кодифицированное и условное; здесь каждый стремится воссоздать то, что создается внешней ситуацией. Здесь Король полностью принимает свой гиперонимический статус и в то же время занимает позицию / секрет /. Нас особенно интересует эта последняя когнитивно-высказывающая изотопия, поскольку мы ограничиваемся здесь конфигурацией «конфискация знания». Оппозиции представлены здесь:

Вне	=	«драма»	=	История	=	Король оправитель	=	Не обычный	=	Секрет
внутри		«комедия»		обед		Король участник		обычный		FALSE

б/два типа когнитивных субъектов.

С самого начала мы можем провести различие в этой сцене между субъектами поиска и субъектами права, отношения которых со знанием отправителя регулируются разными правилами. Субъектом права является Луи-Филипп д'Орлеан, двоюродный брат короля, который связан со /знанием/ короля из-за этого родства с актером-отправителем. Мы признаем это «право», когда в тексте рассказчик указывает: «Он выглядел очень униженным...»

Луи-Филипп унижен, потому что он не признан в своем «праве знать»; в течение этой сцены и, в частности, перед этим унижением, когнитивный субъект Луи-Филиппа впоследствии модифицируется / Знать-мочь-хотеть /. Сюжеты поиска берут на себя все остальные актеры, участвующие в этой трапезе. Действительно, в предыдущем эпизоде , и в отношении когнитивно-высказывательной изотопии «внутри» гости «с тревогой» отметили «отсутствие уверенности в будущем у монарха». Поскольку отправитель, кажется, больше не придерживается своей аксиологической вселенной, и поскольку он больше не гарантирует связанных контрактов, эти фидуциарные контракты нарушаются, и соответствующие субъекты берутся за когнитивные поиски. В этой последовательности этот описанный и известный процесс ограничивается

виртуализацией субъектов права и установлением субъектов поиска, что проявляется в:

«его слова вызвали у всех испуг» (модализация /не Знать-мочь-хотеть/
виртуализированных субъектов права)

и «Внезапно внимание было отвлечено...» (модализация /Хотеть-знать-мочь/
определенных субъектов поиска)

Здесь мы находим две действующие роли, одна из которых соответствует простому отсутствию знаний (/ не Знать-мочь-хотеть /), а другая - стремлению к поиску (/ желать-знать-уметь /).

с.232

с/Образные приспособления изъятия знаний.

Все эти субъекты права или поиска, будут виртуализированы и отведены на одну и ту же активную роль посредством «притворства» короля. Это действие состоит из нескольких типов программ последовательного использования, каждая из которых характеризуется образно: существуют пространственные, голосовые и лингвистические приемы.

I- Пространственные устройства.

Для всех приглашенных прагматичная расстановка «трапезы» невыгодна для прослушивания: это / не - сила / знания. Что касается субъекта права, то его место справа от Короля подтверждает его модальную парадигму / знать-мочь-хотеть /; у него есть / сила / знания. Поэтому необходимо новое специальное устройство для того, чтобы отобрать у него эту / силу/: «Король поместил генерала Рикара вблизи себя, слева (...), повернувшись спиной к своему Орлеанскому кузену...»

Пространственная трансформация: «справа»-----> «позади» дополняется позиционным преобразованием: «рядом»-----> «спиной». Эта последняя представляет собой также изменение в плане выражения, отсылающее к трансформации социального уровня: «почтенный»-----> «униженный». Таким образом, две трансформации на уровне выражения (пространственная и позиционная) относятся к двум трансформациям на уровне содержания (когнитивной и социальной). Соответствующее сочетание этих двух типов трансформаций фактически является связью: пространственные объекты, составляющие композицию, в то же время являются человеческими актерами, чьи проксемические позиции интерпретируются на социальной изотопии.

с.233

2-Лингвистические композиции.

Субъекты поиска также нашли способ познания: из виртуализированного парадигматического субъекта коллективный субъект

«незнания» был преобразован в синтагматический субъект, и посредством взаимной передачи слова передаются всем приглашенным. Поэтому король использует второе средство скрыть смысл:

«Вы говорите на каком-то другом языке, кроме французского? ...Я говорю по итальянски...Говорим по итальянски.»

Изменив «мочь-знать» гостей, он затрагивает здесь их «мочь-знать», изменяя используемый лингвистический код. Кроме того, его «незнание» предполагает умение, адаптированное к каждой программе использования; для предыдущего устройства это был «пространственный» навык; в данном случае речь идет о менее распространенной в обществе лингвистической компетенции, что гарантирует эффективность устройства, и о котором говорящий чувствует себя обязанным вспомнить в уточняющем заявлении «Его Величество был полиглотом».

-

3-Вокальная композиция.

Его лингвистический код «не давай знать» не работает с одним из гостей, который обладает такой же лингвистической компетенцией, что и он; Луи-Филипп «понимал итальянский». Поэтому необходимо третье устройство, чтобы сделать модальность / не дать узнать/ эффективной и универсальной: «..но король говорил слишком тихо для того, чтобы можно было понять.»

4-Тактика секретности.

Все эти устройства организованы в соответствии с режимом сцепленности: одна программа не заменяет другую, а добавляет свои эффекты к эффектам предыдущей в синтаксической последовательности, которая позволяет реагировать на противоположные программы субъектов поиска. Здесь столкновение двух тактик, которые проявляют два противоположных примера когнитивного измерения, /знать-мочь/ субъектов и /знать-скрыть/ анти-субъекта. Но смысл кумулятивных программ сокрытия - это не просто реакция на чрезмерное любопытство. Эта политика секретности, которая, по-видимому, характеризует для рассказчика монархическую политику, предполагает очень конкретную и идеологически выраженную концепцию фидуциарного договора.

с.234

Кумулятивная итеративность программ сокрытия является признаком этой конкретной концепции, в которой фидуциарный договор является обязательством только для одной из сторон.

d/Проверка предыдущих предположений.

Мы исследуем здесь особый аспект, в сцене нарушения фидуциарного договора, проверки и установления субъектов исследования, чтобы выявить в сравнении, что является универсальным.

I-Нарушение фидуциарного договора.

Мы не находим здесь несбалансированной системы обмена, которая проявилась в случае с Елисеем; однако можно было предположить это, используя программы, которые, возможно, вычитаются из проявленных тематических ролей: участие в принятии решений о возможностях членов королевской семьи, услуги, оказываемые министрам и маршалам. Но эти программы не прямо противоречат конфискации знаний, как это было в случае с отцом Елисеем.

Здесь проявляется и другое: конфискация знаний является ответом на то, что любопытные, окружающие короля, служат «плохую службу» каждый по-своему, интересам монархии. Следовательно, сами субъекты виртуализируют фидуциарный договор и не уважают аксиологические ценности отправителя. Это случай некоторых гостей, у которых есть свои опасения и беспокойства: «И были голоса, которые говорили: «Ведь мы зовем англичан и пруссаков, они быстро сметут этого негодяя!»

Людовик XVIII бросил взгляд в сторону этих неуклюжих людей: там были люди из Лилля, несомненно, привязанные к его персоне, но способные на нескромность.» (б)

(а) Обманутый Иезуит, н° 3.2.I-, стр.224-228.

(б) Глава XIII, *Зерна будущего*, стр.161.

с.235

В этом отрывке мы наблюдаем два случая нарушения фидуциарного договора: первый касается «жителей Лилля», которые признаны прагматическими субъектами в соответствии с ценностями отправителя во фразе «привязаны к этой персоне», но виртуализированы сразу после этого, как познающие субъекты, через «способность к неосмотрительности», что проявляет возможность актуализации анти-субъекта познания. Когда интересы монархии соответствуют принципу «не давать людям знать», компетенция «людей Лилля» будет на стороне «не делать, не знать + дать людям знать». Второй разрыв (соктытие «знания») касается гостей, которые, подобно Граммону и другим, публично говорят об иностранной интервенции. Они также дают понимание, когда лучше никому не «давать знать».

Даже если это актуализированная, но неосознанная нескромность «жителей Лилля» или нескольких других гостей (а), она помещают субъектов, ответственных за нее, в позицию «антактанта». Эти несколько строк показывают нарушение фидуциарного договора именно потому, что эти предположения подвергают опасности личность короля, поскольку он еще не покинул Францию; в этом смысле отправитель, с его точки зрения, может действовать так, как если бы этого договора больше не существовало. Что касается Луи-Филиппа, разрыв еще более очевиден, поскольку он обвиняется в государственной измене:

«Герцог Орлеанский заботился только об одном: избавиться от короля ». По разным причинам, личным амбициям, враждебности по отношению к королю, к революционным предшественникам Луи-Филипп в основном является антисубъектом: он предал Людовика XVI с революцией; он предал Революцию с иммиграцией и Реставрацию с имперцами. Пространственные и речевые приемы, используемые королем во время трапезы, являются проявлением отрицательной санкции отправителя по отношению к герцогу Орлеанскому. В обоих случаях нарушение фидуциарного договора совершается самими субъектами; различие в случае Луи-Филиппа состоит в том, что он является антисубъектом не только в когнитивном, но и в прагматическом измерении.

(а)Для большей точности следует задействовать когнитивно-высказывающую иерархию. Фактически у нас есть три иерархических отчета: 1 - отчет Короля в его разговоре с посланником, который касается прагматической ситуации; 2- гости, относящиеся к (I-); жители Лилля, касающиеся (2).

с.236

2-Правдивость.

Здесь речь идет не о модализации прагматического действия, а о другом когнитивном действии. При нынешнем состоянии семиотической теории и практики мы рассматриваем только достоверную модализацию фактов и прагматических тем. Однако, здесь оказывается, что измененный таким образом субъект является когнитивным субъектом: он читает и слушает устный отчет. Это было бы доказательством полезности нашей многоуровневой когнитивно-высказывательной структуры. Если мы будем различать только два измерения, артикулированные как два однородных множества, которые не являются внутренне иерархическими, мы сможем объяснить достоверную модализацию прагматического измерения только когнитивным измерением; если мы допустим, что когнитивное измерение артикулируется в (n) стадиях, мы также можем описать модализацию одного когнитивного действия другим в гиперонимической ситуации.

«Внешний вид»(/казаться/) познающего субъекта Людовика XVIII проявляется соматическими фигурами: поведением, установками, мимикой: «нетерпеливый вид», «озабоченный вид».

«...Закончив письмо, он начал его читать второй раз с самого начала и, казалось, перечитал его более внимательно. Мы знали, что у Его Величества днем случился приступ боли, и он вздыхал, должно быть, из-за болящих ног.» (стр.160 и 161)

В одном случае текст проявляется только / показательно/ («вид»); в другом случае интерпретирующие субъекты пытаются построить «знание», связывая / вид / с / сущностью /. Но предполагаемая сущность, «страдания» не соответствуют наблюдаемой мимике- вздохам; в действительности король вздыхает, потому что новости плохие. Следовательно, он расположен по отношению к тем, кто наблюдает за ним в позиции / не e + p / = ложь, и для его когнитивных действий в позиции / не p + e / = секрет. Таким образом, когнитивный уровень, принятый Людовиком XVIII, нарушен с точки зрения правдивости по сравнению с другим когнитивным уровнем, принятым гостями. Это нарушение фидуциарного договора, как мы видели, вращается вокруг неосмотрительных или предающих субъектов, и / ложь / или / секрет / возникают только как реакция на неблагоприятие или предательство.

с.237

3-Создание познавательных субъектов поиска.

Виртуализация, управляемая путем конфискации знаний отправителем, поставила всех гостей на один уровень, в состояние «недостатка знаний», и все они оказываются объектами поиска на этапе его установления; мы встречаем некоторые проявления этой актантной роли:

«Все взгляды обратились к королю.» (стр.160)

Здесь / желание / знание гостей проявляется непосредственно; но во всей последовательности это / желание / скорее предполагается всеми проявленными толковательными фактами.

3.2.3-Отчет о конфискации знаний.

Здесь мы имеем очень простую форму нарушения фидуциарного договора; но в данном случае количество фигур таково, что мы можем говорить о политике секретности. Высказывающий здесь представляет, по-своему упорядочивая распределение знания между актами высказывания, свое собственное представление о монархической власти. /Неизвестность/ появляется в этом романе как метод правления. Но мы должны различать два типа ситуаций; первый тип, где ничего не происходит, где режим стабилен, где субъекты права гарантированно остаются таковыми; ситуация другого типа - та, что развивается в романе, - противоречивая и нестабильная, где нужны последовательные и гарантированные предписания и контракты, стабильная аксиологическая вселенная для субъектов, которые ищут друг друга: здесь неизбежно обнаруживаются противоречия определенного типа власти, где конфискация знаний является обычным делом, потому что она полностью нарушает когнитивные и прагматические программы субъектов.

3.3- Деградация отправителей.

Нелепая фигура павшего отправителя.

Здесь мы хотели бы сгруппировать вместе серию разрозненных фрагментов в тексте, роль которых мы не всегда воспринимаем при интуитивном и быстром чтении: все это фигуры насмешек, затрагивающие авторитет отправителя: короля (n°3.3.1), королевской семьи (n°3.3.2), королевского достоинства и авторитета (n°3.3.3) и дворян королевства (n°3.3.4). Интуитивное прочтение этих фрагментов текста могло бы заставить нас принять их, точно так же, как, например, подробное описание формы за черты реализма, основанные на договоре проверки между высказывающим и принимающим. Если бы это было только так, то эти проявления стали бы предметом неявного исторического дискурса той же природы, что и те, которые мы реконструируем на основе проявлений религиозной изотопии. Но здесь не только это. Сам Арагон, говоря о «древней ткани истории», заявляет в предисловии:

«...роман - это машина, изобретенная человеком для постижения реальности во всей ее сложности.» (а)

Таким образом, упор на деталях - это способ объяснить противоречия реальности во всей их тонкости и переплетениях. Кроме того, это упорное проявление нелепой стороны королевского режима - это нечто иное, чем просто «исторический колорит». Актеры, насмешничающие над монархией в коллапсе: это одно из противоречий, порождающих новые времена. Мы поставили перед собой задачу с помощью наших инструментов показать, как механизмы изменения возникают из того, что предполагают эти образные явления. Механизмы изменения - это, прежде всего, пути познающих субъектов.

3.3.1- Король Подагрик.

Мы выбрали несколько коротких фрагментов:

(а) Предисловие к Базельским колоколам, изд-во Фолио, стр.12.

с.239

«А потом что это был за король в кресле? Его возят, его перекачивают. Этот спектакль на лестнице!» (Глава IV, стр. 154)

«Какое мерзкое зрелище! Как будто он делал это специально, чтобы доктора ему помогали публично, как-будто чтобы хвастаться своим отвратительным телом, покрытым язвами. (...) У короля были пролежни от пребывания в кресле. В комнате стоял отвратительный запах лекарств и гноя...» (Глава IV, стр. 158)

«Он катался, король, (...) он спал, как бедняга, дрожа, катаясь по подушкам, падая на бедного Дюра (...), стонал, когда спал, без сомнений, из-за своего ревматизма. Нельзя было открыть окно: король замерзал. И без проветривания, повсюду стояли запахи...» (Глава V, стр. 196)

Описание физического состояния Людовика XVIII представляет собой определенные константы: бессилие, болезнь, страдание, отвратительные запахи, где мы узнаем два семантических содержания, которые составляют изотопии, характерные для королевского актера: болезненность и бессилие. Оба влияют только на тело и никоим образом не влияют на способность обеспечивать королевскую функцию. Но тематическая роль «Король» включает две категории программы: «управлять» и «представлять». Здесь идет речь о второй категории; функция «представлять» может быть семиотически интерпретирована как набор характеристик, присущих актеру «королю», которые напрямую проявляют аксиологические ценности монархии. Другими словами, актер проявляет как актора-отправителя, так и аксиологическую вселенную, которая от него зависит. Мы понимаем, почему образная деградация актера Людовика XVIII противоречит постоянству ценностей власти, престижа и величия, присущих аксиологической вселенной монархии.

Кроме того, символическое значение бессилия чувствительно в интуитивном прочтении: сексуальное и физическое бессилие короля сравнивают с его политическим бессилием перед лицом возвращения Императора. Мы видим простую связь между исторической изотопией, где бессилие обусловлено политическими факторами, внешними по отношению к самому действующему лицу, и соматической образной изотопией, где бессилие касается действующего лица. Но наблюдается параллелизм структур, который более надежно обеспечивает связь: об исторической изотопии Людовик XVIII знает, но ничего не может сделать; о соматической изотопии он точно так же знает, но не может.

Этот анализ подсказан нам явным пристрастием короля к трагическим историям и настойчивым требованием герцога Берри вспомнить об этом сексуальном бессилии (а).

Напрямую, из-за несоответствия аксиологическим ценностям монархии или косвенно, изотопным связям, «король подагрик» является фигурой /не-отправителя /.

3.3.2-Отрекшаяся семья .

Другая фигура несколько раз появляется в романе, особенно в главе, озаглавленной Сен-Дени; Шарля д'Артуа очень беспокоит поведение брата короля:

«Где был король в этот час с его эшеломом экипажей и стаей серых мушкетеров? (...) и он задавался вопросом, где в этот час его королевский брат, с которым у него была перед их отъездом из Тюильри одна из тех шумных ссор, которые разносились по всему замку и заставили остановиться в коридорах и на лестницах слуг, где был он, этот рассеянный и слабый государь, считавший себя макиавеллистом, не доверявший никому, кроме Блакаса!...» (б)

Затем упоминаются подробности ссоры:

«...это произошло потому, что Людовик XVIII в их споре зашел в тот вечер так далеко, насколько мог. В криках и удушающем гневе, но также в спорах и оскорблениях. Был один, который положил конец их отношениям. (...) Г-н де Шаретт...письмо г-на де Шаретт! Когда он сказал это, Людовик, он сказад все!» (с)

Вывод, хотя и в пользу графа д'Артуа, не обнадеживает.

(а)Глава Полночное прощание, IV, стр.155:

«А потом ему пришлось возненавидеть его, беспомощного, потому что он, женщины ... Эти истории, которые король рассказывал ему о каждой из своих любовниц в полицейских отчетах...» (...) «Больше всего Людовик XVIII вызывал у него отвращение, когда Его Величество начинал скрипучим голосом рассказывать анекдоты из книг прошлого века.» Мы наблюдаем подмену когнитивно-высказывательной программы (знание и рассказ) прагматической программой, для которой она некомпетентна: неспособность действовать заменяется властью знать и говорить.

(б) и (с) Глава V, Сен-Дени, стр.194 и 195.

с.241

«...Хорошо. Шарль сделал предложение Фландрии. А у Луи, задыхающегося от триумфа и удушья, уже не было сил бороться с еще одним предложением. Но в пути? (...) Дьявол знал, где король может быть в этот час ...» (а)

а/Деградация фигуры отправителя.

Что касается «королевской подагры», эта тематическая роль «разобщенной семьи» предполагает программы, несовместимые с аксиологическими ценностями, представляющими монархию. Все словосочетания «шумные ссоры», «удушающий гнев», «оскорбления» включают в себя классему «отсутствия достоинства», противоречащую тематической роли «царская семья». Нарушение фидуциарного договора здесь проявляется в реакции слуг, которые останавливаются и ждут ссор.

б/Нарушение прагматических программ и знаний об этих программах.

На уровне актера, отправитель показывает себя неспособным к сплоченности; это само по себе форма деградации; но это также то, что делает отправителя некомпетентным брать на себя программы, соответствующие действующей роли уполномоченного. Текст показывает, что однозначного решения не принято. В случае коллективного отправителя минимальным условием его уполномочивающей власти является наличие консенсуса в природе мандата. Но единого мнения нет, есть ссоры между двумя братьями (б). Консенсус предполагает наличие фидуциарного договора между сторонами, который не может быть поставлен под сомнение без нарушения действующей структуры; с другой стороны, полемические отношения устанавливают баланс сил, всегда подверженный трансформации. В случае консенсуса, все субъекты имеют общий объект поиска; в другом случае объект поиска оспаривается между субъектами, и соединения и разъединения могут быть отменены простой модификацией навыка. Можем формализовать два типа коллективных решений:

КОНСЕНСУС: Ft (S1a + S1b -----> (S2a + S2b \cap \emptyset : решение))

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ: Ft (S1a -----> (S2a \cap решение \cup S2b))

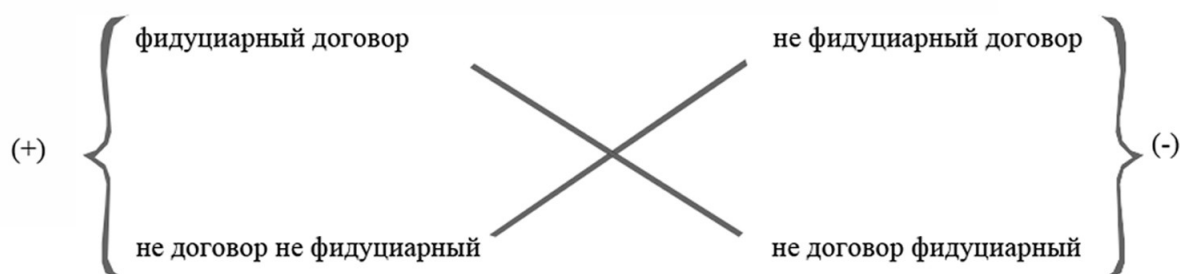
ОТНОШЕНИЯ \mathcal{D} Ft (S1b -----> (S2b \cap () : решение \cup S2a))

с.242

В этих условиях невозможен фидуциарный договор с адресатом, если решения принимаются полемически; ни один субъект не может быть уверен, что не противоречит полномочиям, в то время как его программа уже будет задействована в соответствии с предыдущими противоположными полномочиями. Следовательно, субъекты неизбежно отвергают этого некомпетентного отправителя.

с / недоверие.

Следствием (или причиной) этих споров является недоверие короля, о чем мы прямо указываем в процитированном фрагменте. Это означает, что с точки зрения конкретного отправителя, которым является Людовик XVIII, нарушение фидуциарного договора является не событием, а постоянным состоянием, которое характеризует отношения с подданными. Здесь мы должны сформулировать эту концепцию с ее противоположностями и противоречиями:

С двумя активными экземплярами мы можем принять четыре положения, а также преобразования, которые могут определять пути между ними. Эти два органа могут определять друг друга как отправителя и субъекта путем заключения фидуциарного договора; они могут отказаться от него, перейдя в позицию «не- контракта фидуциарного»; они также могут зарекомендовать себя как субъект и получатель, заключив «не-фидуциарный договор»; но в этом случае один из двух находится на позиции / лжи / в границах правдивости, или даже в обоих случаях. Людовик XVIII относится к последнему случаю.

d/Макиавеллизм.

Словарь (а) дает этому тексту этой лексемы два определения, в зависимости от лексического поля, к которому он принадлежит:

«1° Доктрина Макиавелли; искусство эффективного управления без моральных забот о средствах.»

2° Подход того, кто использует хитрость, недобросовестность для достижения своих целей.»

(a) Le Petit Robert, издание 1976, стр.1018. Использование элементов словаря, конечно, представляет методологическую проблему, но это не влияет на достоверность нашего анализа.

с.243

Похоже, что Шарль д'Артуа, «считавший себя макиавеллистом», позволяет понять, что Людовик XVIII ошибается в понимании макиавеллизма: он считает, что практикует доктрину Макиавелли, в то время как он использует только банальные уловки, основанные на болезненной недоверии. Теперь это второе значение хорошо соответствует семиотическому определению постоянного недоверия, данному в предыдущем пункте. Согласно заранее оговоренному нефидуциарному контракту, недоверие является тематической ролью, которая может подразумевать такие программы, как «уловка», «недобросовестность» и т. д. ... Таким образом, мы обнаруживаем тот особый метод управления, который уже подчеркивал рассказчик. Уловки, притворства, конфискация знаний, нерешительность - это намеки на деградировавшую форму макиавеллизма, которая предполагает:

1-отправитель находится на позиции / Ложь / по отношению к теме.

2-полномочия основаны на нефидуциарном контракте.

3.3.3- Нелепая королевская пышность .

а/Несколько текстов

Мы выбрали несколько эпизодов, которые относятся к главе В Дороге. Вот несколько репрезентативных образцов :

Королевская вилка (a): действие происходит в Абвиле, где король и его спутники обедают в отеле субпрефектуры. Заместитель префекта выражает свое восхищение:

«Господин де Вервиль, заместитель префекта, восхищен Его Величеством за спокойствие, которое тот проявил, поскольку его убедили ускорить отъезд, (...) согласившись уменьшить на один час ужин в отеле субпрефектуры (...) и что за ужин! Королевская вилка! Монарх не переставал говорить, а семь блюд в меню следовали одно за другим, король рассказывал веселые истории, это было как в Версале!»

После еды Его Величество пробует Шамбертен и даже указывает год: 1813.

«Подпрефект не может смириться с этим.»

Ковер вдовы (b): Эта вторая сцена происходит в Сен-Поле, где король входит «в первый дом, чтобы остановиться там».

(a) (б): Глава XI, В Дороге, стр.71-72 и стр.73.

Вот комната, где он находится:

«Его Величество вошел в комнату одноэтажного дома, заваленную домашней утварью, выложенную плиткой; это был дом вдовы, которая жила одна, и плохо отапливалась.»

Эта вдова проявляет трогательную и гротескную инициативу:

«... она искала, что у нее было самое красивое (...).И она увидела то, что было ее гордостью и утешением: огромная выцветшая занавеска, вся потрепанная и тяжелая, с бахромой, которая закрывала окно от ветра; она без всякой предосторожности сорвала ее и расстелила под ногами государя, как ковер ...» Этот старый ковер, «королевский ковер», предназначен для облегчения боли в ногах короля.

Двор в коротеньких рубашках: в Бетуне на этот раз дань уважения бегущему королю доходит до насмешек, потому что все знатные люди, гражданские лица и солдаты спешат ранним утром, чтобы поздороваться, более или менее гротескно, со своим сувереном. Женщины в рубашках, полуодетые мужчины, и в особенности, заместитель префекта, чьи подвернутые штаны имеют комедийный вид:

«Но последняя капля : был этот импровизированный дворецкий в тапочках, немощный пятидесятилетний старик, который на бегу натянул одну штанину и пытался надеть другую, вся его одежда была растрепана. Он поспешно напялил фуфайку, рубашку, жилет, не потратив время на то, чтобы что-нибудь застегнуть.» (стр.77-80)

Благодарим всех, потративших время на прочтение долгого текста, который описывает комичное замешательство этого персонажа, когда он встает с постели.

б-Признание отправителя его предметом.

Уточним, что речь ни в коем случае не идет о правильном распознавании предмета отправителем. Это, скорее, повторение фидуциарного контракта и мандата, в котором субъект принимает - и подтверждает свое предположение - аксиологические ценности своего отправителя. Это итерация установления субъекта, проверка на верность отправителю; но здесь, с точки зрения отправителя, эта итерация контракта становится символом почтения.

Все выбранные тексты представляют собой настоящие проявления этого признания-почтения, языковые проявления: «Его Величество» в устном «почитании», оказанном заместителем префекта Аббевиля, страстное проявление того же почтения в его непрекращающемся «восхищении». В Сен-Поле - соматическое и образное проявление, превращение занавески в ковер; на площади Бетюн- демонстрация присутствия всех знатных людей в легкой одежде. Все эти события представляют собой проявление этих «почестей».

с / В случае отклонения от признания отправителя.

Каждая из предложенных сцен имеет определенную форму отклонения; но все, как мы увидим, заканчивается виртуализацией отправителя или, по крайней мере, разъединением между актером и актером Людовиком XVIII, который его проявляет. В трапезе Аббевиля признание отправителя одним из субъектов, субпрефектом, относится как к программам, которые совместимы с аксиологическими ценностями отправителя, так и к другим, которые не совместимы; делание-знание почестей смешивает в одном дискурсе «спокойствие, которое король показывает», умение узнавать вина и аппетит. Эта последняя тематическая роль складывается в полноценный сценарий:

1-методы установления субъекта: / желание / есть и пить проявляется в: «принятие не более чем на один час отодвинуть ужин» .

2-модальности обновления субъекта: / знания / питье и еда особенно ярко проявляются при дегустации Шамбертена.

3- Образный перформанс «Семь блюд меню». Вся тематическая роль выражена словосочетанием «королевская вилка».

Общая проблема может быть сформулирована следующим образом:

1- Актеру соответствуют несколько тематических ролей: сколько желает рассказчик.

2-Каждой тематической роли соответствуют программы и актуальные роли, вложенные актором.

3-Каждая программа предполагает аксиологический универсум; одна из аксиологических вселенных может включать ограничения на элементы, принадлежащие другим. Таким образом, в сцене Аббевилля аксиологическая вселенная монархии может включать реструктуризацию, исключающую чревоугодие, или, проще говоря, предвидеть иерархию между историческим и гастрономическим, иерархия, измененная Людовиком XVIII.

d/ Непризнание отправителя.

В других выбранных сценах проблема заключается в самом распознавании, а не только в программах, к которым оно относится. В одном из них король принимает «почести» в низкой комнате, которая служит и кухней, через этот жест вдовы, которая выкладывает старую порванную и выцветшую занавеску под его ноги. Во втором случае двор, собирающийся вокруг короля, взъерошенный и смешной, достаточно пародийный, чтобы его можно было истолковать как насмешливое прославление. В данном случае, это образное проявление почтения к знанию, которое не соответствует аксиологическим ценностям монархии: здесь презираются достоинство, роскошь, королевская пышность.

Эти пародийные почести могут быть формализованы таким образом:

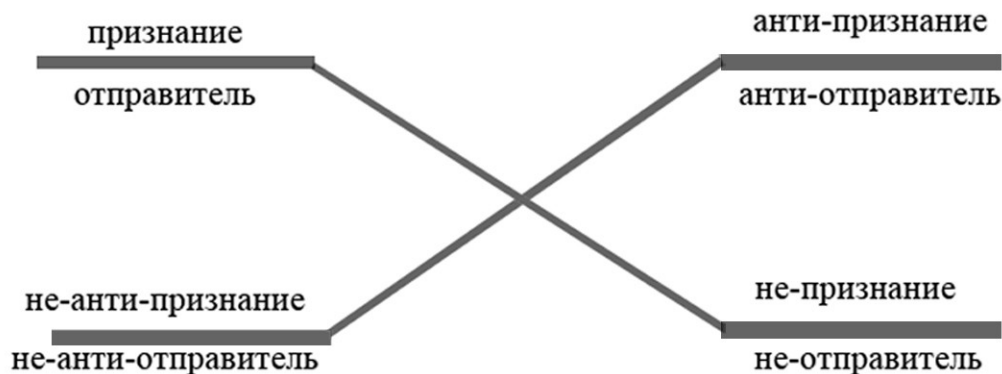
Отсутствие узнавания можно объяснить двояко: либо субъект изменил аксиологическую систему отсчета, либо отправитель. В первом случае мы имеем дело с несубъектом; во втором случае с не отправителем. В этой последовательности субъекты хорошо определены как реальные: «Она (вдова) была ... напугана и поражена: Король у нее дома! Это было великое событие ее жизни ... она огляделась, пытаясь сделать что-то соразмерное этому.» (стр.73)

Таким образом, вдова вполне «соответствует» монархическим ценностям, и ее компетентность не подлежит сомнению. Что касается знати Бетуна, то их также называют убежденными монархистами. Итак, непризнание здесь относится к не отправителю; на самом деле, сбегая из Парижа и Франции, Людовик XVIII лишается оптимальных условий достоинства и королевской пышности; мы даже можем сказать, что актантная роль отправителя образно связана с местом,

и что актер Людовик XVIII отделяется от доминирующего тела, отделяясь от этого места.

с.247

Омологация возможна с применением следующих терминов:

Таким образом, все эти сцены составляют еще одну фигуру виртуализации отправителя.

3.3.4-Группа цыган.

Наблюдая бегство всех верных королю, мы выделим сцену из предпоследней главы, Страстная пятница, где принцы, находящиеся на грани истощения, сталкиваются с семьей крестьян:

«Наступал день, фермер и его сыновья приветствовали с почтением, близким к изумлению, этих великих личностей, которых они сначала с трудом понимали: кто это такие и как они оказались на этом плохом пути. (...) В этой разоренной стране стояли бородатые крестьяне со своими женами и детьми, высокие и сильные, крепкие, как столпы изобильной жизни, которая находит даже в этих перегороженных течениях источники благосостояния. Внезапно они, лорды и эти графы, эти герцоги, эти князья, прибыли в свои дома, как романихели, измученные, вроде странствующих актеров, которые заблудились между двумя далекими поселениями и продолжают нести имена, которые они дают себе, играя благородные трагедии.» (а)

а/ подмена актеров.

Рассказчик последовательно развивает противостояние князей и этой крестьянской семьи. Усталости и шаткому положению одних противопоставляется энергия и богатство других. Мы можем установить серию эквивалентностей:

Кажущееся	«кажущаяся сила»	«изобильная	крестьяне
-----------	------------------	-------------	-----------

богатство	=	жизнь»	=
Видимая бедность	«путешествующие актеры»	«истощение»	Принцы

(а) Глава XV, Страстная Пятница, стр.304-305.

с.248

Исходя из этих оппозиций, рассказчик осуществляет две трансформации: крестьяне становятся лордами, а принцы- цыганами - в форме двойной замены тематических ролей, сопровождаемой достоверной трансформацией:

крестьяне=путешественники	----->	крестьяне=сеньоры=аристократы
(быть)		(казаться)
принцы=аристократы	----->	принцы=комедианты=путешественники
(быть)		(казаться)

Это только первое чтение, которое нам нужно будет квалифицировать.

б/ Романихели: тематическая роль и программа.

Вышеупомянутые преобразования устанавливает две изотопии, историческую и театральную, между которыми актеры в их выцветшей одежде представляют связь. Но последующая метафорическая путаница приводит к интерпретативному перечитыванию программы бегства принцев на основе театральной изотопии: это бегство становится, по мнению самого рассказчика, блужданием актеров; эти последовательные этапы, места представительства; прославленные имена великих семей, имена трагических персонажей, ...

с/Деградация отправителя-актера.

Если мы посмотрим на значение этой ролевой связи для нашей цели, мы быстро поймем, что реинтеграция может быть продвинута дальше: король, с которым все князья имеют иерархические и семейные связи, становится своего рода директором разъездной труппы путешествующих актеров. Вдобавок все эти князья проявляют себя как действующие лица в образе отправителя; они являются частью института, и он разрушается вместе с ними. Если образные преобразования были соединены с проверочной игрой, это было только для того, чтобы показать, что / появление / отправителя, единственное, доступное

для когнитивных действий субъектов, деградирует само «признание этого отправителя» субъектами: колебания крестьян , их «ступор» .

с.249

3.3.5-Нарушение фидуциарного договора и искушение самоопределения.

Делая вывод о ролевой и актерской деградации отправителя, отметим, что эта форма нарушения фидуциарного договора виртуализируется:

а-все действующие лица вложились в активную роль отправителя: все они стали фигурами отправителя.

б - общая аксиологическая согласованность программ, выполняемых субъектами, зависящими от этого отправителя.

с-любые повествовательные интерпретации Истории теми же субъектами, пока не установлены инвестиции акторов отправителя.

Именно в этих условиях рождается искушение самоопределения. Эти субъекты без явного отправителя сами возьмут на себя тематические роли, соответствующие действующим ролям уполномоченного или судьи. Эта формулировка очень четко прослеживается в последовательности главы Страстная пятница (а), которую мы подробно рассмотрим позже: осознав отступничество отправителя, субъекты-солдаты начинают обсуждение, чтобы решить для себя свою будущую судьбу. Затем последовательность управления принимается на себя актерами, которые одновременно являются субъектами-актерами. В то же время эти субъекты подтверждают свою приверженность ценностям монархии. Мы видим здесь след идеологических проблем Арагона, поскольку это искушение самоопределения субъектов может быть интерпретировано на образном уровне как переход от политических отношений / доминирующий vs подчиненный / к принятию ответственности демократически организованными личностями, к определению их ценностей и собственных программ. Точно так же деградацию фигуры отправителя можно образно интерпретировать как обострение противоречий системы, провозглашающей исторические изменения. Однако, хотя эта интерпретация в образном смысле идеологична, синтаксическая основа явления остается универсальной. Таким образом, идеология имеет место в данном случае в способах инвестирования получателей. Самоопределение субъектов - это возможность; история реализует другое: замена павшего актера Людовика XVIII новым актером Наполеоном.

(а) Глава XV, стр.313-323. Солдаты короля заперты в Бетуне.

4-ОТСУТСТВИЕ И НАРУШЕНИЕ САНКЦИИ

4.1-Контракт и санкции

Мы определили одно из условий фидуциарного контракта для части, которая переходит к отправителю, как подтверждение действительности контракта после завершения программы субъекта. Если эта проверка не проводится, возможны два объяснения: либо субъект не выполнил программу, потому что он некомпетентен, либо сам отправитель не компетентен для этой важной роли «судьи». Во втором случае, он может быть объявлен не отправителем или анти-отправителем. В ситуации контракта, соблюдаемого от начала до конца с обеих сторон, прагматический субъект является когнитивным субъектом права (/ Знать-мочь-хотеть /): поскольку знание, которое касается санкции, а также то, что касается полномочий, предусмотренных предварительным контрактом, эта тема не обусловлена каким-либо особым желанием знать. Согласно модели этой формализации полномочий, определяющей на уровне преобразований познавательный субъект права:

$$Ft (SI-----> (S2 \cap OI : ((O2: (O3)))))$$

OI = / знание / S2

Ft = делание-знание
о полномочиях

O2 = / хотеть / из SI

SI = отправитель-манипулятор

O3 = реализация P.N. S2

S2 =манипулируемый отправитель

(а) Мы не скажем, что история просто заменяет одно действующее лицо другим; происходит много чего другого, но здесь нас интересуют только инвестиции акторов отправителя.

(б) Эта формализация была предложена А.Дж. Греймасом во время его семинара 1976-77 гг. В лекции о «провокации»; она же была рассмотрена в обзоре Дианы Луз Песоа де Баррос в Bulletin du G.R.S.L., n ° I, стр. 5.

Мы можем построить формализацию санкции:

$F_t (SI \text{ -----} \rightarrow (S_2 \wedge OI: (O_4 : (O_5))))$

$OI = / \text{ знание} / S_2$

$F_t = \text{знать о санкции}$

$O_4 = / \text{ знания} / SI$

$SI = \text{отправитель-судья}$

$O_5 = \text{реализация P.N. } S_2$

$S_2 = \text{манипулируемый}$
 $\text{ субъект-получатель}$

Если полномочия можно перефразировать следующим образом: «отправитель сообщает субъекту, что он хочет, чтобы субъект выполнял предложенную программу», то форму санкции можно перефразировать следующим образом: «отправитель сообщает субъекту, что он знает, что предложенная программа была выполнена субъектом.» В обоих случаях S_2 объединяется со знанием, поэтому является субъектом права.

В случае с полномочиями, нарушения, которые мы проанализировали, произошли впоследствии, потому что невозможно представить, чтобы знания могли отсутствовать до заключения контракта: тогда не было бы ни контракта, ни предмета, ни полномочий. Но в случае с санкцией, когда программа завершена, мы можем найти два случая: либо познающий субъект права виртуализирован полным отсутствием санкции, либо отсутствием знания о санкции, которая из его точка зрения бессмысленна, или же он виртуализируется нарушением этого знания о санкции; эти два случая соответствуют пп. 4.2 и 4.3 соответственно.

4.2- Отсутствие санкции или отсутствие знания о санкции.

Мы соединяем эти две ситуации, потому что мы рассматриваем последствия отсутствия санкций для субъектов, и поэтому нас интересует их точка зрения. Таким образом, с точки зрения отправителя-судьи не имеет значения, применена ли санкция или нет. Речь идет о гласности этой санкции.

4.2.1 - Санкция и прекращение действия.

Для наших целей необходимо проанализировать взаимосвязь между аспектуализацией программ и последовательностью различных испытаний (нарративных). Нет строгих и непосредственных отношений; последовательность / квалификационный тест, решающий тест, прославляющий тест / - это одно; а специализация процессов: / неактивность, длительность, терминативность / - это другое.

Один относится к синтаксису, другой - к более поверхностному уровню. Отправитель вполне может применить санкцию еще до запуска программы, отрицательную санкцию через вызов: «Вы не можете этого сделать!» или положительная санкция через соблазн: «Вы очень хорошо знаете, что способны на это!»

Но логика пресуппозиции подразумевает некоторые ограничения: санкция предполагает реализацию программы, следовательно, аспект / терминативность / процесса: это означает, что в синтаксисе санкция не может предшествовать / прекращению / процесса. Точно так же полномочия не могут располагаться после аспекта / намерения к действию /. Любое другое положение, перспективное или ретроспективное, зависит от манипуляций любого выразителя: либо отправителя-озвучивающего высказывания, который манипулирует одним или несколькими субъектами высказывания, либо основного автора текста, свободно распределяющего в своем изложении различные исследования и аспекты, которые принимающий может перечитать в правильном порядке, чтобы понять их значение.

Это особый тип процесса, для которого необходима санкция для определения аспекта / прекращения /. Мы традиционно различаем глаголы совершенного вида и глаголы несовершенного вида: во французском языке это простое семантическое противопоставление, которое в других языках дублируется морфематическим противопоставлением (например, в русском). Это аспектная оппозиция между «аспектом действия, рассматриваемого как кульминация в термине» (а), и аспектом действия, предусмотренного без его термина.

Таким образом, мы будем противопоставлять «продвигаться» и «прибывать», или «мучиться» и «умирать», в зависимости от того, проявляются ли словесные лексемы или по их / терминативности /. Для того, кто прогуливается без определенной цели, объект желания не обеспечивает прекращения действия; это санкция, которая определит окончание программы сигналом типа: «Мое желание заставить вас ходить теперь удовлетворено». С другой стороны, в случае прогулки, которая должна соединить субъект с пунктом назначения, это соединение будет определять аспект / завершенность /, и санкция удовлетворяется для признания реализации программы, тогда как в предыдущем случае он заканчивает это, признав реализованным.

(a) Определение Марузо, цитата Le Petit Robert.

с.253

4.2.2-Бесконечные программы.

Мы встречаем в романе многие процессы, которые не имеют своей собственной цели в связи с объектом и которые отправитель не прекращает санкцией. Так обстоит дело, например, в начале романа с тревогой:

«Десять дней тревоги...Десять дней, когда мы жили друг на друге, молодые и старые солдаты, жили по-свойски. (...) Десять дней тревоги- все эти десять дней мы не снимали сапог. В деревне это нормально, но в квартале Гренель! Мы спали и мы не спали. Это начинает вам действовать на нервы, все эти истории. (...) Этот беспорядок беспокоит.» (а)

Мы видим здесь противоположные процессы совершенствования и императивы: «быть в деревне - значит участвовать в коллективной программе, выполнение которой предусмотрено самим контрактом; вы должны выиграть, проиграть или умереть». С другой стороны, упражнения и программы, связанные с «тревогой», являются испытаниями, выполнение которых не предусмотрено контрактом; только отправитель может принять решение о выполнении программы. Этот недостаток ограниченности и санкции четко обозначен как источник беспокойства: мы распознаем в этой фигуре как виртуализацию когнитивных субъектов, так и страсть, которая должна вывести к / желанию знать /.

В этой же главе автор настаивает на том, что мушкетеров злит умножение упражнений, просмотров и других приготовлений к битве, которая не состоится. И здесь санкция отправителя не дает субъектам ожидаемой завершенности.

4.2.3- Отсутствие окончательности и виртуализация познающих субъектов.

В случае неопределенно продолжительной тревоги мы видим, что артикуляция между / безграничностью / и виртуализацией когнитивных субъектов становится более четкой:

(а) Глава I, стр.24.

«Двое соседей Теодора возвращались домой, продолжая разговор: «Мой двоюродный брат де Шуазель-Бопре, который находится в охране, повторил мне это: в бараках Орсе Кларк сказал им позавчера, как мы читаем в Дебатах ... позавчера ... вы можете сегодня вечером снять ботинки, спать спокойно и так далее ... - А пока, - сказал другой, высокий темноволосый мужчина с трубкой во рту, - наши ноги продолжают болеть!»

Шевалье де Массиллан обратился к ним:

«Я слышал это вчера, Кларк, который снова говорил это в приемной короля ... Мы в конце концов снимем их, эти ботинки ...» (а)

Виртуализация здесь присутствует из-за отсутствия информации об окончании тревоги. Субъекту представляется несколько типов знаний, но они несовместимы и исключают друг друга. Два типа знаний можно свести к противостоянию двух программ противоположного использования:

«Мы в конце концов их снимем, эти сапоги» vs «Наши ноги продолжают болеть.»

Если мы возобновим формализацию санкции:

$$F_t (S I \text{-----} \rightarrow (S2 \cap 0I' : (04 : (05))))$$

мы получаем следующие вложения:

Ft =противоречивое знание виртуализировано санкцией	0I'= противоречивые /не-знать/ или знать .
SI=принимающие (король и его министры)	04 = /знать/ SI
S2 = содлаты короля	05 = /завершенность/ тревоги.

Знание 0I' определяется двумя способами: либо через делание-знание принимающих, либо через познающее действие самих субъектов; в первом случае это классическая санкция, SI и S2 принимают различные акторские вложения. Во втором случае знания приобретаются непосредственно субъектами, и поэтому мы имеем рефлексивную санкцию, когда S I и S2 вкладываются одним и тем же субъектом. Таким образом, в рамках уже определенных рамок самоопределения мы можем различать рефлексивный мандат и рефлексивную санкцию.

Это последнее сообщение преобразует первое (сообщение Кларка и газет) в ложное сообщение, которое предполагает истинное преобразование типа: / ложь / (не e + p) -----> / ложь / (нет e + нет p).

(a) Глава I, Пасхальное Утро, стр.26.

с.255

Рефлексивная сигнализация санкции здесь отрицательна и снова виртуализирует когнитивные субъекты: тревога продолжается ...

4.2.4-Отчаяние субъектов в состоянии бегства.

Бесконечный разгром последователей короля - еще одна из тех программ, которым не хватает санкции. Если, действительно, рассказчик может видеть здесь «крестный путь», то есть набор сцен, составляющих замкнутые последовательности, где каждая единица выполняет свою функцию, субъекты же, что до них, просто «не видят ни конца, ни края». В этом долгом бегстве воля рушится, а перспективы размываются. Чтобы дать представление об этом бесконечном бегстве, мы просто процитируем следующие выдержки:

«Он разносится над вселенной, как будто это ее конец... Люди, идущие на север, не могут думать ни о чем, кроме этого северного ветра, который пронзает их, окутывает, оглушает их, заставляет спотыкаться о каменные ступени. Все

проблемы, которые они несли в себе, попали под эту волну, которая их катит. Император, Король, Отечество, все слова вырваны из них. У них такое чувство, что ветер несет их через страну, о которой они ничего не знают, среди людей, которые им чужды, таинственные, непонятные ...» (а)

Интуитивно мы понимаем, что это слишком долгое испытание, а обязательства и убеждения теряются в суматохе. Речь идет не о некомпетентности, а о виртуализации принимающего органа путем виртуализации санкции. «Вырванные» из них «слова» суть не что иное, как те, в которые они должны были верить, то есть ценности аксиологического универсума, которые для них являются историческими. Два этапа следуют друг за другом: во-первых, отправитель виртуализируется отсутствием санкции; затем, при последнем нападении ветра, происходит смена реципиентов: аксиологическую систему / монархия vs империи /, аксиологическую систему / родина vs другая страна / ветер подменяется мифическим доминирующим отправителем.

(а) Глава XIV, стр.206, Ветерный День.

с.258

б / бесполезные или верные?

Солдаты Королевского дома, все офицеры и все «дети, умеющие работать», занимают в этой единственной сцене три тематические роли: тщетность, верность, отчаяние. Эти три тематические роли появляются на дискурсивном уровне одновременно: но порядок предпосылок и преобразований предполагает следующую синтаксическую организацию:

а- «отчаяние» предполагает «верность», поскольку отчаяние - это страстная реакция субъекта на осознание отрицательной санкции, в то время как «верность» предполагает приверженность аксиологическим ценностям, лежащим в основе мандата.

б- «верность» предполагает преобразование: «бесполезность» -----> «не-бесполезность».

с-таким образом, «верность» синтаксически вставляется между «тщетностью» и «отчаянием», поскольку отчаяние предполагает реактуализацию аксиологических ценностей, а тщетность - виртуализацию этих ценностей.

Отсюда упорядоченная серия:

«тщетность»	«верность»	«отчаяние»
-------------	------------	------------

----->	----->	----->
Виртуализация аксиологических ценностей	Реактуализация аксиологических ценностей	Ревиртуализация аксиологических ценностей

В тот самый момент, когда программа исторических субъектов получает отрицательную санкцию, эти же субъекты принимают соответствующие ценности, тогда как в предыдущих сценах они были виртуализированы из-за отсутствия терминативности, «великого ветра» или тщетности. Поэтому они повторно виртуализируются, как только обновляются. Но этот синтаксический ряд неоднороден с точки зрения; в состоянии «бесполезности» субъект предполагает виртуализацию ценностей; в «отчаянии» - это отправитель, в то время как «испытываемые» субъекты в отчаянии подтверждают свое предположение. Поэтому мы можем уточнить синтаксис, описанный выше:

«тщетность» ----->	«верность» ----->	«отчаяние» ----->
Субъективная виртуализация (через субъектов)	Субъективная реактуализация (через субъектов)	Объективная виртуализация (через отправителя)

с.259

Эта последняя форма синтаксиса показывает нам, как субъекты, которые по сложному ряду причин, которые мы ранее признали, были отделены от аксиологической системы отправителя, все еще могут повернуться против последнего в момент сомнения.

с/Виртуализация познающих субъектов.

Это следствие предшествующих процессов, которое можно резюмировать следующим образом:

1- Познающие субъекты виртуализированы, потому что их рефлексивные знания о своих программах противоречат транзитивным знаниям, предлагаемым анти-отправителем.

2- Они все еще остаются таковыми из-за отсутствия уведомления отправителя.

3- Наконец, они виртуализированы потому, что в этом тексте все разыгрывается в режиме проверки: до этой сцены актеры, составляющие представление отправителя, были модализированы с помощью / лжи /; потом с помощью / лицемерия /.

4.3- Неопределенная полемическая структура.

Может показаться неправомерным помещать исследование полемической структуры в эту главу, посвященную когнитивному измерению, но ранее мы показали, что такой обходной путь оправдан. Более того, нас интересует не сама действующая структура, а тот факт, что нестабильность инвестиций субъектов в эту структуру нарушает программы и, в частности, уведомление о санкциях. Но, прежде чем описывать эту нестабильность и ее влияние на виртуализацию когнитивных субъектов, мы должны определить условия существования этой структуры.

4.3.I — Полемическая структура в романе.

а/различные возможные отправители.

С первого взгляда можно распознать противоположных реципиентов, которые являются основой существования полемической структуры.

с.260

Прежде всего, некоторые фигуры предполагают конфликт повествования: например, «тревога» демонстрирует противоречивые отношения между двумя моментами. Отправитель - это «монархия», а анти-отправитель - «империя»; мы не будем возвращаться к различным образным, религиозным или климатическим проявлениям получателей; мы даем здесь только для простоты название, которое соответствует военно-историческому представлению.

Но есть еще одна оппозиционная пара, которая с этой не пересекается.

В этом фрагменте главы Ветреный День мы видим, как ветер «вырывает слова» и освобождает головы людей от понятий важных и ценных, таких как:

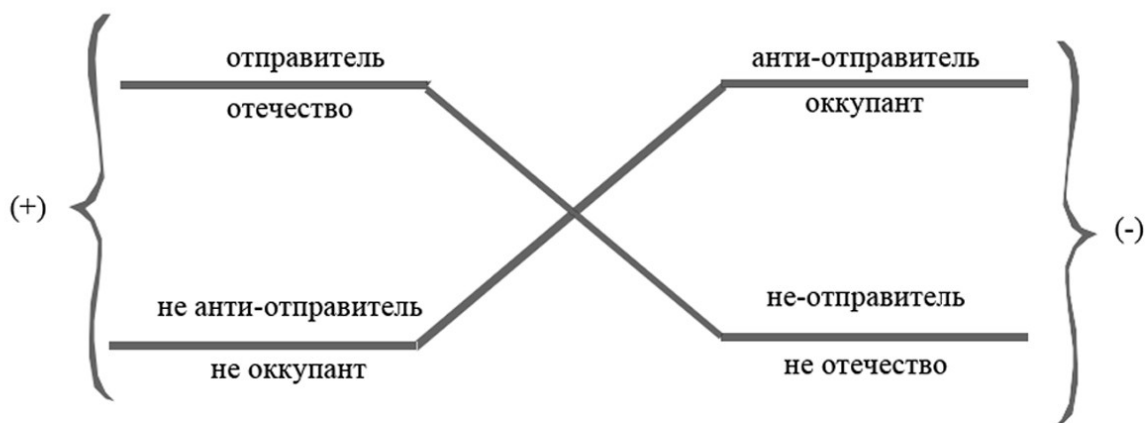
«Император, Король, Страна ...». В другом эпизоде Бертье, который, как полагали, просто колебался между обязанностями по отношению к королю и любовью к императору, умер за третьего отправителя: Отечество. Точно так же участники тайной встречи в Пуа, которым предстоит сделать выбор между монархией и империей, выбирают третьего отправителя:

«Кто-то, возможно, старый прядильщик льна, только что, с патетическим воодушевлением, призвавший к защите Франции, говорил об угрозе нового вторжения, родина снова в опасности ...» (Глава X, стр.46)

Новая оппозиция это : /отечество vs оккупация/

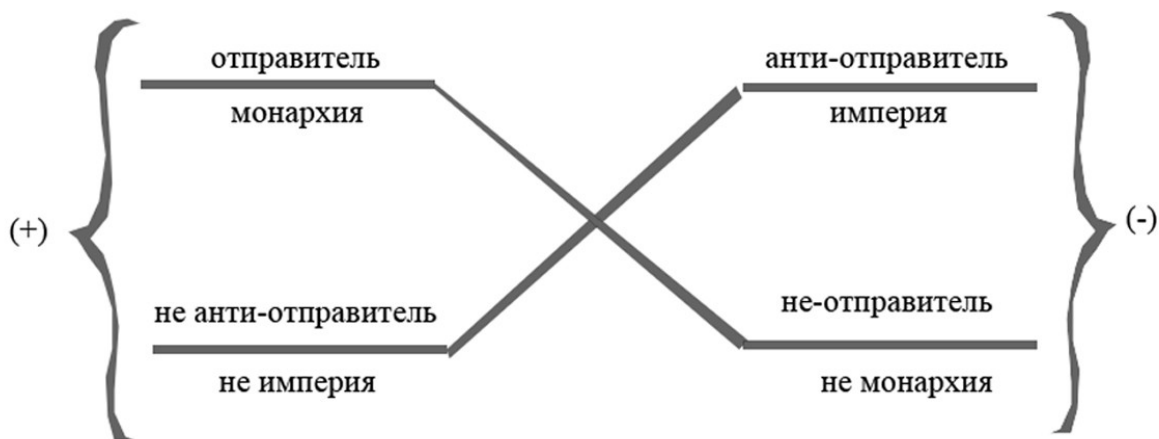
б / Иерархическая организация двух оппозиций.

Из последнего процитированного текста мы извлекаем некоторую информацию: если заговорщики не могут сделать выбор между «монархией» и «империей», но могут договориться, исходя из понятия «отечество», это означает, что отправляющее «отечество» иерархически выше других. Эта иерархия не всеми принимается на этой встрече, но она будет преобладать в ходе романа, даже в речи Ламартина в Бетуне. Гиперонимическая система следующая:

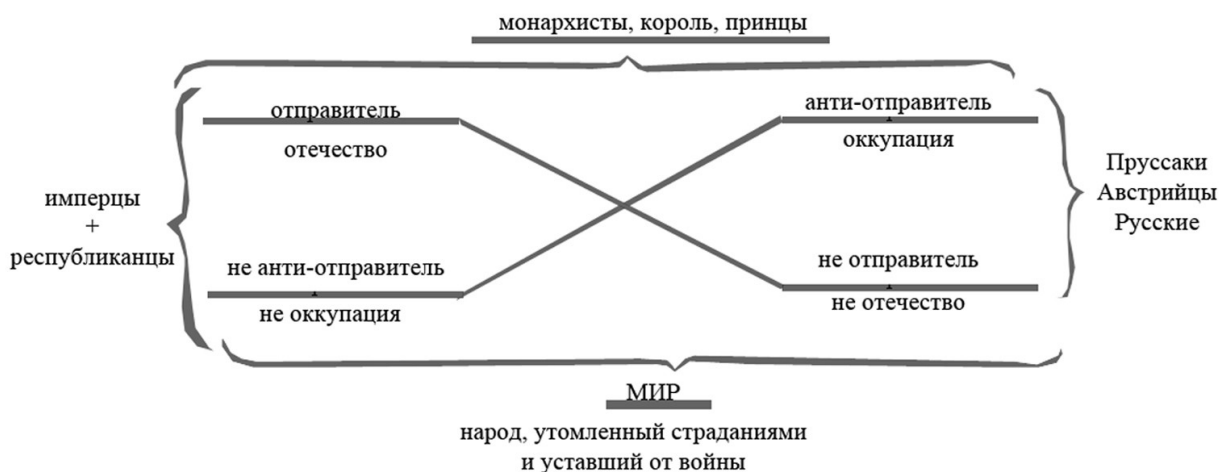

с.261

Другая система является его гипотаксией:

Теория уровней, которая определяет гипотаксические отношения, представляет каждый более низкий уровень как проявление и инвестирование более высокого уровня. В этом случае пара / родина vs оппозиция / должна быть инвестирована другим; который дает следующую схему:

4.3.2- Перебежчики.

Исходя из такой структуры, можно быть предателем двумя способами: либо против монархии, либо против родины. Если мы выбираем имперскую партию, то одной системе мы будем противниками, а другой - подчиняться. То есть, в одной системе мы становимся анти-субъектами и субъектами - в другой. Если мы выбираем монархическую партию, мы не занимаем позицию за или против патриотических ценностей, мы можем так же легко быть субъектом, как и анти-субъектом. Мы выбрали два примера этих действующих лиц, которые переходят к антисубъекту и которых мы называем «перебежчиками». Первый случай - это случай Нея, воображаемый Теодором в мечтах о Вербном Воскресении:

« Предавать? когда он предал ,Ней, вчера или в прошлом году? Во всем была такая неразбериха: накануне был героем, на следующий день его сочли предателем. И действительно ли перешедшие на другую сторону были предателями? В прошлом году, может быть, они следовали воле народа, этой жажде мира, этой усталости ... Разве Ней выбирал войну? Чем он отличался от всех тех людей, которые смеялись над уходом красных компаний ...? Так много предателей - это невозможно.» (а)

с.262

Второй случай, случай Дюмурье, упоминается Макдональдом, «преследуемым памятью Дюмурье», в надвигающемся фиаско в Сен-Дени. «Театр? Победитель Валми? История рассказывается, когда во всем виноват Келлерманн, но, в конце концов, кто был виноват? (...) О победах быстро забывают, все, что нужно, - это Нервинд, чтобы мы больше не вспоминали о Вальми или Джеммапе. (...) Сегодня мы больше не можем понять ничего из того, что было тогда, ни институтов, ни людей.» (б)

Для обоих первоначей возникает вопрос: «Это герой или предатель?», «Победитель или предатель?». Оба являются признанными субъектами программы, соответствующими патриотическим ценностям. Оба - предатели, но с разными характеристиками. Нея предает отправителя «монархию», чтобы остаться верным «отечеству»; Дюмурье предал саму «родину», уехав за границу. Чтобы объяснить это, Макдональд вынужден ссылаться на непонимание событий и ценностей того времени.

Ход Нея интереснее, поскольку положение, в котором он находился, было не «монархия» (родина + иностранец), а «мир» (не иностранец + не родина), было положением людей, уставших от войны.

Его ход представлен так:

Ход лживый	:	империя----->	монархия----->	империя
Ход верный	:	Отечество-----> (империя)	Ни отечество-----> ни оккупанты (Мир)	Отечество (империя)

4.3.3- Относительные герои и предатели.

Несмотря на некомпетентность множества обязательств в программах, принадлежащих одной и той же исторической изотопии, но расположенных в противоположных позициях полемической структуры, акторы могут переходить на другую сторону, без того, чтобы их обоснованно санкционировали как предателей. Именно эта неопределенность нас интересует. Санкция не отсутствует; это невозможно, потому что это предполагает как знание аксиологических ценностей, которые действительно принимает субъект-перебежчик, так и приверженность того, кто судит к этим же ценностям.

(а) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.42.

(б) Глава V, Сен-Дени, стр.218 и 219.

с.263

Кроме того, аксиологические вселенные логически вложены друг в друга, и суждение зависит от иерархии, которая проявляется между этими вселенными. Таким образом, санкция зависит от двух типов условий: с одной стороны - наличие и знание системы ценностей, с другой стороны -

познавательная точка зрения того, кто берет на себя активную роль судьи. Вот два условия, которые определяют когнитивную компетентность отправителя.

4.3.4 — Некоторые последствия нестабильности полемической структуры.

а/Виртуализация познающих субъектов.

Первое следствие следует непосредственно из нестабильности системы: из-за наличия двух условий, которые релятивизируют санкцию, отправитель больше не является когнитивным субъектом права, и, поскольку санкция становится невозможной, она виртуализуется. Лишенные знания о санкциях, субъекты прагматических программ также виртуализируются как когнитивные субъекты права. В конкретном случае Макдональда и Жерико, которые стремятся узнать, кто является предателем, а кто нет, присутствует актантный синкретизм: одни и те же акторы проявляют как актантную роль отправителя-судьи, так и роль отправителя. Интуитивно мы понимаем, что каждый из этих субъектов в одной программе удивлен поступками других субъектов (Ней или Дюмурье) и самим собой. Здесь также нарушения системы виртуализируют когнитивные субъекты и модифицируют их, чтобы они сами отвечали за недостающие когнитивные операции.

б / Трудность выбора.

В рамках общего нарушения исторических программ и, в частности, мандата, акторы примут на себя новые программы или старые обновленные программы; поэтому возникает вопрос об историческом выборе, который мы обсудим позже. На данный момент можно предположить, что обновление этих новых программ может когнитивно предполагаться субъектами, только если другие получили четкую санкцию, что не так.

Например, подтверждение своей принадлежности к монархической системе таким субъектом, как Макдональд, возможно только в том случае, если действия, относящиеся к этой системе и относительно которых он заключил договор с отправителем, будут строго санкционированы. Это не тот случай. Таким образом, мы сделаем вывод, что вложения акторов в нарративный синтаксис тем более трудны, когда они являются плодом рефлексивного когнитивного действия, поскольку противопоставление / актант vs антактант / является неопределенным. Мы видим здесь, что различие между «актерами» и «актантами» существенно для объяснения сложности отношений между индивидами (актерами) и историей (синтаксисом).

5-ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ: УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Из-за всех этих нарушений, неопределенностей и когнитивных виртуализаций нет /желания/ знать. Мы взяли в качестве названия этого анализа размышления Жерико (а), которые казались нам характерными для зарождения желания знать после недостатка знания: когда субъект делает это замечание, ему нужно не знание, но глобальное знание, контуры которого проявляются и могут быть предметом специального «поиска». Теперь мы хотели бы как можно точнее распознать взаимосвязь между виртуализацией субъектов и их направленностью на конкретные программы. Для этого мы выбрали сцену, уже частично процитированную выше: это эпизод, в котором солдаты короля узнают о том, что они были брошены в Бетуне, куда подступают враги. Читатель найдет ниже лишь несколько фрагментов, на которых будет основан наш анализ (б):

«Теодор никогда не забудет зрелище Гран-Плас в Бетуне, свет факелов, скопление экипажей, орудий, вторжение во все пространство почти полутора тысяч человек, в основном молодых людей, обезумевших от волнения и нетерпения, среди которых уже ходят слухи о некоторых лидерах ... Имена произносятся осторожно, но затем их выкрикивают десятки людей. (...) Это просто слухи. Но в этот трагический час окна домов открываются, большинство из них освещено, из них буржуа и их жены следят за улицей, кафе освещены низкими лампами, слабый свет фонарей затмевается факелами, которые несут в руках, фонари горят (...) все освещено каким-то фальшивым светом глаза, улицы, под этим тяжелым небом, где возвышается колокольня. В этот трагический час эти молодые люди, которые начинают понимать, что им лгали несколько дней, (...) естественно склонны предать суду тех, кто ими командует, подвергнуть сомнению мышление своих лидеров, вспоминая свое происхождение; и бывшие офицеры Бонапарта в этот час - все для них подозреваемые...(...)

Они там, смешанная толпа группами, они едут со всего города; звучат барабаны, выбивая тревогу. Есть такие, которые опаздывают, которые не слышали, которым все нужно повторить, и которые в ярости бросают свои шлемы, свои кивера, шляпы на землю и начинают плакать, как дети. (...) как Теодор ...

(а) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.30 и 31.

(б) Резюме сцены в 4.3.5.

Он как бы был охвачен заразой этого общего отчаяния, этими взрывами гнева, внезапным, бешеным напором чувств, которые, надо полагать, тайно горели под пеплом.» (а)

После этого отчаянного волнения выступили ораторы, которые прокомментировали ситуацию; рассказчик более подробно передает нам слова Поля Руайе-Коллара и господина де Прата (Ламартина). Интенсивность вызываемого ими внимания проявляется в:
«Теодор посмотрел на говорящего и на повернутые к нему жадные молодые лица.» (а)

Мы напоминаем, что в этой последовательности мы пришли к выводу, что солдаты Королевского двора получают сигнал отрицательной санкции, в то время как их верность - субъективная реактуализация ценностей - сталкивается с отказом и вызывает отчаяния - объективная ревертуализация ценностей.

5.I- Субъекты установлены.

а/Фигуративное проявления стремления к познанию

В этой последовательности несколько ролевых изотопий связаны с синтаксической изотопией / знания / и позволяют проявить ее элементы. Таким образом, изотопия света здесь связана с деланием-знанием, определенным как ложное:

«Все светится фальшивыми огнями»

В другом месте это связано с убедительным действием Ламартина:

«Когда он появился в центре круга, в свете факела, поднятого королевским жандармом, Теодор узнал его ...» (а)

Мы находим другое представление когнитивного, более конкретно посвященное желанию знать: это пространственность, которая с помощью игры проксемики позволяет определять места обмена, дискуссионные группы и аудитории.

(а) Глава XV, стр.313-323.

с.267

Пространство, называемое «Гран-Плас», является, таким образом, местом знания, в направлении которого организовано сходящееся движение по всему городу: любой прагматичный военный «субъект», таким образом, уже закреплен как познающий субъект в связи с пространством знания. Затем внутри этого пространства рисуются второстепенные пространства, адаптированные к разным познавательным действиям:

«... но были также охранники, мушкетеры, которые разговаривали друг с другом тихими голосами, подталкивали друг друга. Кажется, небольшая группа выдвинула одного всадника в качестве предводителя ...» (а)

«...Повсюду на Гран-Плас формировались и преобразовывались подобные группы...» (б)

Объединение отдельных действующих лиц в коллективный субъект представляет собой проявление желания знать. Фактически, субъект множественного числа обладает ноу-хау, которого не хватает каждому отдельному субъекту: тогда знания развиваются с большей уверенностью. Все это представление можно представить как серию модальных инвестиций, определяющих вектор:

Город Бетун ----->	Гран-Плас в Бетуне ----->	группы
Не-мочь/знать/	Желать /знать/	желать+делать делать /знать/

Поскольку мы наблюдаем, что эти последовательные «пространства» находятся в отношении включенности одного в другое, пространственное движение, которое проявляет модальный ход, является постепенным проникновением в пространство знания.

с/Высказывающие проявления желания знать.

Многочисленные речи проявляют в этой сцене желание узнать, посредством чего говорящий субъект конституирует себя как установленный когнитивный субъект. В большинстве случаев содержание высказывания не обязательно выражает желание знать, но предполагает его. Сам факт говорения, акт высказывания на предпосылках знания устанавливает познавательный субъект. Как здесь:

«Громче! Сильнее! Вас не слышат...» (а)

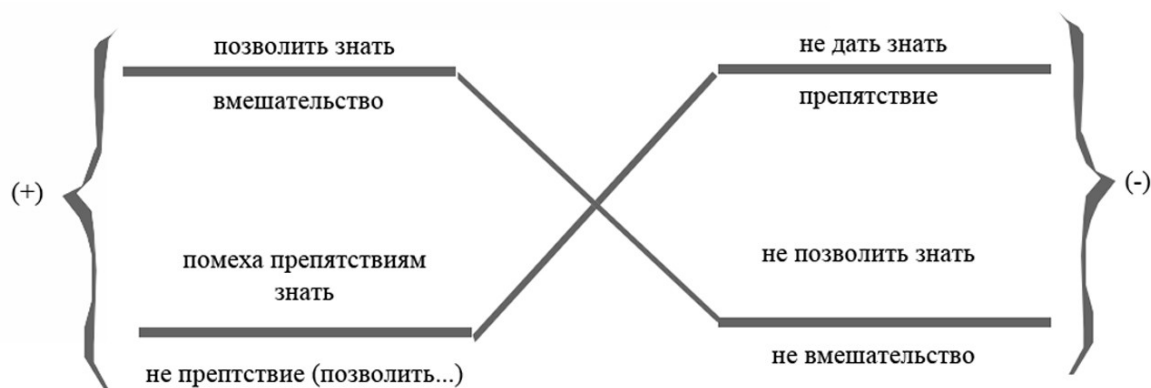
субъекты проявляют в первую очередь / не-мочь знать /.

(а) и (б) Глава XV, Страстная Пятница, стр.320 и стр.323.

Но, говоря о своей беспомощности, они хотят исправить ее, а это предполагает /желание знать/.

с.268

Точно так же, когда Ламатрин прерывается противниками, некоторые из слушателей кричат: «Пусть говорит!». В этом случае фраза становится частью полемического восприятия знания, а высказывание всегда предполагает / желание /. Этот неоднозначный прием можно построить на базе понятия / сделать это известным /:

(а)

Инвестиции следующие:

- позволить знать: некоторые из мушкетеров проталкивают в центр Ламартина.
 - действие для /не позволить знать/: некоторые ему мешают говорить.
 - препятствовать тем, кто мешает: другие хотят, чтобы он говорил.
- Утверждения положительного дейксиса предполагают / желание знать / , а высказывания отрицательного дейксиса - / не хотят знать /.

с/Актуализация объекта-знания.

Мы уже различали два типа желания в зависимости от того, просто ли объект отсутствует или это конкретный объект поиска, при этом субъект имеет минимум знаний об этом объекте своего поиска. Мы оставляем за собой термин «желание» для этой второй актантажной роли. Чтобы завершить наше описание установления когнитивных субъектов, мы должны проверить, действительно ли объектное знание их поиска актуализировано в утверждении: признаки этой актуализации имеются в большом количестве, поскольку каждая речь, содержание которой относится к политической и военной ситуации, является проявлением этой актуализации. С другой стороны, лексемы «слухи, иски, обвинения» свидетельствуют о том, что «поиски» начались. Появляются более конкретные объекты познания, такие как «происхождение офицеров», «мысли их руководителей».

(а) Эта модель опирается на предложение А.Ж.Греймаса, в ходе семинара 1976-77, которое было также рассмотрено в Бюллетене n°1 Группы Семиолингвистических исследований, (декабрь 77, стр.2), а также в статье, уже указанной, Дианы Люз Пессоа дю Баррос,

озаглавленной Контрактная структура манипуляции, и это предположение состоит в логико-семантической артикуляции ДЕЛЕНИЕ-ДЕЛЕНИЕ.

d / Когнитивные субъекты поиска

Посредством этих анализов, которые дают / желанию / доминирующее иерархическое положение в парадигме модальностей, мы определили субъектов типа / желание-знать-мочь /, и, таким образом, их модальный фон завершен:

/Знать-мочь-хотеть/	----->	/не Знать-мочь-хотеть/	----->	/Хотеть-мочь-знать/
Субъекты права (до Бетуна)		Виртуализованные субъекты права . (запертые и брошенные в Бетуне)		Установленные Субъекты поиска (люди на Гран-Плас, и группы людей в Бетуне)

5.2- Связь между виртуализацией и установкой

Высказывающий часто рассматривает эту артикуляцию как имманентную логику, минимальное и не поддающееся анализу преобразование, которое было бы достаточно формализовать. Итак:

« В этот трагический час, молодые люди (...)естественно, судят тех, кто ими командует, задают им вопросы...» (а)

В частности, мы сохраняем «естественно доведенный до...», который обозначает эту артикуляцию, которую мы стремимся идентифицировать как не имеющую определенной причины. Тем не менее, мы предлагаем испытать модальный анализ, и анализ страстей.

5.2.1-Истинные модальности.

Текст представляет собой достоверную трансформацию: солдаты короля при входе в Бетюн, не знают о судьбе, которая их ожидает (с одной стороны, проекты, объявленные командованием, находятся на позиции / ложь /; с другой стороны, реальные проекты (то есть оставление армии в Бетуне, находятся на позиции / секрет /). В Бетуне, после речи о демобилизации, произнесенной в ратуше, / ложь / становится лицемерием /, а секрет становится / правдой /:

(заявленные проекты) /ложь/ (не	----->	/лицемерие/ (не е+не р)
---------------------------------	--------	-------------------------

e+p)		
(реальные проекты) /секрет/ (не p+e)	----->	/истина/ (e+p)

Любое преобразование предполагает преобразующий субъект, что позволяет формализовать весь оператор:

(a) Глава XV, стр.314.

c.270

Ft когн. (S I -----> (/ ложь + секрет / \cup S2 \cap / ложь + правда /))

Ft когн.=заставить узнать о
демобилизации

S 2 = подданные государства, знающие,
демобилизированные солдаты короля.

S I = делегированные субъекты отправителя,
ответственные за доведение до сведения

Когда им открывается правда о судьбе, которая их ожидает, демобилизованные солдаты не являются объектами познавательного поиска; они всего лишь совместные субъекты государства, которым известно о нарушении фидуциарного договора. Таким образом, раскрытие обмана и притворства представляет собой модальную трансформацию, которая позволяет создавать когнитивные субъекты. В большинстве текстов, которые мы проанализировали с точки зрения правдивости, мы встречали пару / ложь + тайна /, трансформировавшуюся в / ложь + правда /. Состав первой пары объясняется тем, что в убедительной стратегии субъектов лжи «создать ложь» служит для заполнения пустоты на уровне «кажимости», оставленной сокрытой: принцы и генералы хотели сохранить свои намерения оставить солдат в секрете; поэтому они не позволили проявиться этим намерениям, чтобы не спровоцировать различные истолкования со стороны солдат; пришлось установить «информационный заслон». Переход к другой паре в раскрывающих преобразованиях объясняется тем, что / р / ложь превращается в / не р /, а секрет / не р / превращается в / р /.

Поэтому мы помещаем здесь эти две коррелированные гипотезы: «ложь» и «секрет» всегда связаны одним и тем же убедительным фактом, даже если один из двух не объяснен. Субъект, который оставляет ложь другим субъектам, всегда скрывает сущность, которая, чтобы ложь сработала, не должна быть известной.

б- Трансформация пары / ложь + секрет / является условием создания, например:

Если (SI \cap / ложь + секрет /) , (SI / хочу-знать / Если и только если
 (/ ложь + секрет / \cup SI \cap / ложь + правда /)

5.2.2- Конец ДОВЕРИЯ.

Мы определили / верить / как модальность, объединенную с когнитивным субъектом, который подтверждает существование своего когнитивного объекта независимо от реализованного когнитивного действия, или, другими словами, пересекает стадию повествовательного синтаксиса, переходя непосредственно от желания знать к соединению со знанием, которое в данном случае является «верой». Может быть реализованное когнитивное действие, но не это приводит к соединению. Лучший пример - это философы и теологи с доказательствами существования Бога, всегда заканчивающие тем, что апеллировали к доверию, к «вере». В этой сцене проявления «веры» многочисленны:

«Они верили в свою силу, в многочисленность...»

«Они верили, что правы...»

«Они верили, что это был следующий этап...»

«...их, верящих всему: знамени, Лилии, династии...» (а)

«Они верили, мушкетеры, гвардия, гренадеры, они глубоко верили своему королю, даже в тот самый миг, когда король их покинул.» (б)

Мы должны различать здесь две «веры»: та, что относится к программам, в которых задействованы солдаты, и к событиям, относящимся к военной и исторической изотопии; и та, что относится к аксиологическим ценностям, к системе референций, общей для отправителя и субъектов. В этой сцене виртуализируется только первое: никто не может поверить, что король и принцы собираются повести с собой свою армию. С другой стороны, второе всегда подтверждается.

Нас интересует то, что этот конец веры неотделим от разоблачения лжи и истины. Кроме того, когнитивные субъекты поиска могут быть установлены только в том случае, если они отделены от «веры». Это подтверждает нашу гипотезу, согласно которой «вера» обходится без осознанного когнитивного действия: следовательно, необходимо, чтобы эта модальность была виртуализирована для установления когнитивного действия.

(а) и (б) : Глава XV, Страстная Пятница, стр.316 и стр.317.

Мы уже столкнулись с другими проявлениями этой виртуализации «веры»: мы отправляем читателя обратно к этому моменту большой неуверенности, когда автор может сказать о Жерико: «Сегодня вечером Теодор больше ни во что не верит.»(а)

В этот момент его познавательная деятельность развивается по всем программам, в которых он участвует, по всем ценностям, которых он придерживается; на протяжении всего романа конец «веры» совпадает с вердиктными трансформациями и установлением когнитивных субъектов.

5.2.3- Страстные проявления: гипотеза о страстях.

а/Обилие проявлений

Мы встретились и проанализировали «отчаяние» солдат, захваченных в Бетюне, заметив, что оно глубоко соответствует двум сопутствующим трансформациям: субъективному обновлению ценностей и объективной виртуализации этих же ценностей. Вот и другие примеры по всему тексту:

Беспокойство: «...молодые люди, с ума сходящие от нетерпения и беспокойства» (а)

Ярость и боль: «Бывает (...) кто-то бросает шапку на землю, в ярости, и плачет как ребенок.» (б)

Протест: «Нет! Нет!» кричит гренадер, и никто не спрашивает его, что значит это безумное отрицание.» (с)

Все эти проявления довольно близки друг к другу: они представляют собой соответствующие реакции на дисфорическую сигнализацию отрицательной санкции: отрицательность сама по себе определяет «тревогу» и «боль»; конфронтация этого негатива с тем, что было предсказуемо с точки зрения испытуемых, порождает «гнев» и «восстание».

Это постоянное и доминирующее присутствие страстных проявлений в этой последовательности, «очевидное насилие жгучих чувств», важность, придаваемая им высказывающим, побуждают нас поставить перед ними вопрос об установлении субъектов.

(а) Глава XV, Страстная Пятница, стр.313.

(б) и (с) там же, стр.314 и 315.

Заключение словаря дает нам некоторые указания на семантическое содержание, которое в настоящее время принято для каждого из признанных выше проявлений «отчаяния», «потери всякой надежды».

надежда: «факт терпеливого ожидания чего-то, соотносится с уверенностью, убежденностью.

«беспокойство»: состояние того, кто поражен страхом, неуверенностью или нерешительностью.»

тишина : «спокойствие, отдых, успокоение.»

«ярость»: «движение гнева или неистовой злобы, делающее вас агрессивным.»

гнев: «резкое недовольство, сопровождающееся агрессивностью».

разочарование: «горе, смешанное с гневом из-за личного разочарования».

«бунт»: «позиция отказа и враждебности перед властью, учреждением, принуждением».

Из этих определений мы можем построить страстную систему этого текста. Методологическая недостаточность такой основы не должна пугать: мы оставляем из этих определений только доминирующие семы, те, которые были бы признаны любым говорящим субъектом; затем разделим их на оппозиции: мы наблюдаем две группы:

а) «потеря доверия» «разочарование» «неуверенность» «потеря надежды» «страх» «печаль» «страдание»	б) «недовольство» «отрицание» «враждебность» «агрессивность»
---	---

Эта первая классификация соответствует противопоставлению двух реакций субъектов, которые получают обманчивый сигнал: группе (а) соответствуют все виртуализированные субъекты, которые реагируют в первой степени на нарушение фидуциарного договора: больше возможной уверенности, больше возможных программ. Кроме того, группа (б) соответствует отрицанию отправителя и, следовательно, субъективной виртуализации последнего. Таким образом, каждая группа соответствует определенной стадии синтаксиса: (б) предполагает (а) в ходе изучения субъектов. Но возможна вторая классификация, которая перекрывает первую:

1) «потеря доверия» «разочарование» «неуверенность»	2) «страх» «печаль» «страдание»
---	---------------------------------------

«недовольство» «отрицание»	«враждебность» «агрессивность»
-------------------------------	-----------------------------------

с.274

Противодействие здесь основано на разнице уровней: серия (1) соответствует действиям или состояниям, которые напрямую связаны с нарушением фидуциарного договора и, следовательно, демонстрируют обманчивые отношения с властью отправителя. Серия (2) скорее соответствует самим пассионарным фигурам, поскольку они весьма близки к тому, что принято называть «тематическими ролями». Это страсти в полном смысле этого слова, поскольку они могут быть вложены в действия. Одни являются рефлексивными (горе, боль), другие переходными, либо с точки зрения субъекта состояния (страх), либо с точки зрения субъекта действия (враждебность, агрессивность). Обзор страстей этого текста читатель найдет в приложении на стр. 275.

с/Синтаксис страстей.

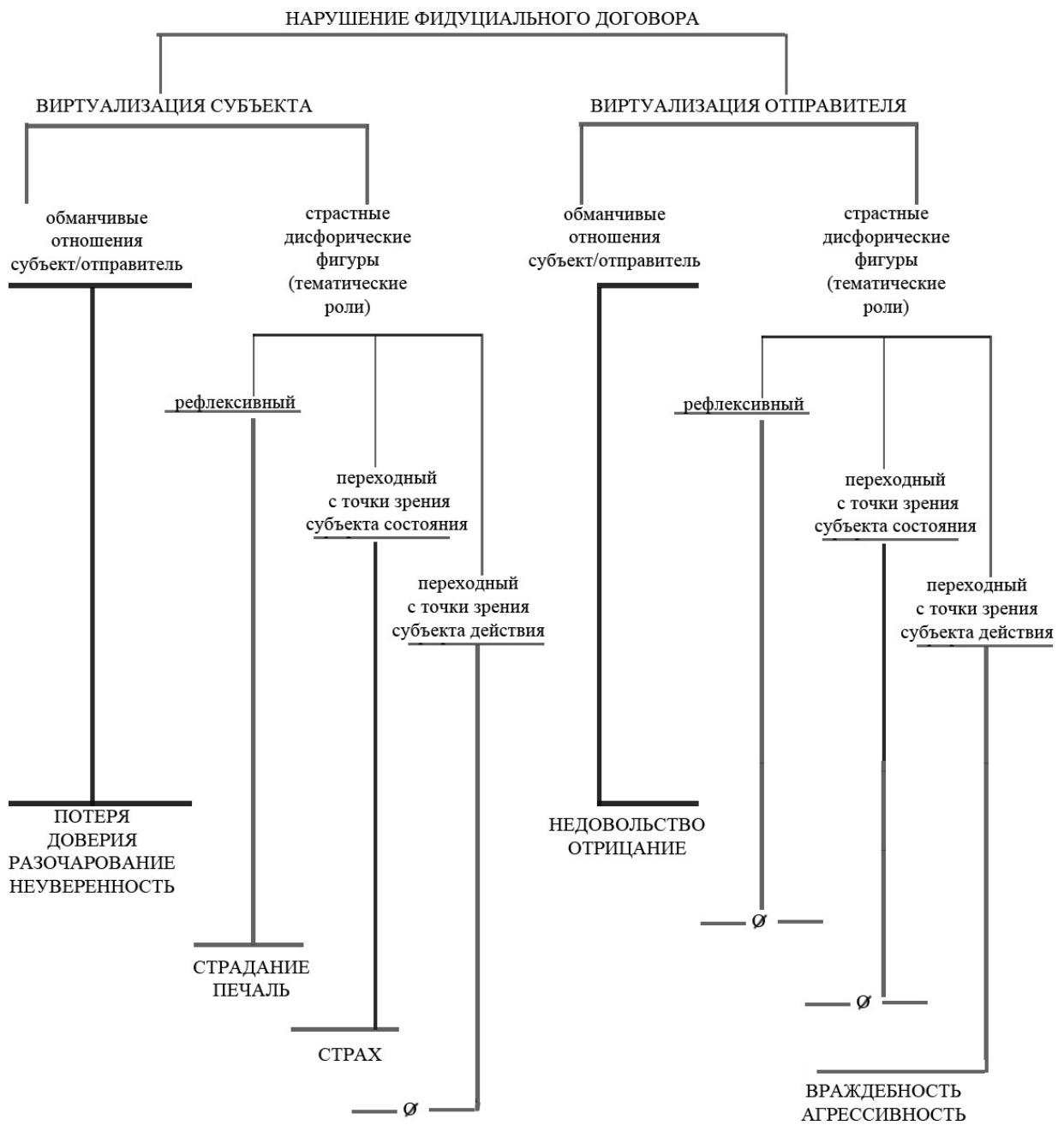
Наблюдение полученных парадигм позволяет сделать некоторые выводы относительно синтаксической организации страстей текста. В сериях (а) и (б) два актанта связаны отношениями: субъект и отправитель, солдаты Королевского дома с одной стороны и члены королевской семьи с другой. Это классический образец манипуляции, по крайней мере, до этой сцены; некоторые проанализированные страстно-смысловые содержания содержат проявления контр-манипуляции. Если мы теперь рассмотрим серии (1) и (2), мы увидим, что их можно упорядочить параллельно на трех стадиях (а):

Потеря доверия+разочарование ----->	Неуверенность ----->	недовольство+отрицание
печаль+страдание	страх	враждебность+агрессивность
(А)	(В)	(С)

каждый из этих этапов соответствует трансформациям, которые мы уже представили в описании выше.

(а)Такой порядок шагов оправдан обратным порядком предпосылок: (С) предполагает (В), предполагающее (А). Чтобы упростить прочтение, мы воспроизвели последовательность трансформаций.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ТАБЛИЦА СИСТЕМЫ СТРАСТЕЙ В ТЕКСТЕ

с.276

(А) является реакцией на обманчивое сообщение отправителя и на виртуализацию прагматических тем

(В) является реакцией на принятие этого ноу-хау и виртуализацию когнитивных субъектов.

(С) является реакцией субъективной виртуализации отправителя и соответствует созданию когнитивных субъектов. На этом последнем шаге мы замечаем контр-манипуляцию, при которой субъект принимает себя как такового, благодаря модальной последовательности / Хочу-быть-способным-знать /

Следовательно, теперь мы можем утверждать, что проявления страсти воспроизводят своим собственным синтаксисом курс субъектов, который мы определили: виртуализация прагматического субъекта (А), виртуализация когнитивного субъекта (В) (модальная последовательность / не- быть способным-желать /) и установление, с желанием, познавательного субъекта поиска (В) (модальная последовательность / хочу-быть-способен-знать /).

d/Какой статус у страстей?

Это изучение «страстного содержания» текста принесло нам феномен совпадения с актантными векторами. Исходя из этого, мы можем предложить гипотезу генеративного типа, интегрированную в семиотическую теорию. В любом случае недостаток, связанный с адекватным содержанием страсти, превращается в желание, связанное с другим содержанием страсти. Более того, это страстное содержание всегда связано с элементарными модальностями: / желание /, / знание /, / способность / и с определенными отношениями с отправителем и его системой аксиологических ценностей. Это позволяет нам выдвинуть следующие гипотезы; в изучаемом тексте определены страсти:

I- <u>на смысловом уровне,</u>	по тимическим семам , / эйфория vs дисфория /
2- <u>на синтаксическом уровне,</u>	отношениями между субъектом и отправителем, характерными для каждой страсти, и, следовательно, типом контракта. В этом они принадлежат когнитивному измерению и могут быть интерпретированы как одна из граней интерпретирующего действия объекта манипулирования.
3- <u>на модальном уровне,</u>	как сверхмодализация элементарных модальностей. В этом случае страсти являются частью модализации объекта, которым

	манипулируют.
4-на ролевом уровне,	Через роли, которые относятся к тематическим ролям, поскольку они позволяют прогнозировать стереотипное поведение и программы.

с.277

Чтобы конкретизировать эти гипотезы, скажем, например, об «отчаянии», которое часто упоминается в тексте:

а-Оно содержит дисфорическую сему.

б- Оно соответствует объективной виртуализации отправителем ценностей, которые он принимает и от которых отказывается, и реактуализации этих ценностей субъектом, который не отказывается от них.

с- Оно представляет собой чрезмерную модализацию / знания /: это отчаяние объясняется в тексте «верой, верностью», другими словами «верой».

д- Она ассимилируется с поведенческим набором предсказуемых программ жестового и вербального типа, характеризуемых семой «интенсивность», где само существование субъекта ставится под сомнение (интерцептивность).

Сравним с «яростью»:

а-Она содержит дисфорическую сему.

б- Она соответствует виртуализации отправителя и реактуализации значений субъектом.

с-Она представляет собой чрезмерную модализацию / ноу-хау /.

д-Она ассимилируется с набором жестов или вербального поведения, включающим в себя семы «интенсивность», «демонстративность», «внешняя восприимчивость». Например: швырнуть шапку на землю.

Чтобы закончить со «страстями» в этом тексте, мы предлагаем заключительную гипотезу для будущих исследований: нам кажется, что в этом тексте страстные сверхмодальности необходимы для появления / мета-желания /, которое характеризует субъектов поиска, или установленных когнитивных субъектов.

6-ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце этой главы, посвященной актуализации когнитивного измерения Страстной недели, мы можем лучше понять идеологический проект Арагона. Показывая в мельчайших деталях, а иногда в самых грубых или наиболее явно маргинальных деталях противоречия на уровне доминирующих ценностей и принимающих их исторических, политических и военных структур, романист в своем заявлении выявляет беспорядки программы / власть/. Переход от одной падшей / силы / к другой / власти / требует обновления когнитивного измерения, где будут созданы условия для того, чтобы исторические субъекты приняли эту новую силу, принимая себя в качестве субъектов поиска. Это этап классового осознания.

Между идеологическим проектом Арагона и нашим семиотическим проектом есть сходство, проявленное в том, как конструируются эти субъекты поиска. Мы приписали страстям такую же важную роль, как и проверочным преобразованиям. Но они не являются «первейшим» условием; они всего лишь модальное появление и следствие процесса деградации предыдущих политических программ, бывших сложными и авторитетными. Иными словами, свобода субъектов не проистекает из идеалистического утверждения свободного статуса субъектов истории, а строится на противоречиях коллективной истории. Это станет смыслом следующей главы, посвященной «историческому выбору». Если индивидуум может сказать: «Я есть Я» и подтвердить вектор своей идентичности и свою автономию как субъекта, то не в себе самом он черпает эту возможность, а в исторических измерениях сообщества, к которому он принадлежит.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА.

ГЛАВА С
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

I / Теоретический статус исторического выбора.

II / Интеграция индивида в группу

III / Когнитивный аспект интеграции в группу и выбор.

IV / Условия исторического выбора.

V / Диалектика и аспектуализация.

VI / Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Выбор описания когнитивного измерения через тему исторического выбора означает, прежде всего, исследование самого текста и того, что предлагается при первом его чтении в качестве доминирующего повествовательного и дискурсивного мотива, который касается почти всех человеческих акторов и большинства ситуаций, специфичных для политико-исторической изотопии. Если мы рассмотрим пример Жерико, предполагая, что он- главный герой этого романа, судя по количеству эпизодов, в которых он появляется, по количеству программ, которые он принимает, по тому факту, что он открывает и закрывает роман, появляясь в начальной и финальной сценах - мы обнаружим, что мотив выбора для Жерико является доминирующим, поскольку весь вектор движения этого повествовательного субъекта является поиском его идентичности посредством предлагаемых ему выборов. Если сейчас нас интересует / умение сказать / повествователя, этот «мотив выбора» вписывается в общий романтический и идеологический проект Арагона. Очевидно, что это лишь ограниченная точка зрения на его работу, чтобы заметить, что он всегда возвращается к одним и тем же вопросам: почему люди должны выбирать исторический путь? Как они принимают чью-то сторону? Но эта точка зрения, как бы она ни была ограничена, придает реальную последовательность его романистическим произведениям: писать романы - это также значит искать обоснование и смысл индивидуального выбора в Истории.

С более семиотической точки зрения может быть поучительным поиск того, что соответствует в системах генерации высказывания тому впечатлению от первого чтения, которое заставляет нас обозначить исторический выбор как доминирующий мотив романа. Теоретически, ставить вопрос о выборе означает подходить к вопросу о полномочиях с новой точки зрения, и эти два вопроса пересекаются, но не смешиваются. Поэтому мы начнем с определения того, чем является для нас конфигурация выбора, с немедленного выдвижения определенного числа гипотез, на основе соответствующих эпизодов.

I-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА.

I.1- Виржини Орей и ее любовники. Текст.

В главе IV, озаглавленной Полночные прощания, мы находим эпизод, который одновременно парадоксален и значим, с точки зрения исторического выбора. Виржини Орей, юная танцовщица, содержанка герцога Берри, только что родила ему ребенка. У нее были или есть другие любовники, каждый политически и исторически вовлечен в разные партии; у нее тоже возникает проблема выбора.

«Шарль-Фердинанд забыл обо всем остальном: о дворе, охоте, политике. В этот час, когда он собирался возобновить свой путь изгнания, Вирджиния была для него торжествующей королевской властью, Францией...» (а)

Франсуа Тушар, возлюбленный, тайно входит в ее комнату.

«Она смотрела на него, Франсуа. Он все равно был очень красив. Блондин, очень свеженький, как будто только-что вынутый из коробки. Юноша, еще не понимающий всей своей силы. Ах, ничего общего ни с Бессье, ни с Шарлем-Фердинандом! Она знала его так давно, начиная с детства. (...)» (б)

Да, он был прекрасен, как сама молодость, это не был солдат с красным затылком, как Бессье, ни толстячком, как герцог, с его маленькими глазками. Мужчины, это так странно, кажется, просто возьмешь их за руку, и они как в ожидании инсульта! Но Франсуа, он другой. Ласковый. (...) Итак, он бросился в политику. Диспуты против Бурбонов. Он не был за Наполеона: потому что у него были маршалы, соблазнявшие невинных маленьких девочек словами и домами! (...) (с) Нет, Республика! Надо отдать замки народу, открыть Оперу для бедных, тогда вы увидите, как они заплодируют! Короли то нас далеки, а Наполеон — это война. Что нам нужно, так это мир и Республика.» (d)

I.2- Синтаксическое определение выбора.

Выбор представлен здесь как альтернатива между тремя участниками; Франсуа, Шарлем-Фердинандом и Бессье.

(а), (б), (с) и (d) Глава IV, Полночные прощания, стр.161, стр.162, 163 и стр.104.

Эти три участника относятся к тематическим ролям и, следовательно, к серии реализованных или виртуальных программ. Бессьер - роль «сурового солдата с красной шеей», к которой приложен собственный особняк. Шарль-Фердинанд, «толстяк», - это идиллия бурбонцев, роскошные подарки, легкая жизнь и материнство. Франсуа, помимо ролей «друга детства» и «ласкового», предлагает в качестве программы «Тепло и сердце». Виржини оказывается перед триадой актеров, которые фактически представляют для нее три возможности несовместимых программ; вопрос о несовместимости не возникает для Бессьера, поскольку он мертв; он возникает для двух других; несовместимость не кажется очевидной для Вирджинии, но Франсуа настаивает на ее подчеркивании, в особенности на уровне политических обязательств. Эта несовместимость, раздражение или противоречие, таким образом, является основанием выбора. Поскольку каждая из несовместимых программ имеет полный синтаксис и, следовательно, «получателя, предлагающего контракт», это синтаксическое определение может быть уточнено: субъект оказывается в ситуации выбора, когда он мог бы выполнять несовместимые поручения по отдельности.

Мы знаем, что контракт, предлагаемый субъекту, относится, как /делание-знание/, к когнитивному измерению. Отправитель совершает «действие убеждения», которое в тексте выражается в форме фиксированного дохода, жилья, любви, совместной жизни, страсти и т. д. ...Что касается субъекта, то он, в свою очередь, предполагает акт интерпретации. В тексте Виржини взвешивает каждый «контракт» в соответствии со своими вкусами и интересами. Она убеждена в любви, «предложенной» Франсуа: «Франсуа, он другой. Ласковый.»

Но ее не убеждает предложенная «жизнь вдвоем», и она восклицает: «О боже, снова эта старая история! Разве он не сошел с ума? И кто будет платить за дом, семью, платье?» (а)

Следовательно, это — убедительный факт vs истолковывающий факт - является когнитивной основой и оправдывает включение в набор, посвященный когнитивному измерению.

(а) Глава IV, стр.163.

Мы также наблюдаем, что выбранный субъект предполагает реализацию и одобрение предложенных программ. Когда Вирджиния восклицает: «... Я знаю ее, вашу хижину!», Она, таким образом, принимает позицию «судьи» и выполняет перспективное / признание /. Это еще одна причина для присвоения выбору когнитивного статуса.

Наконец, отметим, что интерпретирующее действие уполномоченного субъекта и объекта выбора не одно и то же и предполагает разные навыки. Первый обладает классической познавательной предметной компетенцией без особых характеристик; второй должен оперировать предвосхищением санкции и, следовательно, предполагает особую повествовательную компетенцию: чтобы предвосхитить нереализованную программу, необходимо сыграть на предсказуемости действий, которые запрограммированы в существовании сценария. И эта предсказуемость может быть достигнута только с хорошим знанием повествовательного значения.

I.3- Логико-семантический статус выбора.

Мы должны погрузиться в анализ и прояснить несовместимость программ, доступных для выбора. Виржини не воспринимает эту несовместимость и поэтому не желает делать выбор. Франсуа, который хочет заставить ее сделать это, развивает аргумент, который на образном уровне говорящий называет «диатрибой», но который в сущности стремится установить логико-семантическую несовместимость. Сначала он попытался показать эту несовместимость в рамках сексуальной изотопии:

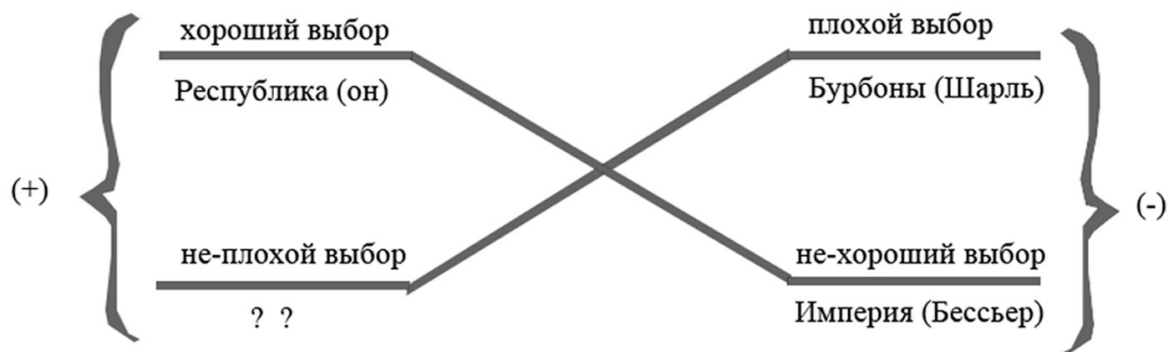
«Нини, такая жизнь больше не может продолжаться... Ты должна быть моей, только моей...»

Но он получает в ответ только успокаивающие фразы:

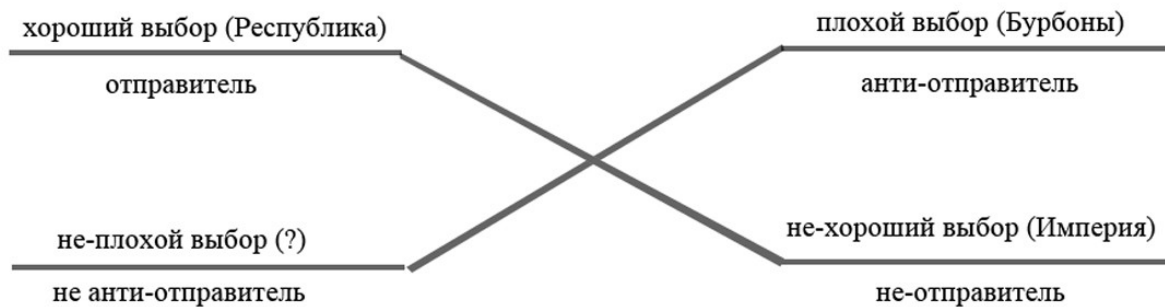
«Но я люблю моего Шарля. (...) Тебя я тоже очень люблю...»

Кроме того, политическая несовместимость кажется более эффективной, и, изменяя изотопию, Франсуа удается ввести неоспоримое полемическое отношение, которое здесь формируется:

с.284

Поэтому мы переходим от понятия несовместимости к понятиям противоречия и противодействия. Эти логико-семантические отношения являются основой обновления полемической структуры:

И первая, и вторая омология произвольны: они зависят от точки зрения Франсуа, который уже сделал свой выбор. Возможны и другие утверждения, иначе было бы только одно решение и никакого выбора; тот, кого выбрал Франсуа, является частью его аргументов. Следовательно, нужно различать:

а - глубинная логико-семантическая организация, лежащая в основе причины выбора, предшествующая ему, не зависящая от него и им не ориентированная.

б- полемическое отношение, которое проявляет этот выбор, поскольку субъект выбирает отправителя и противопоставляет ему других; оно зависит от выбора, следует за ним и им ориентировано.

Следовательно, любая полемическая структура, вложенная субъектом, предполагает выбор, добровольный или нет, сознательный или нет. Любой выбор предполагает глубокую логико-семантическую структуру. Отсюда это новое определение выбора: это трансформация, управляемая субъектом повествования определенного семантического содержания, которое переходит с логико-семантического уровня на синтаксический уровень; ценности, изначально просто распределенные в логической системе, принимаются или не принимаются субъектом, и тем самым организуются в полемическую структуру.

I.4- Интеграция индивидуума в группу.

Причина «выбора» нас интересует сама по себе, но тем не менее нашим объектом является «исторический выбор». Помимо того факта, который будет очевиден для всех, что условия этого выбора принадлежат исторической образной изотопии, мы хотели бы подчеркнуть существенную особенность: «исторический выбор» позволяет интегрировать индивида в группу; не переставая принимать индивидуальные ценности, субъект этого выбора сталкивается с коллективными ценностями.

Мы можем построить таблицу «ценностей», предложенных Виржинии:

	Индивидуальные ценности	Коллективные ценности
БЕССЬЕР	Дом, установление «признанности»	Империя, война, армия
БЕРРИ	Содержание, подарки, любовь и дети, богатство	Монархия, Бурбоны, связи с границей
ФРАНСУА	Нежность, молодость, страсть, бедность.	Республика, мир, социальное правосудие.

Выбирая своих любовников, эта танцовщица совершает политический акт: именно материальный интерес Вирджинии обеспечивает связь между сексуальной изотопией и политической изотопией. Другими словами, ее приводят к принятию коллективных ценностей в той степени, в которой ее индивидуальные ценности зависят от историко-политических колебаний. Здесь мы находим вопрос, который мы уже рассмотрели: отношения между коллективом и индивидуумом.

I.5- Баланс и допущения.

Теперь мы можем сделать вывод о семиотической природе выбора. Речь идет о синтаксической единице, которая кажется более универсальной, чем мандат; она предшествует подписанию контракта и актуализирует полемические отношения; простые полномочия - это только один частный случай, когда виртуализация полемической структуры делает выбор ненужным. Поэтому мы можем сказать, что причина выбора в повествовательной программе всегда виртуальна; определенные тексты, такие как Страстная неделя, обновляют и раскрывают его. Для наших проверочных обзоров на протяжении всего романа мы сохраним следующие моменты: интеграция индивида в группу, роль когнитивного действия в этой интеграции, место диалектики и исторических противоречий в этом выборе.

2-ИНТЕГРАЦИЯ ИНДИВИДУУМА В ГРУППУ.

2.1- Исторический выбор и индивидуальные причины.

Здесь мы хотели бы описать артикуляцию между индивидуальными и коллективными ценностями и восприятие отдельными субъектами этих коллективных ценностей.

2.1.1-Текст: встреча с Каролиной.

Теодор возвращается в дом своего отца после конной прогулки по Парижу. Подъехав к дому, он случайно сталкивается с неизвестной девушкой. «... но, как будто она только сейчас заметила, как он одет, она отступила и воскликнула: «Этот мундир!» - Он спросил: «Мое платье, мадам, вам не нравится? - У меня есть причины, месье, не любить его.» (а)
«... Возвращаясь, Теодор почувствовал некоторое беспокойство: скорее, не столько от этой женщины, сколько от того, что она сказала ... «Моя форма!» Он произнес это слово вслух и вздрогнул. Её красная одежда показалась ему столь же одиозной, как и этой незнакомке.» (б)

Мы уже знаем, что политический выбор Жерико во многом зависит от его личных вкусов, по крайней мере, в начале его маршрута. Для него удовольствие от езды перевешивает монархические убеждения. Здесь связь между индивидуальными и коллективными ценностями очень ясна и поддается наглядному описанию.

2.1.2- Две конкурентные программы.

Первая программа обновляется во время встречи молодой женщины и Теодора; она принадлежит к сексуальной изотопии и может быть названа «соблазнением»: молодого человека беспокоит то, что его одежда не нравится Каролине - это «недостаток» и желание нравиться. Эта программа основана на индивидуальных ценностях. Вторая программа принадлежит исторической изотопии, и оказывается реализованной еще до этой сцены: это ангажирование в королевскую армию, что основано на коллективных «ценностях».

(а) Глава I, Утро Вербного воскресения, стр.59 (б) там же, стр.60.

Теодору предлагается выбор между двумя программами, поскольку Каролина считает их несовместимыми; предложение «Его красная одежда стала для него столь же одиозной, как и для неизвестной» предполагает противоречивые отношения между субъектами (исторический vs сексуальный) двух программ. Определение того, из чего возникает противоречие, будет равнозначно описанию артикуляции между индивидуальными и коллективными ценностями. В программе «обольщение» красная одежда демонстрирует / не-способность / действий Жерико. Поскольку обольщение основано на убедительных манипуляциях, цвет платья можно интерпретировать как образ неубедительного действия. Что касается исторической программы - красный мундир - это, с одной стороны, проявление реализации программы, с другой стороны, общее представление программы, в отличие от других цветов, другой одежды, которыми проявляют себя другие типы программ. Красный наряд не только демонстрирует принадлежность к компании: через игру предпосылок он демонстрирует полный ряд модальностей и связанную с ним систему аксиологических ценностей - монархию, династию Бурбонов, антилиберальную реакцию - .

Если красный мундир проявляется на образном уровне как / не-сила / действия программы, и программы взаимодействия, мы можем распознать систему синтаксического встраивания этого типа (а) :

(модальности) <u>программа</u> <u>соблазнение</u> =	(желать +знать) +	<u>Не мочь</u> красный наряд= <u>программа ангажирования</u>	ДЕЛАТЬ	
--	----------------------	--	--------	--

Поскольку программа, основанная на коллективных ценностях, встроена в программу, основанную на индивидуальных ценностях, мы можем еще раз подтвердить ту гипотезу, что частные ценности доминируют, с индивидуальной точки зрения, над коллективными.

(а) Такое использование термина «встраивание» близко к использованию этого термина в грамматике Хомского, поскольку оно означает здесь, как и там: «операция, заключающаяся в замене составляющей последовательности уровня N другой последовательностью того же уровня, который внедрен и охватывающий над ним преобладает.

Во фразовой грамматике основное предложение становится составной частью другого основного предложения; в нарративной семиотике программа полностью инвестирует модальность компетенции другой программы.

Но такая артикуляция не является неизбежной. Как-раз Жерико постепенно изменит эту иерархию; в том самом факте, что эта артикуляция может изменяться, мы видим источник вектора движения субъектов исторического выбора. В начале этого «путешествия» субъекты предполагают артикуляцию «индивидуальные ценности / коллективные ценности», которая разбивает коллективные исторические определения на индивидуальные и особые мотивации.

2.2- Исторический и эстетический выбор.

Читатель помнит, что в ходе разработки, посвященной изотопии «живописность» и «историчность», мы получили следующую таблицу:

изотопии	уровни	человеческое	над-человеческое
ЖИВОПИСЬ	эстетический	реализм	ирреальность
	живописный	изобразительность	преобразование
ИСТОРИЯ	идеологический	материализм	идеализм
	политический	«люди как они есть»	«мир как он должен быть»

(a)

По отношению к семиотической теории, оппозиции между эстетическим / изобразительным, с одной стороны, и идеологическим / политическим, с другой стороны, могут располагаться между образным, конкретным уровнем и аксиологическим, абстрактным уровнем. Как только это различие будет принято, мы будем считать, что эстетическое и живописное, с одной стороны и идеологическое и политическое - с другой, действуют одинаково, каждый на своем уровне. Поэтому, чтобы упростить анализ, мы будем считать, что описание отношений живописного и политического также означает описание отношений идеологического и эстетического, и наоборот. Поскольку мы уже показали, что эти изотопии были организованы в глубинной структуре как противоположности, еще предстоит выяснить, как исторический выбор трансформирует эту логическую организацию в полемическое отношение.

(a) Глава I, посвященная организации изотопий, n°I.

2.2.I- Некоторые тексты.

После дискуссии с Огюстеном Тьерри, которая позволила ему подтвердить свои убеждения в области живописи, Теодор выбирает живопись против политики:

«Когда Теодор покинул Тьерри, он твердо решил покинуть Королевский дом и воспользоваться темнотой, чтобы добраться до Новых Афин, до своей постели на чердаке. По всему судя, вернулся 1810 год ... Но, возможно, потому, что он внезапно так сильно задумался о живописи. (...) У него внезапно возникло желание снова рисовать, не следовать полученным советам, принимать критику, однако, наоборот, более энергично отстаивать то, за что его критиковали.» (а)

Но, говоря словами рассказчика, «есть решения, которые мы принимаем, и те, которые мы соблюдаем». Увидев картину, показанную ему дезертирами Карусели, он сомневается в своем решении:

«... там были беснующиеся пьяницы с угрожающими порезами, пьяные девушки, странные и шокирующие персонажи. Целая группа солдат подняла приклады вверх ...(...) Какая разница между ними и им? подумал с отвращением Теодор.» (б)

Затем он встречает двух гвардейцев, которые хотят дезертировать, и чьи «резоны были жалкими». Их «беспорядочные, обеспокоенные» мысли и их бесчестные, эгоистичные жалобы создают у Жерико отталкивающий образ дезертирства:

«... он ясно помнил крыльцо Лувра, контраст ночи на площади и бледных факелов под сводами прилавок, встречу с дезертирами, на этой границе между тенью и стыдом. Все в ту ночь становилось картиной для его глаз и его памяти.» (с)

Наконец он решает следовать за королем.

«Для него стало невозможно сбежать. Никаких расчетов больше не существовало. Он был среди тех, кому было поручено сопровождать королевский экипаж.» (d)

Много позже, в конце страданий приверженцев короля и после того, как Теодор проследил все этапы своего познавательного пути, он окончательно проясняет это соединение между живописью и историей:

(а) Глава V, Сен-Дени, стр.177.

(б) там же, стр.178.

(с)Глава V, там же, стр.181.

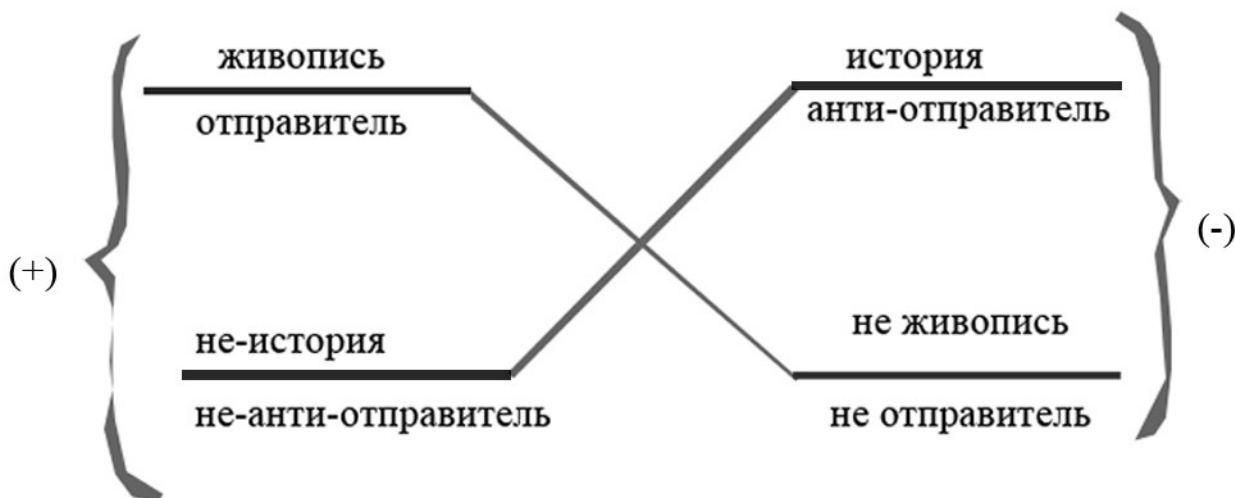
(d) там же, стр.182.

с.290

«Но внезапно он понял, что с Караваджо это было совсем другое дело: человеческое, и, без сомнения, с его собственной транскрипцией в живописи, но прежде всего человеческое, понимание других, как он внезапно понял ночью, в Пуа. Закон контрастов действительно был секретом искусства, но каких контрастов? И противостояние света и тени было не целью, а средством ...» (Глава XIV, 218)

2.2.2 - Синтагматические отношения живописи и истории.

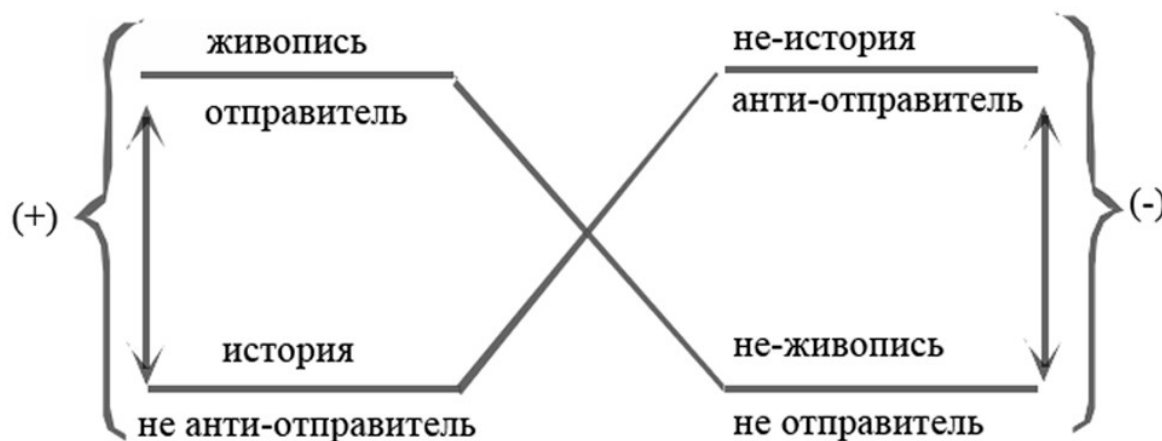
В порядке синтаксиса мы сможем распознать вложения той же природы, что и уже встречающиеся. В первом процитированном тексте две программы, вступление в армию и рисование, четко утверждаются как взаимоисключающие. Чтобы «более энергично утверждать то, в чем его упрекали», то есть полностью подтвердить свои эстетические и личные убеждения, он должен отказаться от своих историко-политических обязательств. / Желание / рисовать предполагает историческое / неспособное / действие, где рефлексивное познавательное действие Жерико проистекает из исторического / нежеланного / действия. Отношения несовместимости являются основой подхода к выбору и создают следующую противоречивую систему:

Во втором тексте связь между живописным и историческим меняется и в то же время становится более ясной. У Жерико больше нет выбора между ними, но есть выбор в рамках каждой изотопии: эстетический выбор, который касается либо «картины дезертирства», либо закона контрастов; идеологический выбор, связанный либо с ангажированием в королевскую армию, либо с борьбой за народ. В первом тексте он предпочел живописное историческому; в следующих текстах он выбирает живописное против другого, или историческое действие против другого: индивидуальные и коллективные ценности больше не исключают друг друга, но предполагают друг друга.

Рассмотрим для примера «картину дезертирства».

Эта фигура представлена в тексте, как реализация контрпрограммы «дезертирства» другими субъектами, не Жерико. Эта реализация позволяет когнитивному субъекту Жерико предвосхищать собственную реализацию той же программы, виртуальной программы, для которой он приобрел модальность / желание / (а). Переходное знание, полученное о действиях других, обозначено как ожидаемое рефлексивное знание. Такая перестановка позволяет Жерико взять на себя актантную роль отправителя-судьи своей собственной программы, которая находится всегда в ожидании. Санкция отрицательная; фраза «границы тени и стыда» является его проявлением: поэтому программа дезертирства отвергается. В этом втором тексте, а также в следующих, историческое / не-делание / исключено из изобразительного действия:

Связи работают, как показано двумя стрелками; следует отметить, что положительные индивидуальные ценности расположены на том же дейксисе, что и положительные коллективные ценности. Что касается встраивания программ, можно заметить, что с точки зрения исторического отправителя, находящегося в полемическом отношении, они представляют собой аргументы, используемые в убедительных действиях, предназначенных для выбранного субъекта. Есть два типа аргументов и, следовательно, два типа встраивания. Аргументы следующие:

а-политическое / неделание / подразумевает эстетическое / неделание /. Это опровержение аргументов анти-отправителя.

Б-политическое / делание / подразумевает эстетическое действие. Это аргумент, специфичный для отправителя.

Соответствующие выводы:

а- Эстетическая программа=	(желать + знать + не мочь)	ДЕЛАТЬ
Историческое НЕ-ДЕЛАНИЕ		

(а) Первый процитированный текст: он готов дезертировать, чтобы снова начать заниматься живописью.

с.292

(б-) Эстетическая программа=	(желать +знать+ мочь)	ДЕЛАТЬ
	Историческое ДЕЛАНИЕ	

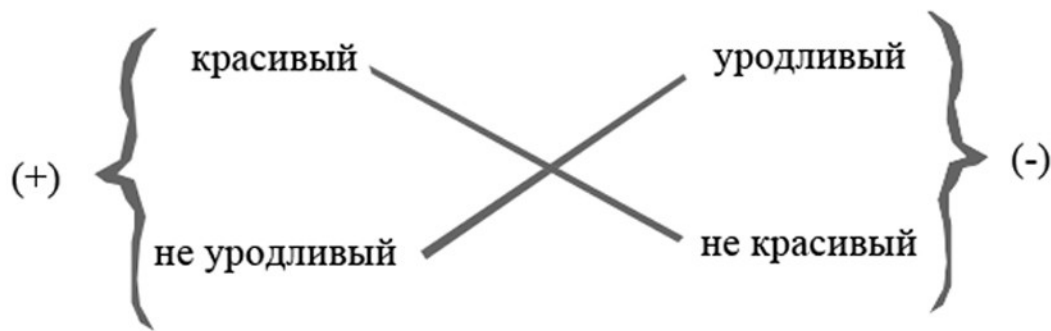
Мы можем прочесть эти две встроенности в терминах предположения:

(а) Эстетическое /не-делание/ предполагает включенное в ее компетенцию /не-мочь/ инвестированное историческим /не-деланием/.

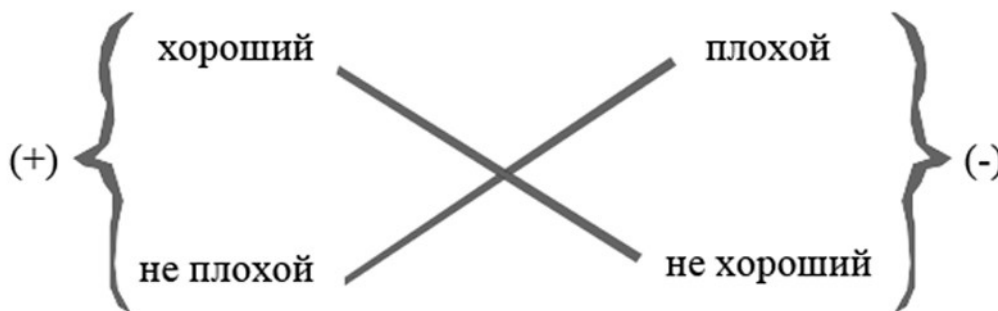
(б-) Эстетическое /делание/ предполагает в своей компетенции /желание/, инвестированное историческим /деланием/. В последнем тексте, посвященном размышлениям о Караваджо, глубокая артикуляция живописи и истории не изменилась; но иерархия программ обратная, поскольку эстетические программы являются не более чем «средствами», «транскрипциями», то есть встроенными программами и больше не встраиваемыми; тогда политические программы становятся доминирующими. В этом последнем тексте, который является кульминацией темы выбора Жерико, коллективные ценности доминируют над индивидуальными ценностями, поскольку «закон контрастов», «обеспечение света» служат «утверждению важности других». На аксиологическом уровне произошла модификация: это будет предметом последующего анализа.

2.2.3- Парадигматическая связь живописи и истории.

Нас интересует игра уровней сигнификации, попытка ответить на вопрос: какие модификации необходимы на аксиологическом уровне для трансформации артикуляции на синтаксическом уровне? Все отображенные тексты представляют примерно три аксиологические изотопии: эстетику, этику и идеологию. Для эстетики мир организован как:

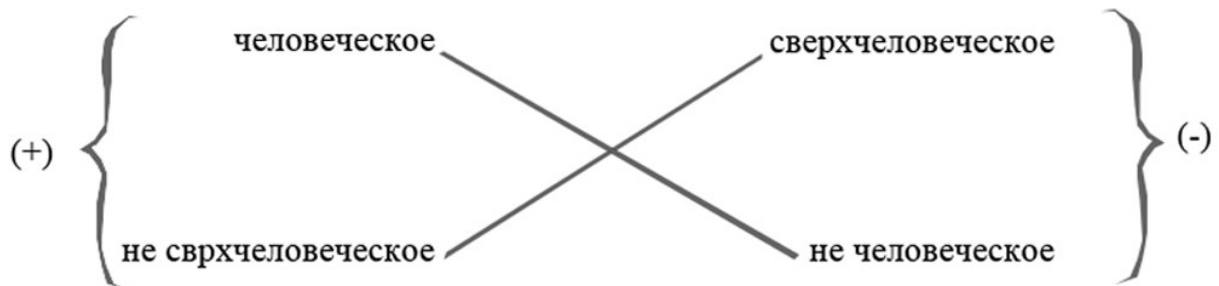

Для этики :

с.293

Для идеологии, согласно Арагону:

Для первых двух изотопий текст предлагает нам произвольную, хотя и очень распространенную, омологацию: (красивый = хороший) vs (уродливый: «ть»= плохо: «стыд»)

Мы могли бы с такой же легкостью предложить: (красиво = плохо) vs (некрасиво = хорошо), как это делает Бодлер. Вопрос в том, как текст мотивирует свою омологацию: последний процитированный фрагмент на это отвечает, демонстрируя существование ценностей, общих для двух программ и двух эстетических / идеологических аксиологических изотопов; этическая изотопия используется при санкционировании политических программ: дезертировать «неправильно». Это позволяет нам одобрить целое и свести его к

двум компонентам: мы будем распространять систему эстетических ценностей, которая включает как эталонные значения для программ, так и для их санкций, с одной стороны, и систему идеологических ценностей, которая включает исходные значения для политических программ и чьи исходные значения для санкций становятся этическими установлениями. Это дает следующую серию:

Красивый =	Хороший =	«рисовать народ»
уродливый	плохой	«не рисовать народ»

Индивидуальный выбор эстетического порядка вопреки мнению всех остальных делается между: / красивым (= человек) / vs / уродливым (= трансчеловеческим) /. Коллективный выбор идеологического порядка, утверждаемый в общении со всеми остальными и для всех других (выборов), делается между: / хорошим (= человек) / vs / плохим (= сверхчеловеческим) /. Вот почему одобрение / красивое = хорошее / не кажется произвольным: оно поддерживается постоянством глубочайших аксиологических ценностей, которые здесь - идеологического порядка.

Это позволяет нам понять, почему эта окончательная организация аксиологических ценностей порождает другую синтаксическую иерархию между индивидуальными программами и коллективными программами. Поскольку самая глубинная система, / человек vs трансчеловек /, представляет собой систему идеологических и коллективных ценностей, все выборы отдельного субъекта, даже когда они позволяют утверждать индивидуальность, относятся к коллективной системе.

с.294

Вот почему все эстетические предпочтения Теодора появляются в конце рефлексивного курса как частные случаи общего идеологического выбора. Это доказывается во фрагменте, где он уточняет содержание нового контракта, заключенного с отправителем «в области живописи»:

«В этом веке не существует дороги для меня,- говорит Жерико.- Быть может, позже...когда не будет этих войн, которые меня не вдохновляют. Позже...я буду рисовать, и все. Да, здесь какая-то тайна. Эти люди не могут найти себе места в тени военных, находящих свою славу в их убийстве. Я создам этим людям место в моих картинах. Они здесь воцарятся такими, какие они есть, без надежды, с их утраченной силой и увядшей красотой...» (а)

«Рисование людей» - это программа использования, включенная в политическую программу; она заменяет другие возможности, принадлежащие историко-политической изотопии, не потому, что они несовместимы, а потому, что они менее приспособлены к индивидуальной компетенции Жерико. В артикуляции коллективных и индивидуальных ценностей есть только один выбор — идеологический. В артикуляции между индивидуальной и

коллективной программы есть несколько выборов, обусловленных заменой, а не исключением.

2.3- Необходимость исторического выбора для индивидуумов.

Читатель может интуитивно усмотреть во всем романе имплицитную аргументацию типа: «индивид действительно может существовать исторически только в том случае, если он принимает коллективные ценности; если он ограничивается исключительно индивидуальными ценностями, он в конечном итоге направлен на собственное уничтожение». Мы собираемся выявить с помощью выбранных текстов функционирование этой аргументации, чтобы привести к логической формулировке «необходимость» исторического выбора.

(а) Глава XV, Страстная Пятница, стр. 279.

с.295

2.3.1- Самоубийство Бернарда.

Мы уже встречали этого отчаявшегося персонажа, которого оттолкнула его подруга Софи; мы приводим ниже некоторые фрагменты его внутреннего дискурса, в которых проявляются непреодолимые противоречия:

«Софи. Больше не видеть Софи. В этом мире, где оставляешь Бурбонов только для того, чтобы вернуться к Бонапарту. Кем был он, бедный клерк Ван Роба, бродящий в любую погоду по сельской местности Пикардии, видя зрелища страданий, отчаяние людей, не видящих никакого выхода, отчаяние этого народа, неспособного объединиться, понять свои интересы...(...) (а)
«В этом мире все ложь. Любовь, свобода, народ. Ах, Софи!Софи!» (б)
Здесь мы находим две изотопии, очевидно связанные только с актером Бернаром, влюбленным (сексуальная изотопия) и либеральным активистом (политическая изотопия). В первом случае выбор невозможен, поскольку отказ Софи предотвращает любое осознание: Бернард есть виртуализированный субъект / не субъект поиска /. По второй изотопии необходимо сделать выбор, с одной стороны, между «народом» и «не-народом», с другой стороны, между «отчечеством» и «иностранцами». Как и Теодор, Бернард отвергает выбор между Бурбонами и Наполеоном.

Неспособность выбрать одну из изотопий приводит к отказу от выбора всех остальных. Первое нарушение фидуциарного договора; Бернард это называет именем «ложь». Но он распространяет этот статус на любое «полномочие», на любую программу, даже на коллективную; он денонсирует все фидуциарные контракты, даже виртуальные; дальнейшие полномочия невозможны. Это заражение недоверием предполагает структурную солидарность для субъекта между всеми фидуциарными контрактами всех

программ, которые он, вероятно, принимает. Мы можем выдвинуть гипотезу о том, что эта солидарность имеет тип тимуса: все для интерпретации выбранного предмета «дисфорично», и никакой договор невозможен. Это проявляется у актера через страсть к «недоверию», сюрмодализирующий /нежелание/.

(а) Глава XI, В Пути, стр.104....(б) там же.....стр.107.

с.296

Следствием этого отказа от выбора является отрицание субъекта: субъект, который не хочет вкладывать средства в какую-либо программу, виртуализирован на всех изотопах и исчезает из повествовательной структуры. На уровне актера, поскольку Бернар не может взять на себя ни одну тематическую роль: ни влюбленного, ни либерального активиста, ни коммерсанта прядильщика, он исчезает, как исчезает человек-актер: он умирает. Неявный аргумент может быть реконструирован следующим образом: «Чтобы существовать и противостоять капризам исключительно индивидуальных ценностей, субъект должен выбрать партию в истории и политике».

2.3.2- Самоубийство графа Оливье.

Этот любопытный персонаж, исчезнувший под именем Саймон Ричард из-за неверности своей жены Бланш, изменившийся до неузнаваемости и, прежде всего, полностью отрезанный от происходящих конфликтов, возвращается во Францию и снова селится в своем замке. Нас интересует, прежде всего, причина его смертельной усталости:

«Что за история! Вернуться из степей Киргизии в Лилль во Фландрии, и увидеть этих солдат, которые бунтуют, которые говорят, что перережут королевских гвардейцев, если те осмелятся войти в дверь...(...)На мгновение Симону пришла в голову идея заявить о себе, попросить о помощи. Но кого? Тех, кто ожидает Наполеона? Тех, кто бежит? Какое приключение избрать? Вернуться в имперскую армию - значит вернуть себе место в этом мире, из которого он бежал; следовать за этим королем - значит бежать из этой страны, к которой он шел в течение многих месяцев, работая на фермах, оставаясь там неделями, чтобы заработать деньги на свое путешествие...Все показалось ему равно тщетным.» (а)

Несколько противоречивых утверждений, общая тема: выбор должен быть, но Симон отказывается от него, потому что он уже сделал индивидуальный выбор, а коллективный выбор, предложенный ему, является как раз антипрограммой в его индивидуальной полемической системе :
/покинуть свое место в обществе/ vs /снова занять свое место/
/вернуться в свою страну/ vs /бежать из страны/

(а) Глава XIV, Ветреный День, стр.209.

Чтобы иметь возможность сделать исторический выбор, ему придется отказаться от индивидуальных ценностей, которые он принимал до сих пор, и принять новые; пока старые полномочия не виртуализированы, новый выбор невозможен.

Когда он возвращается в свой замок, появляется новое противоречие. Возобновление жизни, в которой он автоматически носит титул графа, актуализирует его социальное положение: как актер, он принимает на себя тематическую роль «провинциального дворянина» с программами, которые из этого вытекают, а также с ценностями, которые к этому приписываются. Но в то же время, как интерпретирующий когнитивный субъект, он принимает другие ценности:

«Он вернулся от них (а) к Оливье, у Симона Ришара прошли его смутные и грандиозные идеи и надежды, похожие на траур. Он тайно принес, из Сибири во Францию, те мечты, о которых никому нельзя рассказать. Никому. Ему смеялись в лицо. (...) Не было надежды, что все изменится. Общество слишком крепко установлено на своих лживых основах.» (Глава XIV, стр.237)

Ценности, которые он принимает как актер, интегрированный в коллективный актант прагматического типа - его социальный класс, - противоречат ценностям, которые он принимает как когнитивный субъект. Первое ведет к утверждению «ничего не должно меняться»; второй - к проекции в будущее «должно-быть». Как познающий субъект, охватывающий и то, и другое, новый граф Оливье не может сделать вывод, что «ничто не может измениться». Это двойное «знание» о бытии и о долге не может привести ни к какому выбору, поскольку оно противоречиво и неполно. Оказавшись в этом противоречии, непреодолимом с его точки зрения, и не в состоянии считать себя субъектом вне своего класса, Оливье больше не может принимать никаких программ и исчезает как субъект и человек-актер. Мы должны выбирать, чтобы не погибнуть.

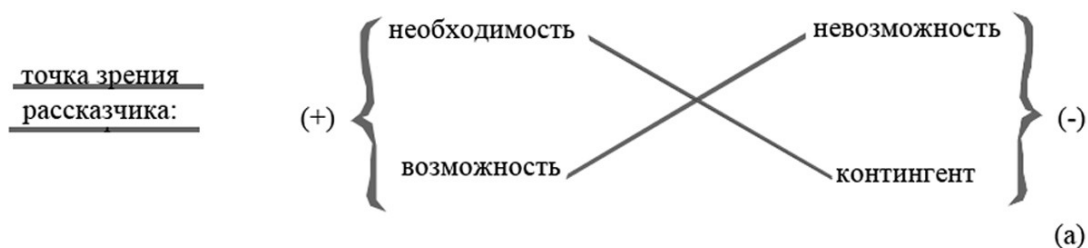
2.3.3- Необходимость.

Мы встретили необходимость на двух уровнях. Это прежде всего необходимость, которая касается самого факта выбора. В этом смысле необходимость должна быть выражена в терминах модальностей, относящихся к компетенции выбранного субъекта. Поэтому в качестве предпосылки для любого установления повествовательного субъекта мы должны установить:

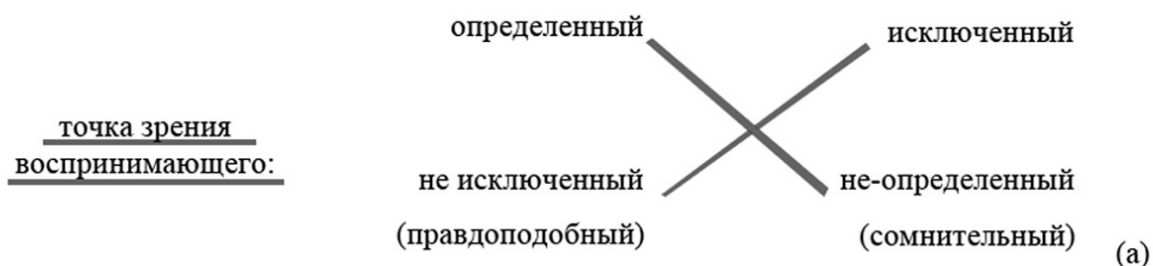
(а) Его товарищи в русском плену.

а-существование когнитивного субъекта, который возьмет на себя понимание, которое мы называем «выбором».

б-модализация / обязанность + невозможность не / ВЫБРАТЬ, которая учитывает «необходимость». Переход от «объективной» модальной системы с точки зрения высказывающего к «субъективной» модальной системе с точки зрения субъекта повествования приводит к трансформации алетических модальностей в деонтические:

Наконец, с точки зрения воспринимающего, поскольку эта «необходимость» является объектом неявного аргумента, она направлена на то, чтобы установить в нем определенность, то есть эпистемическую модальность:

Мы также столкнулись с «необходимостью», которая касается самого содержания выбора: идеологический выбор - политический и / или эстетический - для защиты интересов людей становится необходимым из-за постоянства глубинных аксиологических ценностей:

а-с одной стороны, любой эстетический выбор обязательно является идеологическим выбором, поскольку две системы ценностей относятся к общей системе.

б-с другой стороны, эстетический выбор предполагает соответствующий идеологический выбор, предопределяющий его содержание. Следовательно, здесь необходимость применяется к отношению, которое может быть объяснено более экономно с помощью понятия пресуппозиции. В заключение отметим, что субъектом исторического выбора являются два очага, модализируемые обязанностью: в отношении самого факта выбора и в отношении содержания выбора.

(a) см. № 40 обзора Langages, посвященного модальностям.

с.299

Точно так же , воспринимающий имеет двойную модальность: он убежден - «определенная» модальность - что он должен выбрать; он также убежден, что необходимо выбрать конкретный тип программы, когда человек решил интересоваться / человеческим / на идеологическом уровне. Потому что мы, конечно, должны связать все это с доминирующим ноу-хау: ноу-хау высказывающего, предназначенное для воспринимающего. Обратите внимание, что манипулятивная симуляция высказывающего состоит в передаче эпистемической модальности путем вписывания только деонтических модальностей в само повествовательное высказывание. Эта подмена модальностей - одна из форм повествовательной манипуляции.

3-РОЛЬ КОГНИТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ В ИНТЕГРАЦИИ В ГРУППУ.

Теоретический статус выбора убедит, что когнитивное измерение играет важную роль в этой дискурсивной конфигурации. Нас интересуют некоторые аспекты когнитивного измерения, особенно развитые в романе, которые текст позволяет нам лучше узнать.

3.1- Что такое эстетическая программа?

Мы видели, какую роль в выборе Жерико сыграла эстетика. Но то, что было проявлено в выборе в области живописи, могло быть проявлено и в необходимости выбора в политике, или для любовного выбора Виржини Орей. Поэтому мы хотим показать здесь специфику эстетических программ в историческом выборе.

Различим в «эстетической программе» два момента:

а-создание изобразительного объекта, что является прагматическим делом, и, поскольку художник что-то сообщает, это также высказывание, в котором предполагается «Я».

б-признание эстетического предмета, позволяющее подтвердить или опровергнуть соответствие эстетическим ценностям; это классическая программа когнитивных санкций; это то, что нас здесь интересует. В случае интерпретации Жерико картины Караваджо мы находим эти две программы: одна, прагматическая, принятая Караваджо, а другая, когнитивная, принятая Жерико (а). Если мы реконструируем отношения «предположений», мы увидим, что прагматическая программа Караваджо предполагает эстетический и, следовательно, идеологический выбор. Своими живописными работами он принимает глубинные ценности, которые также допускают исторический выбор. Есть два способа определить эти глубинные ценности: один, трудный, долгий и неопределенный, который должен учитывать жизнь художника, его сочинения и слова, сюжеты его картин и т. д. ; другой, краткий и действенный, основанный на соотношении эстетического и идеологического, состоящий исключительно из когнитивного проявления эстетической санкции.

(а) Глава III, Огни Пале-Рояля, стр.136-138.

Зная, что Караваджо играет с контрастами, что он талантливо использует свет и цвет, означает в то же время знать, что он выбирает в качестве глубоких идеологических ценностей / истину / и / человека /.

Таким образом, для кого-то вроде Жерико когнитивно-эстетическая программа - это программа, компетенция которой хорошо известна и выполнение которой достаточно итеративно для субъекта, так что его ноу-хау не будет нарушено. Он знает, например, из-за понимания этого процесса, что контрасты и тусклый свет означают, что художник не приукрашивает, что он предлагает болезненное видение болезненных предметов, что он показывает страдания несчастных людей. Таким образом мы понимаем, насколько любая историческая ситуация, любая политическая альтернатива может быть:

а-визуализирована, превращена в «картину», то есть образно проявляться в терминах пространства, композиции, света и цвета.

б-рассматриваться как эстетический объект: санкция применяется к историческим субъектам, ответственным за этот эстетико-исторический объект, что позволяет Жерико принимать или не принимать идеологические ценности, предлагаемые действиями этих субъектов.

В целом, эстетическое когнитивное действие появляется, как предварительно запрограммированная структура когнитивного действия исторического выбора. Если мы вспомним, что читатель в когнитивно-высказывательной структуре является только когнитивным субъектом, как и любой другой, мы поймем, что его эстетическое когнитивное действие, оказывающее влияние на высказывание романа, также становится «предструктуризацией», запрограммированной на свой исторический выбор. Наблюдая за исторической ситуацией своего времени и делая эстетические суждения о ней, Жерико политически настроен. В гомотетических отношениях, читая Страстную Неделю и делая эстетические суждения о романе, разве я тоже не на пути к политическому выбору? Разве я не должен быть на этом пути?

3.2- Когнитивное преобразование Жерико.

В соответствии с предыдущим анализом станет ясно, что исторический выбор Жерико прежде всего предполагает новый взгляд на вещи и сущности. Мы здесь в центре нашей темы, поскольку роман создает выразительное путешествие сознания, предпринятое субъектом исторического выбора. Вот значимый фрагмент текста:

«Ничто больше не выглядит прежним. Каждый жалкий дом, каждый мужчина в поле, каждый рабочий, каждый головной убор, каждый бродяга, который прячется от прохода солдат, и это как если бы он касался пальцем неизвестной реальности, открытия. Для него больше нет прохожих, нет толпы: каждый человек обретает смысл, свою собственную жизнь. (...) Как столь простая идея не пришла в его голову ранее? Конечно, в абстрактном смысле, он всегда это знал. (...) Это не препятствие. Он просто не знал о том, что именно называют «знанием». Это был точно пройденный и неусвоенный урок, но также и первое впечатление, из которого все происходит.» (а)

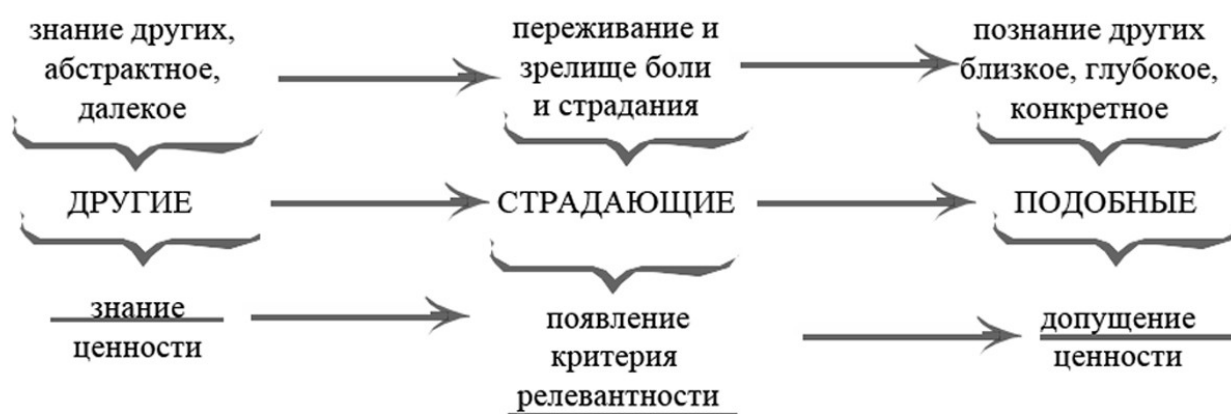
«Человек- просто мотив. Человек, он ломается. Он кровоточит. Он плачет. Душа его разрывается. Чтобы говорить о человеке, чтобы нарисовать его, не нужно ли сначала показать, как человек способен страдать?» (б)

3.2.1 -Когнитивная конверсия.

Жерико знал, что люди должны сражаться и страдать, чтобы питаться и выживать, но он не знал этого должным образом, чтобы сделать исторический выбор. Вот два типа знаний: знания ценностей недостаточно для выбора; признанная ценность не обязательно предполагается: субъект должен установить ее как критерий актуальности для исторических объектов. Это то, что автор называет переходом от абстрактного усвоенного знания к сокровенному и собственному знанию. Вектор перехода следующий:

(а) и (б) Глава XIV, Ветреный День, стр.214 и стр.215.

с.303

Поняв, какую роль играет страдание в допущении ценностей для выбора, мы также знаем, почему в романе появляются такие частые проявления боли (а): они представляют собой образное проявление трансформации, которая влияет на познавательный субъект Жерико. Это когнитивное преобразование может быть формализовано следующим образом:

$$Ft \text{ когн. } (S I \longrightarrow (O I \cup S 2 \cap O 2))$$

S I = Боль и страдания людей.
 S2 = Жерико
 O I = абстрактное знание ценности
 O2 = ценностное предположение / человек /
 Ft когн.=преобразование абстрактной ценности
 по критериям соответствия выбору
 =КОГНИТИВНАЯ КОНВЕРСИЯ.

3.2.2- Толерантность.

Это следствие описанного выше преобразования; это следующий шаг на пути к выбранному предмету:

«Теодор мечтал, это правда. Он мечтал. Уважение к своим собратям. Нет ничего ужасного в том, чтобы объяснять поведение других низкими причинами. Несомненно, есть низкие люди. Лучше ошибиться из-за них, чем присваивать их мотивы другим, потому что они думают не так, как мы. (...)И, несмотря на то, что он неверующий, Теодор пытается представить себе, что происходит в умах людей, которые верят в Бога, не из-за ошибок в рассуждениях, невежества или корысти, а по уважительным причинам. , высшим, самым достойным.» (б)
 Это последний этап представляет два аспекта. Во-первых, толерантность связана с выбором других: субъект Жерико приобрел двойное знание: знание человеческих субъектов, знание сложности выбора.

(а)Глава VII, стрю272-274: В спящем Теодоре возникают образы страдающих, которые показывают глубокое бессознательное ощущение его человечности, освобожденной сном сознания.

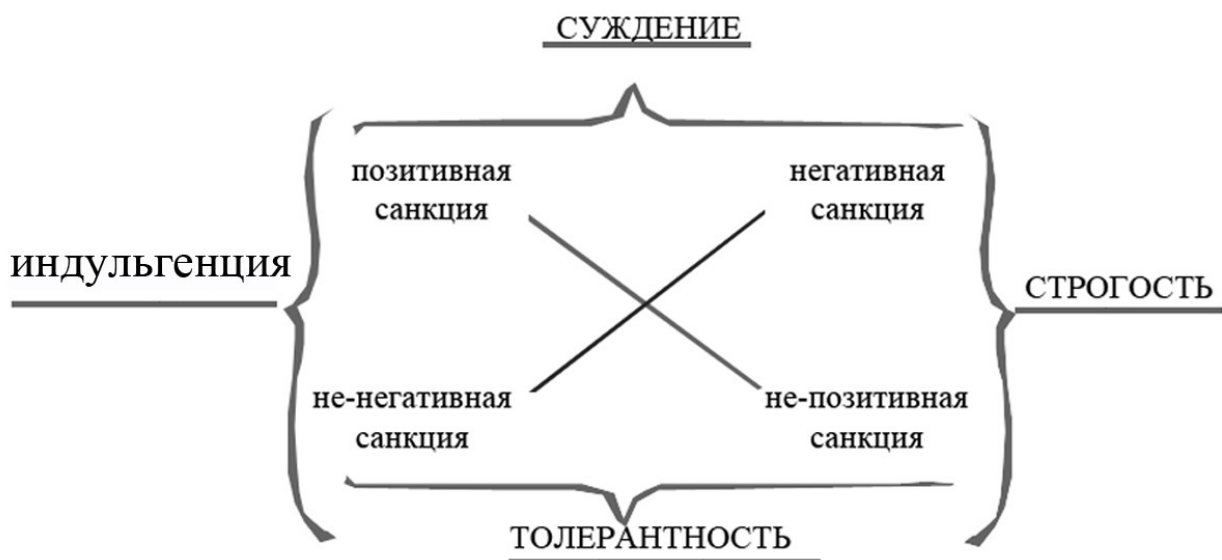
Глава XIII, стр.138-152, Долина Соммы: когда все исчезает в человеческом субъекте, идентификация, сознании, восприятие, желание, знания, способности, остается воля к жизни и переходное знание других об этой боли.

(б)Глава XIV, Ветренный День, стр.215-216.

с.304

Знания о людях являются одновременно переходными и рефлексивными, поскольку они одновременно являются «другими» и «его подобными». Знание о сложности выбора также является рефлексивным и, рассуждая по аналогии, позволяет понять любой выбор, если другой является «подобным».

Более того, толерантность является результатом когнитивного действия, характерного для разрешения повествовательных программ. Толерантность - это фигура, которую можно интерпретировать как комбинированное положение в квадрате санкций:

«Объяснять поступки других через низменные резоны», это значит оставаться на позиции «строгость». «Лучше ошибиться на их счет (низких людей), чем придавать другим их мотивации» соответствует «индульгенции». Мы должны различать метаязык, произвольный и формальный, который мы используем и который имеет то преимущество, что он моносемичен, и обычный лексикон, в котором поведение Жерико может подходить как для толерантности, так и для снисходительности. В этом тексте Жерико желает как можно более чаще следовать путем позитивных санкций.

3.3- Иерархия субъектов в когнитивном действии исторического выбора.

Во всех вышеперечисленных подходах к выбору мы столкнулись с проблемой иерархии субъектов: идет ли речь о санкции или задержании, отправитель имеет место в этой конфигурации. Нам даже кажется - это гипотеза, которая нуждается в проверке - что любой предмет, поставленный перед историческим выбором, должен находиться в синкретизме с когнитивной инстанцией отправителя исторических коллективных программ.

с.305

Во время спора между участниками собрания в Пуа один из участников, вспоминая о возможном возвращении иностранных армий в случае захвата власти Наполеоном, сетует при мысли о поборах и предсказуемом грабеже.

Другой отвечает:

«... Все, что он вернет нам? Тогда он рассмеялся от ответа каменщика, который сказал, что мы не можем брать его лошадей или овес, так как у него был только шпатель и были долги, как и у деревни Секур ... тем хуже для хозяев! У кого ничего нет, у того и не берут ничего.

Г-н Жубер пытался объяснить ему, что все это не надолго...» (а)

Спор обостряется, и мы видим появление профессиональных и категориальных разногласий, препятствующих достижению консенсуса; почти все моменты, связанные с организацией работы - контракты, машины, соглашения - вызывают явно серьезные возражения. Теодор внутренне реагирует на это зрелище раскола.

«Именно тогда Теодору пришло в голову: здесь что-то пульсирующее, глубокое, как удар, рана. Эта борьба людей, которые, тем не менее, достаточно близки друг к другу, чтобы собраться вместе или, наконец, собраться на эту ночную встречу, с этими опасностями, с этой надеждой, которую они должны были иметь, ради того, чтобы создать какое-то добро, чтобы могло выйти какое-то действие в любом случае; и этот бой ... сначала он думал, что это какая-то ошибка (...) Даже эти словесные вызовы, этот отказ доверять друг другу, казалось, объясняли желание всех найти что-то общее, чего мы не знали, но в любом случае истину, бесконечно драгоценную для всех и которая до этого они все пропустили.» (б)

3.3.1 — Доминирующий когнитивный субъект.

В этом тексте мы находим четко сформулированную взаимосвязь, которую мы до сих пор представляли как предпосылку, между историческим выбором и переходом от отдельных субъектов к коллективному субъекту.

(а) и (б) Глава X, Ночь в лесу, стр.46-47 и стр.49-50.

с.306

Для членов этого собрания две операции: принятие политических решений и создание коллективного субъекта- это один и тот же выбор. Этот выбор состоит в принятии системы коллективных ценностей, которая будет основой консенсуса. В самом деле, интеграция в коллективный актанта предполагает существование этого актанта, что предполагает консенсус (а). Если Жерико замечает отсутствие коллективного актора, то это потому, что этот набор актеров не предполагает какой-либо общей программы. Только отправитель, доминирующий когнитивный субъект, может, с его точки зрения, гарантировать консенсус и существование коллективного актора. Также Жерико, когнитивный субъект, доминирующий над участниками встречи, способен ли он различать признаки консенсуса:

«достаточно близки, чтобы прийти вместе»

«на эту ночную встречу»

«со всеми опасностями»

«с этой надеждой, которая им нужна»

«их воля обрести что-то общее»

Все они проявили / желание / - делать, и даже в рамках противоречивых отношений, где / не-желание / делания определяется «ночью», «опасностями». Это / желание / определяется как коллективное через проксемические фигуры: «закрывать», «вместе», «собрать». Эта коллективная / воля / , несомненно, предполагает консенсус, даже если он является результатом случайности, и поэтому Жерико, который может реконструировать все это со своей точки зрения, видит в этой «борьбе» только «заблуждение». В этой сцене проявлены две когнитивных ступени:

а-когнитивный уровень отдельных субъектов, которые пытаются конституировать себя, действуя коллективно: они получили убедительные действия отправителя, поскольку они вместе, но сделать их интерпретирующими неэффективно, и полномочия не получены.

б-верхний когнитивный уровень, занятый другим актором высказывания, Жерико; это уровень, на котором может быть установлен коллективный субъект: это иерархическая позиция любого отправителя, но также и любого субъекта, способного правильно интерпретировать полномочия.

(а)Мы считаем, что «консенсус» является самой основой создания коллективного субъекта; как таковой, он составляет часть особого мандата коллективного субъекта. Чтобы быть как можно более универсальным, оно не обязательно должно быть добровольным или сознательным.

с.307

Компетентность выбранного объекта, по-видимому, тесно связана с гиперонимической позицией. Если отдельные субъекты этой встречи не могут выбрать, то это именно потому, что они заблокированы на гипонимическом когнитивном уровне:

«Все отмечены жизнью, разными жизнями, рабы того, чем они были, в поисках естественного результата, следующего шага, логического завершения своего опыта.» (Глава X, стр.50)

3.3.2- «Кто это- мы»?

В конце встречи Бернар, с которым мы уже встречались несколько раз, задает этот вопрос, в то время как последние две речи, выступление г-на Жубера и выступление Дежорджа, точно привели к консенсусу; Г-н Жубер только что сказал: «... если для этого МЫ едины». (стр.54) И именно это «Мы» голос Бернарда оспаривает. Это противоречие можно описать следующим образом:

а-«мы» - это личный заменитель, проявляющий коллективный актант, который выражается, и, следовательно, становится метаволей: это субъект /

Желать-мочь-знать /. Этот коллективный актант предполагаем всем дискурсом г-на Жубера.

б-Вопрос, заданный об этом актанте, КТО? , относится к его идентичности: следовательно, он отрицает поиск этой идентичности на протяжении всей сцены, и во время двух речей Месье Жубера и Дежоржа он представляет собой его негативную санкцию. Этот вопрос предполагает гиперонимический когнитивный уровень, на котором находится отправитель-судья, введенный Бернаром.

с-Судя о нем и оценивая его отрицательно, Бернар находится выше группы актеров, составляющих коллективного актанта. Реакция группы («шум») показывает, что эта санкция воспринимается как санкция анти-отправителя, и что коллективный актант частично устанавливается в конце этой последовательности против анти-отправителя.

Этот конец ассамлеи в Пуа - новое подтверждение нашей гипотезы; любое суждение, утверждение или вызов, относящиеся к идентичности коллективного субъекта или к поиску, который он принимает, могут быть сделаны только на гиперонимическом когнитивном уровне. В заключение скажем, что в отношении того типа коллективного актанта, о котором идет речь в тексте, индивидуальное «классовое сознание» предполагает коллективный поиск «классовой» идентичности, что само по себе предполагает наличие доминирующих когнитивных субъектов, гарантов этой идентичности, способных ее распознать, подтвердить или опровергнуть; в марксистско-ленинской мысли эту роль играет партия рабочего класса.

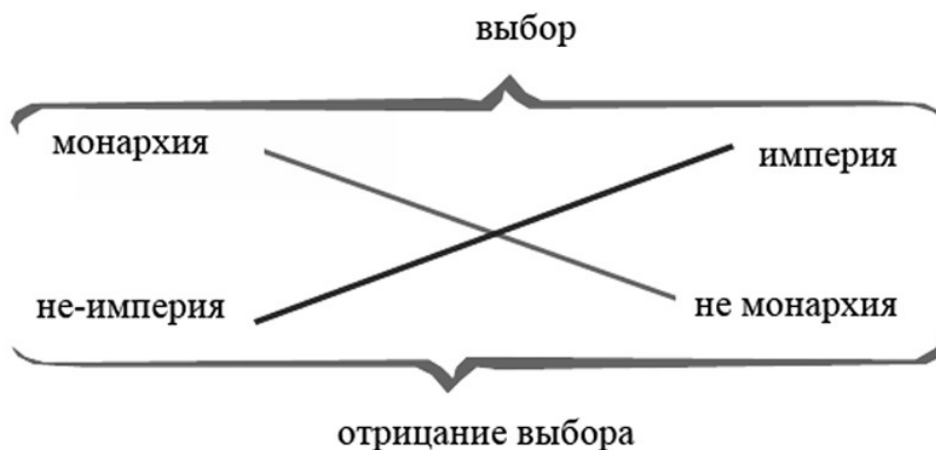
с.308

3.4- Статус Я в коллективном историческом актанте перед/после выбора.

Мы выбрали фрагмент внутреннего дискурса Жерико в его прогулке по Парижу:

«... даже враждебность людей, взгляды прохожих, насмешки под копытами его лошади, это придавало ему некую изюминку в жизни. Более того, как перед небогатыми республиканцами, так и перед этим роялистским Парижем, Теодор чувствовал тайное опьянение мыслить как никто, быть не тем, что значили его привычки или его отрицание.» (а)

Общность этого фрагмента построена на квадрате исторических выборов:

«Отказ от выбора» - это позиция, занятая Жерико, поскольку это не «то, что значила его одежда и поведение», ни «их отрицание». Это сопровождается - что подтверждает наш анализ - отказом от интеграции: субъект выбора, который отказывается делать выбор, утверждает себя в своей оппозиции всем историческим коллективным актантам: «небогатые», «небольшой Республиканский народ», «Роялистский Париж». Прежде всего, мы сохраним из этого фрагмента «тайное опьянение непохожести на других».

На этом рисунке индивидуальный субъект подтверждает свою индивидуальность и свое когнитивное одиночество; отрицая какое-либо сходство с другими, он утверждает: «Я есть Я» и соответствует предмету / Желание-быть способным-знать /. Напротив, субъект, который выбирает «думать, как многие» или «как все», становится ИМ.

(а) Глава I. Утро Вербного Воскресения, стр.38.

с.309

Оппозиция:

индивидуум+отрицание выбора	/	Субъект, ангажированный в исторический выбор
«Я-это Я» (как никто)		«Я некто, кто...» (как другие)

Мы также можем сказать, что субъект, который отказывается от выбора в манере Жерико, стремится к самому себе, в поисках своей собственной идентичности посредством нахождения различий; относительно субъекта, выбравшего «историческое», он преследует ограниченную цель, он нацелен прежде всего на единство коллектива, где он по праву находит идентичность «по принципу подобия». Мы видим квадрат субъектов:

Но все же следует отметить, что субъект поиска никуда не девается, даже при коллективном выборе. Коллективное действующее лицо само становится предметом поиска, как МЫ в ассамблее Пуа. После выбора индивидуальный субъект становится в коллективном актанте субъектом права, поскольку он по праву участвует в коллективном поиске.

с.310

4- УСЛОВИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИАЛЕКТИКА.

Если мы проводим различие между выражением и содержанием вопроса, который интересует нас в этой главе, то теперь мы хотели бы сосредоточиться на содержании исторического выбора. До сих пор мы в основном рассматривали выражение: синтаксис, субъекты и иерархия в выбранной системе. В отношении содержания мы выдвигаем следующую гипотезу: «объективные» противоречия существуют на уровне логико-семантики внутри ценностных систем и исторически трансформируются посредством вмешательства когнитивного измерения на уровне повествования «История». Чтобы упростить без строгой формализации, нашу гипотезу можно свести к эквивалентности:

«историческая диалектика» =	«противоречия в системе ценностей» +вмешательство когнитивного измерения в историю. (а)
--------------------------------	--

Это гипотеза о форме содержания, поэтому мы начнем с напоминания о политико-исторической субстанции, которое мы будем систематизировать постепенно.

4.I.- Напоминание и развитие: условия выбора.

Из текста, который мы уже изучили относительно Вирджини Орей, мы процитируем очень четкое предложение о сущности содержания:
«Виржини олицетворяла для него это победительное королевство, Францию, он забыл обо всем другом...» (б)

Если это Франция, то ее желали или желали три человека: Бессьер, герцог Берри и Франсуа Тушар; Франция является или была «желанной» тремя режимами: Империей, Монархией и Республикой. Вот суть содержания: центральный полюс, к которому сходятся три периферийных полюса.

(а) Это семиотическая гипотеза о тексте, универсальность которой еще предстоит доказать, а не философское определение in abstracto.

(б) Глава IV, Полночные прощания, стр.161.

с.311

Чтобы структурировать эту субстанцию, мы также процитируем только одно предложение Франсуа:

«Короли- нам чужды, а Наполеон- это война.» (а)

Утверждения состояния, актантами которых являются три «периферийных полюса», предполагают несколько семантических содержаний для центрального полюса:

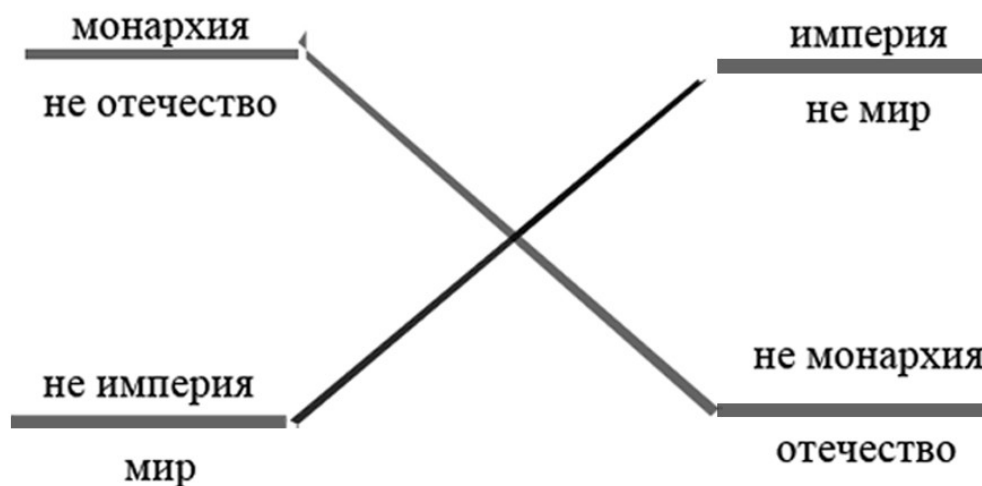

Это различное содержание - условия выбора, предлагаемые коллективному актору, проявляемому как «МЫ». Они организованы в соответствии с двумя логическими отношениями:

а-противоположность, которая проявляется как поверхностная структура синтаксической альтернативой: / монархия / vs / империя /.

б-противоречие, которое проявляется в структуре нарративной поверхности как выбор второй степени, неизбежно предполагаемый выбором первой степени между двумя членами альтернативы. Это /отчество/ vs /не отчество/ и /мир/ vs /не мир/.

У нас есть все элементы классической логической структуры, которые мы до сих пор часто использовали без дополнительных пояснений:

Такая методологическая разработка могла быть оправдана для каждого построенного семиотического квадрата. Читатель поймет, что большую часть времени без этого обходятся и что здесь этот этап был важен для формулирования логики и диалектики благодаря когнитивному измерению.

(а) Глава IV, Полночные Прощания, стр.164.

с.312

4.2- Преобразование противоречий в диалектике предполагает компетентный когнитивный субъект.

4.2.1- Водовоз.

Во время своей прогулки по Парижу Жерико встречается водвоза, который кажется имеющим ироничный и проницательный взгляд на ситуацию:

«Перед фонтаном Гайон остановился водовоз, вытирая лоб, как в середине лета. Кожаная шляпа, грязный фартук и повозка с двумя полными ведрами перед ним. Он смотрел, как проходит мушкетер. Взгляд его был совершенно бессмысленным. Он был вынужден остановиться, потому что упряжка из четырех лошадей, которая только что покинула частный особняк на улице Нев-Сен-Огистен, оказалась рядом с ним на перекрестке: повозка со всеми видами багажа, установленными на крыше. Водовоз тихонько засмеялся, увидев, как они оборачиваются к западу, как если-бы оттуда надвигался шквал: «Не оттуда! крикнул он. -Это с другой стороны Кобланц!» (а)

Учитывая ту же противоречивую ситуацию, смену режима, мы можем наблюдать разницу между двумя когнитивными ошибками, имеющими отношение к этой ситуации:

а-Для некомпетентного когнитивного субъекта, буржуа, дворянина или монархиста, противоречивая ситуация представляет собой последовательность чередования повествований; анти-субъект следует за субъектом, который сам сдался анти-субъекту. Или чередование режимов:

Старый режим	Революция	Империя	Реставрация	Империя
ФРАНЦИЯ	КОБЛЕНЦ	КОБЛЕНЦ	ФРАНЦИЯ	СЕН-ДЕНИ

Эту последовательность можно формализовать как курс на неизменном квадрате, историю, в которой инвестиции глубинной структуры всегда одни и те же, историю, противоречия которой непреодолимы, предлагая только возможность чередования.

Для компетентного познающего субъекта, водоноса, пролетария, эта противоречивая ситуация представляет собой диалектику, то есть противоречивую систему, в которой возможен выход за пределы: уже обновленные квадраты можно заменить на другие.

(а) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.50-51.

с.313

Для него смена режимов выглядит так:

Старый режим	Революция Империя	Реставрация	Империя Ста Дней
ФРАНЦИЯ	КОБЛЕНЦ	ФРАНЦИЯ	КОБЛЕНЦ

Когнитивный субъект, спонтанно организующий диалектику, воспринимает повторение ситуации и усваивает «Революция, Империя, Сто Дней». Факт объединения трех терминов в один предполагает иерархически более высокое

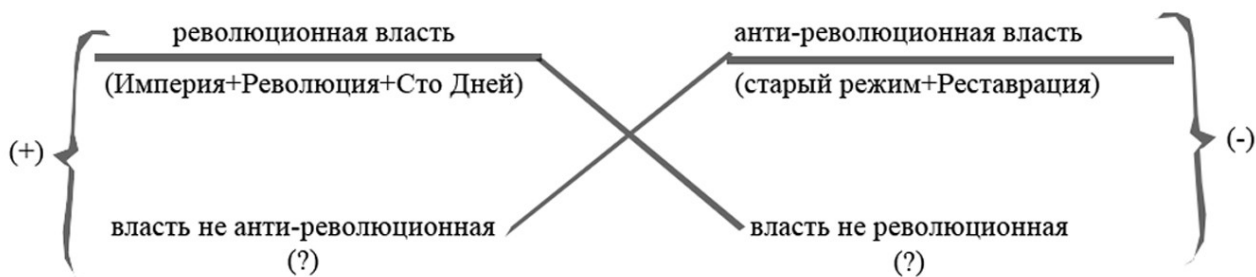
когнитивное действие, которое актуализирует термин, который также является гипертаксическим, и который можно было бы назвать «революционной силой» или «силой народа», поскольку империя является деградированной формой этой сила (в его глазах, конечно). Что возвращает последовательность чередования к этому :

Старый режим	----->	Революция+Империя	----->	Рестаурация	----->	Революция+Империя
АНТИ-РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА		РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА		АНТИ-РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА		РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА

С момента, когда чередование осуществляется между двумя членами иерархически более высокого уровня, отделение режимов может быть очень разнообразным и выходить за рамки «монархия vs империи». Следовательно, преобразование противоречий в диалектику состоит в замене одного уровня другим и в изменении системы противоречий:

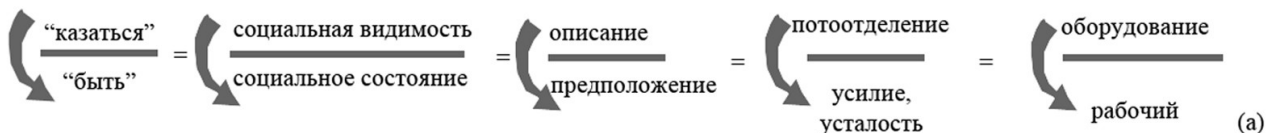
Гипертаксический квадрат построен из комбинированных позиций другого, «революционной силы» и «антиреволюционной силы», соответственно, на положительном дейксисе и отрицательном дейксисе, которые, с точки зрения водноса, являются двумя противоположностями. Противоречивые позиции позволяют предвидеть новые ситуации для инвестирования. Таким образом, новый квадрат:

с.314

4.2.2- Проявления компетенции.

Теперь мы понимаем, почему автор задерживается на описании актера, который выявляет когнитивный субъект: этот образный анализ демонстрирует компетентность этого субъекта. На трансформационном уровне когнитивная трансформация противоречий в исторической диалектике предполагает трансформирующий (интерпретирующий) субъект; само существование этого предмета предполагает адаптированную компетенцию. Описание актера дает нам в форме утверждений состояния серию «явлений» этого субъекта; «Бытие» можно реконструировать из этой серии эквивалентностей:

Здесь предполагается наличие смыслового содержания компетенции данного субъекта. Эта компетенция делает его субъектом права(всегда по мнению автора) диалектического преобразования.

4.2.3- Особенная компетенция: экономическая компетенция.

Этот вопрос можно задать двумя способами: либо мы констатируем, что / знания / интерпретирующих субъектов реализуются изотопическими и экономическими программами; или мы полагаем, что когнитивные действия исторических субъектов являются связующим звеном между исторической изотопией и экономической изотопией. Мы выбрали этот фрагмент, чтобы построить анализ:

«... война вызвала спад производства даже в большей степени, чем увольнение молодых людей. Империя для трудящихся была прежде всего крахом бизнеса, с каждым годом распространяется браконьерство, безработные, работающие по низким ценам на благотворительных предприятиях, более трети рабочие на фабрике тканей начали попрошайничать, от одиннадцати до двенадцати сотен человек ... Мы так и не оправились от кризиса 1811 года. (...) Фактически, с первого дня Бурбоны одним росчерком пера разрушили шерстяную промышленность, сделали одиозными долгие усилия по улучшению поголовья овец ... (...)

(a) Стрелки означают отношения предпосылок

Кроме того, среди серьезных промышленников образ императора хранился в шкафах, и велись крамольные разговоры с людьми из Парижа.» (a)
с.315

Мы можем резюмировать историко-экономическое содержание этой последовательности следующим образом:

1789 = бысто забытые иллюзии, затем — Террор.

Консульство= конец Террора, но — война.

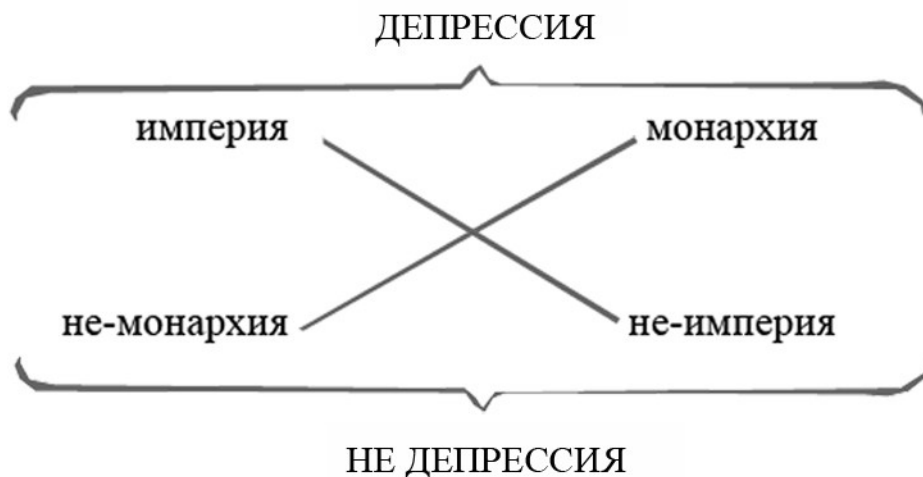
Империя = падение предприятий, беспорядок, безработица.

Рестаурация= возвращение индустрии, но-английская конкуренция и серьезный кризис.

Утверждение политических и экономических систем - это работа определенных когнитивных субъектов, принадлежащих к повествованию и которые также являются субъектами выбора. Дискурс здесь является частью их интерпретационной деятельности для выбора. Следовательно, это состоит в артикулировании политической изотопии и экономической изотопии путем объединения всех программ, принадлежащих этим двум изотопиям, в единую общую базовую программу, чтобы дать санкцию.

Поскольку здесь выбор субъектов определяется не политическими программами, их можно классифицировать как программы использования, тогда как экономические программы - это базовые программы: рабочие, подобные патронам Бове, выбирают процветание-против уныния. Это интерпретирующее действие также является диалектическим: оно управляет перестройкой квадратов политической изотопии и поднимает систему чередования, которая доминирует в чередовании последовательных режимов; во-первых, мы получаем:

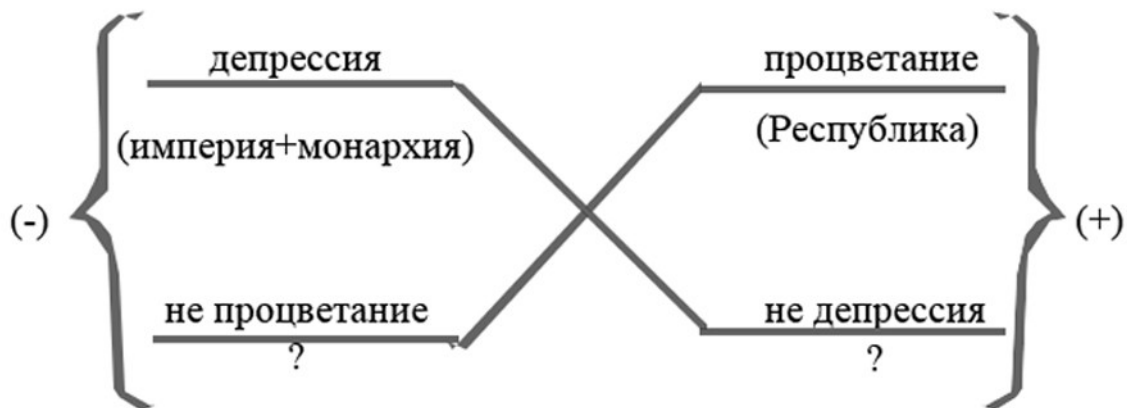
/ «Империя» = «уныние» (война и безработица) / VS / «Монархия» = не уныние/
Но когда мы понимаем, что восстановление сопровождается катастрофической конкуренцией за национальную экономику, мы получаем такой квадрат:

Из комбинированных позиций, сохраненных в тексте, «депрессивное состояние» против «не-депрессивного состояния», мы можем построить гипертаксический квадрат на основе их противоречия:

(а) Глава VI, Бове 20 марта, стр.234-235.

с.316

Заметим, что когнитивные субъекты, с которыми мы имеем дело, не обладают достаточной компетенцией, чтобы воспользоваться экономической интерпретацией, поскольку они видят только возвращение Империи: их когнитивное поведение, следовательно, лишь фактически диалектично, поскольку оно предполагает набор логических отношений, которые мы можем построить, но которые они не воспринимают. Однако наша гипотеза обоснована: именно познавательные действия субъектов выбора диалектизируют противоречия исторического содержания.

То, что следует ниже, имеет важное значение для общей экономии этого исследования Страстной Недели, поскольку мы хотим установить связь, которая должна объединить наши две основные части. Отвечая на этот вопрос: «Как объяснить зависимость между исторической диалектикой и когнитивным измерением», мы обратимся к конкретной фигуре когнитивного измерения: поиску, и мы уже знаем, что все, что касается аспектуализации, участвует в общей повествовательной организации. Мы приводим речь Жерико, в которой мушкетер в последний раз взвешивает перед командером Дежорджем условия исторического выбора:

«Если бы мне пришлось выбирать, - снова сказал мушкетер, - между Наполеоном и Людовиком XVIII, возможно, тот факт, что один бежит, а армия на стороне другого, мог бы повлиять на мое решение ... Но я ясно вижу, что есть третья сторона: и странно то, что вы, тот, кто показал мне это, неспособен убедить меня, что то или иное может оказать пользу этой третьей части, если я желаю выбрать ее. Ибо достаточно того, что вы не можете ответить мне на один вопрос, тот самый, который поднял передо мной этот крестьянин из Удето: зачем императору, призвав Карно в министерство, присваивать ему титул графа?» (а)

Затем Жерико резюмирует оправдания, которые командир дал ему по этому поводу: давление внешней угрозы, авторитет знати, эмигрировавшей или оставшейся во Франции. Затем он рассмотрел будущее этого режима, который начинался с опоры на армию и продолжался через создание дворянства: «Мы продолжим, как всегда, праздник жизни. Народ будут продолжать голодать. Армия, если она победительница, послужит для устрашения народа. Если она будет побита, она станет нищей, это все. То кричат Да Здравствует Король!, а то Да Здравствует Император! (б) И что мне там делать» (с)

5.1 -Аспектуалтзация высказывания.

Цитирование этого текста не говорит нам ничего из того, чего мы еще не знали об условиях выбора и связанных с ними аксиологических ценностях.

(а) и (с) Глава XV, Страстная Пятница, стр.275-276.

(б) Подчеркнуто в тексте.

Противоположности те же, и познавательное действие Жерико организует их диалектику, которая позволит ему найти выход. Нас интересует роль поиска в этой операции. Кажется, и это будет нашей гипотезой, что иерархия различных логических систем, которые составляют эти противопоставления, может быть осуществлена только на основе будущего развертывания различных программ; мы уже говорили об ожидании санкции: диалектизация реального историческими субъектами подразумевает когнитивные факты, которые проецируют их в собственное будущее. Эти выбирающие субъекты рассказывают историю в режиме / ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ/ быть о предложенных им программах, чтобы иметь возможность заявить о санкциях и сделать выбор. (а)

Эта история о способе / ОБЯЗАННОСТИ / бытия, которая превращается в диалектику, что было всего лишь логическим противоречием, кажется нам ключом к операции выбора. Так мы можем систематизировать все операции, составляющие паттерн:

а- убедительные действия адресатов; полемические поручения, логические противоречия.

б-нарративизация (/ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ / бытие) предлагаемых программ. Обновление и внедрение в рассказ полемической структуры.

с-ожидаемые санкции за последствия этих программ (всегда / ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ / быть).

(а) Приблизительно это определение СУБЪЕКТИВНОЙ ВЕРОЯТНОСТИ в психологии: «Это выражение может обозначать либо процесс, который состоит во взвешивании, сознательно или нет, плюсов и минусов различных действий, либо фактический акт решения, либо, наконец, само решение (...) Нормативная теория принятия решений относится к первому смыслу (...) Под этим понимается деятельность, с помощью которой индивид явно рассматривает предлагаемые ему возможности и присваивает каждой из них вероятность «р» появления и полезность «и», последняя выражает ценность (желательность), приписанную ему. Нормативные модели предполагают, исходя из гипотезы, что индивид принимает решение в пользу возможности, для которой произведение «р» и «и» является максимальным».

Выдержка из статьи Дж. Коэна в Encyclopédie Universalis.

С интересом отметим:

1- что это операция выбора из нескольких возможных.

2 - этот выбор основан на «полезности» и «желательности» и что эти две концепции относятся к «ценности»: это предварительные условия контракта.

3- что «вероятность» появления в будущем - это действительно то / ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ/ быть, которое является основой всех ожиданий.

Чтобы ввести аспектуализацию в эти операции, каждая из них должна быть связана с когнитивно-высказывающим дейксисом выбранного когнитивного субъекта:

а-Противоречивые полномочия находятся в / сейчас / этого дейксиса.

б- и с- Операции нарративации и санкции в режиме / ОБЯЗАННОСТИ / бытия расположены в / поиске / по отношению к / сейчас / предмета выбора.

5.2- Аспектуализация нарратива.

Мы вновь вводим здесь понятие, которое мы уже иногда использовали, но без определения его со всеми методологическими предосторожностями, которые сейчас необходимы. Визуализация / высказанного / организует ход процесса, процесс / высказывания / организует действия высказывания вокруг временного дейксиса высказывающего субъекта. Аспектуализация / рассказанного / организует ход процесса и сливается с ходом высказанного. Мы определим аспектуализацию / повествования / как организацию повествования из модификаций, внесенных преобразованиями: на уровне / рассказанного / мы имеем последовательность преобразований и состояний; на уровне / повествования / есть аспектуализированные преобразования, которые определяют «до» и «после». Преобразование может быть передано как:

а- изменение состояния на уровне / рассказанного /: $(S \cap \cup 0) \longrightarrow (S \cap \cap 0)$

б- аспектное изменение / повествование /: (до) \longrightarrow (после)

Таким образом, мы можем теперь связать различные операции исторического выбора с аспектуализацией повествования:

«ДО» :	Операция (а-): у субъекта имеются только противоречия, общность зафиксированных и статичных оппозиций. (это окончание Реставрации).
«ВО ВРЕМЯ» :	Операция (б-): субъект располагает диалектической и динамической организацией, которая позволяет ему сделать выбор; эта диалектика располагает нарративные возможности, иерархизированные компетенции, актуализированные перформансы. Только операция нарративизации учитывает трансформации, фактически содержащиеся в противоречивых состояниях, и, следовательно, актуализирует повествование, которое она единственная может произвести. (а)

«ПОСЛЕ» :	Операция (с-) : субъект располагает другим зафиксированным ансамблем состояний. (Сто Дней).
--------------	---

с.320

Если мы рассмотрим отдельно операцию нарративизации -b- и в той мере, в какой она обновляет процессы, мы можем распознать три специфических аспекта / рассказанного / (или высказывания): «неактивность», «длительность» и «терминативность». Они поддерживают следующие отношения с аспектуализацией повествования:

a- полномочия находятся «до»; окончательный предел этого «до» определяется «неактивностью» процесса.

b-нарративизация проявляет в режиме / ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ / быть весь процесс и, следовательно, его три аспекта.

c-санкция находится «после» судебного разбирательства; предыдущий предел этого «после» определяется «конечностью» процесса.
Ансамбль можно представить:

5.5- Аспектуализация высказывания и нарратива.

Таким образом, ключ к системе находится в центральной операции нарративизации, которая трансформирует в синтаксическую диалектику то, что является лишь противодействием и противоречиями на логическом уровне. Остается объяснить, почему это диалектическое когнитивное действие должно быть перспективным. Модальность / ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ / быть здесь ничего не решает: она просто подтверждает согласованность этой системы с остальной теорией. Возникает вопрос: что фиксирует дейксис интерпретации когнитивного субъекта «до» повествования?

(a) «ВО ВРЕМЯ» является — это логически обосновано- комбинированной ситуацией «не до+не после».

Ответ прост: предмет исторического выбора находится в синкретизме с прагматическим историческим предметом, факты которого совпадают с «лицевой» стороной повествования; если бы это было не так, это больше не было бы предметом выбора, выбор уже был бы сделан, а новые в процессе. Новые процессы могут соответствовать, по отношению к дейксису этого интерпретирующего субъекта, только «восприятию». Здесь у нас есть точная связь между синтаксисом и когнитивным действием субъектов, которую можно определить следующим образом: синтаксическая диалектизация Истории - это аспектуализация высказывания и повествования, но также / знание / об этой аспектуализации, / знание / которое может быть составлено только путем «поиска». Вот сводная таблица системы:

Аспектуализация ВЫСКАЗЫВАНИЯ	/теперь/	/поиск/	/поиск/
Аспектуализация НАРРАТИВА	/до/	/во время/	/после/
Аспектуализация ВЫСКАЗАННОГО		/ иншоактивность/ / длительность/ -----> /окончателность/	
СИНТАКСИЧЕС КАЯ ТРАНСФОР МАЦИЯ	Противоречивая ситуация	Диалектическая прогрессия. Конъюнктивное/ди зъюнктивное изменение	Новая ситуация
ОБРАЗНЫЕ СОДЕРЖАНИЯ	Реставрация. Высадка Наполеона	Изменение режима. Установле ние нового режима.	Сто Дней. Императорский режим.
ОПЕРАЦИЯ ВЫБОРА	-а- ПОЛНОМОЧИЯ (быть)	-б- НАРРАТИВИЗАЦ ИЯ (/ долженствоввать/ быть)	-с- САНКЦИЯ (/ долженствоввать/ быть)

5.6- Может ли быть диалектическим познающий акт читателя?

Мы хотели бы здесь показать функциональное единство смоделированной когнитивно-высказывающей структуры для всех когнитивных субъектов,

какими бы они ни были, чтобы изучить случай интерпретирующего действия читателя романа. Мы выбрали для этого отрывок из предыдущей главы: после долгого изучения прошлого и будущего, когда высказывающий объясняет по-своему функционирование исторической диалектики, он предлагает читателю реальный договор чтения.

«Знать ... видеть, понимать ... проникать в причины того, что сначала было необъяснимо, вкладывать в вещи новую логику, говорить себе: эй, значит, это было для того, чтобы этот мужчина, эта женщина, эти люди были там, тогда-как это казалось случайностью, странностью, незначительностью; все связывается и усложняется, и это похоже на сочинение истории. (...) Все было в беспорядке, а теперь все было сформировано, как это происходит утром для растрепанного спящего, он причесывается и делает пробор. Во что значит- знать, что последует ...» (а)

Высказывающий предлагает читателю рассказать историю - «это похоже на сочинение истории» - о различных возможных повествованиях, содержащихся в ситуациях, которые представляются ему при его чтении. Еще лучше, он говорит ему, что для преодоления противоречий - «то, что связано и становится сложным» - необходимо занять дальновидную позицию - «знать, что последует» -. В этот момент и при этом условии вещи и люди обретают значение и форму, и возникает диалектика - «новая логика» -. Таким образом, мы обнаруживаем все компоненты когнитивных действий выбранных субъектов: неопределенность по отношению к данной ситуации - «случайность, странность, незначительность», предполагаемую нарративизацию и санкции на программы, от которых таким образом отказались - «проникновение в причины».

Такой контракт на чтение - двойная манипуляция. Во-первых, как договор интерпретации, это операция автора, который стремится контролировать во всех направлениях и на всех уровнях интерпретативный акт своего читателя, но не более, чем другие романисты, и очень явно, что, как нарративный прием, применяется реже .

(а) Глава XVI, Завтра Пасха, стр.376.

с.323

В конце романа, заявив обо всех / знаниях /, которые он хотел передать, он устанавливает условия для оптимального использования этих знаний; это след дидактической стратегии, поскольку знание сопровождается при его передаче своего рода оптимизирующим руководством пользователя. Еще одна манипуляция: читатель становится компетентным выбирать свой собственный путь в истории; играя на двусмысленности этих мужчин и женщин, чьи действия — эти сущности из плоти или из бумаги - должны быть поняты читателем; автор, помимо «контракта на чтение», вручает договор интерпретации Истории. Цитируемый текст продолжает параллель между Жерико и всеми остальными:

«...живопись- это наведение порядка. В жизни тоже.»

Другими словами, навык, приобретенный для чтения романа, - это навык чтения реальности, и выполнение этого диалектически в романе будет представлять собой опыт (ноу-хау), который читатель может перенести в Историю. Другая дидактическая стратегия, чем та, которая заключается в передаче неявного ноу-хау другого, явного и привлекательного.

5.7-Пределы аспектуализации для когнитивного перспективного факта.

Нам не хотелось бы создавать впечатление, что «поиск» позволяет предвидеть будущее или что достаточно создавать программы, которые лишь виртуально содержатся в нынешних противоречиях. / Знание / выбранного субъекта относится только к ситуации, которая определяет его выбор, и это остается / знанием / неполным даже в этой ограниченной ситуации. То, что говорит рассказчик о Фабвье, очень характерно:

«... в 1815 году, например, считалось нормальным отрубить руку осужденному перед казнью, не было противовеса идее нации, патриоту и не снилось, что у него, например, были обязанности по отношению к народу, который ему не принадлежит, что слово «человечность» лишено смысла, что война есть не большее преступление, чем проигрыш и т. д. ...Именно с Фабвье, который перешел из имперских рядов в ряды монархистов, чтобы затем вступить в заговор против короля, мы видим, что все концепции того времени колеблются в сторону современных идей, которые обретут форму, ценность и масштабы, когда они станут частью системы, идеологии, они потеряют свой эмпирический характер, чтобы стать принципами.» (а)

с.324

В этой защите Фабвье нам показывают, что у него не было всех необходимых знаний, чтобы сделать выбор, как мы сделали бы на его месте. Например, в нем есть только противоположности «монархия vs империи», а не два других термина, их противоречия. Квадрат:

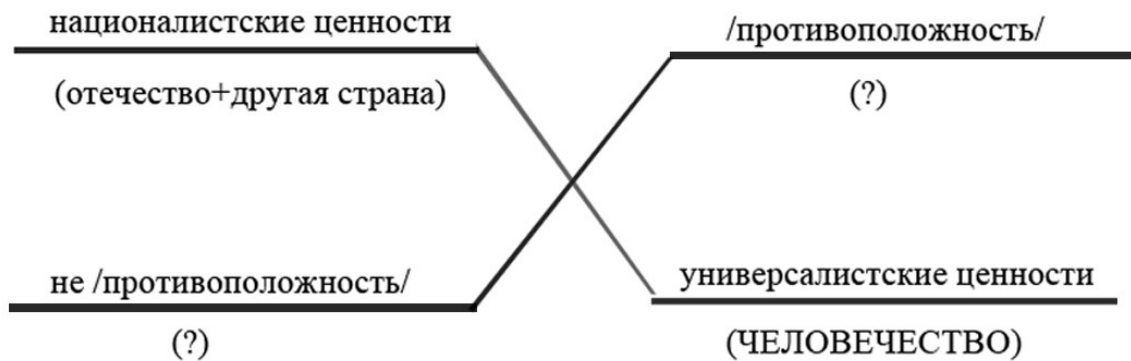
и его невозможно преодолеть, пока мы не можем представить противоречия.

Необходимо построить комбинированные позиции:

/отечество+другая страна/ = националистские ценности.

/не отечество+ не другая страна/=универсалистские ценности.

Это даст новый квадрат, гипертаксический по отношению к первому:

Позиции «человечность» не существует в ситуативной и аксиологической системе Фабвье.

Следовательно, нецелесообразно, даже при поиске и в режиме / долженствовать / быть, создавать программы, основанные на этом значении. Таким образом, мы можем четко определить пределы аспектуализации интерпретирующего действия выбранных субъектов: это работает только для операции нарративизации, но не для полномочий. Другими словами, выбранный субъект не может принимать системы ценностей интуитивным путем; это все равно что попросить решить математическую задачу без предоставления данных. А полномочия, как напоминает нам романист, актуализируется только с «системой, идеологией».

(a) Глава XIII, Зерна Будущего, стр.168.

с.325

Следовательно, аспектуализированное когнитивное действие избранных субъектов не имеет ничего общего с загадками или карточными

гаданиями: оно основывается только на гипотезах о действующих законах повествовательного уровня Истории.

6-ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На протяжении всего этого длительного изучения противоречий и диалектики мы никогда не давали никаких априорных определений. Мы никогда не задавались вопросом, было ли то, как противоречия в этом романе становились диалектическими, марксистского толка или нет. Мы этим не интересуемся. Скорее, мы хотели дать семиотическое определение диалектики в соответствии с семантической синтаксической теорией повествования и дискурса. Таким образом, мы прежде всего следовали путями / знания / в рамках этой диалектики, которая конституируется в Истории и составляет ее. Нам кажется, что точка зрения Арагона подобна; он не стремится объяснить историческую диалектику в строгом смысле, но пытается проследить разновидности / знания / и когнитивных субъектов в том, что является только противоречиями, но однажды станет диалектическим.

Когда субъекты поиска готовятся принять программы, / власть / не может быть озабочена диалектикой; только / знание / позволяет им позиционировать себя, потому что они могут строить это знание на событиях до того, как события будут реализованы: это сильная характеристика когнитивного измерения, связанная с множеством уровней аспектуализации. Это / знание /, построенное на событиях, которое их взвешивает и предсказывает, кажется нам сопоставимым с научным знанием.

с.326

Контракты, относящиеся к деятельности научной являются также контрактами интерпретативной деятельности. Это интерпретирующее действие будет построено путем прямого наблюдения за явлениями, а затем путем дедукции / индукции. Но разве научная деятельность не является отправной точкой именно / желания / предвидеть? Ученый, выполняющий экспериментальные действия, стремится, среди прочего, к / знанию / предвидению всех явлений, подобных тому, что он наблюдает, до того, как они произойдут, и где бы они ни происходили. Это — принцип универсализма.

Один из необходимых моментов валидации, который возникает перед ученым - это именно «закон»: выдвинуть гипотезу, подтвердить ее и закрепить как необходимость- все это предполагает превосходящее /желание / знать. В

романе Арагона каждый может наблюдать и отмечать беспорядочное множество противоречивых фактов; трудности начинаются, когда необходимо найти структуру, которая учитывает будущее. Дать себе средства «знать, что последует» до того, как это произойдет, уже означает иметь желание получить научное / знание / Истории. Это действительно заботит Арагона, который вписал это в свой текст не только через операции выбора исторических субъектов, но также во фрагменты повествования, где он признает, что он одержим теми же желаниями, что и его персонажи:

«Мужчины и женщины являются не только носителями своего прошлого, наследующими свой мир, ответственными за свои действия, они также являются семенами будущего. Писатель - не судья, который просит их объяснить, что произошло... он - один из них, существо, стремящееся узнать, что будет, (а) которое страстно сомневается и сожалеет обо всех этих индивидуальных судьбах, в поисках глобального ответа.» (б)

Проще говоря, деятельность романиста - это не только производство высказываний, но и интерпретативное когнитивное действие, которое подготавливает собственный выбор высказывающего в качестве исторического субъекта, стремящегося «знать, что будет», построить Историческую конструкцию.

(а) Подчеркнуто нами

(б) Глава XIII, Зерна Будущего, стр.171.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА.

ГЛАВА D

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

I/ Методологическое введение. Гипотезы.

II/ Точка зрения познающего субъекта.

III/ Точка зрения и компетенция познающего субъекта.

IV/ Точка зрения и иерархия познавательных актов.

V/Точка зрения, линейная и дискурсивная организация рассказа.

VI/Заключение.

I -МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ. ГИПОТЕЗЫ.

I .I -Точки зрения: семиотический вопрос или литература?

Понятие точки зрения - одно из наиболее широко используемых. Например, при повседневном использовании языка, когда вам противоречат и не имеют более других аргументов, всегда поднимается вопрос «точки зрения». При таком использовании это утверждение отвергает универсальный характер ваших слов; после того, как вам не смогли показать, что они были «универсально ложными», вам решают сообщить, что они не « истинны универсально», то есть другие утверждения, отличные или противоречащие вашим утверждениям, больше не будут ложными. В вопросе о точках зрения всегда предполагается «субъект» и «ярко индивидуальный» характер его компетентности; но на уровне высказывания тот, кто говорит «вопрос точки зрения», также предполагает виртуальное существование других возможных точек зрения. То же самое и с использованием этой фразы в литературной критике. Часто объясняют, что Стендаль, например, является писателем, придерживающимся «точки зрения», который запирает своего читателя внутри точки зрения персонажа, который, например, может ошибаться в отношении событий и, таким образом, заставляет читателя ошибаться вместе с ним. Следует признать, что, хотя это понятие часто используется, оно редко определяется; в большинстве случаев критика, претендующая на новизну, представляет собой смутный субъективизм утверждения, который у менее опытных людей сохраняет намеки на психологию персонажей. Предлагаем изучить все теоретические аспекты этого понятия через несколько фрагментов

романа Арагона. Этот текст хорошо подходит для этого не только потому, что обилие используемых точек зрения проявляется в простом интуитивном чтении, но и потому, что сам писатель неоднократно подчеркивал использование этого процесса (применение многих точек зрения), хотя бы, например, в названии второй главы, Четыре взгляда на Париж. Мы также только что использовали термин процесс; этот термин принадлежит как раз к метаязыку литературной критики, и он весьма сомнительный: он предполагает, что могут быть тексты без точки зрения, и что можно выбрать - путем процесса — высказать их в тексте. Ибо, могут ли быть тексты без точек зрения? Ответ будет найден в различных определениях, которые мы дадим этому понятию.

I.2- Некоторые гипотезы на основе текста.

Хотя здесь и там мы уже использовали это понятие для опровержения субъективных точек зрения, мы никогда не выдвигали конкретных гипотез по этому поводу. Чтобы поднять проблемы и развить гипотезы, мы сохранили фрагмент из последней главы, который мы представляем читателю. Следует просто помнить, что приверженцы короля и королевская свита направляются к границе, и их бегство мучительно:

«Если у нас были проблемы, в этот предрассветный час, когда мы добирались до этого региона темной ночью, с этими тучами и ливнем, теперь, когда мы пересекли Лис, все стало намного хуже. (...) Сразу же мы оказались в этом районе болот и торфяников, который считался непроходимым в течение двух третей года, и конвой мог напрасно топтаться, чтобы спешиваться каждые сто, сто пятьдесят саженьей, и искать направление, когда путь раздваивался, а этих раздвоений было более, чем достаточно (...) «Выходите отсюда, во имя Господа!» ...»(а)

Читатель, вероятно, не догадался, что это точка зрения Фабвье, которую мы обнаружим позже в разговоре с Мармоном, который идентифицирован лишь косвенно:

(а) Глава XVI, Завтра Пасха, стр.329.

с.330

«Скажите, мы на самом деле движемся прямо ... Вам не кажется, что мы возвращаемся? Дьявол, который нас ведет, знает об этом больше нас! Кто сказал? Простите, господин маршал...» (стр.329)

И далее, возникают два имени: «Фабвье идет рядом с Мармоном». Мы сохранили двусмысленность этого фрагмента до конца: мы понимаем, что «кто-то» видит и слышит то, что нам сообщается в тексте, и «передает» это через внутренний дискурс или высказывание. Мы не знаем, кто. А роман очень

часто пишется так: высказывающий сообщает точку зрения, развивает через нее свой рассказ и лишь потом позволяет догадываться, какой была эта точка зрения.

Продолжая наш интуитивный подход, мы обнаружим здесь несколько признаков, которые, не позволяя нам утверждать, что речь идет о Фабье, позволяют построить своего рода роботизированный портрет точки зрения. В прагматическом плане это один из членов королевского дома, один из последних верующих в монархию, бежавших вместе с ним. В когнитивном плане он очень озабочен вопросами ориентации, передвижения войск, военной тактики. Нецензурная брань и авторитарный тон, характерные для говорящего, помещают его среди военных, привыкших командовать. Тот факт, что он отличается от «тех, кто нас ведет», подтверждает его промежуточное положение в военной иерархии; он не привязан напрямую к верховному командованию; он последователь короля, а не один из его родственников. Всем этим опознавательным знакам необходимо присвоить статус; он будет основан на следующих предположениях:

а-Определить точку зрения - значит распознать личность когнитивного, виртуализированного или актуализированного субъекта.

б-определение точки зрения относится к существу субъекта, следовательно, к его компетенции как когнитивного субъекта.

с- выявить точку зрения - значит восстановить образный и тематический уровень этой компетенции.

d-идентификация точки зрения использует память дискурса, то есть распределение информации по линейной последовательности.

с.331

2-ТОЧКА ЗРЕНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ СУБЪЕКТ.

Первая гипотеза помещает понятие точки зрения в актуальную и трансформационную структуру, которую мы сейчас исследуем.

2.1 — Субъект vs Объект : актантное определение точки зрения.

Субъект имеет идентичность только через его отношения с «ценным» объектом, к которому он стремится в своих поисках. Мы хотели бы связать вопрос о точках зрения с более общим вопросом о передаче ценностей и их обращении между субъектами (а). Напомним элементарную формализацию обращения предметов между субъектами:

F преобразующее (S I \longrightarrow (S2 \cup 0 \cap S3))

S I = преобразующий субъект

S3 = субъект объединенного состояния

S2 = субъект разрозненного состояния

0 = ценностный объект

Эта формализация вводит два субъекта состояний, предполагая теоретическое существование дизъюнкции для любого соединения и наоборот. В этом случае мы исходим из аксиоматического принципа, согласно которому не существует ценного объекта, который до любого соединения не был бы уже соединен с другим субъектом, даже не подразумевая его. Этот предмет может быть неявно отделен трансформацией, но его присутствие существенно для точного и трансформационного определения точки зрения. Играя на возможных и виртуальных синкретизмах между S I, S2 и S3, мы раскрываем теоретическую основу точек зрения и их различие:

а-синкретизм S I = S2: Когда субъект разрозненного состояния и преобразующий субъект находятся в синкретизме, дизъюнкция - это / отречение /, а соединение - / атрибуция /.

б-синкретизм S I = S3: Если субъект соединенного состояния и субъект трансформатор в состоянии синкретизма, дизъюнкция - это / лишение /, а соединение - / присвоение /. Другого возможного синкретизма нет: субъект вполне может быть дизъюнктивным (S2) и соединенным (S3) по отношению к одному и тому же объекту, но это отдельный случай, который ничего не принесет нам относительно точек зрения; в любом случае эти две операции обязательно будут последовательными, а не одновременными.

(a) см. развернутую статью Греймаса о ценностных объектах (Langages 31)

с.332

В общем, различие между объединенным субъектом и несвязанным субъектом должно сохраняться, поскольку понятие точки зрения работает только с противоположностями: если есть только одна точка зрения, точки зрения нет. Каждая операция связана со своим корреспондентом, что составляет парадигму преобразований:

/отказ/ + /атрибуция/ = ДАР

/лишение/+ /присвоение/ = ВОРОВСТВО

Вопрос о точках зрения рассмотрен с этого уровня нарративной семиотики: в случае ДАРА- например, дар Святого Грааля людям. История приключений

Ланселота может быть сделана с точки зрения. Бога — это / отказ / - а с точки зрения Ланселота - это / присвоение/.

Вернемся к нашему роману. Когда романист рассказывает об изнасиловании Дениз, юной подруги де Прата, он также делает это с определенной точки зрения. Трансформация:

$$Ft \text{ /насилие/ } (S I \longrightarrow (S2 \cup 0 \cap S3))$$

S I=Артур де Аш., насильник. S3= Артур, бенефициарий.

S2= Дениза, жертва. 0= удовольствие, обладание.

Преобразование - это / изнасилование /, состоящее из разъединения - лишения ее тела и пола для Дениз - и сочетания - присвоения тела и пола Дениз Артуром д'Аш. Таким образом, есть две виртуальные истории, и говорящий может выбрать одну или рассказать их последовательно; он также может перемешивать их ради читабельности текста. Арагон решил рассказать о первоначальной / депривации / (а), образно рассказать о боли и отчаянии Денизы, о сострадании рассказчика. Во-вторых, он излагает историю / присвоения /, но без ее развития (б), разворачивая судьбу семейства де Аш. Таким образом, имеется четыре точки зрения на уровне преобразования:

(а) Глава VII, Последнее Зимнее Бдение, стр.304-305.

(б) Глава VII, там же, стр.306.

с.333

-точка зрения «насильника» : /присвоение/

-точка зрения «обворованного»: /лишение/

-точка зрения «дарителя»: /отказ/

-точка зрения «получателя»: /атрибуция/

2.2-Точки зрения и когнитивное измерение.

2.2.1- Две возможности.

Введение точек зрения в когнитивное измерение может производиться двумя способами:

а-Первый способ.

Мы добавляем когнитивное действие к точке зрения, определенной ранее, в отношении любой трансформации, в том числе прагматической. В случае изнасилования Денизы достаточно рассказать историю / присвоения / Атруром де Аш.. и / лишения / Денизы. Присутствует замена когнитивных действий случайного рассказчика в синкретизме с одним из прагматических субъектов на когнитивные действия постоянного рассказчика. Это соответствует разновидности характера субъекта: при противопоставлении семиологического субъекта / ноологического субъекта (а) рассказ может быть выполнен:

- с точки зрения семиологического субъекта (простое отчуждение для Денизы).
- с точки зрения ноологического субъекта (депрессия + когнитивное поведение при отчуждении для Денизы).

Мы видим, какие драматические или психологические эффекты можно извлечь из этой двойной возможности.

б-Второй способ.

Мы рассматриваем когнитивное действие как преобразующее действие, но чьим объектом является / знание /. Это преобразующее действие также включает конъюнкции и дизъюнкции и исходит из того же анализа, что и другие: поэтому мы находим те же точки зрения. Нас особенно интересует вторая возможность; однако мы можем заметить, что первый способ является частным случаем второго, поскольку познавательные действия данного субъекта могут быть связаны с действиями других в такой же степени, как и с его собственными; более того, добавление когнитивного действия с прагматической точки зрения обязательно означает добавление когнитивной точки зрения.

(а) Семиология здесь противопоставлена ноологии как внешнее-внутреннему, или объективное-субъективному, или как пережитое- воображаемому.

с.334

Таким образом, точка зрения - это не процесс, а структурная необходимость повествования; не может быть нейтрального повествования без точки зрения: есть только точки зрения, которые скрывают, или рассказчики, которые манипулируют своими слушателями, делая вид, что «как будто» в их рассказе не преобладает никакая точка зрения. Арагон проявляет себя явно и почти систематически: так заметно манипулируя нарративом, он освобождает нас от этой манипуляции.

2.2.2 - «Взгляд воров».

Мы заимствуем эту фразу из текста романа, потому что нам кажется, что она особенно характерна для когнитивных точек зрения в этом романе, а может быть, и в любом романе. Это взято из сцены в третьей главе:

«Через высокие окна Тюильри он видел волнение слуг, приготовления к пиру. (...) на улице уже темно, и подходящие разные люди СМОТРЯТ КАК ВОРЫ в эти большие окна на праздник.» (а)

В этой сцене организация пространства в двух местах, утопическом / паратопическом, демонстрирует отношения исключения между актерами, которые связаны с этими местами:

Народ («все подходящие люди»)	VS	Приближенные короля (офицеры, знать)
За пределами Тюильри		В Тюильри

Это отношение исключения проявляется как комбинация соединительных и дизъюнктивных состояний, прагматического (иметь vs отсутствие богатства) и когнитивного (знание vs незнание).

(а) Глава III, Огни Пале-Рояля, стр.113.

с.335

Таким образом, эта последовательность лежит в основе двух полных преобразований, одно подразумевается, другое объясняется:

$$Ft \text{ прагм. (неявный)} \quad (S \text{ I} \longrightarrow (S2 \cup 0 \cap S3) \quad)$$

S I=военные, дворяне. и т.д....

S2=народ, люди извне.

S3= те же

0=богатство, праздник.

$$Ft \text{ когн. (явный)} \quad (S \text{ I}' \longrightarrow (S2' \cap 0' \cap S3') \quad)$$

S I'=народ

S2'=дворяне.

S3'=народ

0'=знание о празднике и богатстве.

Проявлены две точки зрения:

-/лишение/, точка зрения народа в прагматическом измерении.

-/присвоение/, точка зрения народа в когнитивном измерении.

Это текстовое явление позволяет нам наблюдать ограничение в функционировании точек зрения. Если мы выберем точку зрения «народа» в прагматическом измерении, мы сможем представить точку зрения «народа» - в той же последовательности - в когнитивном измерении. Если мы выберем точку зрения «дворян» в когнитивном измерении, мы сможем выявить только точку

зрения «дворян» в прагматическом измерении. Невозможно, например, принимая познавательную точку зрения субъектов вне праздненства, сказать это в режиме / присвоения / , в прагматике: в этом случае мы могли бы только развить / лишение собственности /. Точно так же невозможно принять когнитивную точку зрения / присвоение / оставаясь «внутри праздника» - прагматическую точку зрения «дворян».

Ограничение можно определить следующим образом: точка зрения, определяемая в одном или другом измерении, применяется ко всем остальным, если действующий субъект является общим для этих измерений, чтобы проявлять субъекты точек зрения. Это проливает свет на то, как автор может манипулировать / знанием / о событиях: он ограничивает / знание / читателя о событиях через выбранную им прагматическую или когнитивную «точку зрения»; и ничему — вполне естественно — автор не позволит проявиться вне его выбора - выбора в одном измерении достаточно для нарративной манипуляции, если только автор напрямую не передает читателю знание о своей «точке зрения».

2.2.3-Точки зрения в когнитивном действии у двух актантов.

Мы уже цитировали и анализировали сцену из главы Ночь в Лесу, о ночной прогулке Жерико и Фирмена; читатель помнит, что они пересекают Пуа, чтобы тайно добраться до места встречи заговорщиков. Они прячутся от всех, от патрулей, от самих заговорщиков. Если мы рассмотрим конечную цель этой прогулки, объект / знание / , предложенный Жерико, является объектом трансформирующего действия, как здесь формализовано:

Ft когнитив. (S I \longrightarrow (S2 \cup 0 \cap S3))

S I =субъект действия: Фирмин

S3=субъект конъюнкции:
Фирмин и Жерико.

S2 =субъект дизъюнкции: конспираторы

0=знание о собрании.

Существует синкретизм между преобразующим субъектом и объединенным субъектом.

Следовательно, это КРАЖА - / изъятие / + / одобрение /. Это требует двух замечаний:

а-В случае знания, как и в случае других модальных объектов, таких как власть, дизъюнкция является только теоретической и не приводит к образному разделению. Это называется совместным общением: S3 участвует в знаниях S2, не теряя их. Мы привыкли отмечать эту операцию знаком

Но нет нужды выделять другую дизъюнкцию: достаточно не путать логическую операцию дизъюнкции с образной операцией разделения.

б-Эти два типа когнитивных актов происходят из разных синкретизмов. Убедительное действие построено на ДАРЕ - / атрибуция / + / отказ /; интерпретирующее действие построено на КРАЖЕ - / лишении собственности / + / одобрении /. Воссоединение двух фактов в одной передаче / знания / предполагает установку в повествование двух пар преобразований: ДАР и КРАЖА. Выше мы рассмотрели интерпретативное действие Фирмена-Жерико. Также необходимо было бы рассмотреть убеждающие действия участников собрания.

Давайте проиллюстрируем это второе замечание другим когнитивным преобразованием той же последовательности: оказавшись там, Жерико стремится лучше увидеть и понять, что происходит: это интерпретирующий факт:

с.337

Ft интерпрет. (S I:Теодор \longrightarrow (S2:конспираторы \cup 0:знать \cap S3:Теодор))

Это предполагает убедительное действие, построенное на ином синкретизме:

Ft убедит. (S I: конспираторы \longrightarrow (S2:конспираторы \cup 0:знать \cap S3:Теодор))

В случае, когда проявляются две когнитивных позиции, у рассказчика, следовательно, есть четыре когнитивные точки зрения. Что еще более важно, оппозицию «убеждающий факт / интерпретирующий факт» никоим образом нельзя путать с системой «передача / прием» в той мере, в какой последнюю иногда можно интерпретировать как отношение между деланием и совместным состоянием. Другими словами, интерпретация также трансформирует.

2.3- Точки зрения и когнитивно-передающая структура.

Мы уже раскрыли основы и функционирование этой моделируемой структуры, проецируемой высказывающим в его высказываниях для распространения своих знаний. Поскольку на каждом уровне есть когнитивные акты, возникает вопрос о точках зрения, и мы можем рассматривать все возможные комбинации.

а-рассказчик наблюдает за прагматическим или когнитивным действием актанта высказывания.

Выберем случай Бертъе; рассказчик заявляет:

«Все перемешалось в голове Александра. Франция, стыд стать эмигрантом. Все, что это слово всю его жизнь означало для него. И отчаяние при оставлении своих владений.» (а)

Трансформация:

Ft когн. (S I \longrightarrow (S2 \cup 0: знать \cap S3))

Ft=интерпретирующий факт

S2 =Бертъе, субъект дизъюнкции.

S I =рассказчик, субъект действия

S3=рассказчик, субъект конъюнкции.

0=знание о противоречиях Бертъе.

(а) Глава XIII, Зерна Будущего, стр.172.

с.338

Здесь мы имеем дело с КРАЖЕЙ.

б-рассказчик, чтобы объяснить происхождение своей повествовательной способности, обращается к предыдущим прочтениям:

Для этого мы сохраняем комментарии, которые следуют за попыткой уюйства Жерико:

«Ах, я все смешиваю, но это я мечтаю в середине XX-го века об этом разделенном народе, а не о маленьком Монкорпоре или ... Доказательство. У меня есть доказательство. Это история о месте, где сердце. Эта история о ноже, поднимающемся в ночи, и об убийце, который колеблется, чтобы нанести удар, ища подходящее место, (...)... посмотрим, посмотрим, вы можете прочитать и перечитать все Рэдклиффы, встряхнуть их, пролистать страницы, (...) вы не найдете этого (...). С другой стороны, эта история, я знаю, откуда она взялась: а вы? Из английского романа (...) Мартин Чезлвит ... Я знал это с детства, каждую ночь, перед сном, мама читала мне Диккенса.» (а)

Мы будем различать две когнитивные группы как по их иерархическому положению, так и по их соотношению Предшествование / Последовательность.

Познавательный акт, переданный от рассказчика к читателю - ДАР:

/отказ/		/присвоение/
Точка зрения рассказчика	+	Точка зрения воспринимающего

Познавательные действия высказывающего (англичанина, то-есть «извне» и «бывшего») Диккенса по отношению к читателю романа (ребенку-слушателю) можно описать следующим образом:

/отказ/		/присвоение/
Точка зрения Диккенса (рассказчика)	+	Точка зрения Арагона (слушателя)

Первый шаг - между уровнем повествования-изложения и уровнем чтения. Было бы необходимо добавить к этой системе интерпретирующее действие читателя, чтобы восстановить все измерения во взаимоотношениях высказывающего / принимающего. Действительно, производство / прием текста одновременно ДАР и КРАЖА. Объяснение ДАР совершенно исключительное: одно из правил классического романа состоит в том, чтобы не проявлять точку зрения писателя. Как и любое правило, оно порождает нарушения, которые значительны только по отношению к норме, которая опровергает компетенцию высказывающего и воспринимающего.

(а) Глава X, Ночь В Лесу, стр.67.

с.339

«Вмешательство автора», «обращение к читателю» - это когнитивно-высказывательные акты, которые, тем не менее, виртуальны в моделируемой структуре: характеристика любой теоретической модели состоит в том, чтобы предвидеть как правила, так и их нарушения.

Второе когнитивное действие объясняет уже упоминавшийся феномен «интертекстуальности»: как и любой субъект моделируемой структуры, автор текста, вероятно, будет использовать различные когнитивные точки зрения: / отречение / и / лишение собственности / в связи с воспринимающим, но также / атрибуции / и / одобрения / в его отношениях с авторами интертекстов.

Выше мы обнаружили и формализовали две когнитивные трансформации / ДАР /, но в романе они проявляются в меньшем количестве, чем / КРАЖА /, которых много. Из этого наблюдения мы можем сделать следующие выводы:

а-Поскольку КРАЖА является количественно доминирующей, мы можем сделать вывод, что / знание / циркулирует по существу снизу вверх в этой моделируемой структуре, от прагматических действий до когнитивных действий.

б-Это означает, среди прочего, что если S1, субъект действия выбран на уровне (n), S2 будет синкретизирован с ним, а S3, несвязанный субъект, будет принадлежать к гипотаксическому уровню.

с-Если дизъюнктивный субъект S3 принимает только прагматические акты или даже когнитивные состояния (мысли, впечатления, чувства и т. д.) без того, чтобы это знание было высказано или проявлено им, у нас будет только интерпретирующее действие SI = S2.

д- Если конъюнктивный субъект S3 принимает когнитивные состояния, проявленные им или заявленные, он будет признан ответственным за действие убеждения.

В последних двух ремарках мы узнаем в (с-) сообщенную речь, которая, следовательно, является КРАЖЕЙ, и в (d-) прямую речь, которая, следовательно, является ДАР + КРАЖА.

с.340

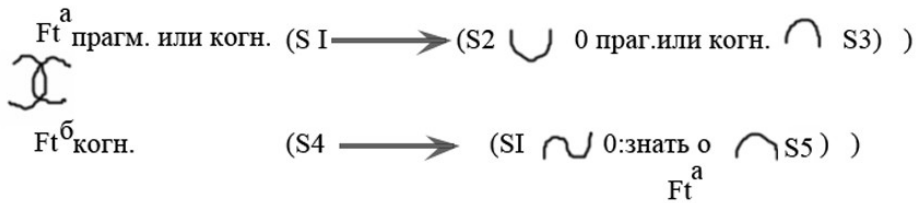
2.4-Точка зрения и событие.

Всякий раз, когда объект / знание / с когнитивной точки зрения является ДЕЙСТВИЕМ, какова бы ни была природа этого ДЕЙСТВИЯ, в тексте оно становится событием. Тот факт, что автор в процитированном выше фрагменте объясняет, как он представляет свой роман, является и может быть только текстуальным действием; оно становится событием по отношению к нашей точке зрения как читателя и, следовательно, за пределами высказывания. Зато, когда Жерико комментирует причины своего отказа выбрать партию: «Ах, я буду с жертвами! Цвета твоей жизни - не цвета боли, а спокойствие смерти.» (а)

это предполагает когнитивно-высказывающее действие. Это действие становится событием с точки зрения командира Деджорджа, который также комментирует это событие:

««Вот они, эти художники! Красота, красота ... Это не точка зрения. Смерть, я прошу вас ! Они все путают, они наслаждаются противоречиями. Они как буриданов ишак.» (б)

Резюмируем так: действие выполняет актер Теодор; но актер Дежордж, с его познавательной точки зрения, создает событие. Отсюда возможная формализация того, что такое событие:

Ft^a = делание S1, наблюдаемое.

S4=преобразующий субъект точки зрения
(Дежордж)

Ft^b =когнитивный факт точки зрения.

S1=преобразующий наблюдаемый субъект
(Жерико)

S5=конъюнктивный субъект
точки зрения. (Дежордж)

S2=дизъюнктивный наблюдаемый субъект.

S3 =конъюнктивный наблюдаемый субъект.

Это именно точка зрения превращает ДЕЙСТВИЕ в событие внутри самого утверждения.

(а) и (б) Глава XV, Страстная Пятница, стр.278 и стр.278-279.

с.341

3-ТОЧКА ЗРЕНИЯ И КОМПЕТЕНЦИЯ КОГНИТИВНОГО СУБЪЕКТА.

Исходя из гипотезы о том, что любая когнитивная точка зрения предполагает когнитивный субъект, наделенный компетенцией, мы хотели бы объяснить это в связи с идентификацией точки зрения. Что равносильно тому, чтобы дать с точки зрения определение БЫТИЮ после определения ДЕЙСТВИЯ, которое предшествует.

3.1- Бернар, увиденный Жубертом: точка зрения, предполагающая компетенцию.

Бернар только что прибыл с телегой в Пуа, чтобы забрать месье Жубера, которого он не знает и который не знает его. Встреча происходит на основе знаков и их интерпретации, следовательно, предусмотрено когнитивное действие; автор выбрал между Бернаром и Жубером когнитивный подход г-на Жубера, чтобы показать точку зрения, продиктованную этой встречей: «Молодой человек, потому что для вновь прибывшего, тридцатилетний мужчина был молодым человеком, с каштановыми волосами, причесанный под Титуса, прогуливался взад и вперед перед почтовым отделением в пригороде

Пикардии; и он выглядел как тот, кто просто проводит время и никого не дожидается. Он вызывал легкую улыбку из-за попыток быть элегантным, которые просматривались в его наряде, довольно бедном, но несомненно вдохновленном газетами, которые дают советы по модной одежде и говорят вам, что вы можете рисковать. (...) Молодой человек был в тканых серых брюках.» (а)

Существенным признаком, который заставляет искать предмет с точки зрения его компетенции, является фраза «для пришедшего»: предлог «ЗА» обновляет точку зрения, а тематическая роль «для пришедшего» позволяет идентифицировать актера, в отличие от другого, того, кто ждет. Чтобы понять, как существо этого субъекта точки зрения постепенно выстраивается в процессе чтения, необходимо постулировать существование интерпретирующего действия, которое направлено на воссоздание / знания / об этом существе: деконструкция, управляемая автором соответствует реконструкции читателя, которую мы собираемся описать.

(а) Глава IX, Встреча в Пуа, стр.347.

с.342

Предположения, основанные на когнитивных действиях Жубера, следующие:

<u>Когнитивный факт</u>	предполагает	<u>компетению</u> (БЫТИЕ)
«молодой человек» или «человек молодой»	/возрастной человек/: гораздо больше тридцати лет
«который кажется скучающим»		.../ понимания / достаточно, чтобы превратить «ложь» в лицемерие.
«без всякого сомнения, вдохновленный модными журналами»		.../знание/ о журналах, об их различных категориях, и о парижских: из Парижа ли он?
«молодой человек носил брюки серого цвета, очевидно, стесняясь, из-за своей профессии, носить розовый».		.../знание/ о профессии молодого человека /понимание/
«..роза вигонь...немного скандальный для чулок, как будто сделанный в Париже».		.../знание/ о том, что носят в Париже; подтверждение: он из Парижа.

Следовательно, точка зрения может быть определена утверждениями состояния, которые явно или неявно квалифицируют бытие субъекта: интуитивно, это точка зрения пожилого, проницательного и опытного человека, который приехал из Парижа, со всеми знаниями, что это влечет за собой; более формально, мы находим следы / знать / + / мочь / интерпретировать: это субъект закона знания, и этот статут подготавливает тематические роли, которые актер будет играть во время собрания. Итак, для читателя, знание о наблюдаемом, Бернаре, сопровождается знанием о наблюдателе (Бернар): вот интересная описательная стратегия в отношении распределения / знания /.

3.2- Нарративная компетенция vs дискурсивная компетенция.

3.2.1- Различие .

Для того, чтобы заложить основы типологии точек зрения в соответствии с «бытийностью», а затем, основываясь на «действии», мы предлагаем первое различие между повествовательным и дискурсивным содержанием компетентности точек зрения. Поясним, что именно мы подразумеваем под этим.

с.343

а-Нарративная компетенция.

Субъект конструирует познавательную точку зрения, именно это позволяет организовать все утверждения состояния и делать то, что предлагается интерпретирующему действию в нарративах. В предыдущем тексте г-н Жубер может реконструировать имплицитные программы Бернара как «явно колеблющийся из-за своей профессии ...». Кроме того, повествовательное содержание будет рассматриваться как повествовательная компетенция, вписанная в память актера (а), которая появляется каждый раз, когда он выражает новую точку зрения, и которая смешивается с новым повествовательным содержанием, которое его познавательное действие позволяет актуализировать. Для этого различия между уже известными историями и историями, которые предстоит сконструировать, мы полагаемся на два типа знаний: / ноу-хау /, приобретенное путем повторения действия, и / знание /, которое не обязательно ведет к действию, и просто составляет бытие субъекта.

б-Дискурсивная компетенция.

Именно содержание компетенции субъекта точки зрения позволяет ему конструировать семантическую организацию ситуации, которая перед ним, а также позволяет ему интерпретировать на образном и дискурсивном уровнях то, что ему предлагается на уровне когнитивного действия. Эта компетенция соответствует манипулированию рассказчиком относительно данной точки зрения набором образных и модальных изотопий, которые придают определенную окраску взгляду, установленному на объекты знания. Более строго: они видоизменяют точку зрения. В тексте постоянное упоминание того, что делается в Париже, и это является образной модализацией точки зрения. Читатель поймет, что это различие, разделяя нарративные изотопии и образные изотопии, противопоставляя нарративизацию и дискурсивную и образную модализации, основано на более общем различии между синтагматической осью и парадигматической осью.

3.2.2- Нарративная компетенция.

Мы решили быстро просмотреть главу, озаглавленную Четыре вида Парижа. Ситуация и исторические события одинаковы для четырех использованных точек зрения: речь идет о волнении в Париже, а также на улицах и во дворцах, в момент, когда все задаются вопросом, что решит король, где все гадают, что делать и с кем.

(а) Постоянство актора, независимого от актантных изменений, которые он может охватить, как нам кажется, характеризуется накоплением в памяти дискурса опытов различных включенных субъектов. Это накопление, вероятно, будет ретроспективно подтверждено последним обновленным когнитивным субъектом.

с.344

Эти четыре точки зрения принадлежат Роберту Дьедонне из первого полка королевских егерей, Фабвье, второму лейтенанту телохранителей в роте под командованием Мармона, маршалу Макдональду, заместителю командира армии де Мелена, герцога Таренте, и, наконец, Сезару де Шастеллюкс, помощнику майора легкой конницы, родственному величайшим семьям Франции. Повествовательная компетентность, характеризующая их точки зрения, в основном состоит из навязчивых идей:

ДЬЕДОННЕ: «Они заставляют нас уходить (...) Ориентир: Эссонн ... Герцог Берри, кажется, боится армии (...)

Эссонн! Это название что-то сказала Роберту. В прошлом году в Эссонне разыгралась ужасная трагедия, охватившая Фонтенбло и отдавшая императора на милость союзников. Ту ночь Дьедонне провел в седле...» (а)

ФАБВЬЕ: «Это было невозможно, полковник ошибался. Он был слишком одержим этой знакомой фигурой, он видел ее везде. (...) Лицо было плохо различимо (...) он думал: что делает здесь Мари-де-Анж?» (б)

МАКДОНАЛЬД: «Я действительно не смогу больше играть, - подумал он, - да к тому же у меня ухудшается зрение ... Скоро мне понадобятся очки, чтобы читать свои записи ...» (с)

ШАСТЕЛЛЮКС: «Шарль повторял про себя: конец, конец ... И всегда он видел свою младшую сестру в слезах и обвинял себя: разве не он женился против воли своей семьи, разве не он в прошлом году обратился к Шарлю де Ла Бедойер, который ушел из армии и поручил ему командование 7-й линией (...). Предатель в семье! Не нужно бояться слов.» (d)

Эти фрагменты историй, эти тематические роли, обновляющие повествовательные программы, специфичны для каждого когнитивного субъекта со своей точкой зрения.

(a) Глава II, Четыре вида Парижа, стр.79.

(б) Глава II, там же, стр.92-93.

(с) Глава II, там же, стр.100.

(d) Глава II, там же, стр.107.

с.345

Они участвуют в идентификации точек зрения, связывая с каждой из них набор повествовательных, тематических и актерских изотопий. Точка зрения Дьедонне связана с памятью об Эссонне, Фабвье с Мари-де-Анж, Макдональда с музыкой и старостью, Шастеллюкс с дворянской семьей и изменой (а). Идентификация осуществляется путем противопоставления и разрывов нарративных изотопий: точки зрения определяются несовместимостью и противоречиями нарративных изотопий, проявляющихся в каждой из них. Обратите внимание, что в этой главе нет пространственного изотопического разрыва - все происходит в Париже возле дворцов, нет временного изотопического разрыва - все происходит во второй половине дня Вербного воскресения - и это единственный способ различить точки зрения, которые направлены на тот же объект- знание состоит в череде разрывов «мемориальных» изотопий повествования.

3.2.3- Дискурсивные компетенции.

Мы решили сравнить две разные точки зрения на одну и ту же ситуацию: беспорядок в Сен-Дени. В главе, озаглавленной Сен-Дени, мэр города, а затем Жерико, сталкивается с этим зрелищем и пытается распознать организацию: их интерпретативные действия пропитаны определенными модальными и фигуративными изотопами.

а-Первая точка зрения: г-н Бенуа.

«Бенуа, мэр Сен-Дени, в тот вечер рано лег спать, и когда они пришли разбудить его незадолго до полуночи, он все проклял. (...) (б) Казалось, что в тот вечер в этом городе не только мэр не мог спать. По дороге в казарму (...) Мсье Бенуа под дождем не мог понять всей этой неразберихи. Экипажи, экипажи. Многолюдные и шумные кафе, спорящие пешеходы, невероятное количество солдат: что все это значило?»

(а) Мы можем видеть здесь роль, которую играет интеграция изотопий на основе акторов (в первой части) в идентификации точек зрения: они являются частью образных изотопий, которые дифференцируют субъекты точек зрения, поскольку они являются объектом рефлексивного когнитивного делания.

(б) Глава V, стр.169.

с.346

Почему они не в своих домах? (а)

Он входит в Постильон и наблюдает за людьми:

«... подозрительные люди, громкий смех охранников ... Во всем неподходящем (...) Там были простые люди, которые пели крамольные мелодии. (..) Неужели все эти люди в ту воскресную ночь упустили из виду тот факт, что следующий день был понедельником? И что они должны были пойти на работу? Они забыли, хорошо. Хотя наконец по последним правилам...» (б)

Перечень судебных решений, вынесенных г-ном Бенуа, показывает в целом негативную санкцию; это позволяет, исходя из предположения, постулировать имманентное существование двух систем ценностей: системы не-ценности, реализуемой в сцене; система ценностей, имманентная санкциям г-на Бенуа, и подразумеваемая с его точки зрения.

Система неценности проявляется уничижительными лексемами «путаница», «беспорядок» или такими фразами, как «больше дисциплины»,

«подозрительно здоровые», «соблазнительные мелодии». С другой стороны, выстаивается система позитивных ценностей:

«беспорядку» соответствуют.....порядок и дисциплина

проступкамуважение к законности

наружению правил, поздней вечеринке, веселому времяпрепровождению
новое накопление сил для завтрашней работы.

Итак, порядок, дисциплина, уважение к закону и порядку, умеренность и работа: вот совокупность фигуративных ценностей, характеризующих точку зрения г-на Бенуа и отражающих его когнитивную компетенцию.

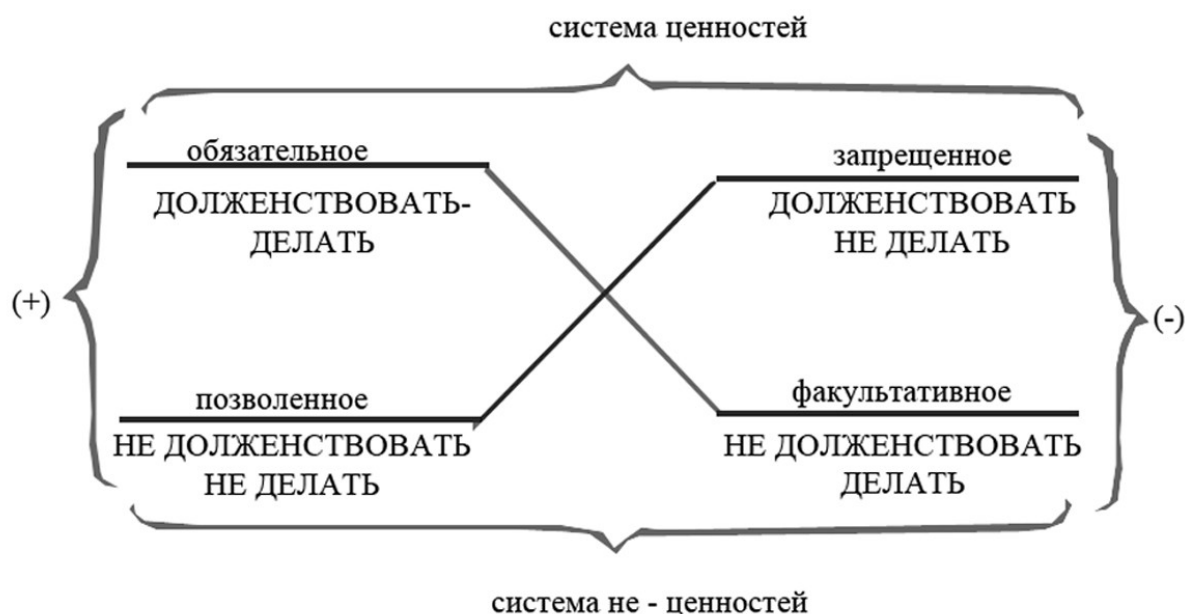
Этот набор значений можно уменьшить, перейдя с образного уровня на модальный. В образных рамках программы «оптимальной эксплуатации рабочей силы» система ценностей М. Бенуа основана на деонтических модальностях: вся ситуация переинтерпретируется ее когнитивным действием в терминах / обязанности - делать / и / не должен делать /.

(а) Глава V, Сен-Дени, стр.170.

(б) Глава V, там же, стр.171.

с.347

Другими словами, эта система модализирует различные дискурсивные фигуры волнения и ночного оживления:

б-Вторая точка зрения: Теодор Жерико.

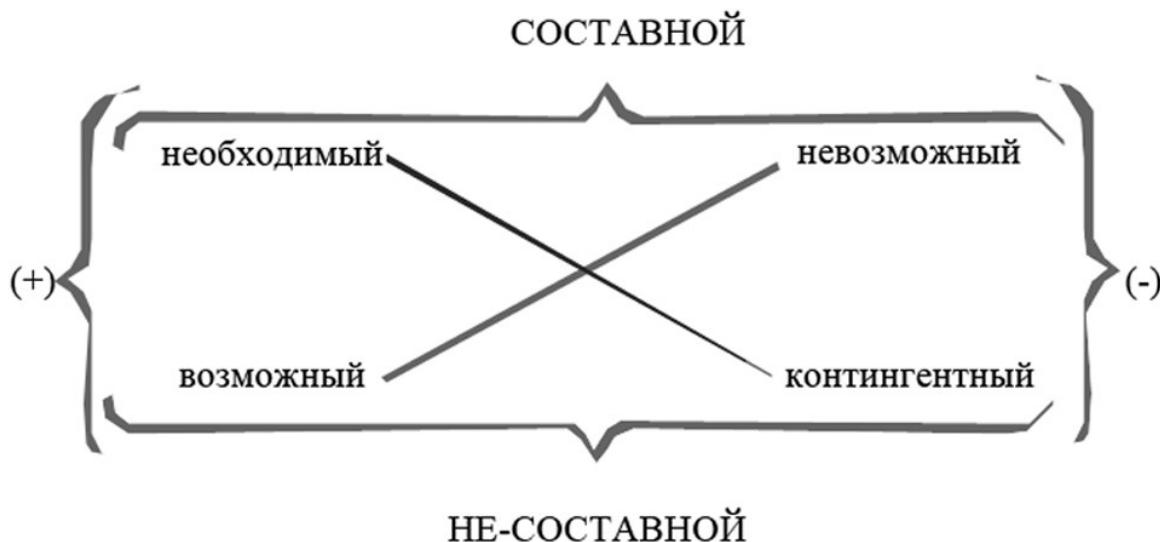
Перед той же сценой, молодой художник размышляет:
«... здесь нужно было просто смотреть, без воображения. Дорога Абревуар казалась великим поминальным пиршеством, бесконечно меняющимся полотном, толпами, факелами и фонарями, маленькими домами, утечками тьмы и детали на лицах и одежде, это отдавалось в сердце Теодора. Если бы ему не захотелось выпить, он бы не переставал смотреть на эту оборванную фигуру на углу улицы Компуаз, которая казалась, около градки дороги, центром огромной композиции. (...)» (а)

Применяя тот же подход, что и в предыдущем тексте, мы легко находим, что характеризует точку зрения Теодора. Его познавательное действие является эйфорическим, тогда как действие М. Бенуа было дисфорическим: эта «эйфория» предполагает положительную санкцию и, следовательно, допущение ценностей, признанных в объекте познавательного действия. Поэтому нам просто нужно составить список и структурировать эти образные значения, чтобы определить модализирующее содержание с точки зрения Жерико. «Великий поминальный пир», «бесконечно изменяемый холст», «огромная композиция» - вот проявления этих ценностей, в которых мы находим аксиологическую систему, присущую индивидуальной вселенной Жерико: / эстетическое / vs / неэстетическое / . Но эти живописные образные ценности - не единственные, которые организуют повествовательное содержание, предложенное Жерико ситуацией. В словосочетаниях «большой пир», «холст», «грандиозная композиция» проявляется смысловое содержание «сконструированной тотальности».

Это содержание предусматривает:

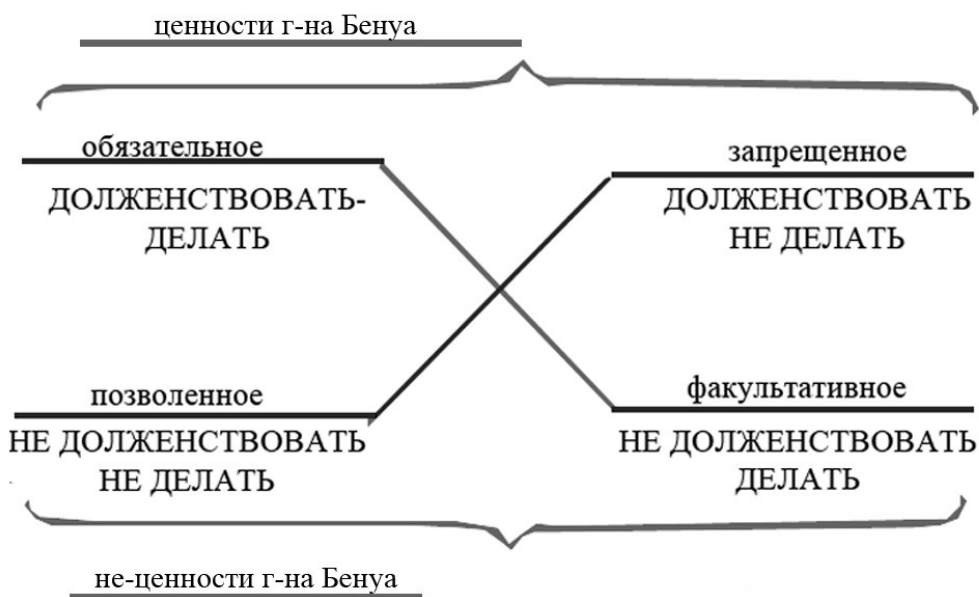
а-программа эстетического творчества и, следовательно, предмет эстетического творчества, не выраженный как таковой в тексте. Однако мы можем считать, что в повествовательном содержании этого фрагмента преобладает / желание / делать, что заявляет о себе в композиции.

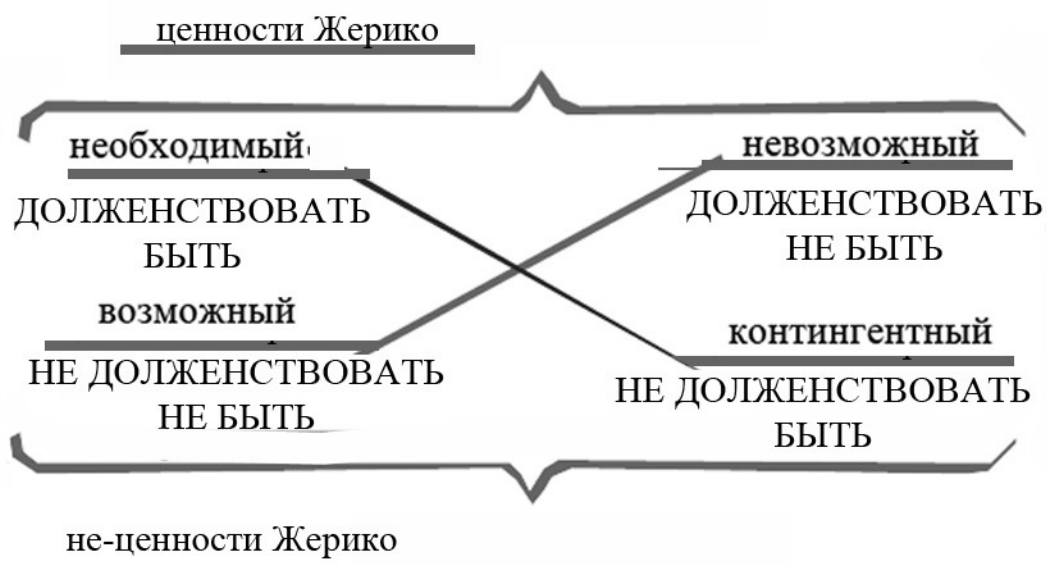
б - система алетических модальных значений, которая может быть выражена образными значениями, такими как «составной» vs «несоставной»:

с-сравнение

Если мы примем во внимание, что алетические модальности могут быть омологированы с системой обязательного бытия, тогда две системы ценностей противостоят друг другу как делание и бытие:

Обратите внимание, что ценности ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ ДЕЛАТЬ и ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ БЫТЬ относятся соответственно к аксиологическим системам политических программ и эстетических программ; это оппозиция, которая составляет большую часть образного уровня этого романа. Типология точек зрения, а также их идентификация теперь может быть построена в отношении дискурсивной компетенции вокруг:

-аксиологической переменной, соответствующей гарантированной в доверительном контракте системе ценностей.

-модальной переменной, которая характеризует установленную субъектом специфическую взаимосвязь с точки зрения его аксиологических ценностей и образных проявлений.

-ролевой переменной, которая определяется фигурами или тематическими ролями, распознаваемыми в наблюдаемом содержании.

с.349

Мы заметим, что, как и в случае нарративной компетенции, идентификация точек зрения осуществляется путем противопоставления внутри каждой переменной дискурсивной компетенции: даже если бы актеры Бенуа и Жерико больше не проявлялись, было бы невозможно перепутать социально-политическое обязательство одного с эстетическим «обязательным требованием» другого. Кроме того, «изобразительное» содержание познавательной компетентности субъекта Жерико можно рассматривать как одну из образных доминант романа; из-за эффекта связанности - модальная и образная изотопия не ограничивается точкой зрения Жерико - «живописная»

нарративная фигура вторгается во все точки зрения, в том числе и в точку зрения Жерико:

«За пределами этого района отелей и садов возвышались поля, гипсовая печь, холм Монмартр с его мельницами, он выглядел как фламандский пейзаж, как дождливые перспективы Брейгеля...» (а)

и в точку зрения Макдональда:

«А сбоку от мельниц, на этой полукруглой улице, образовалась небольшая грязная Голландия, похожая на фермерский пейзаж, потемневший с годами.» (б) или точка зрения самого автора, когда он с целью объяснения ситуации выстраивает утверждения о действиях и образные утверждения состояния таким образом, чтобы ввести в семантическое содержание произведенные ценности изобразительного / долженствования-быть; так, в главе Полночные Прощания, в которой полностью отсутствует Жерико:

«Как хороша гостиная, где играли в карты, на прекрасном столе в галерее из розового дерева (...) В дополнение к деревянным изделиям, расписанным со всем вкусом старого царствования (...), эти прекрасные бледно-голубые шелковые шторы, которые украшают всю комнату...» (с)

(а) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.55.

(б) Глава V, Сен-Дени, стр.206.

(с) Глава IV, Полночные Прощания, стр.144.

с.350

3.3- Идентификация точки зрения.

Мы можем, прочитав достаточное количество текстов и посчитав нашу исходную гипотезу подтвержденной, подвести итоги критериев идентификации, установленных читателем, принятых когнитивных точек зрения. Для иллюстрации при необходимости мы можем обратиться к текстам, цитируемым в этой главе. Критерии следующие:

а-тип компетенции (нарративная, типа / ноу-хау / или / знания / навязчивого типа; дискурсивная, с тремя переменными: аксиологической, модальной, образной.)

б-пространственно-временной дейксис: в той мере, в какой г-н Жубер, например, приобретает / знание / о Бернаре, он является виртуальным

субъектом высказывания; это определяет когнитивно-высказывательный деиксис точки зрения.

с-тематика («новоприбывший»), («мэр этого города»)

d-акторизация (г-н Жубер; г-н Бенуа, Жерико...)

e-лингвистическое проявление: довольно часто высказывающий выражает / знание /, специфичное для точки зрения, используя регистр на языке, который, возможно, может быть использован субъектом точки зрения. Виртуальное высказывание любого когнитивного субъекта остается виртуальным до тех пор, пока автор текста не дает, делегируя высказывание, / власть / - говорить с субъектом точки зрения. Но утверждение / знание / приобретает у актера-человека по праву: речь - одна из его тематических ролей. Не давая ему голоса в высказывании, автор может продемонстрировать как / знания /, полученные в результате акта интерпретации точки зрения, так и эту конкретную паховую компетенцию, которая является языковым регистром. Так мы узнаем в Фабье необразованного солдата, когда он восклицает (думая, что имеет дело с подчиненным): «Уходите оттуда, черт побери!», а в Жерико художника, когда он называет черный цвет «битумным» и рисунок «окровавленным». (а)

(а) Эти наименования принадлежат писателю, потому что знания и точка зрения Жерико остаются здесь косвенно проявленными.

○

с.351

4-ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ИЕРАРХИЯ КОГНИТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ.

В кратком изложении, посвященном этому предмету, была выдвинута гипотеза: каждый когнитивный уровень соответствует точке зрения, виртуальной или актуализированной, на более низких уровнях. Это означает, что любая точка зрения предполагает когнитивный субъект, расположенный в иерархии когнитивных уровней. И наоборот, любой когнитивный субъект, расположенный в этой иерархии, фактически является ядром когнитивной точки зрения, ориентированной на более низкие уровни. Исходя из этой гипотезы, мы особенно хотели бы изучить последствия для отношений между

высказывающим-рассказчиком романа и другими субъектами, принадлежащими к высказыванию.

4.I- Кому снится роман?

После их ночной прогулки Теодор и Фирмин ссорятся, потому что Фирмин хочет донести о заговорщиках, а Теодор, привлеченный их словами, не хочет; Фирмин впадает в бешенство; позже той же ночью романист показывает его нам, склонившегося над спящим Теодором с ножом в руке, чтобы отомстить. Рассказ прерывается, и автор задается вопросом о происхождении этой сцены: кому снится эта история?

«Ничего из этого не было. Возможно, это все мечта Теодора, Теодора, который никогда не вставал со своего матраса. (...), свернувшись на нем. (...) Если действительно, это только его сон? Возможно, из рассказа Юдифи и Олоферна (...).но я так думаю! Это не Теодор (...) это не сон Теодора, но кого-то другого, кого? Может быть, маленького Монкорпа. Это сон ученика колледжа (...)...У этих детей голова набита литературой. (...) Хотя...Но, конечно, это так: это я! Это мне снится. Моя голова покачивалась, как у змеи и ужалила, в конце концов.(...) Я сплю. (...)Вот четыреста страниц, о которых я мечтаю, ничего этого никогда не существовало...» (а)

В этом эпизоде вся история разворачивается в несколько классическом стиле, когда Фирмин заносит нож над спящим Жерико. В тот момент, когда читатель считал, что имеет дело с историей, полностью руководимой автором, последний начинает выдвигать гипотезы о точке зрения, которая порождает этот вымысел, - точке зрения, которая не обязательно принадлежит ему.

(а) Глава X, Ночь В Лесу, стр.64 — 67.

с.352

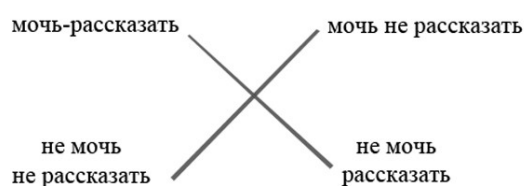
Именно этот разрыв, это когнитивное разъединение он заставляет нас объяснять, различая две логики текста: логику мотиваций и логику предпосылок.

4.I.I- По логике мотиваций.

В линейном порядке дискурса, ориентированном в соответствии с направлением чтения этот разрыв виртуализирует два смысловых эффекта, характерных для канонического повествования: эффект необходимости и эффект реальности. Эффект необходимости состоит из имплицитного убедительного акта рассказчика, предназначенного для слушателя: здесь актер Фирмин, который принимает на себя тематические роли предателя и ревнивца и

состояние униженного гордеца, идеально модифицирован для программы «жажда мести»; он наделен / желанием делать / и / может делать / (проявляется в поднятом ноже). Но рассказчик намеренно выбирает виртуализацию своего / ноу-хау /, подробно демонстрируя соответствующий ему квалификационный тест на «обман»: убийца в последний момент не знает, куда ударить. Таким образом, очевидно «необходимая» последовательность навыков и задач нарушается этим разрывом и переходит в модальную позицию «случайности». Неявное убедительное действие повествователя в этот момент направлено на утверждение свободы его повествовательного действия. Это неявное убедительное изменение можно формализовать:

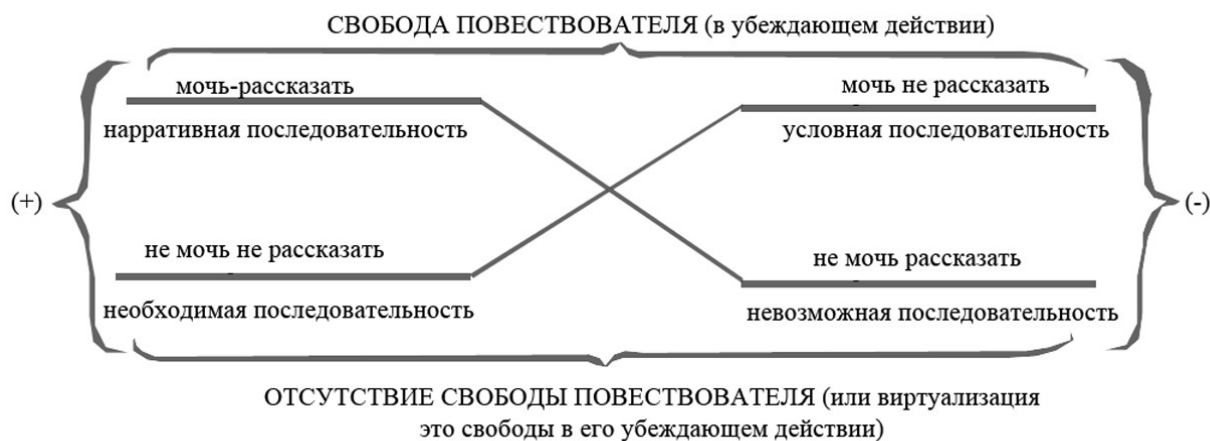
квадрат “способность-делать”:

квадрат алетических модальностей:

Принимая во внимание, что / мочь-действовать / модализирует повествовательное действие и что алетические модальности изменяют существование результата этого действия - истории, повествовательной последовательности - мы можем соотнести эти два квадрата и заставить их проявиться два убеждающих действия рассказчика:

Плюсовой деиксис соответствует актуализированному когнитивному факту (свободный или ограниченный), а минусовой деиксис виртуализированному нарративному факту (по выбору или по принуждению). Утверждая свою свободу, отказываясь от манипуляций повествователя, которые заключаются в том, чтобы заставить поверить в то, что история происходит вне рассказчика, в условиях сдерживающей необходимости, рассказчик подтверждает существование своего познавательного действия и своей точки зрения. (а)

По-прежнему в порядке дискурса, согласно логике мотиваций, этот разрыв виртуализирует эффект реальности. Этот эффект состоит из убедительных действий рассказчика относительно его отношений с объектом-повествованием и со / знанием / об этом объекте. Любой рассказчик, который классическим образом хочет произвести эффект реальности, должен не только имитировать реальное - «казаться» истинным, - но также действовать так, как если бы объект-рассказ не был произведен им, но лишь получен и передан им. С этой точки зрения рассказчик является только наблюдателем того, что существовало или существует вне него, то есть он является лишь субъектом интерпретирующего действия в отношении / знания / об истории. Разрыв повествования, который удерживает наше внимание, виртуализирует этот эффект реальности, утверждая, что повествование не принимается, а создается, и что рассказчик является убедительным субъектом, который конструирует / знание / повествование посредством «сна». Рассказчиком может быть любой субъект: Жерико, Монкор или Арагон, при условии, что он является компетентным когнитивным субъектом, способным принять повествовательное действие, задуманное как производство и распространение / знания / . Здесь рассказчик снова подтверждает свою когнитивную точку зрения, поскольку он проявляет преобразование, синтаксически обосновывающее эту точку зрения.

(a) Как мы увидим позже, это также определяет свободу высказывающего и / или рассказчика.

с.354

До этого перерыва история представляет собой объект знаний типа «найденный объект»:

$$Ft(\text{неявный}) \quad (S1 \longrightarrow (S2 \cap 0: \text{рассказ}) \quad) \quad \begin{cases} S1 = \text{виртуализированный} \\ S2 = \text{рассказчик} \end{cases}$$

После этого разрыва повествование и рассказчик входят в синтаксис точки зрения, в которой циркулирует объект знания:

Ft (проявленный): le "сон" (S I \longrightarrow (S2 \cup 0: рассказ \cap S3))

Ft= сон

S2=рассказчик

Либо трансформация:

S I=рассказчик

S3=слушатель

/отказ+/присвоение/ = ДАР

4.1.2- Согласно логике предположения.

Парадоксально, но именно автор меняет порядок дискурса на обратный: до этого разрыва он разворачивает свое повествование в каноническом порядке; после этого разрыва он ставит под сомнение логику предположений, чтобы найти начало своей прерванной истории. Для этого он опирается на два неявных утверждения: «У меня есть точка зрения»; «Моя точка зрения - это точка зрения интерпретирующего когнитивного субъекта и производителя / знания /. Предположения следующие:

а-Любая история предполагает когнитивное повествование.

б-Любое когнитивное действие предполагает когнитивный субъект и точку зрения.

с-Любой познавательный субъект и точка зрения предполагают познавательную компетентность.

д-Вся когнитивная компетентность субъекта точки зрения состоит из повествовательных и дискурсивных изотопий и предполагает предыдущие когнитивные действия, которые составляют квалификационный тест на / умение-рассказать /.

Таким образом, автор пытается найти возможные навыки для определения возможных субъектов «повествовательного сна». Для каждого возможного субъекта, с каждой рассматриваемой точки зрения, можно найти более раннее когнитивное действие, составляющее квалификационный тест: «история Джудит и Олоферн» для Жерико, «мечта студента колледжа» для Монкорпса, чья голова - « набита литературой »; для автора это «Моя жизнь, ... вся моя жизнь. Опыт всей моей жизни», и более конкретно «... Диккенса, коллекция Nchette по двадцать су, в красной обложке ...»

с.355

Посредством этого процесса предположения, именно компетенция высказывающего сохраняется как наиболее соответствующая осознанному факту, и поэтому именно точка зрения высказывающего «освобождается» в повествовательном сне.

4.1.3- Ложь

В этих вопросах о происхождении нарративного воображенного, автор ставит под сомнение актерскую идентичность рассказчика. Поскольку повествование - это также лишь вопрос точки зрения, любой компетентный когнитивный субъект может взять на себя активную роль рассказчика. Больше нет разницы между точкой зрения субъекта, принадлежащего высказанному, и точкой зрения субъекта, принадлежащего высказыванию. Некоторые участвуют в высказывании благодаря смоделированной когнитивно-высказывательной структуре; другие участвуют в произнесении посредством произнесенного высказывания. Эта последовательность однозначно подтверждает нашу общую гипотезу о моделируемой структуре и частную гипотезу о месте, которое в ней занимают точки зрения. Если мы рассматриваем только высказывание / истину / в романе, мы видим, что «Я», которое предполагает высказывание, всегда одно и то же, что тот, кто говорит и рассказывает, всегда идентифицируется с Арагоном. Но если мы рассмотрим моделируемые факты высказываний и повествований, мы всегда можем спросить себя, кто говорит, а кто рассказывает, в Страстной Неделе. Отсюда важность вопроса об идентификации точек зрения.

Эта смоделированная структура предполагает симулирующее действие: через все операции, посредством которых рассказчик утверждает или отрицает себя, посредством которых автор перераспределяет свою / силу / высказывания и свою / власть / знать на точки зрения, отличные от его позиции, мы видим убедительный факт манипулятивного типа, модализованный как / казаться + не быть /, то есть находящийся в позиции «ложь». Это означает, что «это не правда текста»; эта «ложь» является одной из фундаментальных структур романа и во многом определяет его связность. Например, тот факт, что выразитель обсуждает вероятность такой когнитивной компетентности для Жерико или Монкорпса, доказывает связную роль этой «лжи». Когда он пишет: «И мечтал ли об этом даже Теодор? Возможно, о рассказе про Юдифь и Олоферна. Только Юдифь была обнаженной, с голыми руками и в голубых подвязках ... а он не был кузнецом со сломанным носом, мокрым от пота, униженным в недрах своей души...» (а) или еще:

«... конечно, главное то, что ни Фирмин, ни Жерико, ни Монкорпс никогда не могли прочитать Мартина Чезлвита за тридцать или сорок лет до того, как Диккенс написал его. ...» (б)

он проверяет и аннулирует согласованность повествовательных изотопий, которые он приписывает компетенции каждого из рассматриваемых субъектов: такое содержание противоречит другому содержанию или пространственно-временному дейксису рассматриваемой точки зрения: при каждой точке зрения и, следовательно, на каждом когнитивно-высказывательном уровне присутствует набор нарративных и дискурсивных изотопий.

4.2. Особый случай: компетенция рассказчика.

Мы показали, что субъекты высказывания были представлены самим высказывающим как субъекты познания, соответствующие определенным точкам зрения. С этой точки зрения мы хотели бы просмотреть некоторые тексты, которые развивают аспекты компетенции говорящего как когнитивного субъекта, подобного другим когнитивным субъектам.

4.2.1 - Личный опыт Арагона.

В главе, озаглавленной Ночь В Лесу, рассказчик прерывает рассказ об этом насыщенном событиями собрании, чтобы всплнить о личном опыте. Чувство солидарности, которое зарождается в Жерико, вызывает это воспоминание:

(а) Глава X, Ночь В Лесу, стр.64 (б) там же, стр.67.

с.357

«... увидев Теодора Жерико в зарослях, во рву, наблюдающего за заговорщиками Пуа, эта история пришла ко мне из темного уголка моей памяти, даже тогда, никогда никому не рассказанная.» (а)

Это память о 1919 году, когда, будучи солдатом французской оккупационной армии в Руре, он чувствовал солидарность с немецкими горняками просто потому, что их дело было справедливым:

«Ночная смена отказалась идти вниз, те, кто только что вернулся, сообщили в галереях, я не знаю о чем, о каких-то опознавательных знаках...» (б)

«(...) Именно тогда я внезапно почувствовал внутри себя, что эти грозные незнакомцы, эти Боши, именно они в тот вечер были правы, их сопротивление выражало все великое и благородное в человеке.» (с)

Такое повествование о жизни писателя в процессе повествования может получать несколько типов комментариев. Это прежде всего демистификация «автора» и идеологической системы создания литературного «творчества»: автор занимает лишь одну позицию среди других в когнитивно-высказывательной иерархии текста, точка зрения, наделенная нарративной компетенцией памяти, такая же, как и других. Наблюдаем здесь:

а-уровень повествования, на котором повествование о собрании строится, и принимается точкой зрения повествователя: интерпретирующее действие для получения элементов повествования и убедительное повествовательное действие для организации их в повествование, в направлении гиперотаксической стадии.

б-уровень высказывания, который действует как ретранслятор повествования, предназначенный для слушающего. Интерпретирующее

действие высказывающего обновляет его когнитивную компетенцию, и в частности, изотопии повествования, построенные памятью: в соответствии с принципом изотопической связности, характерным для каждой точки зрения, нарративная изотопия повествования о собрании накладывается на те, которые уже в памяти, и обновляет в когнитивном действии типа ПАМЯТЬ тот, структура которого наиболее приближена к происходящему.

Возможен другой тип комментария: здесь смешивается то, что традиционно различается как «внутреннее» и «внешнее» текста, одно ограничивает целое, в котором находятся рассказ, персонажи, композиция и т. д. ..., другое набор, где генезис, источники, биография автора и т.д ...

(а), (б) и (с): Глава X, Ночь В Лесу, стр.43, стр.44, стр.45.

с.358

Высказывающий неявно устанавливает уникальную структуру для генерации текста, и его мета-нарративный дискурс присоединяется к нашему семиотическому дискурсу (а). Мы еще раз видим, что идентификация двух иерархических точек зрения осуществляется благодаря разграничению их компетенций: точка зрения рассказчика предполагает только одну компетенцию, чтобы сделать ее повествовательной: точка зрения автора высказывания предполагает / знание / об истории рассказчика плюс еще кое-что (здесь / знание / о собственном опыте).

4.2.2- «Долженствовать-сказать» высказывающего.

В романе, после долгого рассказа о герцоге Ришелье, автор явно представляет себя манипулируемым:
«Они могут злиться на меня, так же как они злятся на меня за то, что я защищал Барреса или Клоделя, за эти несколько строк в скобках в пользу этого герцога с омраченным лицом и вьющимися волосами. Но, признаюсь вам, если бы я не написал их, я не смог бы спокойно спать.» (б)

Этот комментарий проявляет полемические отношения между:

«основания сказать»	И	«основания не говорить»
=/долженствовать-сказать/		=/долженствовать не сказать/

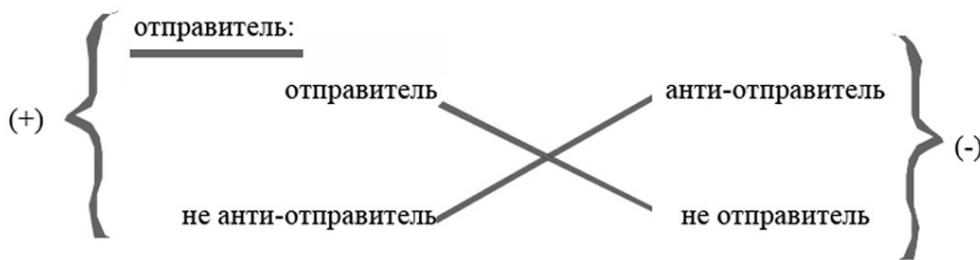
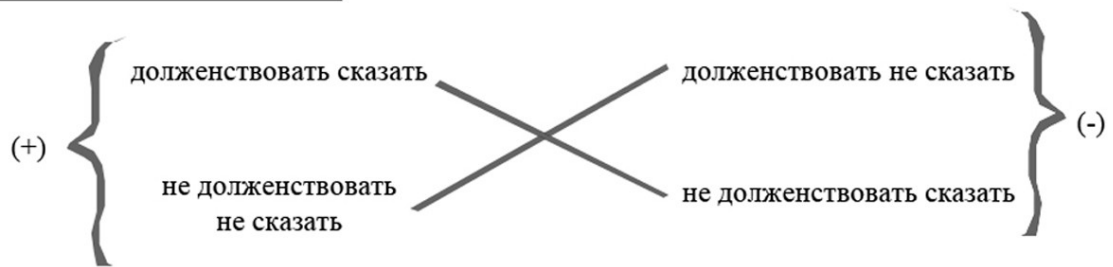
Санкция «Могут сердиться на меня» предполагает договор, основанный на / не должен говорить /; санкция «нарушило бы мой сон» предполагает договор, основанный на / необходимости сказать /. Таким образом, именно из этих двух

противоположных негативных санкций предполагается полемическая структура: у нас есть контракты, получатели и ценности в полемических отношениях:

(а) Наличие «мета-нарративного» дискурса, даже имплицитного, оправдывает различие на когнитивно-высказывательном уровне № 2 между рассказчиком и автором: рассказ, созданный рассказчиком, задуман для слушателя; нарратив, передаваемый на уровне высказывания, дополняется этим мета-нарративным дискурсом, существование которого предполагает гиперотаксический субъект по отношению к рассказчику: он является автором, а его продукт предназначен для читателя.

(б) Глава XIII, Зерна Будущего, стр.167.

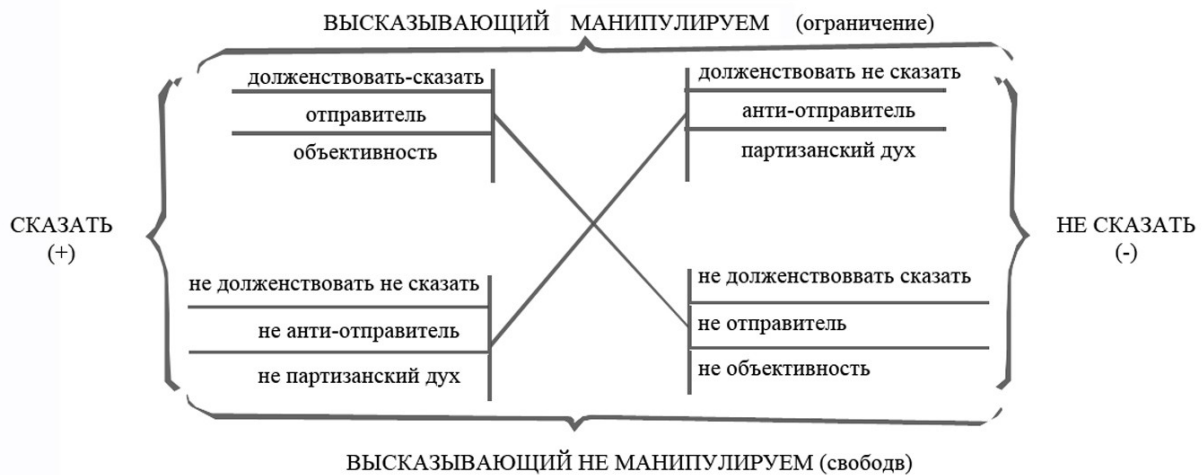
полемические контракты:

аксиологические ценности:

Омологируя эти три системы, мы получаем полемическую систему, характерную для манипуляции высказывающим:

В этом тексте полемическая структура устанавливается только после освобождения субъекта; говорящий, таким образом, ведет себя как субъект выбора, который ожидает санкций несовместимых программ и выбирает программу, для которой отрицательная санкция была бы наиболее нетерпимой.

4.2.3- Знание о высказывании у автора.

Перед рассказом о смерти Бертье автор задается вопросом, как он будет описывать город, в котором Бертье обрывает свою жизнь, город Бамберг, его последнее пребывание и место, где он покончил жизнь самоубийством. О каком Бамберге расскажет он?

«Я никогда не бывал в Бамберге, и я застрял между идиллией гетевской Германии, городом Гофмана, и этим современным Геркуланумом, который видела Эльза, где мы видим на виллах нелепую свастику, и выпотрошенную мебель Третьего Рейха. Я оказался между этими тремя Германиями и настоящим Бамбергом, туристами, зданиями, построенными на острове Регниц ... (...)

с.360

И что мне нужно знать больше?» (а)

Это развитие мысли, явно помещенное под знаком / знание /, благодаря последнему высказыванию, детально анализирует качества каждого из «рассматриваемых» Бамбергов: идиллическая и искусственная Бавария, Бавария Гете; барочная и фантастическая Бавария Гофмана; Бамберг в руинах после сражений Второй мировой войны, Бамберг Эльзы Триоле; после этих литературных воспоминаний, из которых мы привели лишь минимум, автор приступает к описанию с помощью лексики и дискурсивных стратегий туристической брошюры: синтетические взгляды, перспективы, точки зрения, ... В этой сцене рассказчик и писатель практически неотличимы; писатель подвергает сомнению дискурсивную компетенцию, которая позволяет представлять пространственные актаны нарративного воображения. В первую очередь, следует отметить, что сам автор ставит под сомнение свое / ноу-хау /: он представляет себя не всеведущим «автором», а познающим субъектом, как и другие, чья точка зрения ограничена пределами их познавательной компетенции. Более того, этот текст о компетенции высказывающего позволяет нам переопределить, что такое «интертекстуальность» для нас в рамках теории когнитивных точек зрения. / Знание / субъекта высказывания не представляется имманентным в его статусе высказывающего: оно / знание / приобретает в определенных когнитивных программах, которые составляют квалификационный тест. В описании Бамберга рассматриваются два типа квалификационных тестов: немедленное когнитивное, визуальное и соматическое действие, виртуализированное следующим образом: «Я никогда не был в Бамберге»; опосредованное когнитивное действие, объект которого передается другим высказыванием и, следовательно, другим высказывающим и другим когнитивным субъектом: знанием / книжным/, которое исходит от Гете, Гофмана, Эльзы и туристических гидов.

В большинстве случаев высказывающий подразумевает предпосылки / знания /, которые необходимы ему для написания: это часть манипуляции высказывающего, как и другие неявные практики.

Но в этом случае эти предпосылки объясняются подробно: он констатирует не только результат своих когнитивных действий, но также и их синтаксис. Вот почему, возвращаясь в последний раз к понятию интертекстуальности, мы можем на основе этого текста создать определение; это особая точка зрения на трансформационном уровне:

FT интертекст. (S I \longrightarrow (S2 \cap 0: знать \cap S3))

Ft интертекст. =когнитивная деятельность автора. S2=конъюнктивный субъект состояния= автор текста.

S I: =высказыватель текста, трансформирующий субъект. S3 =дизъюнктивный субъект состояния, высказыватель интертекста.

В любом случае, речь идет о когнитивном ВОРОВАСТВЕ (/ присвоение + лишение владения /), а интертекстуальность - это не что иное, как точка зрения высказывающего на присвоение им / знания / на интертекст - текст другого высказывающего - как часть его квалификационного теста.

Таким образом, интертекстуальность является лишь частным случаем вопроса о когнитивных точках зрения, о процедурах приобретения компетенции и о функционировании смоделированной когнитивно-высказывательной структуры: для нас это не аксиома или концепция, а простой эффект смысла. из-за особого расположения более общих понятий.

5-ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ЛИНЕЙНО-ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

Распределение историй в последовательных тестах: полномочия, квалификационный тест, решающий тест признания, уже кажется необходимым критерием для организации истории на уровне дискурсивного проявления. Но эти единицы хорошо работают только с большими и часто плохо определенными последовательностями. Нам кажется, что распределение в дискурсивной последовательности последовательных когнитивных точек зрения касается более ограниченных и лучше определенных единиц линейности текста. Несомненно, есть много других единиц, которые будут работать так же хорошо, но нас интересуют те, которые определены в нашей области исследований.

Мы заимствуем понятие «переход» у Вайнриха, который определяет его как переход от одной системы к другой в линейной последовательности дискурса (а). Эта концепция не представляет проблемы для определения изменений точек зрения, если принять концепцию «линейного и направленного продолжения речи». Это последнее понятие предполагает акт высказывания и акт чтения, и мы будем определять его по отношению к ним:

а-Линейность дискурсивного проявления - это определенная последовательность элементов дискурса, налагаемая высказывающим на слушателя. Как последовательность, она относится к / возможности прочесть /, так как читатель может захватить только максимум элементов за раз, которые должны быть организованы последовательно. Как расположение, линейность является произвольной, порядок элементов в последовательности устанавливается выразителем: следовательно, он попадает под / должествование прочесть / читателя.

б-направленность дискурсивного проявления зависит от материального расположения индексов начала и конца, а также от распределения информации и избыточности в тексте; поэтому он подпадает под действие / знания о чтении / воспринимающего.

5.1- Что такое переходная точка зрения?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы выбрали эпизод из главы, озаглавленной Долина Соммы, где инцидент, который чуть не стоил д'Обиньи жизни, рассказывается с двух разных точек зрения: с точки зрения Карона и с точки зрения Дьедонне:

с.363

«... Малыш не ответил, а протянул руку, указывая на что-то на дороге вон там. Это были всадники в шляпах, в зеленой и красной форме, которые ехали вниз рысью и внезапно замерли друг перед другом, глядя на желтый поток, текущий из Амьена.

И вдруг раздался выстрел.» (а)

Точка зрения Карона на это событие уже детально подготовлена перед этим текстом, на основе представления актера и обстоятельств, которые привели его туда, где он находится. Таким же образом, в цитируемом фрагменте, те же самые события происходят и в отношении Дьедонне:

«... лейтенант Робер Дьедонне, (...) внезапно видит (...) Марка-Антуана, виконта Обиньи (...), который салютует своей саблей и громко кричит: « Джентльмены, да здравствует Король! » (...) Выстрел был произведен в направлении « Да здравствует Император », который возник в ответ на крик Марка-Антуана д'Обиньи. Гренадеры никогда раньше не сталкивались лицом к лицу с тем, что они называли изменой. (...) Пуля никого не задела, (...) Но лейтенант д'Обиньи, удивленный (...), перевернулся в седле (...) его лошадь скакала ...» (б)

История продолжается в чередовании точек зрения, пока конный отряд не останавливается, потеряв на своем пути всадника.

5.1.1- Элементы перехода между точками зрения .

Эти элементы легко предсказуемы с точки зрения тех, которые позволяют идентифицировать каждую точку зрения: изменение точки зрения обязательно сопровождается по крайней мере одним изменением элементов идентификации, то есть разрывом по крайней мере одной из изотопий, характеризующих первую точку зрения.

(а) и (б): Глава XII, Долина Соммы, стр.123 и стр.132.

с.364

Мы можем распознать определенное количество этих изотопических разрывов при переходе с точки зрения Карона / Дьедонне.

а-разрыв пространственной изотопии.

Карон располагается по отношению к «болоту»:

«В первый день весны он взял свою большую лопату и пошел к краю ch'treu (а), то есть к полосе земли на краю болота» (стр.116)

Дьедонне размещен по отношению к дороге:

« Изгиб дороги, и вдруг там, в двухстах ярдах от нас, всадники в своих меховых шапках.» (стр.131)

Мы считаем, что когнитивное действие точки зрения определяет

пространственный дейксис, который организует повествование о событии (б).

Следовательно, разрывы пространственных изотопий между точками зрения

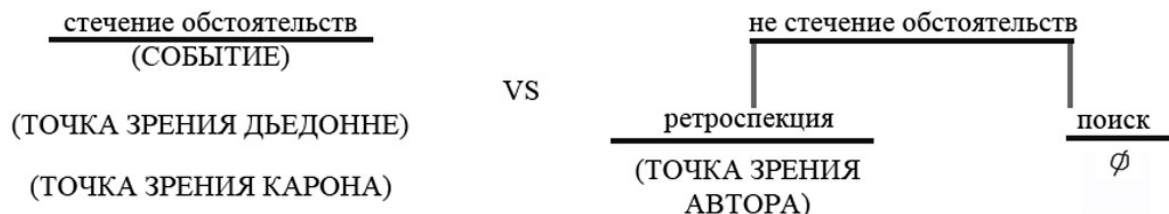
зависят от противопоставлений в системе пространственности, организованных вокруг места события:

Пространственный изотопический разрыв происходит между «паратопическим пространством» и «гетеротопическим пространством»; второй дейксис будет организован вокруг Дьедонне.

б-разрыв временной изотопии.

Такого разрыва между точками зрения Карона и Дьедоне нет: они обе совпадают с дейксисом события. Но есть одна точка зрения между точкой зрения Дьедонне и точкой зрения высказывающего :
 «Выстрелили в направлении криков: « Да здравствует Император! »
 С точки зрения Дьедонне, событие есть аспектуальное совпадение, но оно проявляется в ретроспективе с точки зрения высказывающего:

(а) Подчеркнуто в тексте.

(б) Дейксис события - это образное проявление дейксиса с точки зрения преобразования действия в событие. Именно точка зрения определяет тематическое пространство и аспектное совпадение. Только для облегчения презентации мы размещаем две точки зрения по отношению к событию.

с.365

Таким образом, разрыв временной изотопии находится между «совпадением» (Карон и Дьедонне) и «несовпадением» (высказывающий).

с-разрыв актантной изотопии.

Два различных когнитивных субъекта находятся в поиске одного объекта. Речь идет о модальном объекте, который приобретается путем совместного общения: поэтому нет особых последствий того факта, что два субъекта стремятся к одному и тому же объекту. Кроме того, они оба участвуют на уровне актеров в одном и том же прагматическом актанте в качестве дополнения: Карон, как и Дьедонне, идет на помощь Обиньи. Актантный разрыв подробно проявляется в двух длительных периодах развития, которые предшествуют каждой точке зрения и которые прослеживаются для каждого из субъектов прагматические и когнитивные основания, которые делают их субъектами точек зрения.

d-актерский и тематический разрыв.

На фигуративном уровне эти развития двух векторов движения позволяют противопоставить:

Элуа Карон	VS	Робер Дьедонне
Торфяник на работе		Лейтенант в полевых условиях, возглавляющий отряд.

е-разрыв иерархической изотопии.

Мы уже заметили изменение когнитивного уровня между Карон и Дьедонне, с одной стороны (уровень I), и высказывающим лицом, с другой стороны (уровень II).

Таким образом, элементы перехода точки зрения, согласно нашим гипотезам об идентификации и после изучения этого текста:

а-разрыв временной изотопии

И/ИЛИ б-разрыв пространственной изотопии

И/ИЛИ с-разрыв актантной изотопии, и, следовательно, изменение когнитивной компетенции: разрыв нарративных и дискурсивных изотопий, составляющих ее.

И/ИЛИ d-разрыв акториальной и тематической изотопии.

И/ИЛИ е-разрыв иерархической изотопии, изменение когнитивного уровня.

5.1.2- Дискурсивная реализация переходов.

Это происходит в тексте, в котором присутствуют пять времен, и поэтому соответствует пяти дискурсивным сегментам; мы можем определить дискурсивный сегмент как серию утверждений, которые предполагают одну и

ту же точку зрения, которая расположена между двумя переходами точек зрения. Вот цепь этих сегментов:

с.366

<u>Первый сегмент:</u>	(а) Соответствует точке зрения Карона и содержит одно нарративное высказывание, фиксирующее событие.
<u>Второй сегмент:</u>	(б) Соответствует точке зрения Дьедонне, к которой присоединена через ретроспекцию точка зрения автора. Повествовательное содержание такое же, как и в первом предложении, и повторяющееся высказывание сохраняет синтаксическую непрерывность, несмотря на когнитивную интерпретацию.
<u>Третий сегмент:</u>	(с) Он начинается с простого подтверждения: когнитивный объект, на который нацелены две точки зрения, один и тот же; это утверждение также поддерживает синтаксическую преемственность. Чередование точек зрения установлено и проявляется независимо от прагматической синтаксической прогрессии, которая здесь существенно зависит от реализации программы антисубъекта, конного отряда.
<u>Четвертый сегмент:</u>	(д) Переход проявляется простой дискурсивной дизъюнкцией. В прагматическом плане программа антисубъекта подходит к концу, и программа субъекта актуализируется (помощь). Ржание лошади можно даже истолковать как «прославляющее испытание».
<u>Пятый сегмент:</u>	(е) Переход здесь проявляется в отказе от актора. В прагматическом плане программа (помощь) субъекта выполняется благодаря актанту

	<p>поединка, Дьедонне с одной стороны, Карона - с другой. В этом сегменте существует пространственное соединение двух точек зрения: прагматические программы имеют для когнитивного результата воссоединение дейксиса в тематическом пространстве события. В этот момент событие и две точки зрения относятся к одному и тому же пространственно-временному дейксису.</p>
--	--

(а) «И неожиданно прозвучал выстрел» стр.123.

(б) НАЧАЛО «Выстрел прозвучал в направлении криков «Да здравствует Император!», стр.132.

(с) НАЧАЛО «Это была сцена, издалека замеченная Элуа кароном...» стр.133.

(d) НАЧАЛО «Но Дьедонне инстинктивно бросился в погоню за разъяренной лошадью» стр.133.

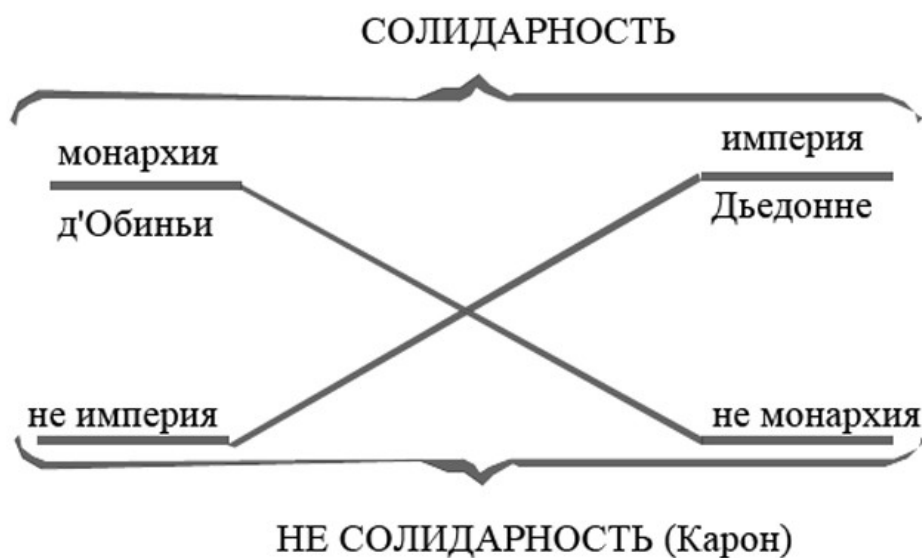
(е) НАЧАЛО «Элуа, опираясь на свою лопату, и Жан-Батист перед своей забытой тачкой увидели, что торнадо идет прямо на них, и не двинулись с места.» стр.133.

с.367

5.1.3- Информация и развитие.

При линейном развертывании речи смена точек зрения имеет некоторые последствия на уровне языкового проявления; модификации касаются используемых глагольных времен, типов предложений, изменений абзаца и морфематических союзов или дизъюнкций типа «но» или «и». Однако наиболее примечательным явлением является использование этого чередования точек зрения высказывающим с целью оригинального распространения / знания / об истории. Формально, к переходам точек зрения здесь добавляется система избыточности, предназначенная для постоянного информирования автора об имманентной повествовательной непрерывности; «Выстрел» анафоризирует «Некий выстрел» второго сегмента по отношению к первому; «Это была сцена, которую ... Элуа Карон», в третьем сегменте, анафоризирует весь второй сегмент; «Этот торнадо ...» из пятого сегмента анафоризирует весь четвертый сегмент. Непрерывность, обеспечиваемая избыточностью, позволяет сегментировать / знание /, предназначенное для высказывающего, чтобы добавить к нему, благодаря эффектам значения, связанным с точками зрения, другое семантическое содержание. Например, в оставленном тексте различные модулированные точки зрения позволяют расположить одно и то же событие по отношению к разным аксиологическим системам. Для Дьедонне это трагедия, которая «инстинктивно» обновляет солидарность. Для Карона, с другой стороны, это был всего лишь странный инцидент, и «это его не касалось». Даже

будучи политически противостоящими, эти два солдата ближе друг к другу, чем Карон к любому из них: он - народ, страдающий и всегда подавленный, монархией либо Империей. Это может быть формализовано:

с.368

Распределение истории по различным сегментам, каждый из которых соответствует точке зрения, также позволяет пространственно оформить событие: с единой точкой зрения, сосредоточенной на событиях, у нас есть только три возможных позиции: / утопическая /, / паратописческая /, / гетеротопическая /; при двух точках зрения, чередующихся при рассмотрении одного и того же события, существует девять возможных комбинаций, что позволяет представить пространство событий более детально и точно и, следовательно, создавая более развернутое аналитическое и описательное развитие.

Эта дискурсивная реализация чередования точек зрения, таким образом, является одним из компонентов / умения писать / высказывающего, и, более конкретно, / знания / о создании знания. Это позволяет выразителю передать модализированное/ знание / слушателю: чередование точек зрения - это не только вариация средств передачи этого знания, но и уровень смысла, который добавляется к этому знанию при его передаче, и который иерархически выше него. Следовательно, это существенный феномен для понимания генерации смысла через уровни текста, от преобразований до дискурсивных проявлений. Обратите внимание, однако, что точки зрения не всегда меняются; они также могут быть наложены друг на друга, если точки зрения находятся в гипотаксическом отношении.

5.2- Несколько случаев перехода.

5.2.1- Вертикальные переходы.

Мы сохранили несколько случаев переходов, когда разрыв сущностной изотопии имеет актантный и иерархический порядок. Наш процесс проверки будет противоположен тому, который привел нас к гипотезе: в дальнейшем мы будем говорить о дискурсивном и лингвистическом проявлении, как оно есть, чтобы изучить признаки (и предпосылки) переходов, которые будут описывать порождение этого дискурсивного проявления точек зрения.

с.369

а- пример I: нарративный переход / герцог Берри.

В главе, озаглавленной Полночные Прощания, герцог Берри отправляется к своей любовнице, чтобы ей сообщить о своем отъезде. Под дождем, он пребывает в унынии:

««Он натянул пальто на ноги. В эту дрянную погоду было холодно! Герцог де Берри был полон разнообразных чувств, выслушивая возражения Ла Ферронэ.»
(а)

Это набор, в котором преобладает проявление точки зрения рассказчика, которая передает / знания / о прагматических предметах. Но второе предложение процитированного фрагмента отражает точку зрения герцога Берри, когнитивно-высказывающего субъекта I уровня. В синтаксической имманентности две последовательные точки зрения могут быть идентифицированы по:

-разрыву актантной изотопии и акториальной изотопии.

-разрыву иерархической изотопии между уровнями 2 и I.

Лингвистические признаки этого перехода точек зрения составляют серию противопоставлений. Или последовательность (P1 ----> P2) перехода; у нас также появится, от первого предложения ко второму:

(P1) ОН = местоименный референтVS..... (P2) ОН = не референт

(P1) утвердительное предложениеVS..... (P2) подчиненное предложение

(P1) модализация лексикиVS..... (P2) субъективная модализация
и синтаксиса анонсирующим субъектом = \emptyset в лексиконе и синтаксисе.

(P1) описательное высказываниеVS..... (P2) квалификационное высказывание

В более общем плане, исследуя предпосылки этих знаков, мы увидим в P1 нейтральное проявление / уметь рассказать /, а в P2 - конкретное проявление / желания сказать / субъекта высказывания.

Также обратите внимание, что в P2 - отмеченный языковой регистр, который демонстрирует конкретную лингвистическую компетенцию (/ знать-сказать /) субъекта.

Однако логика предпосылок также заставляет проявляться, даже в утверждении, которое выражает точку зрения Берри, точки зрения рассказчика и высказывающего в необъятном объеме текста. Одна-проявленная, а другая — неявная (б). Именно эту процедуру импликации / объяснения мы хотели бы описать здесь, процедуру, которая позволяет имитировать в высказывании дискурс, отличный от дискурса автора или рассказчика, который подразумевает речи последнего, которые, тем не менее, являются актантами, обязательно предполагаемыми высказыванием.

ПРИМЕЧАНИЯ НА СЛЕДУЮЩЕЙ СТРАНИЦЕ

с.370

Мы исходим из аксиомы, что каждое высказывание предполагает «Я говорю это ...», «Я рассказываю это ...» (с) и что каждое высказывание, которое проявляет содержание объекта знания, предполагает «Я знаю это ...», «Я верю ...» или «Я думаю ...». Каждое из этих утверждений соответствует определенным этапам нашей моделируемой структуры:

«Я говорю это» выразитель текста (уровень 2)

«Я рассказываю, что».....рассказчик (уровень 2)

«Я знаю, что».....когнитивный субъект (уровень 1) высказывания.

Эти предполагаемые утверждения закрепляют утверждения о содержании самого знания; они почти всегда неявны в стандартном письменном дискурсе. Теперь мы можем учесть (P1) и (P2):

(P1)предполагает «Я говорю, что ОН принес свое пальто ...»

Поскольку Я и ОН не являются кореферентными, это предполагает существование двух различных актантов: субъекта речи и субъекта текстового высказывания, называемого Я.

(P2)предполагает «Я думаю, что холодно...»

где вопрос о кореферентности не возникает, поскольку ОН не является референтным местоимением; однако мы можем предположить более глубокое утверждение:

«Я думаю, что МНЕ холодно...» (компетентная фраза, модализирующая «сейчас холодно»).

Чтобы рассмотреть параллели между (P1) и (P2), нужно ввести в (P2) точку зрения предполагаемого уровня 2:

«Я (1) рассказываю, что (Я(2) думаю, что МНЕ (3) холодно)

Я (1) и Я(2) не кореферентны; Я(2) и Я (3) являются.

Либо дискурсивная формула неявных и явных формулировок точки зрения:

(P1) Я рассказываю, что ОН принес свое пальто.

(P2) Я рассказываю, что ОН думал, что ХОЛОДНО

Так мы можем показать, как провозглашающий может моделировать различные точки зрения на уровне проявления. Чтобы проявить точку зрения рассказчика в обоих случаях, достаточно указать на его «Я рассказываю, что...»; в этом случае мы получим:

(а) Глава IV, Полночные Прощания, стр.154.

(б) Одна (точка зрения) принадлежит моделированию произнесенного высказывания; остальные точки зрения права, как предполагается в заявлении.

(с) В этом случае только тогда, когда высказывание принадлежит истории.

с.371

«Он принес свой плащ»

«Он думал, что было холодно» (а) (б)

«Вернуть», а также «подумать» тогда рассматриваются как действия, преобразованные в события с точки зрения рассказчика и заявленные как таковые. В первом предложении последняя импликация удаляет любое утверждение. Во втором может подразумеваться когнитивное действие / мышление /, и в этом случае последнее утверждение выражает точку зрения субъекта утверждения:

“..... \emptyset \emptyset \emptyset ”
“Было холодно.....”

Таким образом, вертикальные (иерархические) преобразования основаны на имплицитных актах высказывания и когнитивных действиях, которые, конечно, остаются предполагаемыми метками, нанесенными в рамках заявленного высказывания. Систематически применяя принцип когнитивно-высказывательной структуры, мы могли бы получить, например, последовательности такого типа:

В любом высказывании романа всегда присутствуют все уровни и все точки зрения; только одно может быть проявлено одновременно: для этого мы исходим из импликации закрепляющих утверждений, начиная слева, включая утверждение, касающееся субъекта, точку зрения которого мы хотим выразить.

(а) Читатель заметит трансформацию некоторых Я в ОН. Согласно гипотезе Бенвениста при его изучении вербальных личностей, в высказывании не может быть двух субъективных личностей; также во время операции внедрения - которая здесь соответствует удалению скобок, разделяющих два высказывания - Я встроенных высказываний преобразуется в ОН, не функционирующую по отношению к Я включающих высказываний. Это хорошо известная операция транспонирования форм сообщаемой речи с синтаксическим встраиванием. Реализация вложения и транспозиций представлена следующим образом:

«Я говорю это (Я думаю, что ...)» -----> «Я говорю, что ОН думает»

(б) Сказать, что проявление с точки зрения имплицитного повествователя, его Я и его повествовательного действия - «Я говорю это ...»-, значит сказать, как Бенвенист, что «исторический» записанный рассказ виртуализирует реперы автора и рассказчика.

с.372

Например, чтобы смоделировать точку зрения субъекта (3):

а-мы подразумеваем закрепляющие утверждения, соответствующие субъектам (1), (2) и (3).

б- мы выявляем как событие когнитивное действие субъекта (4), который сам проявляется в прагматическом действии субъекта (5).

Эта процедура генерации речи может показаться немного громоздкой; но даже если она не является существенной для какого-либо описания и недостаточно удобной для систематического использования, она использует когнитивно-высказывательную структуру, смоделированную в теории генерации дискурсивных сегментов и даже определенных фразировочных форм. В любом случае, эти процедуры импликации / объяснения позволяют

учесть смысловые эффекты, создаваемые вертикальными переходами. Мы пытаемся провести этот анализ во второй раз, чтобы проверить работоспособность генеративной модели.

б-пример 2: переход слушающего Елисея.

Во время трапезы в Лилле, где Бертье особенно напряжен, о нем говорят за столом, а отец Елисей вспоминает ужасный эпизод из сентиментальной жизни маршала:

«Раньше вы должны были слышать, как отец Елисей своими мокрыми губами и руками, привыкшими ко всем задачам, изъяснялся жестами даже более, чем рассказывал об этом деле. Наверное, немного придумывая, но дело не в этом. (...) Дело об украденных письмах. Заметьте, это не было в новинку ни для кого ... Мы всегда знали ... Вы можете себе представить, что в армии...» (а)

В этом случае вертикальный переход множественный, но все точки зрения имеют один и тот же общий объект-познания: «дело украденных писем».

Предполагаемые точки зрения следующие:

(а) Глава XIII, Зерна Будущего, стр.175.

с.373

Проявленные точки зрения:

-анонимного аудитора, «необходимо было услышать» (а). «Слушание» может рассматриваться как когнитивное действие только у когнитивного интерпретирующего субъекта, дейксис которого совпадает с дейксисом субъекта убеждения Елисеем: следовательно, он является субъектом высказывания, одним из гостей - кем угодно — на этой трапезе.

-точка зрения отца Елисея, начиная с «Заметьте...». Лингвистическое проявление этой точки зрения отмечено использованием повелительного наклонения, неожиданно применяемой собеседником : «Вы действительно думаете, что ...» и имитацией в письменной форме устной последовательной фрагментации. Начиная с предыдущей серии заключающих / встроенных высказываний, генерация перехода точки зрения слушателя / Елисея выполняется следующим образом:

а-С точки зрения слушателя, мы подразумеваем «Я говорю это ...», «Я рассказываю это ...» и «Я слышу это ...», и мы проявляем / мимические жесты / и / рассказать / как события. Обратите внимание на то, что если текст эффективно подразумевает субъект «слушатель», это не подразумевает его действие: «слышать», и точка зрения рассказчика следует за этой половинной мерой.

б-С точки зрения Елисея, мы подразумеваем те же три высказывания, а также «Я говорю это ...», субъектом которых является Елисей. Либо переход от:

(P1) к (P2)	(Нужно было услышать)	Елисей рассказывал, подкрепляя это жестами, о том, что сделал Бертье....
-------------------	-----------------------	--

5.2.2- Горизонтальные переходы.

а-Текст и его точки зрения.

Мы рассмотрели сцены главы, озаглавленной Сен-Дени, и выбрали этот фрагмент:

«Фабье спешил, чтобы помочь с маневром. Это напомнило ему Персе. (...) Прекрасные договоренности, достигнутые в Сен-Дени, были потеряны, все задуманные компании перемешались, несмотря ни на что, мы не сможем вывести их, не остановив колонну снова. (...)

(а) Закрепляющее высказывание, соответствующее теме «анонимный слушатель», не подразумевается полностью. Сам предмет существует; его действие лишь косвенно проявляется в предположении, которое связывает его с модальностью «желание», объясненной здесь словом «это было необходимо». Следовательно, системы импликации могут быть постепенными.

с.374

«Где был король в этот час с его эшелоном экипажей и эскортом серых мушкетеров? Граф д'Артуа, остановивший свой седан в темноте, ждал, когда большая часть Отеля, мимо которой проходила его команда, периодически терялась в темноте; и он задавался вопросом, где в этот час его царственный брат, с которым у него была перед их отъездом ссора...» (а)

Здесь четыре последовательных точки зрения и, следовательно, три перехода:

а-Первая — это точка зрения рассказчика в первых двух предложениях, где прагматические действия Фабье проявляются как события.

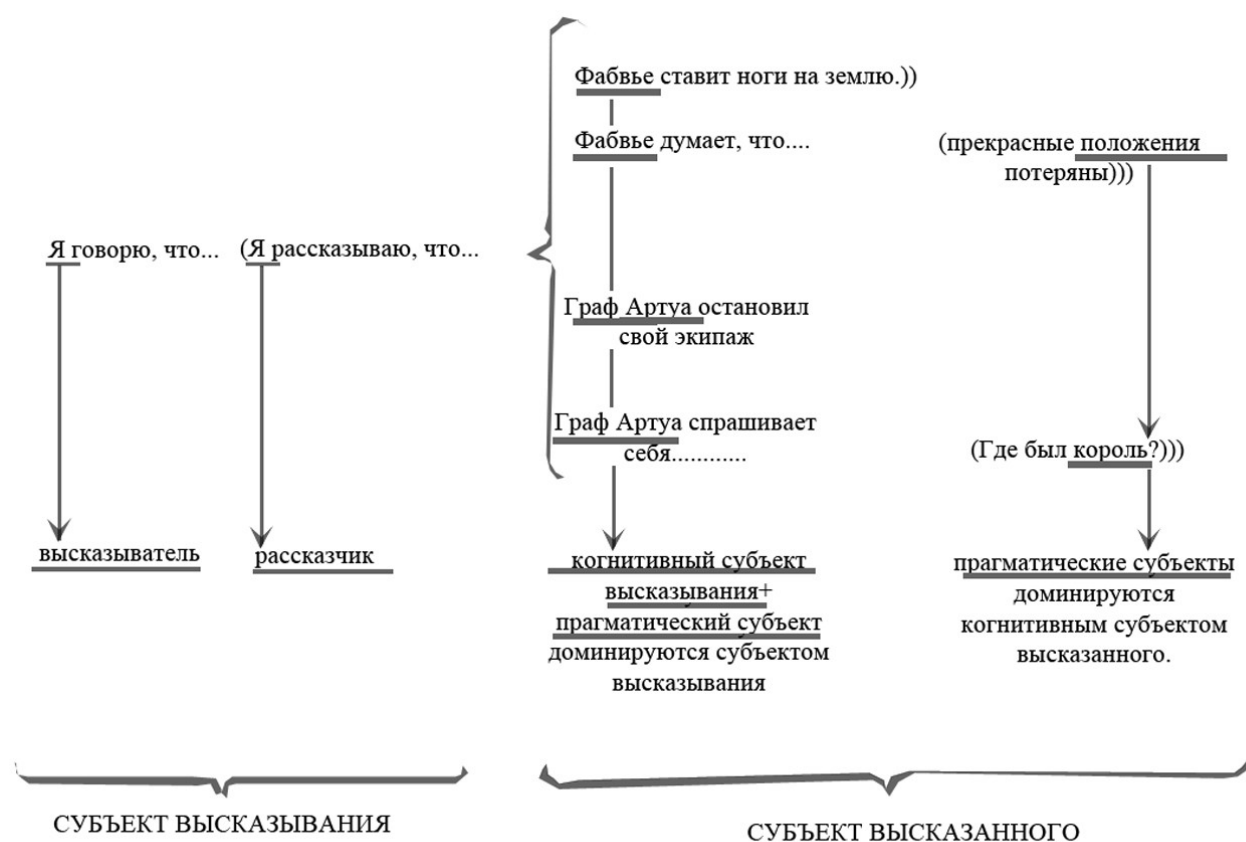
б-Вторая- точка зрения Фабье, в третьей фразе; проявлен только результат его когнитивного действия .

с-Третья точка зрения - графа д'Артуа, в первом предложении второго процитированного абзаца; когнитивное действие не проявляется как событие, а как действие, результат которого проявляется: вопросы, которые лингвистически передают когнитивный поиск.

d-Четвертая точка зрения - это снова точка зрения рассказчика, которая представляет как события прагматические и познавательные действия графа д'Артуа.

б-Создание смоделированных точек зрения.

Общая формула принимающих / встроенных высказываний для этого фрагмента будет следующей:

Глава V, Сен-Дени, стр.194.

с.375

Поэтому каждая точка зрения моделируется следующим образом:

а-точка зрения рассказчика. После извлечения подтекста остается:

«Фабье ставит ноги на землю...»

«Фабье думает...(это как в Персии))»

б-точка зрения Фабье: В подтексте остается:

«Хорошие рсположения потеряны...»

с-точка зрения Графа Артуа: «Где король?»

d-точка зрения рассказчика:

«Он спрашивает себя, где король...»

«Он остановил экипаж.» (а)

Среди наблюдаемых переходов два - вертикальные, с изотопическим изломом иерархии, и только один - горизонтальный; это центральный переход между точкой зрения Фабвье и графа д'Артуа. Этот переход включает в себя разрывы в актантных и актерских изотопиях, а также разрыв в нарративных и дискурсивных изотопиях, которые составляют когнитивную компетенцию с двух точек зрения: Фабвье можно узнать по его стратегическим или тактическим интересам, а графа д'Артуа - по его сложным отношениям со своим царственным братом и вытекающими из этого навязчивыми заботами.

С-Два примечания о горизонтальных переходах.

Примечание I: Когда при смене точки зрения один субъект заменяется другим на том же когнитивном уровне, идентификация становится более сложной, поскольку в этом случае два субъекта могут актерски проявляться только посредством «Я». Поскольку местоимение «Я» в высказывании не является референтом, его невозможно отождествить с действующим лицом высказывания. Эта идентификация осуществляется либо благодаря памяти дискурса, который повторяет повествовательные и дискурсивные изотопии, характерные для каждой точки зрения, либо благодаря дублированию точки зрения рассказчика. Это происходит в цитируемом фрагменте. Фраза:

(а) Колебания в транскрипции глагольных времен не обязательно должны учитываться в анализе: мы не хотели бы предлагать связывать вербальные времена с вопросами о точках зрения. Здесь мы находимся только в дискурсивном проявлении точек зрения, а не в их языковом проявлении. Другие элементы вступают в игру, чтобы объяснить вербальные времена.

с.376

«Он задавался вопросом, где в этот час его королевствующий брат ...»

идентификация через игру анафор, сохраняющих «избыточность» высказывания:

1/ Избыточность между вопросом и познавательным процессом «задумался» .

2/ Лексическая избыточность между «королем» и «королевским»

3/ Литературная избыточность в повторении «где он был в этот час».

4/ Тематическая избыточность между «его королевствующим братом» и «графом Артуа».

5/ Акториальная анафора между «он», «его» и «грф Артуа».

6/ Анафора между «это» и всем процессом запрашивания «Где был король?»

Избыточность подтверждает идентичность действий за пределами переходов точек зрения: это имманентная непрерывность повествования. Анафоризация позволяет отождествить актора, проявленного в одной точке зрения, с «Я» другой точки зрения.

Примечание 2: Горизонтальные и вертикальные переходы имеют разный дискурсивный статус. Мы хотели объяснить это различие типографским расположением серий охватывающий / вовлеченный. На дискурсивном уровне обязательно существует отношение конкатенации и синтаксической иерархии между точками зрения вертикального перехода. В лингвистическом проявлении это отношение может проявляться в форме подчинения, но в любом случае в форме функционального доминирования, например:

«Он спрашивал себя об этом».

где объектное местоимение демонстрирует действия гипотаксического субъекта.

С другой стороны, обязательно существует взаимосвязь замещения или согласования между точками зрения на горизонтальный переход:

Я (рассказчик) рассказываю, что Фабье ставит ноги на землю.

И/ИЛИ что Фабье думает...

И/ИЛИ что граф Артуа остановил свой экипаж.

И/ИЛИ что граф Артуа спрашивает себя...

Мы можем считать, что переходы точек зрения являются на дискурсивном уровне парадигматическими, когда они не включают разрыв в иерархической изотопии (горизонтальный переход), и синтагматическими, когда они действительно включают такой разрыв (вертикальный переход).

с.377

5.3- Совмещение точек зрения .

Если переходы точек зрения подпадают под изучение линейного проявления дискурса, суперпозиция подпадает под изучение имманентности и пресуппозиции в соответствии с уже сформулированным принципом: можно только моделировать точку зрения одновременно. Но мы уже заметили, что косвенная симуляция может быть постепенной: «Вы должны были услышать, как отец Елисей сказал ...» - это не только с точки зрения анонимного слушателя, но и с точки зрения рассказчика. Здесь мы подходим к нескольким конкретным случаям, когда точки зрения не совпадают с изолированными дискурсивными сегментами: их проявление смешано в одних и тех же утверждениях. Это наложение возможно - и доступно для чтения - только в случае разрыва иерархических изотопий: элементы идентификации каждой точки зрения затем смешиваются и накладываются друг на друга.

Мы выбрали эти фрагменты из описания раздумий Теодора, в первой главе:

«После того, как месяц сильных ливней пропитал поля и дороги, внезапных проблесков солнца с этими огромными черными лохмотьями, висящими в небе, было недостаточно, чтобы высушить равнину Гренель. (...) (а)

Но это было странное небо, даже просветы солнца не разгоняли тучи; в течение десяти дней царил гнетущая атмосфера...» (б)

В этих двух фрагментах, которые перекликаются друг с другом в одной и той же сцене, тема которых вращается вокруг лошади Теодора, невозможно различить фрагменты речи и переходы точки зрения.

(а) и (б) Глава I, Утро Вербного Воскресения, стр.32 и стр.34.

с.378

Однако, здесь проявляются две точки зрения: точка зрения Теодора, который знает и чувствует суть происходящих вещей, и точка зрения рассказчика, который перемещает персонажи и заявляет о сюжете. Давайте посмотрим, что нас обоащает к каждой точке зрения в этих фрагментах.

а-для точки зрения Жерико, выбираем:

-Восклицательный знак, который проявляет / значение / для познающего субъекта. Компетенция Жерико модализирует объектное знание с помощью / необходимости быть /. К этому добавляется результат когнитивного действия, которое может соответствовать только точке зрения субъекта утверждения: «угнетающее» - это состояние, которое предполагает преобразование. Последнее проявляется с точки зрения «угнетенных»; это / атрибуция /, которая может иметь отношение только к одному субъекту высказывания, и чья «угнетающая» лексема сначала выражает точку зрения этого субъекта высказывания.

б-что касается высказывающего, мы признаем его особую компетентность в метафорических сравнениях и их лингвистическом проявлении в форме сравнения. Именно по этому поводу мы хотели бы наблюдать, как одно и то же утверждение, одна и та же изотопическая связь может выражать две точки зрения. (а)

Компетенция, если она установлена выразителем, и только им, будет просто представлять собой эквивалентность:

$$\left(\frac{\text{расслабленность}}{\text{солнце}} \text{ VS } \frac{\text{напряжение}}{\text{тучи}} \right) \longrightarrow \frac{\text{расслабленность}}{\text{напряжение}} = \frac{\text{солнце}}{\text{тучи}}$$

Проявлением этой эквивалентности было бы, согласно правилам риторики,

-либо параллельно:

СОЛНЦЕ----->	ТУЧИ----->	РАССЛАБЛЕНИЕ----->	НАПРЯЖЕНИЕ
--------------	------------	--------------------	------------

-либо в симметрии (в хиазме):

СОЛНЦЕ----->	ТУЧИ----->	НАПРЯЖЕНИЕ----->	РАССЛАБЛЕНИЕ
--------------	------------	------------------	--------------

Но выбран не тот порядок; у нас есть:

«Это утро его приятно расслабило»----->	«солнечные мгновения»----->	«не прогоняет облака»----->	«царствовала угнетающая атмосфера»
РАССЛАБЛЕНИЕ	СОЛНЦЕ	ТУЧИ	НАПРЯЖЕНИЕ

Выбранный порядок свидетельствует о создании сравнения, а эквивалентность еще не установлена. Этот порядок высказываний предполагает интерпретирующее действие субъекта высказывания.

(а) Сделанные импликации позволяют, в соответствии с установленными выше правилами, классифицировать этот фрагмент по сегментам, которые относятся к точке зрения высказывающего.

с.379

Каждый этап построения этой эквивалентности можно понять как результат когнитивного действия, непосредственно направленного на прагматическое измерение. Моделирование когнитивной компетентности Жерико здесь связано с тем фактом, что порядок утверждений предполагает / власть-знание /, которое может быть только познавательным субъектом в синкретизме с прагматическим субъектом. В этом вся разница с высказывающим, чьи сравнения предполагают / знание / семантического содержания и их комбинаторных возможностей. Чтобы подтвердить этот анализ, давайте рассмотрим шаги один за другим:

-Чтобы перейти от «расслабления», обеспечиваемого любовью к своей лошади» к тому расслаблению, которое обеспечено «солнцем», даже до того, как будет установлена эквивалентность, необходимо предположить когнитивное действие и «эйфорическое» состояние страсти, которое может возникнуть только у Жерико.

-Чтобы перейти от «солнца» к «облакам», достаточно элементарного «акта познания» климатических условий.

-Чтобы перейти от «облаков» к «напряжению», необходимо предположить другое когнитивное действие и другое страстное состояние, на этот раз «дисфорическое», в то же время как / знание / о параллелизме двух противоположностей: сближение, которое устанавливает эквивалентность только ретроспективно и, следовательно, относится к компетенции Жерико, а не Арагона.

Высказывающий организует свою речь так, чтобы производить понятные эффекты, предназначенные для воспринимающего: здесь это сравнения. Субъект Жерико, со своей стороны, читает значения, производимые зрелищем, данным ему миром, и обнаруживает их постепенно и ретроспективно с ограничениями, налагаемыми на него его когнитивной компетенцией и его собственным когнитивно-высказывательным дейксисом. На этой крошечной детали мы видим, какие преимущества дает описание дискурсивных фигур и дискурсивного проявления в более общем плане при использовании теории когнитивных точек зрения. Сама по себе метафора - ничто без модализации, данной ей конструирующей точкой зрения.

6-ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Как инструмент ,/ ноу-хау / автора, точки зрения являются частью манипуляции высказывающего автора над читателем. Но в этом романе эта манипуляция менее очевидна, чем кажется. Высказывающий автор подразумевает истинную и единственную точку зрения, которая проявляется в высказывании всякий раз, когда он моделирует другую точку зрения, отличную от своей собственной. Эта манипуляция, которая играет с / секретом / моментов в повествовании, тем более эффективна, что идентифицировать каждую точку зрения не всегда легко. Но использование этой техники Арагоном очень явное, что предполагает, что, если читатель иногда отвлекается при чтении отвлеченными сюжетами, им не манипулируют в его интерпретирующих действиях.

Действительно, с самого начала различные точки зрения проявляются последовательно, явно и подробно с одним и тем же объектом знания. Уловить различия, определить точки зрения, распознать явную симуляцию легко. Кроме того, традиционная «психология характера» заменяется типичными персонажами , стереотипным содержанием когнитивной компетенции. Поскольку эти стереотипы легко идентифицируются внимательным читателем, они гарантируют идентификацию и, прежде всего, объяснение симуляции. Наконец, в нескольких случаях высказывающий подвергает сомнению содержание своей собственной компетенции, признавая при этом когнитивное происхождение художественной литературы. Поэтому он прямо объясняет свою точку зрения и преобразует / секрет / в / истину / в то же время, когда / ложь / смоделированных точек зрения переходит в позицию /двусмысленность/. В общем, одновременно со / знанием / о романе, распределенным по различным точкам зрения, в манипулятивной моделируемой структуре, у автора есть / метазнание / о романе, благодаря котрому он моделирует текстовую ткань. Если на уровне / знания / о романе автор подразумевает свою ответственность за создание когнитивных утверждений, на уровне метазнания он принимает их полностью и без двусмысленности.

ОСНОВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I-Специфика и универсальность .

На протяжении этого двойного путешествия — по самому роману и его когнитивному измерению - нас несколько раз заставляли задавать вопрос об универсальности концепций и моделей, которые мы предлагали для анализа. Неявно или с очевидностью, в зависимости от случая, проявлялась специфичность выбранного текста. Когда вначале мы показываем, что Страстная Неделя представляет собой контент, вполне адекватный для описания когнитивного измерения, это, очевидно, не означает, что другие тексты не подошли бы так же, и что мы не могли бы описать это совершенно иначе. Следовательно, теперь остается различать вещи, то есть указать, как наши описания иногда могли улавливать определенные черты романа и в какой степени они приводят к определению концепций и структур, которые можно универсализировать.

I.1- Специфика.

Здесь не идет речь о недоказуемых утверждениях, потому что они отрицают какую-либо достоверность самого аналитического описания: сказать, что текст представляет собой несводимое органическое единство, целое, анализ которого только разрушает гармонию - эту гармонию, которая является краеугольным камнем работы - равносильно постулированию существования такого уровня понимания текста, который никогда не будет подтвержден, и по уважительной причине.

Мы также не стремимся реконструировать с помощью разрозненных элементов особую «грамматику» Страстной Недели, которая заставила бы нас в оставить слишком многое в тени, и не давать достаточно исчерпывающего описания романа. Этот упрек, если он оправдан, мы принимаем как проистекающий из ограничений, которые мы добровольно поставили перед собой как в результате выбранного метода, так и принятой точки зрения. Мы скорее спросим себя, в чем особенность текста, особенно Страстной Недели.

В своем обычном использовании , это понятие принадлежит определенной идеологии текста, которая сама по себе относится к идеологии литературного производства: оно соприкасается с понятиями автора, гения,

произведения и многого другого, того, что относится к традиционному преподаванию литературы. Мы хотели бы рассматривать «особенности текста» здесь как систему смысловых эффектов. В самом деле, нам кажется, что понятие специфичности охватывает (идеологически) некоторые впечатления от чтения, производимые текстом; например, и среди прочего: впечатление уникальной связности - текст составляет единое целое, которое не может быть наложено на другое; впечатление оригинальности - текст производит впечатление невиданной, никогда не существующей разницы во впечатлении - для читателя, знакомого с определенными культурными моделями, в тексте есть пробелы, различия... Если мы предположим, что эти впечатления от чтения, идеологически переводимые термином «специфичность», на самом деле являются эффектами смысла, создаваемыми определенными приемами в тексте, они становятся вполне поддающимися анализу, и мы можем определить их структурное происхождение. Таким образом могут быть созданы особые смысловые эффекты текста, как и любой другой проявленный элемент этого текста; они просто становятся набором сходящихся фактов, с помощью которых выразитель допускает и подтверждает, добровольно или невольно, уникальность и неповторимость своего «Я»: например, сказать, что дискурс не является оригинальным, значит сказать, что автор не смог - не захотел, не сумел - установить эти сходящиеся факты, которые переводятся в смысловые эффекты.

Смысловой эффект «связность» создается правильным расположением структур рассматриваемого текста. Можно парадоксальным образом утверждать, что это впечатление согласованности могло быть с таким же успехом результатом случайности, как и компетентности автора: здесь речь идет о конвергенции определенного числа структурных фактов, статистически предсказуемой конвергенции, а это воспринимается как произвольный смысловой эффект, принятый авторским «Я». В Страстной Неделе, основные сходящиеся факты, которые могут создать такое впечатление согласованности, появляются в нашем анализе иерархии нарративов и организации изотопий. Вообще говоря, преобладание когнитивного измерения и актерское повторение в нем сознательного эго Жерико являются факторами согласованности.

Эффекты значений «оригинальность» и «различие» можно спутать, и оба они относятся к противопоставлению социо-лектальной вселенной и идиолектальной вселенной; социолектальный универсум определяется определенными семантическими и синтаксическими приемами, которые принимаются коллективом; идиолектальная вселенная определяется другими устройствами, другими возможными вариантами выбора, которые принимаются отдельными лицами, в частности, каждым высказывающим лицом, взятым индивидуально; идиолектальная вселенная - это теоретическая структура, которая оправдывает индивидуальные интерпретации моделей, предлагаемых коллективом. Страстная Неделя представляет такие идиолектальные интерпретации на нескольких уровнях.

На уровне повествования мы заметили, например, важность соединительной игры интеграции изотопий: они не только обеспечивают читабельность, соединяя другие изотопии между собой, но и одна из них, климатическая изотопия, напрямую проявляет мифическую историю, лежащую в основе всех связанных изотопий. Что касается, более конкретно, когнитивного измерения, мы наблюдаем индивидуальную игру переменных, доступных для высказывающего: смоделированная структура становится для него возможностью систематически играть с точками зрения, чтобы сопоставить их, противопоставить их, в конце концов, чтобы объективизировать множественные сознания, в которые эта «игра» заставляет нас проникать, тогда как социолектальное использование техники точки зрения движется, скорее, в направлении субъективизма. (а) Социолект романа «запирает» нас внутри одной или нескольких субъективных точек зрения, в которых растворяется внешнее сознание; напротив, идиолект, примененный Арагоном, освобождает нас от субъективности путем систематического объективирования навыков, предлагаемых множеством повторяющихся точек зрения, которые он устанавливает и проявляет в своем тексте.

Мы могли бы также считать, что пример высказывания трактуется идиолектальным образом: компетентность высказывающего ставится под сомнение, даже проявленная как таковая - а не только предполагаемая из действий высказывания, внутри высказывания; эта практика стала возможной в рамках смоделированной когнитивно-высказывательной структуры, но она не используется в социолекте: это идиолектальное использование Арагона. Кроме того, социолектная практика романа актуализирует только одну возможность аспектуализации высказывания - ретроспективу. Когда мы сталкиваемся с поиском, мы сразу выделяем роман в отдельный жанр: предвкушение. Однако Страстная Неделя тесно сочетает ретроспективу и поиск, не принимая, однако, особый жанр романа-предвкушения. Это еще один факт идиолекта.

(а) Таким образом он избегает критики, которую Г. Лукач адресовал тем, кто использует внутренний монолог: «... человеческие существа представлены таким образом, что все мысли и все мимолетные чувства, все ассоциации, которые приходят в мгновение ока и которые в них возникают, благодаря внешнему миру, описаны с величайшим обилием деталей и величайшей точностью. Но именно этот крайний индивидуализм уничтожает всякую индивидуальность.(...)Именно крайний субъективизм этой концепции (...), растущее утверждение литературной выразительности индивидов (...) ведет к растворению (...) объективной реальности в совокупности непосредственных восприятий.»

Отрывок из: «Проблемы реализма».

с.385

Оппозиция между идиолектом и социолектом, наконец, проявляется на общем семантическом уровне: и здесь писатель играет на различных переменных, на различных комбинациях, имеющих в его распоряжении. Мы особенно обратили внимание на особенности расположения омологаций логических квадратов. Так было с двумя изотопиями «живопись» и «история»;

мы также напомним омологации между индивидуальной абстрактной аксиологией (жизнь / смерть) и образной системой (вода-земля-воздух-огонь): не только выразитель гомологирует эти две системы по-своему и вкладывает их в свою полемическую структуру, но и свободно играет на двух возможных схемах образного квадрата: естественном и культурном. Описанные таким образом эффекты значения "оригинальность" и "различие" производятся свободной игрой высказывающего среди систем переменных, которые предоставляются ему абстрактными моделями генерации высказывания.

I.2- Универсальность .

Универсальность описания будет определяться инвариантным набором: это понятия и их определения, описательные модели и системы представления. Их степень универсальности является функцией их большей или меньшей способности объяснять тексты и различные семиотические объекты: они были задуманы в этом духе, причем описание всегда располагалось на иерархической ступени выше описываемого объекта; только последующие проверки покажут, достигнута ли эта цель. Среди этих концепций и этих моделей, которые мы постулируем как универсальные на основании гипотез, некоторые детально исследованы: некоторые из них касаются актуализации когнитивного измерения, выбора, точек зрения, когнитивно-высказывательной структуры. Другие появляются время от времени или же остаются скрытыми из-за того, что мы сделали выбор: они могут выступать в качестве предложений для дальнейшего исследования; например, мы оставили в стороне классификацию художественных произведений по жанрам, не подвергая сомнению название «роман» в выбранном нами тексте: мы также не остановились на названии «социалистический реализм», которое писатель утверждает в нескольких предисловиях (а). «Реализм», «Субъективный реализм», «Социалистический реализм» - эти критические и эстетические категорий мы иногда упоминали в нашем семиотическом рассмотрении текста.

(а) «Между Страстной Неделей и Коммунистами есть глубокое сходство, которое я не перестаю подчеркивать и не могу объяснить себе, почему оно не бросается в глаза критикам. (...) Страстная Неделя в любом случае порождена социалистическим реализмом». (Автор гворит своей книгой, изд.Poche, стр.II)

с.386

Выявление этих категорий, которые могли бы привести к типологии художественного нарративного дискурса, несомненно, возможно на основе наших гипотез о когнитивном и высказывательном уровнях в романе.

Точно так же типология речей и дискурсивных проявлений была бы возможна на основе смоделированной когнитивно-высказывательной структуры. Это было в общих чертах изложено в вопросе о моделировании

точки зрения. Такая типология должна учитывать большое количество переменных:

а-количество знающих сознаний, которое определяет количество когнитивно-высказывательных уровней, которые служат связующими звеньями между событием и воспринимающим.

б-позиция в абстрактной структуре познающего и высказывающего субъекта проявляется и находится на самом низком уровне.

с-Когнитивная компетенция различных субъектов.

д-Лингвистическая компетенция тех же субъектов.

е-Различные степени рассмотрения этих множественных навыков в текстах автора-высказывателя.

ф-Различные способы транспонирования в этом высказывании последнего уровня высказываний, принимаемых гипотаксическими субъектами: цитата с простым отключением высказывания, цитата с повторным вовлечением в высказывание рассказчика, транспозиция с переформулировкой или интерпретация рассказчик и т. д.

2- Когнитивное измерение и манипулирование читателем.

2.1: Верить

Среди этих возможных тем для размышлений, добровольно оставленных в тени, есть одна, которая выделяется как своего рода кульминация наших поисков. Находясь в поисках когнитивного измерения, единственный путь, который, как нам казалось, мог быть успешным, был определен высказыванием: говорящий имеет знания о содержании своего высказывания, и, в частности, о событиях, и распределяет это знание со свободой, которая ограничена тем, что мы далее описали как когнитивно-высказывающую структуру. Точно так же, автор — единственный, кто имеет право говорить, но он может фиктивно делегировать это право в своем тексте другим субъектам. Поэтому все начинается с текста; мы хотели бы напомнить здесь, что все возвращается к высказыванию; и что, если мы хотим подвести итоги всех операций, которые были описаны в ходе этого анализа, самый простой способ добиться этого - интерпретировать их как множественные выразительные фигуры ноу-хау автора, направленные к читателю. Это различные процедуры манипулирования читателем, которые мы обсудим, чтобы закончить анализ. Мы будем отличать образные процедуры и абстрактные процедуры от манипуляции.

с.387

На образном уровне читатель модализируется «верой», которая, прежде всего, соответствует аутентификации «воображения». По образцу стэндалианских «свай», Арагон имеет в своем романе определенное количество исторически подтвержденных и поддающихся проверке элементов знания, роль которых состоит в подтверждении фидуциарного контракта исторической

истины: фрагментарные биографии различных персонажей, присутствие известных исторических личностей играют эту роль. Сам Арагон делает эти замечания в одном из своих предисловий:

«... Будь то дневной обзор от 19 марта, описанный всеми историками и который, на самом деле, никогда не существовал, как я показываю в своей книге, но это заставляет людей поверить мне(а). А когда я описываю утренние паневры на равнине Гренель, это с моей стороны является чистым и простым вымыслом...»
(б)

Сам писатель комментирует механизм аутентификации: часть знания устанавливает или подтверждает фидуциарный договор (в действительности обманчивый), другой элемент лживого знания затем предлагается читателю на основе обновленного контракта. Это то, что Арагон в других местах называет «правдой-ложью»: читателя заставляют верить ложным вещам, но, в конечном счете, он на самом деле не обманывается, поскольку из всего этого возникает истина другого уровня.

Еще один фактор убеждения: избранная и якобы подчеркнутая литературная эстетика. Мы уже отмечали (с), что эстетический выбор художника имел идеологическое значение: выбор «человеческого», идеологического порядка, может быть вложен как в художественные произведения, так и в политическое действие. Теперь сам роман Арагона, и это заметно в главе Огни Пале-Рояля (d), образно сопоставим с картиной Караваджо, которая служит иллюстрацией для идеологической / эстетической параллели. Поэтому, если читатель придерживается эстетики арагонского романа, он выбирает нечто иное, чем эстетические ценности: он идеологически ставит себя на одну сторону с романистом, иногда даже не осознавая этого.

(а) Подчеркнуто нами.

(б) Автор говорит через свою книгу. Изд. Poche, стр.10.

(с) Первая часть. Глава D, Организация изотопий, 4.3-.

Вторая часть. Глава C, Исторический выбор, 2.2-.

(d) Глава III, изд. Poche, стр.131-142.

с.388

2.2- Дидактическое действие.

На более абстрактном уровне неявный дискурс обретает форму истории, которая составляет сущность убедительного действия: этот неявный дискурс можно резюмировать так: отдельные субъекты конструируются только в коллективной истории и посредством коллективной истории: их индивидуальная ответственность за политическое поведение ограничено; но оно существует: такое поведение является результатом действия множества факторов, которые они не контролируют, противоречий, сложность которых они

не могут осознать; но они все равно могут выбирать, потому что индивидуальное познание истории возможно; осознанность сама по себе определяется историческими противоречиями, но она должна быть синтезом между рефлексивным знанием (о себе) и транзитивным знанием (о других), чтобы иметь возможность быть реализованной исторически.

Этот имплицитный дискурс достигает читателя в сложных дидактических отношениях. Во-первых, как любой абстрактный имплицитный дискурс, заключенный в образном и нарративном дискурсе, это знание об истории передается благодаря двойной когнитивной игре: образная и повествовательная оболочка передается сознательному читателю (у него есть рефлексивное знание об этом «приобретении»); абстрактный неявный дискурс, который «тайно» (а) связан с этой образной оболочкой, передается не осознающему читателю (он не имеет непосредственного рефлексивного знания об этом приобретении). Другими словами, как это часто бывает в дидактическом ноу-хау, объектное знание передается благодаря образной и повествовательной оболочке, которая удерживает его в познавательной «секретной» позиции в момент передачи.

По-прежнему дидактично частое развитие модальности / долженствовать-знать / предназначенной для читателя. Истинные речи по истории и политике произносятся субъектами повествования: герцог Ришелье обращается к Мармону или мсье Жубер обращается к Бернару. Эти «подлинные» речи, навязанные читателю под прозрачным предлогом того, что это «осознание» персонажей романа, ограничивают свободу читателя: если он хочет прочитать роман, он должен прочитать эти речи, очевидно поучительные, потому что здесь нет образной обложки. В другом месте мы видим, что высказывающий стремится контролировать знание, приобретаемое его читателем: в отношении Фабье, Ришелье, Бертье он модализирует своего высказывающего с помощью / обязанности / - знать, / обязанности / - интерпретировать одним способом, и / не долженствования / интерпретировать по-другому. Что может быть более дидактическим, чем этот окончательный контроль получения знания, чем эта санкция, заложенная в дискурсе передачи знания?

(a) В смысле «познавательной позиции: / секрет / = не являться + быть».

с.389

2.3-Тексты, чтение и свобода.

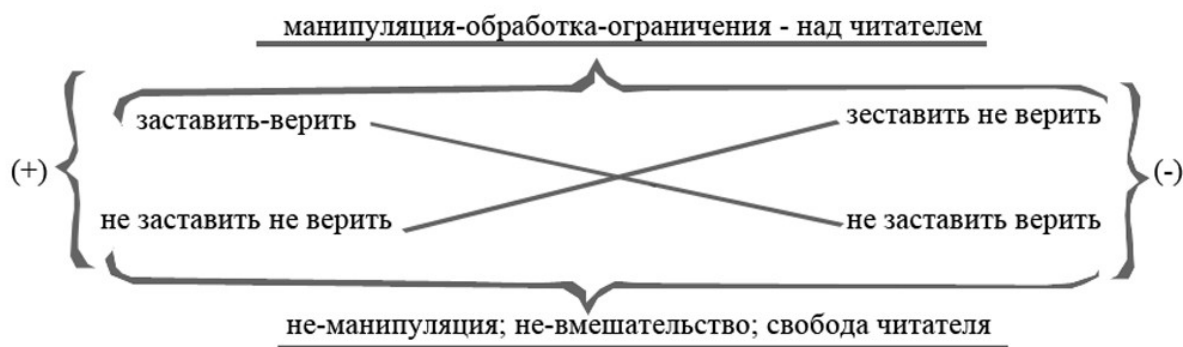
Смоделированная когнитивно-высказывающая структура также оказывается местом и средством убедительного действия. Во-первых, в этой иерархической структуре каждый доминирующий субъект присваивает знания, полученные на гипонимическом уровне: это верно в отношении рассказчика, который присваивает знания, производимые когнитивно-высказывающими

субъектами, принадлежащими нарративу; но это также верно и в отношении читателя, который, последнее звено в цепи, присваивает знание, произведенное говорящим. Эти преобразования «присвоения» таковы, что у читателя создается впечатление (должно появиться) «нахождения» знания, произведенного вне всякой преднамеренной коммуникации: в этом смысле он теряет всякое недоверие и, следовательно, всю защиту от процедур убеждения, вписанных в этот «объект - знание», против манипуляций, проецируемых высказывающим, который, кажется, «отвернулся от читателя».

Вдобавок, из-за наложения когнитивных точек зрения, автор больше не должен конструировать знание, свое знание из прагматического измерения истории, но должен получать и интегрировать знание, уже построенное одним из субъектов этой истории; здесь тоже падает недоверие читателя, потому что это полученное знание не имеет вида (не кажется) знанием высказывающего и, следовательно, может казаться избегающим авторских манипуляций. Но мы можем ясно видеть, из самого факта, что эта когнитивно-высказывающая структура моделируется, что все это расположено на когнитивной / ложной / позиции, и что высказывающим манипулируют не только на основе его веры, но и из-за отсутствия у него критического сомнения.

Однако, позиция высказывающего амбивалентна, как мы уже показали (а), он играет две роли поочередно или одновременно: роль рассказчика-манипулятора и того, кто показывает и дистанцирует манипуляцию. Он практикует «ложную истину», пытается убедить читателя верить в то, что он рассказывает, но в то же время помещает в начало своего романа такое мнение: «Это не (б) исторический роман. Любое сходство с живыми персонажами, любое сходство имен, мест, деталей может быть только результатом совпадения (б), и автор снимает с себя ответственность за это во имя неотъемлемых прав воображения. (б)» (в)»

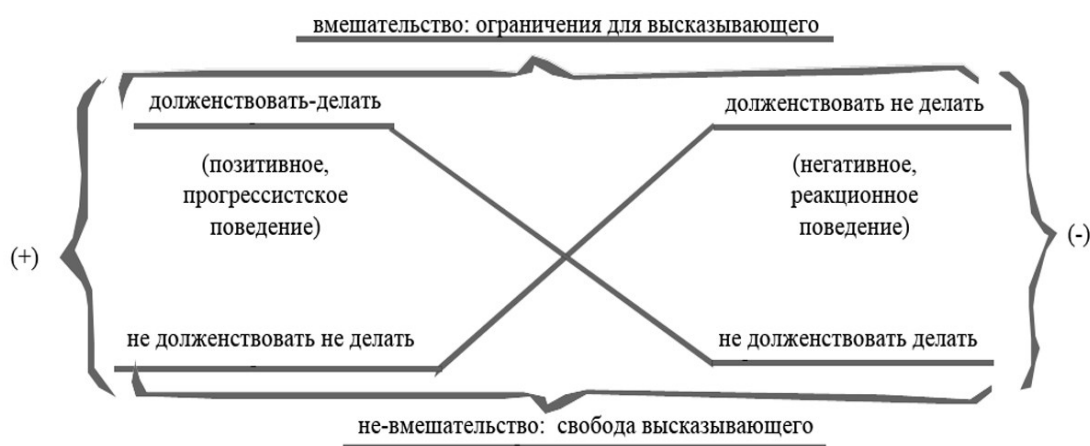
Помимо провокации, этот вводный комментарий, сопоставленный с реальностью романного высказывания, предполагает полемическую структуру убеждающих факторов, где противопоставлены факты, заставляющие верить, и те, что порождают сомнение:

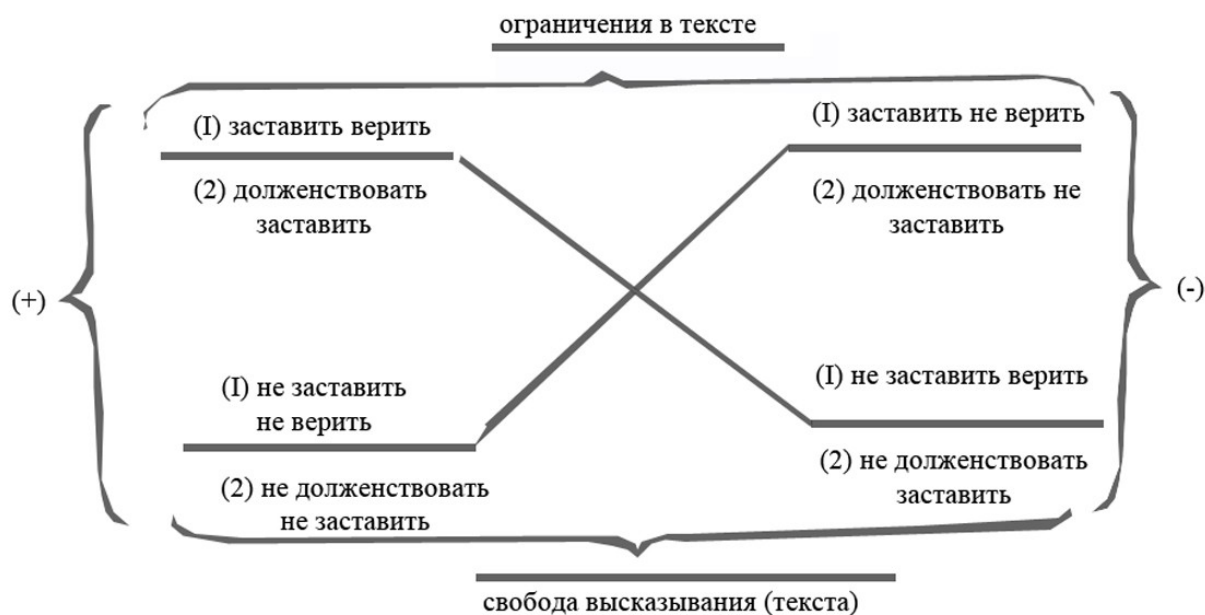
(а) Вторая часть, Глава D, Точки зрения, 4.1.3- Ложь.

(б) Подчеркнуто нами.

Кроме того, законы романного жанра, законы реалистической иллюзии правдоподобия и подражания правде, а также обязанности, характерные для коммунистических боевиков, модализируют автора ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕМ:

Сопоставляя эти два квадрата, первый из которых определяет свободу или отсутствие свободы у воспринимающего-читателя, а второй - свободу или отсутствие свободы у высказывающего-автора, мы получаем глобальную формализацию полемической структуры текста Страстной Недели:

Отмечать существование такой полемической структуры высказывания в романе - значит воздавать должное писателю за его уважение к читателю. Здесь мы имеем формализованное представление о том, как трудно писать о своей собственной свободе и о том, как писать при сохранении свободы других. В поисках собственной свободы, вопреки законам жанра, идеологическим ограничениям и принципу вмешательства, Арагон также защищает свободу своего читателя. И, чтобы не привлекать читателя к поддержке ни одной, ни другой позиции - это тоже было бы манипуляцией - он сам, в свою очередь, занимает все позиции в квадратах свободы и ограничения высказываний.

В противоречивых утверждениях Арагона мы легко распознаем двойную личность писателя: то, что предполагает свободу творчества, и то, что осуществляется через активную военизированную деятельность. Именно эта двойственность гарантирует нам как воинственный «догматический» дух, так и свободу творчества и воображения.

с.391

Библиография

Эта библиография разделена на две основные группы.

1- Сочинения, касающиеся семиотики и, в частности, литературной семиотики.

2-Сочинения, касающиеся романов Арагона, самих романов и критических произведений.

I. СЕМИОТИКА И ЛИНГВИСТИКА.

I-1. Общая семиотика.

Барт Р.	1966.	«Введение в структурный анализ повествовательных текстов». Сообщение 8-стр.1-27.
Бремон К.	1966.	«Логика повествовательных возможностей.». Сообщение 8 стр.60-76.
	1973.	«Логика повествования». Paris-Seuil.
Шаброль Кл.	1973.	«О некоторых проблемах нарративной и текстуальной семиотики». В Шаброль (изд.)

		Нарративная и текстуальная семиотика. Paris-Larousse, стр.7-28.
Куртес Ж.	1976.	«Введение в нарративную и дискурсивную семиотику». Paris-Hachette.
Куртес-Греймас.	1979.	«Аргументированный словарь языковых наук.»Paris-Hachette.
Дарро И.	1976.	(изд.) Языки ° 43: Модальности.
Дейк Ван. (и Кинч)	1976.	«Как мы запоминаем и рассказываем истории». Языки ° 40.
Греймас А.-Ж.	1966	«Структурная семантика». Paris-Larousse.
	1970.	«О смысле».Paris-Seuil.
	1973а.	«Актанты, актеры и роли». В Шаброль (изд.) «Нарративная и текстуальная семиотика». Paris-Larousse, стр.161-176.
	1973б.	«Проблема нарративной семиотики: объекты ценностей». Языки 31.стр.13-35.
	1976а.	«Семиотика и Социальные Науки».Paris-Seuil.
	1976 б.	Гремас-Куртес. «Когнитивное измерение нарративных дискурсов.» см. Куртес.
	1976 с.	«О теории модальностей». Языки ° 43. стр.90-107.
	1979.	«Объяснительный словарь теории языка» (см.Куртес).
Неф Ф.	1976.	(Под руководством) «Элементарная структура значения» Брюссель.
Пропп Владимир.	1970.	«Морфология Сказки». Перевод на французский Paris-Seuil.
Ранжторф М.	1976.	«О четвертой нарративной модальности». Языки ° 43. стр.71-77.
<u>I — 2. Литературная семиотика.</u>		
Александреску С.	1974.	«Логика персонажа». Paris.
Арриве и Коке Ж. Кл.	1973.	(изд.) Текстуальная Семиотика. Языки ° 31.
Барт Р.	1970.	«S/Z».Collection Tel Quel .Paris-Seuil.
	1977.	«Фрагменты речи влюбленного». Collection Tel Quel .Paris-Seuil.
Коке Ж. Кл.	1973 а.	Литературная семиотика. Paris Mame.
	1973 б.	« Семантическое отношение субъект-объект».Языки ° 31. стр.80-89.

	1976.	«Модальности речи». Языки ° 43.стр.64-70.
Греймас А.Ж.	1976.	«Мопассан. Семиотика текста». Paris-Seuil.
Лотман Ю.	1973.	«Структура художественного текста». Переведено на французский. Paris — Gallimard.
Тодоров Т.	1966 а.	«Категории литературного рассказа». Сообщения 8. стр.125-151.
	1968.	«Грамматика рассказа». Языки °12. стр.94-102.
	1969.	«Грамматика Декамерона». La Haye. Mouton.
I-3. Семиотика и / знания /		
Александреск у С.	1976.	«О модальностях <u>верить</u> и <u>знать</u> ». Языки 43.стр.19-27.
Долезо Л.	1967.	«Типология рассказчика: точка зрения в художественной литературе». <u>В честь Романа Якобсона</u> . The Haye. Mouton.
Гарден (изд.)	1970.	«Познание, множественное представление». Neu-York.
Греймас А.Ж и Куртес Ж.	1976.	«Когнитивное измерение нарративной речи» (англ.) Новая история литературы. Издательство Университета Вирджинии , номер посвящен «Мысли в искусствах и литературе».
с.393		
I-4. Лингвистика.		
Остен Л.	1971.	«Когда сказать, значит сделать». Пер.на французский Paris-Seuil.
Бенвенист Э.	1965.	«Общая лингвистика I». Paris — Gallimard.
	1971.	«Формальный аппарат высказывания». Языки °17, стр.10-18.
	1974.	«Общая лингвистика II». Paris — Gallimard.
Брюно Ф.	1922.	«Мысль и язык». Paris-Masson.
Шумский Н.	1969.	«Синтаксические Структуры». Пер.на фр.Paris-Seuil.
	1971.	«Аспекты синтаксической теории».Пер.на фр.Paris-Seuil.
Дюкро О.	1972.	«Сказать и не сказать». Paris-Hermann.
Дюкро О., Тодоров Т.	1972.	«Энциклопедический словарь языковых наук». Paris-Seuil.
Едьмслев Л.	1971 а.	«Пролегомены к теории языка». Пер.на фр.Paris-Minuit.
	1971 б.	«Лингвистические эссе».Paris-Minuit.
Якобсон .	1963.	«Очерки общего языкознания». Пер.на фр.Paris-Minuit.

Кристева Ж.	1975.	«Язык, речь, обществознание».Paris-Seuil.
Лайонс Дж.	1970.	«Теоретическая лингвистика». Пер.на фр.Paris-Larousse.
	1977.	«Семантика» (2 тома). Издательство Кембриджского университета .
Потье Б.	1974.	«Общее Языкознание, теория и описание».Paris-Klincksieck
Соссюр Ф.де.	1960.	«Курс общей лингвистики». Paris-Fayot.
Тодоров Т.	1971.	(изд.) «Высказывание». Языки 17.
Вайнрих.	1973.	«Темпус». Пер.на фр.Paris-Seuil.
Вайнрих.	1972.	«Прагматика, ситуация высказывания, деискусис». Языки 26.
<u>П.-Арагон.</u>		
<u>2-1. Романы Арагона.</u>		
1921.		«Анисе или Панорама». Роман. Paris — Gallimard.(изд.Folio 1972).
1922.		«Приключения Телемаха».Paris — Gallimard.
1923.		«Удовольствия Столицы.» Берлин.
1924.		«Распущенность».Paris — Gallimard.
1926.		«Парижский Крестьянин».Paris — Gallimard. (Poche 1970).
1928.		«Лоно Ирины». (изд.Pauvert 1968).
1934.		«Колокола Базеля».Paris Denoël et Steele. (изд.Poche, и Folio 1976).
1936.		«Богатые Кварталы». Paris Denoël et Steele. (изд.Poche, и Folio 1972).
1943 и 1947		«Путешественники на Империаде».Paris — Gallimard.. (изд.Poche, 1961).
1944.		«Орельен» .Paris — Gallimard.. (изд.Poche, 1964, Folio 1972).
1945.		«Рабство и Величие Французов». Paris. Bibliothèque Française.
1949-51.		«Коммунисты».Paris. Bibliothèque Française. (6 том).
1958.		«Страстная Неделя». Paris — Gallimard. (изд.Poche, 1970).
1965.		«Гибель всерьез». Paris — Gallimard. (изд.Poche, 1973).
1967.		«Бланш или Забвение». Paris — Gallimard. (изд.Poche, 1976).
1971.		«Анри Матисс, Роман».Paris — Gallimard
1974.		«Театр. -Роман».Paris — .Gallimard.
2-2. Некоторые критические или эстетические эссе Арагона (в связи со «смыслом и словами романов»- темой исследования)		
1934.		«За социалистический реализм». Paris Denoël et Steele.
1954.		«Свет Стендаля».Paris Denoël.
1954.		«Партийное искусство во Франции». La Nouvelle Critique.
1959.		«Я убиваю свою игру». Paris. Изд . Français Réunis.
1964.		Предисловия и послесловия к изданию. «Перекрещенные литературные произведения» (Эльза Триоле и Луи Арагон у R.Laffont).Paris.

	«Честно Соврать» (Новое включение в O.R.G.)
1969.	«Я так и не научился писать или Начала». Женева Скира
<u>2-3. Некоторые критические произведения об Арагоне романисте.</u>	
Бибровска С.	1972. «Гибель всерьез». Paris Denoel.
<u>Европа</u>	1957. (Кокто, П. де Лескюр, Добзински)
	1967. (Р. Гароди, Ж. Садуль, С. Лабри, Ш. Гарош, Р. Пьер, П. Хентжес, Р. Десне)
Р. Гароди	1961. «Путь Арагона». Paris — .Gallimard. Сборник «Призвания».
Юро А.	1970. «Арагон, политический заключенный». Paris-Balland.
Исбак А.	1957. «Арагон». Москва.
Жуэн Ш.	1960. «Арагон» Paris — .Gallimard. Сборник «идеальная библиотека»..
Коган Р.Р.	1957. «Луи Арагон и социалистический реализм». Ленинград.
Лешербоннье Б.	1971. «Арагон». Paris-Bordas. Сборник «Литературное присутствие»
Лескюр П. де.	1960. «Арагон» .Paris — .Gallimard.
<u>Мессидор.</u>	1958. (Л. Муссиак, П. де Лескюр, Ш. Кампру, Ж. Марсенак, П. Пэ)
Волнкнар Ш.	1968. «Рассказ Луи Арагона в Страстной Неделе». Дюссельдорф.

с.396

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНОЕ ВВЕДЕНИЕ

I — Тема.

I.1- «Знание» и лингвистика.

I.2-Теоретическая ситуация «знания».

2-Текст.

2.1 — Эпистема начала XIX века.

2.2 — Арагон, романист «осознания».

3 — Метод.

ПРОЛОГ И ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ.

I -Введение.

2-Некоторые основные концепты и предварительные гипотезы.

2.1 — Когнитивный.

2.2- Когнитивный и прагматичный.

2.3- Когнитивный и высказывающий.

2.4- Когнитивный, высказывающий и прагматический.

3-Текст Страстной Недели и его вопросы.

- 3.1 — Текст.
- 3.2- Элементы лингвистической выразительности.
- 3.3- Когнитивно-высказывающая иерархия.
- 3.4- Образное распространение познавательных действий.
- 3.5- Семиотическая теория когнитивно-высказывающего и литературная теория письма Арагона.
- 3.5. I - Письмо.
- 3.5.II — Чтение.
- 4-Заключение.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ : Иерархия рассказов и организация изотопий.

ГЛАВА А: Основная преамбула.

- I -Введение
- 2- Исследование некоторых текстов.
- 2.1 - Текст.
- 2.2 — Предварительные замечания
- 2.3 - Двойное измерение описания: взгляд / память.
- 2.4 — Отношения между изотопиями «экономика» и «история»
- 3-Заключение: два основных принципа организации историй.

ГЛАВА В: Аспектуализация и иерархия.

- I -Введение
- 2-Тексты
- 3-Последовательная программа для Бертъе?
- 3.1 - «Беспокойство».
- 3.2 — Две антагонистские программы.
- 3.3-Аспектуализация высказанного и высказывания.

- 4- Аспектуализация высказанного.
- 4.1 - Программа «любви Бертъе».
- 4.2- Программа «имперские приключения».
- 4.3-Охватывающая программа «любовь и отечество».
- 4.4- Иерархизированное значение.

- 5- Аспектуализация высказывания.
- 5. I — Отношения между двумя системами актуализации.
- 5.2-Некоторые нарушения, характерные для Страстной Недели.
- 5.2.1 - О рероспекции.
- 5.2.2 — О совпадении.
- 5.2.3 — О поиске.
- 5.2.4 - Некоторые полезные различия .
- 6 — Заключение.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

ГЛАВА С: Иерархия рассказов в отношении коллективное/индивидуальное.

I-Первый случай: биография Артура де Аш.

I.1- Текст.

I.2 -Вложенная последовательность.

I.2.1.-Инверсия содержаний.

I.2.2-Подмена субъектов.

I.3. - Где повествовательная иерархия?

I.4. -Полемиический рассказ в истории.

I.5. -Где присутствуют и где не присутствуют иерархические отношения?

2 — Второй случай: медитация Теодора.

2.1- Текст.

2.2 — Желание-сделать в программе «ангажирования».

2.3- Перекрестные программы.

2.4 — Забвение.

2.5- Маршруты субъекта.

3-Заключение.

ГЛАВА D: Организация изотопий

I/ Введение. Формулировка гипотез.

I- Текст; медитация Теодора.

2 — Ролевые изотопии.

2.1 — Лексемы и актеры.

2.2- Ролевые семемы.

2.3- Две противоречивые изотопии.

3 — Возможные маршруты субъекта.

3.1- Квадрат актантов.

3.2- Омологация с квадратом ролевых изотопий.

4- Использование полученного квадрата: живописность и историчность в романе.

4. 1- Маршруты Теодора, художника и военного.

4.2- Общая организация двух изотопий: «история» и «живопись».

4.2. 1 — Тексты.

4.2.2 — Видеть и делать.

4.2.3- Разнообразные актеры.

4.3-Обобщение модели: вмешательство аксиологии.

5- Предварительный итог.

II/ Религиозная изотопия: мультинарративная изотопия.

I- Рассмотрение проявленных ролей.

I.1 -В высказываниях актера рассказа .

I.2-В высказываниях рассказчика.

I.3-Неявный дискурс об истории .

2-Темпорализация в романе и исторический рассказ.

2.1- Отношения между евангелическим рассказом и рассказом литургическим.

2.2- Литургическая темпорализация и темпорализация романа.

2.2.1- Аспектуальные совпадения.

2.2.2-Ролевые и аспектуальные совпадения.

2.2.3 — Ансамбль совпадений.

2.3 — Разрывы пространственной изотопии и разрывы временной изотопии.

2.3.1- Два решения.

2.3.2-Страстная Неделя — гетерогенная система.

3-Интерпретативное прочтение и евангелический рассказ.

- 3.1- Интертекстуальность: Страсть.
- 3.2. - Евангелический рассказ и исторический рассказ.
- 3.2.1- На аспектуальном и синтаксическом уровне.
- 3.2.2 — Коннекторы.
- 3.3- Интерпретативное прочтение.
- 3.3.1- Общие актантные инвестиции.
- 3.3.2 — Общая амбивалентность общего отправителя.
- 3.3.3- Новая гибель Бога в истории.
- 3.3.4- «Дорога в Дамаск» Жерико.
- 4- Заключение: иерархия историй.

(ГЛАВА D)

III/Плюри-изотопные рассказы.

I — Некоторые индивидуальные акториальные коннекторы.

I.1 — Предварительные примечания.

I.2- Отец Елисей.

I.2.1-По отношению к исторической изотопии.

I.2.2- По отношению к сексуальной изотопии.

I.2.3-По отношению к религиозной изотопии.

I.2.4- Заключение.

I.3- Ящикек Бертье.

I.3.1 — Проверочная игра.

I.3.2- Роль соединителя у ящика.

I.4 — Бернад, отчаявшийся и неуравновешенный актер.

I.4.1- Тексты.

I.4.2 — Роль «внутреннего раздора».

I.4.3- Социо-политическая амбивалентность актера.

I.4.4- Заключение.

2-Изотопные соединители.

2. I- Интеграция актантных изотопий.

2.1.1. - Определение, роль, функционирование.

2.1.2- Акториальная сеть «Макдональд».

2.1.3 — Акториальная сеть «Шастеллюкс».

2.1.4-Акториальная сеть «А.де Лаборде».

2.2- Климатическая изотопия.

2.2.1-Маршруты и наблюдения задействованных изотопий.

2.2.2- Гипотезы о предшествующих наблюдениях.

2.2.3-Для валидации: соединение с экономической изотопией.

2.2.4-Мифическое измерения климатической изотопии: гипотеза о генеральной модели рассказов.

ГЛАВА E: Поиск нарративной модели для Страстной Недели.

1.- Приход весны.

2-Полемическая структура.

2.1- Военная и климатическая изотопия.

2.2- Религиозная и климатическая изотопии.

2.3- Историческая и климатическая изотопия.

2.4- Полемическая структура климатического рассказа.

2.4.1 — Четыре элемента.

2.4.2 — Два расположения квадрата ролевой аксиологии.

3-Аспектуализация.

4-Генеральная модель.

4.1 — Введение в абстрактную аксиологию.

4.1.1 — Парадигматическая ось: система.

4.1.2- Синтагматическая ось: процесс.

а-трансформация.

б-обратимое преобразование:

роль ренессанса.

4.2- Окончательная модель.

5-Завершение.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: Когнитивное измерение романа.

ГЛАВА А: Преамбула и гипотезы.

1-Введение.

2- Текст, ситуация и выбор.

2.1- Нарративный стержень.

2.2- Ролевой анализ.

2.3- Автономная сцена.

3-От дома Мюллера до поляны: перемещение.

3.1- Разрывы фидуциарного контракта.

3.2 — Учреждение когнитивного субъекта.

3.3- Прагматическая программа.

3.4- Актуализация когнитивного измерения.

3.4.1- Прямая актуализация высказыванием.

3.4.2-Ролевая актуализация.

3.4.3- Модальная актуализация.

3.5- Когнитивное измерение программы «перемещение».

3.5.1- Не-знание манипулируемого.

3.5.2-Ориентация.

4-Собрание на поляне.

4.1- Иерархия знаний.

4.1.1-Серия дизъюнкций.

4.1.2- Иерархизация субъектов и когнитивных фактов.

4.1.3- Действие убедительное и действие интерпретативное.

4.1.4- Иерархия знаний и смоделированная когнитивно-высказывающая структура.

4.2-Полемиическая структура знания.

4.2.1- Ролевые препятствия.

4.2.2-Дискурсивные препятствия.

4.3-Правдивость.

4.3.1- Определение.

4.3.2-Множественные проявления.

4.3.3-Секрет.

4.3.4-Правдивость и полемиическая структура.

4.4-Эпистемические модальности.

4.5- Верить.

4.6- Артикуляция в рамках когнитивно-высказывательной структуры.

4.6.1-Артикуляция между прагматичным и когнитивным.

- 4.6.2- Артикуляция между когнитивными уровнями.
5.- Итог этого предварительного исследования.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА В: Актуализация когнитивного измерения.

I/ ВВЕДЕНИЕ

- I.1.-Проект.
- I.2- Некоторые вопросы терминологии.
- I.3- Некоторые надежды.

2/ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКРЕТНОГО ТЕКСТА.

- 2.1- Текст.
- 2.2- Актантная структура прагматической программы.
- 2.3- Пертурбации прагматической программы.
 - 2.3.1- Непоследовательность отправителя и мандата.
 - 2.3.2-Нестабильная полемическая структура.
 - 2.3.3- Бесконечные программы.
 - 2.3.4- Модальные пертурбации.
 - 2.3.5- Акториальные и ролевые пертурбации.
 - 2.3.6- Итог.
- 2.4- Актуализация когнитивного измерения.
 - 2.4.1-Виртуализация когнитивных субъектов.
 - 2.4.2-Учреждение когнитивных субъектов.
- 2.5- Общий Итог.

3/ ВОЗМУЩЕНИЯ МАНДАТА В РОМАНЕ.

3.1-РАЗРУШЕНИЕ ДОБЛЕСТИ В РОМАНЕ.

- 3.1.1- Текст: Ошибка проверки (выдержки и резюме).
- 3.1.2- Непоследовательность мандата.
- 3.1.3- Виртуализация отправителя и синтаксическое предположение.

3.2- КОНФИСКАЦИЯ ЗНАНИЯ.

- 3.2.1-Обманутый Иезуит.
 - а-Проверочные преобразования.
- 3.2.2- Тайные разговоры за ужином в Лилле.
 - а-Две когнитивно-высказывательные изотопии.
 - б-Два типа когнитивных субъектов.
 - с-Ролевые диспозиции конфискации знания.
 - д-Проверка гипотез из п.3.2.1.
- 3.2.3 — Итог конфтскации знания.

3.3.-ДЕГРАДАЦИЯ ОТПРАВИТЕЛЕЙ

- 3.3.1 — Король-подагрик.
- 3.3.2- Разъединенная семья.
 - а-Дегградация роли отправителя.
 - б-Пертурбации прагматических программ и знания о программах.
 - с-Настороженность

- d-Макивеллизм.
- 3.3.3-Нелепая королевская пышность.
 - a-Некоторые тексты.
 - б-Распознавание отправителя по его субъекту.
 - с-Признание отправителя его субъектом отклоняется ...
 - d- Не-узнавание для не-отправителя.
- 3.3.4- Группа цыган.
- 3.3.5- Разрыв фидуциарного контракта и искушение к самоуправлению у субъектов.

4/ОТСУТСТВИЕ ИЛИ ПЕРТУРБАЦИЯ САНКЦИИ.

- 4.1 - Контракт и санкция.
- 4.2- Отсутствие санкции и отсутствие знания о санкции.
 - 4.2.1 — Санкция и терминативность
 - 4.2.2-Бесконечные программы.
 - 4.2.3- Виртуализация когнитивных субъектов, сформулированных на базе отсутствия терминативности.
 - 4.2.4- Отчаяние субъектов в состоянии бедствия.
 - 4.2.5- Отчаяние брошенных субъектов.

4.3-НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

- 4.3.1 -Полемическая структура в романе.
- 4.3.2- Предатели.
- 4.3.3- Герои или предатели-родственники.
- 4.3.4- Некоторые следствия и нестабильность полемической структуры.

5/ЭТО НЕЧТО ОЗНАЧАЕТ

УСТАНОВЛЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ.

- 5.1- Установленные субъекты.
- 5.2- Артикуляция между виртуализацией и установлением.
 - 5.2.1-Проверяющие модальности.
 - 5.2.2-Конец доверия.
 - 5.2.3- Страстные модальности: гипотеза о страстях.
 - 5.2.4-Итог.

6/ОСНОВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ГЛАВА С: Исторический выбор.

I-Теоретический статус исторического выбора.

- I.1- Текст: Виржини Орей и ее любовники.
- I.2-Синтаксическое определение выбора.
- I.3- Логико-семантический статус выбора.
- I.4-Включение индивидуума в группу.
- I.5- Итог и гипотезы.

2-Включение индивидуума в группу.

- 2.1-Исторический выбор и индивидуальные мотивы.
 - 2.1.1- Текст: встреча с Каролиной.

- 2.1.2-Две конкурирующие программы.
- 2.2-Исторический выбор и эстетический выбор.
 - 2.2.1- Некоторые тексты.
 - 2.2.2-Синтаксические отношения между живописностью и историей.
 - 2.2.3-Парадигматические отношения между живописью и историей.
- 2.3-Необходимость выбора для индивидуумов.
 - 2.3.1- Самоубийство Бернара.
 - 2.3.2- Самоубийство графа Оливье.
 - 2.3.3- Необходимость.
- 3-Когнитивное измерение в интеграции в группу и вымысле.
 - 3.1- Что такое «эстетическая» программа?
 - 3.2- Когнитивное преобразование Жерико.
 - 3.2.1-Преобразование.
 - 3.2.2-Терпимость.
 - 3.3-Иерархия субъектов к когнитивном действии исторического выбора.
 - 3.3.1- Когнитивный доминирующий субъект.
 - 3.3.2- «Кто это- мы?».
 - 3.4-Статус «Я» в коллективном историческом актанте, до и после выбора.
- 4-Термины исторического выбора.
 - 4.1- Призыв и отработка: термины выбора.
 - 4.2-Преобразование противоречий в диалектике предусматривает компетентный когнитивный субъект.
 - 4.2.1-Водонос.
 - 4.2.2- Проявление компетенции.
 - 4.2.3-Особенная компетенция: экономическая компетенция.
- 5-Диалектика и аспектуализация.
 - 5.1-Аспектуализация высказывания.
 - 5.2- Аспектуализация нарратива.
 - 5.3- Аспектуализация высказывания и нарратива.
 - 5.4- Когнитивная деятельность читателя может ли быть диалектической?
 - 5.5-Ограничения актуализации для когнитивного факта поиска.
- 6-Заключения.

ГЛАВА D: точки зрения.

- I-Методологическое введение; гипотезы.
 - I.1- Точка зрения: вопрос литературный или семиотический?
 - I. 2- Некоторые гипотезы на базе текста.
- 2-Точка зрения и когнитивный субъект.
 - 2.1- Субъект vs объект: актантное определение.
 - 2.2- Точки зрения и когнитивное измерение.
 - 2.2.1- Две возможности.
 - 2.2.2- «С точки зрения воров».
 - 2.2.3-Точки зрения в когнитивном действии у двух актантов.
 - 2.3- Точки зрения и смоделированная когнитивно-высказывательная структура.
 - 2.4- Точка зрения и событие.
- 3-Точка зрения и компетенция когнитивного субъекта.
 - 3.1- Бернар, увиденный Жубером: точка зрения предполагает компетенции.
 - 3.2- Нарративная компетенция vs дискурсивная компетенция.

- 3.2. I- Разделение.
 - 3.2.2-Нарративная компетенция.
 - 3.2.3-Дискурсивная компетенция.
 - 3.3- Идентификация точки зрения.
 - 4-Точка зрения и иерархия когнитивных действий.
 - 4.1- Кому снится роман?
 - 4.1.1- Согласно логике мотиваций.
 - 4.1.2- Согласно логике предположений.
 - 4.1.3- Ложь.
 - 4.2- Частный случай: компетенция высказывающего.
 - 4.2.1- Персональный опыт Арагона.
 - 4.2.2- «Долженствовать сказать» высказывающего.
 - 4.2.3- «Долженствовать сказать» высказывающего.Интертекстуальность.
 - 5-Точка зрения линейной и дискурсивной организации романа.
 - 5.1-Что такое переход точки зрения?
 - 5.1.1-Элементы перехода точки зрения.
 - 5.1.2-Дискурсивная реализация переходов.
 - 5.1.3- Информация и изобилие.
 - 5.2- Некоторые случаи перехода.
 - 5.2.1-Вертикальные переходы.
 - 5.2.2- Горизонтальные переходы. Дискурсивная генерация смоделированных точек зрения.
 - 5.3-Наложения точек зрения.
 - 6-Заключения.
-

ОСНОВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- I- Особенность и универсальность
 - I.1- Особенность.
 - I.2-Универсальность.
 - 2-Когнитивное измерение и манипуляции над слушателем.
 - 2.1- Деятельность- вера.
 - 2.2- Дидактическое действие.
 - 2.3- Писание, чтение и свобода.
-